МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 2 2019

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2019

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 2 2019

Редакционный совет

Д. Андерсон, PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Дж. Зайкер, PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Р. Лозей, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Т.Ю. Номоконова, PhD, лектор Университета Британской Колумбии – Оканаган (Канада)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнээбаатор, PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Вебер, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
А.В. Ганин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
А.А. Иванов, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Сирина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Х. Като, PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 2 2019

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2019

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 2 2019

Editorial council

D. Anderson, PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
J. Ziker, PhD, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
R. Losey, PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
T.Yu. Nomokonova, PhD, University of British Columbia – Okanagan (Canada)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaator, PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.W. Weber, PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
A.V. Ganin, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.A. Ivanov, Doctor of History, Associate Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Sirina, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
H. Kato, PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the "Catalog of the Russian Press" – 31987
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2019

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 2 2019

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Песков С.А. Типология каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника 9

Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга 29

Боковенко Н.А., Ковалев А.А., Лазаретов И.П. Открытие памятников Мунх-Хайрханской культуры в горах Западного Саяна 47

Петров Д.М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV–XV вв.) 67

ЭТНОЛОГИЯ

Бравина Р.И., Соловьева Е.Н. Торговая книга из Верхоянья (конец XIX – начало XX в.) как источник по древнеякутской письменности: пиктограммы 81

Дашиева Н.Б. Кузнечество в традиционной культуре бурят (конец XIX – начало XX в.) 95

Миягашева С.Б. Сакральный образ мира мертвых у бурят 106

ИСТОРИЯ

Курочкина Е.Н. История дизайна рекламы средств передвижения 1880–1930 гг. 117

Яковлева Е.В. Интересы России в Марокко: из донесений российских дипломатов XIX в. 129

Чертилов А.К. Ветка Иркутск – Байкал – начало железнодорожного обхода Священного моря (Историко-архитектурный очерк) 139

Олейников А.В. О потерях вооруженных сил Германского блока на Русском (Восточном) фронте Первой мировой войны 158

Ганин А.В. «Академия… отправилась в Екатеринбург с целью при первом же удобном случае перейти на сторону белых». Показания бывшего подполковника П.Н. Соколова по делу «Весна». 1931 год 171

Дацышен В.Г. Итальянский гарнизон в Красноярске. Из истории Гражданской войны в Сибири 186

Горощенова О.А. Леонид Полевой (1919–2018). Материалы к биографии 196

Негода Н.В. Особенность деятельности командования Киевского военного округа в период массовых политических репрессий 1937–1938 гг. 210

Протасов Е.Т. О работе государственных органов Бурятии в 1941–1942 годах 219

Воронцов В.Н. «Мы – армия страны, мы – армия народа»: организационные мероприятия 1941–1947 гг. в Забайкалье и Монголии 230

Черных В.В. Наиболее крупные катастрофы и их последствия в истории Иркутской области 239

Стрижаков Е.А., Чирикова М.В. История и перспективы развития творческих способностей искусственного интеллекта 248

РЕЦЕНЗИЯ

Сирина А.А. Первая русскоязычная публикация дневников Д.Г. Мессершмидта 1723 года: рецензия на книгу «Дневники от Мангазеи до Иркутска (1723 г.)» Д.Г. Мессершмидта 259

Неклюдова А.В., Шахерова С.Л. На пути модернизации… рецензия на монографию «Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города» А.В. Аксеновой и Н.В. Гониной 264

Наумов И.В. Стратегии выживания в эпоху перемен: рецензия на монографию «Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории» Т.З. Позняк 268

Скорикова Н.А., Каркотко А.Ю. Геология как смысл жизни: рецензия на монографию «Судьба геолога» П.М. Хренова и О.А. Горощеновой 272

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 2 2019

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Peskov S.A. Typology of stone arrowheads from the Ust`-Ilginskiy cemetery 9

Kichigin D.E., Emel'yanova Yu.A., Korostelev A.M. Early Bronze Age burial of two persons of the cemetery Mys Uyuga 29

Bokovenko N.A., Kovalev A.A., Lazaretov I.P. Discovery of Munkh-Khairkhan culture sites in Western Sayan mountains 47

Petrov D.M. Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV–XV centuries) 67

ETHNOLOGY

Bravina R.I., Solovyova E.N. A trade book from Verkhoyansk (late XIX – early XX century) as a source for Old Yakut writing: pictograms 81

Dashieva N.B. The blacksmithing in the traditional culture of Buryats (late XIX – early XX century) 95

Miyagasheva S.B. Sacred image of the world of the dead at Buryats 106

HISTORY

Kurochkina E.N. The history of the design of advertising of means of transportation in 1880–1930 117

Yakovleva E.V. Russia`s interests in Morocco: from reports of the Russian diplomats of the 19th century 129

Chertilov A.K. Line Irkutsk – Baikal – the beginning of the railway bypass of the Sacred Sea (Historical and architectural sketch) 139

Oleinikov A.V. On the losses of the armed forces of the German bloc on the Russian (Eastern) front of the First World War 158

Ganin A.V. "The academy... went to Ekaterinburg with a purpose to transcend to the Whites at the first convenient case". The testimony of the former lieutenant colonel P.N. Sokolov on the case "Spring". 1931 171

Datsyshen V.G. Italian garrison in Krasnoyarsk. From the history of the Civil War in Siberia 186

Goroshchenova O.A. Leonid Polevoy (1919–2018). Materials to biography 196

Negoda N.V. The peculiarity of the activities of the command of the Kiev Military District in the period of mass political repression of 1937–1938 210

Protasov E.T. On the work of State authorities of the Republic of Buryatia in 1941–1942 219

Vorontsov V.N. "We are the army of the country, we are the army of the people": organizational measures of 1941–1947 in Transbaikalia and Mongolia 230

Chernykh V.V. The largest accidents and their consequences (on the example of the Irkutsk region) 239

Strizhakov E.A., Chirikova M.V. Artificial intelligence: history and perspectives of creativity development 248

REVIEW

Sirina A.A. The First Russian Publication of the Diaries of Messershmidt (1723): book review "Diaries from Mangazeya to Irkutsk (1723)" of D.G. Messerschmidt 259

Neklyudova A.V., Shakherova S.L. On the road to modernization… Review of the monograph: Aksenova A.V., Gonina N.V. Yeniseisk in the last third of the XIX – early XX century. Essays on the socio-cultural development of a provincial city 264

Naumov I.V. Survival strategies in an era of change: a review of the monograph "The Daily Life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914–1922): Essays on History" by Poznyak T.Z. 268

Skorikova N.A., Karkotko A.Yu. Geology as the sence of life: a review of the monograph Khrenov P.M. and Goroschenova O.A. "The fate of a geologist" 272

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 2 2019

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 2 2019

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Journal of Ancient Technology Laboratory».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Journal of Ancient Technology Laboratory» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 902.01
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-9-28

Типология каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника

© С.А. Песков

ОГАУ Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, Иркутск, Россия

Аннотация: Усть-Илгинский могильник расположен в Жигаловском районе Иркутской области, в долине р. Лены, на правом устьевом мысу р. Илги и является одним из ключевых и интереснейших погребальных комплексов бронзового века Прибайкалья. В данной работе представлен типологический анализ каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника, построенный на анализе 42 изделий. Выделено четыре типа наконечников: треугольные, эллипсоидные, ромбовидные и многоугольные, которые разделены на простые и сложные формы. В каждом типе по особенностям исполнения наконечников выделены виды. В типе простых треугольных выделен один вид: с симметричными краями и прямой базой. В типе сложных треугольных выделено три вида: с симметричными краями и вогнутой базой; с симметричными краями и слабо выгнутой базой; с асимметричными краями и слабо выгнутой базой. Тип сложных эллипсоидных делится на два вида: с симметричными краями и овально-выгнутой базой; с асимметричными краями и овально-выгнутой базой. В типе сложных ромбовидных выделен один вид: с прямой базой. В типе сложных многоугольных также выделен один вид: с двусторонними выемками по краями в основании насада, слабо выгнутой или прямой базой, округлым или острым жалом. Наконечники данного вида, присутствующие только в материалах Усть-Илгинского могильника, предложено именовать – «усть-илгинскими».

Ключевые слова: Иркутская область, Жигаловский район, долина р. Лены, р. Илга, Усть-Илгинский могильник, типология, каменные наконечники стрел, бронзовый век, «усть-илгинский» вид каменных наконечников стрел

Информация о статье: Дата поступления 8 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 6 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Песков С.А. Типология каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 9–28. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-9-28

Typology of stone arrowheads from the Ust`-Ilginskiy cemetery

© Sergey A. Peskov

Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk region, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The Ust`-Ilginskiy cemetery is located in the Zhigalovskiy district of the Irkutsk region, in the Lena River valley, on the right estuarial promontory of the Ilga River. It is one of the most significant and interesting Bronze Age burial sites of Cisbaikalia. The article presents typological analysis of the stone arrowheads from the Ust`-Ilginskiy cemetery. Analysis is based on examination of 42 units. Four types of arrowheads have been specified: triangular, ellipsoidal, rhomboid and polyangular. These types have been divided into simple and complex forms. Each type of arrowheads has varieties according to specific traits of their embodiment. Simple triangular type has one variety: with symmetrical edges and straight base. Complex triangular type has three varieties: with symmetrical edges and concave base; with symmetrical edges and slightly convex base; with asymmetrical edges and slightly convex base. Complex ellipsoidal type divides into two varieties: with symmetrical edges and oval-convex base; with asymmetrical edges and oval-convex base. Complex rhomboid type has one variety: with straight base. Complex polyangular type has also one variety: with bilateral notches along the edges in the basis of the haft element; slightly convex or straight base; roundish or sharp point. Arrowheads of this particular type are featured only in the collection from the Ust`-Ilginskiy cemetery. It is recommended to denominate them as “the Ust`-Ilginskiy variety” of arrowheads.

Keywords: the Irkutsk region, the Zhigalovsky district, the Lena River valley, the Ilga River, the Ust`-Ilginskiy cemetery, typology, stone arrowheads, Bronze Age, the "Ust`-Ilginskiy type" of stone arrowheads

Article info: Received April 8, 2019; accepted for publication May 6, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Peskov S.A. Typology of stone arrowheads from the Ust`-Ilginskiy cemetery. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 9–28. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-9-28

Усть-Илгинский могильник является одним из наиболее ярких погребальных комплексов бронзового века на Верхней Лене и находится в Жигаловском районе Иркутской области, на правом устьевом мысу реки Илги (левосторонний приток р. Лены), южнее д. Усть-Илга (рис. 1).

Первые раскопки могильника проведены А.П. Окладниковым в 1930 и 1941 гг. (Окладников, 1946; 1950; 1955). Исследования продолжены в 1989–1992 гг. сотрудниками Иркутского областного краеведческого музея В.С. Николаевым и А.И. Уваровым и в 2014 г. сотрудниками ОГАУ «Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области» С.А. Песковым и В.С. Николаевым (Уваров, Николаев, 1990; Николаев, Уваров, 1992; Песков, Николаев, Клементьев, 2016).

За эти годы раскопано 17 погребений: № 1, 2 – 1930 г.; № 1–15 – 1989–1992 гг.

По результатам работ 1989–1992 гг. установлено, что захоронения произведены ярусно, в две линии, параллельно р. Лене, в направлении с юго-запада на северо-восток. Все погребения грунтовые. Присутствуют остатки надмогильных кладок из плит красно-бурого кембрийского песчаника. Из-за значительного уклона поверхности террасы (до 40 °) кладки смещены вниз по склону и мало согласуются с погребениями. В плане кладки продолговато-овальные, в средней части плиты имеют близкое к вертикальному положение. Уровни заложения могильных ям и их контуры не фиксируются. Глубина залегания костяков 0,10–0,50 м от уровня современной дневной поверхности. Ориентация погребённых головой вниз по течению р. Лены, только в одном случае (погребение № 5) костяк ориентирован вверх по течению р. Лены. Ориентацию погребенных в могилах № 13, 15 определить сложно, т. к. костяки сильно нарушены склоновыми процессами. Погребальный инвентарь представлен: нефритовыми кольцами и кружками; подвесками из клыков марала, пронизками и отдельными бусинами из речного перламутра, антропоморфной личиной, наконечниками стрел из камня и кости, скребками, игольниками и иглами; гарпунами из рога, тесловидными изделиями из рога, топорами из нефрита, остриём из рога с вкладышами из кремня, остриями из кости, костяными пластинами из кости, медными изделиями: рыболовным крючком, фрагментом ножичка, трубочками. Присутствуют целые костяки соболей и их фрагменты, кости волка, зайца, бобра, барсука, кабана, косули (Уваров, Николаев, 1990; Николаев, Уваров, 1992; Песков, Николаев, Клементьев, 2016).

Получены даты по С14: погребение № 3 – 2950 л. до н. э. (ГИН № 6834); № 4 – 3230 л. до н. э. (ГИН № 6835, 6837) и № 5 – 2340 л. до н. э. (ГИН № 6836).

Всего зафиксировано 42 каменных наконечника стрел, из которых 37 – без повреждений, 3 – с повреждениями, 2 наконечника из раскопок 1930 г. представлены обрисовкой по контуру.

Типологический анализ наконечников построен на выделении категорий, состоящих из классов, в составе классов определяются группы, группы разделены на типы, типы на виды.

Категории выделяются по функциональному признаку и разделяются на: рубящие (А), колющие (Б), скребущие (В), специализированные орудия охоты (Г), специализированные орудия рыболовства (Д), орудия для производства орудий (Е), специализированные орудия земледелия (Ж), специализированные горнодобывающие орудия (З) (Гурина, 1978. С. 61). К вышеуказанным категориям стоит добавить орудия и предметы вооружения (К). Все наконечники стрел можно отнести к двум категориям: орудия охоты (Г) и орудия, предметы воо-

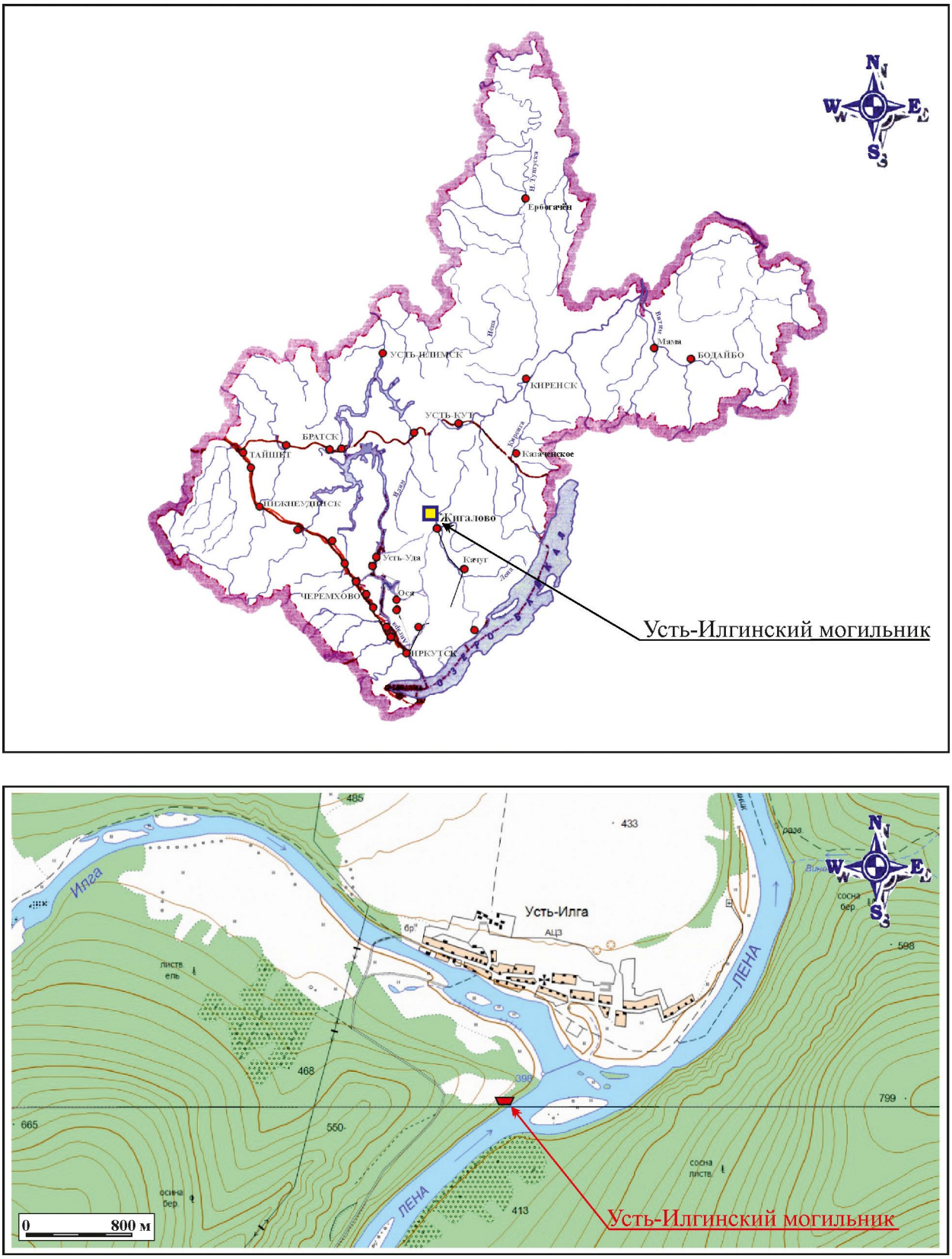


Рис. 1. Иркутская область, Жигаловский район, д. Усть-Илга. Карты с указанием расположения Усть-Илгинского могильника

Fig. 1. Irkutsk region, Zhigalovskiy district, Ust`-Ilga village. Maps showing location of the Ust`-Ilginskiy cemetery

ружения (К). Это связано с тем, что практически невозможно разделить каменные наконечники стрел по их функциональности, так как присутствует определённая универсальность их применения как изделий, использующихся в обоих случаях. Предлагается объединять их в отдельную категорию с двойным буквенным обозначением – Г-К.

Критерием выделения классов является материал изготовления: камень (I), кость/рог (II), металл (III), дерево (IV). В данном случае анализируется класс каменных наконечников.

Критерием выделения групп является наличие или отсутствие в строении наконечника черешкового насада: группа 1 – бесчерешковые наконечники и группа 2 – наконечники с черешковым насадом. Все анализируемые наконечники стрел Усть-Илгинского могильника относятся к группе 1.

В основу выделения типов принято геометрическое разделение, предложенное Н.Н. Гуриной, в котором наконечники образуют три типа: овальные, треугольные и ромбические (Гурина, 1978. С. 64). Вместо типа «овальные» использовано другое определение – «эллипсоидные», как наиболее точно характеризующие форму данного типа наконечников, имеющих каплевидные, миндалевидные, листовидные и схожие с ними очертания (Медведев, 1975. С. 34; Базалийский, 2010. С. 41).

Выделен дополнительный тип наконечников стрел: многоугольные. Это обусловлено тем, что некоторые наконечники имеют сложно-фигурные формы, сочетающие в своем строении различные геометрические фигуры. К тому же данное определение позволяет находиться в рамках принципа деления типов по геометрическим формам.

При выделении многоугольного типа применен метод метрического выделения экстремальных точек на контурах наконечников, предложенный американским археологом Д. Брауном (Brown, 1970).

Так, все треугольные наконечники предполагают наличие трёх экстремальных точек. Эллипсоидные наконечники предполагают наличие одной, двух или трёх экстремальных точек. Ромбовидные имеют наличие от четырёх до пяти экстремальных точек (Базалийский, 2010. С. 41). Многоугольные формы включают присутствие пяти и более экстремальных точек.

Все анализируемые наконечники стрел Усть-Илгинского могильника относятся к 4 типам: треугольные (1), эллипсоидные (2), ромбические (3) и многоугольные (4).

В описании первичных форм для изготовления наконечников использованы определения, предложенные Г.И. Медведевым для характеристики конструктивных элементов пластин и отщепов (Описание и анализ археологических источников, 1981. С. 22–26).

При описании конструктивных элементов использованы разработки Г.И. Медведева по морфологическому анализу бифасов II группы (метательные наконечники), где выделяются одиннадцать частей в форме предмета: перо, тело, база, жало, точка жала, края, насад, точка насада, шип, плечико (Там же. С. 30–32).

При характеристике каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника использованы девять частей в форме предмета: перо, насад, тело, жало, края, база, точка жала, шип, ребро и введено понятие центральная ось (рис. 2). Под центральной осью понимается условно проведенная вертикальная прямая, перпендикулярно пересекающая на равноудаленном расстоянии горизонтальную пря-

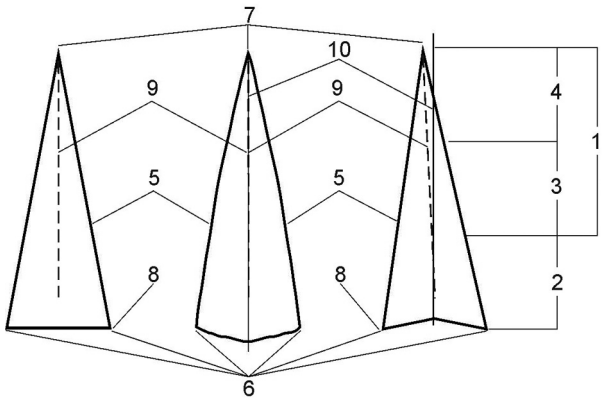


Рис. 2. Конструктивные элементы каменного наконечника стрелы: *1 – перо; 2 – насад; 3 – тело; 4 – жало; 5 – края; 6 – база; 7 – остриё; 8 – шип; 9 – ребро; 10 – центральная ось*

Fig. 2. Structural points of a stone arrowhead: *1 – blade; 2 – haft element; 3 – body; 4 – sting; 5 – edges; 6 – base; 7 – point; 8 – barb; 9 – shoulder; 10 – central axis*

мую между двумя точками, расположенными на краях в наиболее широкой части изделия. Данное понятие определяет симметрию и асимметрию краёв. Симметрия – это совпадение центральной оси с вершиной острия; асимметрия – несовпадение центральной оси с вершиной острия. Практически у всех наконечников Усть-Илгинского могильника в форме фаса присутствует слабо или явно выраженная асимметрия. Проявления слабой асимметрии при чисто визуальном восприятии (без точного приборного измерения) предлагается определять как симметрию.

При описании конструктивных особенностей сочетания жала, тела и насада использованы две категории: простые и сложные (Описание и анализ археологических источников, 1981. С. 32). Так, в треугольном типе наконечников стрел Усть-Илгинского могильника присутствуют простые и сложные формы, в эллипсоидном – простые, в ромбическом и многоугольном – сложные.

Для описания сечений использованы определения: профиль (продольное сечение) и сечение (поперечное сечение) (Медведев, 1975. С. 29). Для характеристики геометрии форм профиля и сечения предлагается использовать следующие определения: овальный, эллипсоидный, ромбовидный в системе симметричный – асимметричный.

При метрических характеристиках использованы следующие определения (рис. 3):

1) длина (L) – расстояние между крайними точками в профиле или наибольшее расстояние от шипа или базы до точки жала по вертикали;

2) ширина (m) – наибольшее расстояние между крайними точками в сечении;

3) толщина (n) – наибольшее расстояние между крайними точками в сечении и расстояние между крайними точками в профиле (Гурина, 1978. С. 65; Базалийский, 2010. С. 43).

При характеристике пропорций – соотношения длины (L) и ширины (m) для наконечников треугольных, эллипсоидных и ромбовидных форм использовано следующее разделение, предложенное В.И. Базалийским: широкие, средние и узкие (Базалийский, 2010. С. 43). Для наконечников многоугольной формы также предлагается использовать деление на широкие, средние и узкие. У широких длина превышает ширину от 1,5 до 2,2 раза, у средних – от 2,2 до 2,5 раза и узких – от 2,5 раза и более.

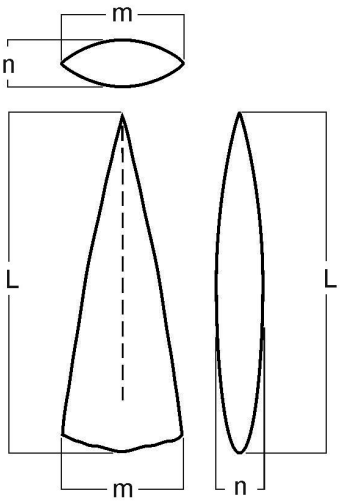


Рис. 3. Метрические характеристики наконечника стрелы: *L – длина; m – ширина; n – толщина*
Fig. 3. Metric characteristics of an arrowhead: *L – length; m – width; n – thickness*

При описании ретуши использованы разработки Г.И. Медведева и В.И. Базалийского в следующих вариантах (Медведев, 1975. С. 35; Базалийский, 2010. С. 43–44):

1) по дислокации на обработанной поверхности – дорсальная и вентральная;

2) по площади нанесения – сплошная и краевая;

3) по способу нанесения – отжимная;

4) по динамике нанесения – непрерывная и частичная;

5) по ориентации относительно ребра – контр поперечная, диагональная, конвергентная и продольная;

6) по соотношению размеров фасеток – разнофасеточная, мелкофасеточная, широкофасеточная и узкофасеточная.

Основным критерием при выделении видов послужили различные способы исполнения краёв пера, насада и базы, в некоторых случаях формой жала в системе острый – округлый, а также симметричностью или асимметричностью краев (табл. 1).

Таблица 1

Типология каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника (категория, класс, группа, тип, вид)

Table 1

Typology of stone arrowheads of the Ust-Ilginsky cemetery (category, class, group, type, sort)

КАТЕГОРИЯ	КЛАСС	ГРУППА	ТИП	ВИД		
Г-К – Предметы охоты и вооружения	**I –** Каменные наконечники стрел	**1 –** Бесчерешковые	**1 –** Треугольные	1. Простые		– 1) с симметричными краями и прямой базой
				2. Сложные		– 1) с симметричными краями и вогнутой базой
						– 2) с симметричными краями и слабо выгнутой базой
						– 3) с асимметричными краями и слабо выгнутой базой
			2 – Эллипсоидные	1. Простые		– 1) с симметричными краями и овально-выгнутой базой
						– 2) с асимметричными краями и овально-выгнутой базой
			3 – Ромбовидные	2. Сложные		– 1) с прямой базой
			4 – Многоугольные	2. Сложные		– 1) с двусторонними выемками по краями в основании насада, слабо выгнутой или прямой базой, округлым или острым жалом

В типе простых треугольных выделен один вид:

1) с симметричными краями и прямой базой.

В типе сложных треугольных выделено три вида:

1) с симметричными краями и вогнутой базой;

2) с симметричными краями и слабо выгнутой базой;

3) с асимметричными краями и слабо выгнутой базой.

В типе сложных эллипсоидных выделено два вида:

1) с симметричными краями и овально-выгнутой базой;

2) с асимметричными краями и овально-выгнутой базой.

В типе сложных ромбовидных выделен один вид:

1) с прямой базой.

В типе сложных многоугольных выделен один вид:

1) с двусторонними выемками по краям и в основании насада, слабо выгнутой или прямой базой, округлым или острым жалом.

В текстовом выражении данная типологическая схема выглядит следующим образом: Г-К-I-1-1.1-1) или Г-К-I-1-1.2-3). Где Г-К – категория: предметы охоты и вооружения; I – класс каменных наконечников стрел; 1 – группа бесчерешковых наконечников; 1.1 – треугольные, простые или 1.2 – треугольные, сложные; 1) и 3) – особенности оформления краёв пера, базы, симметрия или асимметрия краёв.

Описание типов и видов наконечников стрел Усть-Илгинского могильника

Тип 1.1-1 – треугольные простой формы, с симметричными краями и с прямой базой (всего 10 экз.). К данному типу отнесены 6 наконечников из погребения № 15:

1-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад с дорсального фаса оформлен узкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, с вентрального фаса – разнофасеточной краевой ретушью. В профиле и сечении – эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,45 см, ширина 1,4 см, толщина 0,4 м (рис. 4. 1);

2-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад с дор-

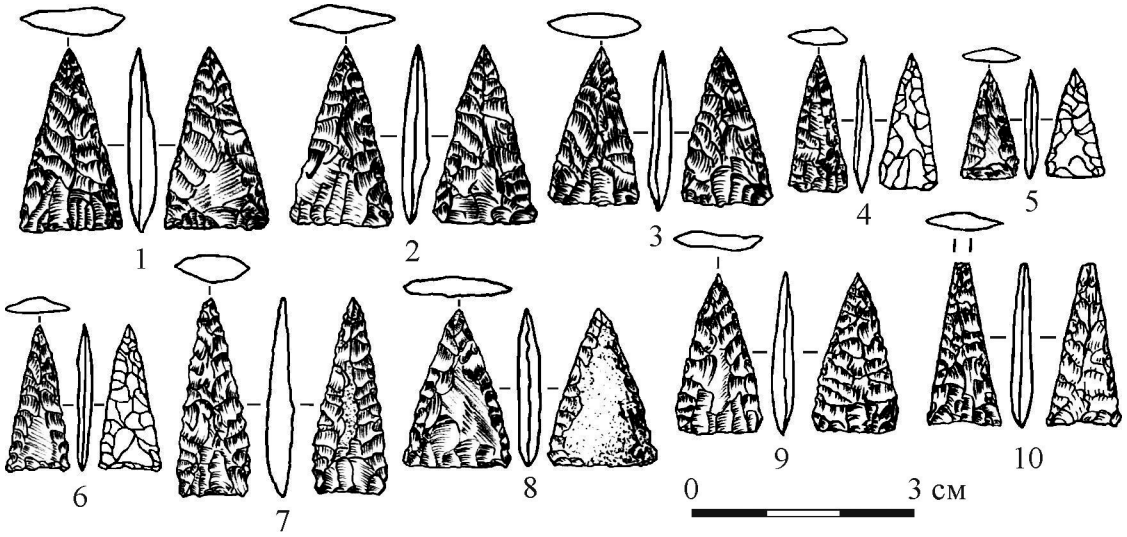


Рис. 4. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-1.1-1): *1–6 – погребение № 15; 7 – погребение № 9; 8 – погребение № 2; 9, 10 – погребение № 4*

Fig. 4. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-1.1-1): *1–6 – burial № 15; 7 – burial № 9; 8 – burial № 2; 9,10 – burial № 4*

сального фаса оформлен широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, с вентрального фаса – разнофасеточной краевой ретушью. В профиле уплощённо-овальный, в сечении уплощённо-ромбический асимметричный. Длина 2,35 см, ширина 1,4 см, толщина 0,4 см (рис. 4. 2);

3-й выполнен на вторичном отщепе серо-жёлтого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле уплощённо-овальный, асимметричный, в сечении овальный, симметричный. Длина 2,1 см, ширина 1,25 см, толщина 0,35 см (рис. 4. 3);

4-й выполнен на вторичном отщепе тёмно-серого тонкозернистого микрокварцита. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, краевой, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен узкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении уплощённо-овальный, асимметричный. Длина 1,85 см, ширина 0,8 см, толщина 0,25 см (рис. 4. 4);

5-й выполнен на вторичном отщепе светло-серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной отжимной, краевой, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении уплощённо-овальный, симметричный. Длина 1,45 см, ширина 0,8 см, толщина 0,2 см (рис. 4. 5).

6-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, мелкофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении уплощённо-овальный, асимметричный. Длина 1,95 см, ширина 0,9 см, толщина 0,2 см (рис. 4. 6);

Один наконечник из погребения № 9. Выполнен на вторичном пластинчатом сколе окремнелой породы чёрного цвета. Наконечник узкий. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен узкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле асимметричный, уплощённо-овальный с заметным утолщением к базе изделия, в сечении – асимметричный, овальный. Длина 2,65 см, ширина 1 см, толщина 0,4 см (рис. 4. 7).

Один наконечник из погребения № 2. Выполнен на первичном отщепе тёмно-серого тонкозернистого микрокварцита (на дорсальном фасе изделия галечная корка). Наконечник широкий. Перо оформлено сплошной отжимной, краевой, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад с вентрального фаса оформлен широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. С дорсального фаса – галечная корка. В профиле и сечении уплощённо-эллипсоидный, симметричный. Длина 2,1 см, ширина 1,45 см, толщина 0,6 см (рис. 4. 8).

Два наконечника из погребения № 4:

1-й выполнен на вторичном отщепе тёмно-серой окремнелой породы. Наконечник средний. Выполнен на первичном отщепе серого тонкозернистого микрокварцита. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по вентральному фасу оформлен широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, с вентрального фаса – разнофасеточной краевой ретушью. В профиле и сечении уплощённо-овальный, асимметричный. Длина 2,15 см, ширина 1,15 см, толщина 0,6 см (рис. 4. 9);

2-й выполнен на вторичном отщепе серой окремнелой породы. Жало отсутствует. Наконечник узкий. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, мелкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении уплощённо-овальный, асимметричный. Длина 2,2 см, ширина 1 см, толщина 0,3 см (рис. 4. 10).

Тип 1.2-1 – треугольные сложной формы, с симметричными краями и с вогнутой базой, с хо-

рошо выраженными шипами (всего 2 экз.). К данному типу отнесены:

Один наконечник из погребения № 9, который выполнен на вторичном пластинчатом сколе тонкозернистого микрокварцита чёрного цвета. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, симметричный. Длина 3,7 см, ширина 1,7 см, толщина 0,35 см (рис. 5. 1);

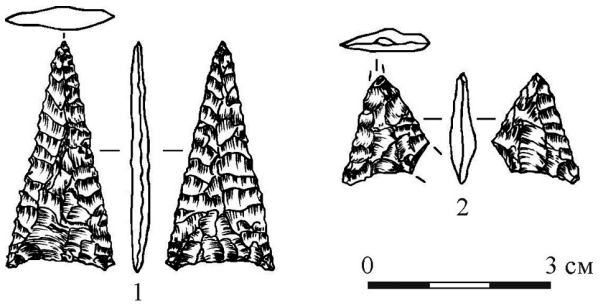


Рис. 5. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-1.2-1): *1– погребение № 9; 2 – погребение № 7*

Fig. 5. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-1.2-1*): 1– burial № 9; 2 – burial № 7*

Один наконечник из погребения № 7, который выполнен на вторичном отщепе окремнелой породы чёрного цвета. Жало и один шип обломаны, возможно, наконечник относится к широким. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, симметричный. Длина 1,8 см, ширина 1,4 см, толщина 0,4 см (рис. 5. 2).

Тип 1.2-2 – треугольные сложной формы, с симметричными краями и овальной/выгнутой базой (всего 11 экз.). К данному типу отнесены семь наконечников из погребения № 15:

1-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник узкий. Перо оформлено сплошной краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен мелкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 3,6 см, ширина 1,4 см, толщина 0,45 см (рис. 6. 1);

2-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник широкий. Перо оформлено

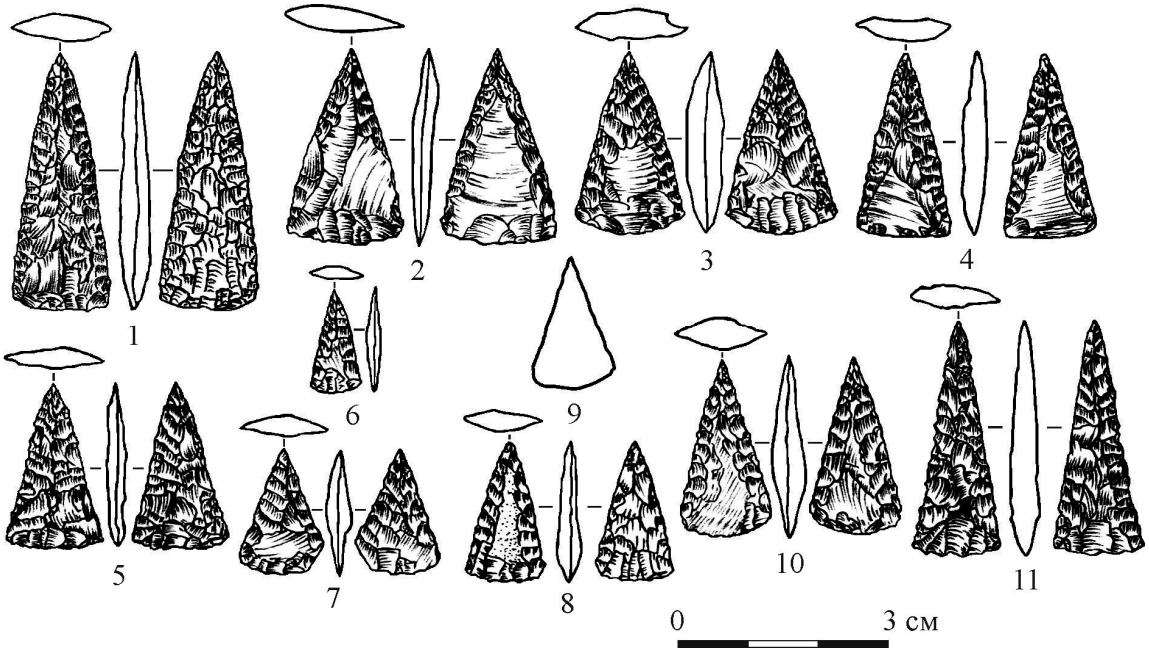


Рис. 6. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-1.2-2): *1–7 – погребение № 15; 8 – погребение № 4; 9 – погребение № 1 (1930 г.); 10,11– погребение № 13*

Fig. 6. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-1.2-2): *1–7 – burial № 15; 8 – burial № 4; 9 – burial № 1 (the year of 1930); 10, 11– burial № 13*

сплошной краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по дорсальному фасу оформлен узко- и широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, по вентральному фасу – широкофасеточной ретушью. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,6 см, ширина 1,65 см, толщина 0,4 см (рис. 6. 2);

3-й выполнен на вторичном отщепе тёмно-серого кремня. Наконечник широкий. Перо в части жала оформлено сплошной, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам; в части тела – краевой мелкой и широкофасеточной ретушью. Насад по дорсальному фасу оформлен узкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, по вентральному фасу – широкофасеточной ретушью. В профиле и сечении овальный, асимметричный. Длина 2,6 см, ширина 1,55 см, толщина 0,6 см (рис. 6. 3);

4-й выполнен на вторичном отщепе тёмно-серого кремня. Наконечник средний. Перо в части жала оформлено сплошной, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам; в части тела – краевой мелкой и широкофасеточной ретушью. Насад по дорсальному фасу не оформлен, по вентральному фасу – мелкая, широкофасеточная ретушь, продольно-направленная к ребру. В профиле и сечении овальный, асимметричный. Длина 2,5 см, ширина 1,3 см, толщина 0,5 см (рис. 6. 4);

5-й выполнен на вторичном отщепе тёмно-серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен мелкой, широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,3 см, ширина 1,4 см, толщина 0,3 см (рис. 6. 5);

6-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по дорсальному фасу оформлен мелкой ретушью, продольно-направленной к ребру, по вентральному фасу – одним широкофасеточным сколом. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 1,5 см, ширина 0,75 см, толщина 0,2 см (рис. 6. 6);

7-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник широкий, отсутствует один шип. Перо оформлено сплошной краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен мелкой ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 1,8 см, ширина 1,2 см, толщина 0,4 см (рис. 6. 7).

Один наконечник из погребения № 4, который выполнен на вторичном отщепе тонкозернистого микрокварцита тёмно-серого цвета. Перо оформлено сплошной отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по вентральному фасу и мелкофасеточной, краевой по дорсальному фасу. Насад по фасам оформлен широко- и узкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, симметричный. Длина 2 см, ширина 1,15 см, толщина 0,4 см (рис. 6. 8).

Один наконечник из погребения № 1 1930 года. В коллекции № 540 из фондов ИОКМ данный наконечник отсутствует, в описи представлено его изображение, обрисованное по контуру. По рисунку можно сказать, что наконечник средний, примерные размеры изделия: длина 1,9 см, ширина 1,2 см (рис. 6. 9).

Два наконечника из погребения № 13:

1-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник средний. Перо в части жала оформлено сплошной, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам; в части тела – краевой мелкой и широкофасеточной ретушью. Насад по фасам оформлен мелкой частичной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении – овальный, асимметричный. Длина 2,55 см, ширина 1,35 см, толщина 0,4 см (рис. 6. 10);

2-й выполнен на вторичном пластинчатом сколе тонкозернистого микрокварцита чёрного цвета. Наконечник узкий. Перо оформлено сплош-

ной, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен широкофасеточной, удлинённой ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 3,3 см, ширина 1,25 см, толщина 0,4 см (рис. 6. 11).

Тип 1.2-3 – треугольные сложной формы, с асимметричными краями и овальной/выгнутой базой (всего 5 экз.). К данному типу отнесены три наконечника из погребения № 15:

1-й выполнен на вторичном отщепе светло-серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен разнофасеточной, продольной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,65 см, ширина 1,3 см, толщина 0,3 см (рис. 7. 1);

2-й выполнен на вторичном отщепе светло-серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по вентральному фасу оформлен узкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, по дорсальному фасу – широкофасеточной ретушью. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,5 см, ширина 1,45 см, толщина 0,4 см (рис. 7. 2);

3-й выполнен на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник средний. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по вентральному фасу оформлен узкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, по дорсальному фасу не оформлен. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,4 см, ширина 1,25 см, толщина 0,4 см (рис. 7. 3).

Один наконечник из погребения № 4, который выполнен на вторичном отщепе тонкозернистого микрокварцита тёмно-серого цвета. Перо оформлено сплошной краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью. Насад по фасам оформлен мелкокофасеточной краевой ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, симметричный. Длина 2,25 см, ширина 1,3 см, толщина 0,35 см (рис. 7. 4).

Один наконечник из погребения № 1 1930 года. В коллекции № 540 из фондов ИОКМ данный наконечник отсутствует, в описи представлено его изображение, обрисованное по контуру. По рисунку можно сказать, что наконечник средний, примерные размеры изделия: длина 1,9 см, ширина 1,2 см (рис. 7. 5).

Тип 2.2-1 – эллипсоидные сложной формы, с симметричными краями и овальной/выгнутой базой (всего 4 экз.). К данному типу отнесены:

Один наконечник из погребения № 15, выполненный на вторичном пластинчатом сколе светло-серого кремня. Наконечник узкий. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен разнофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 3 см, ширина 0,9 см, толщина 0,3 см (рис. 8. 1).

Три наконечника из погребения № 13:

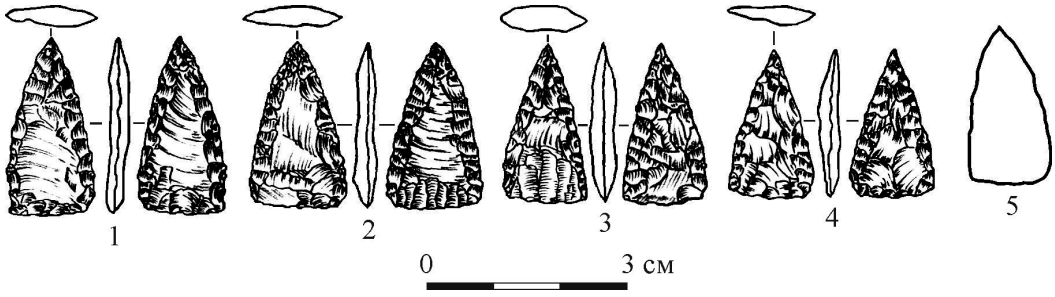


Рис. 7. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-1.2-3): *1–3 – погребение № 15; 4 – погребение № 4; 5 – погребение № 1 (1930 г.)*

Fig. 7. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-1.2-3): *1–3 – burial № 15; 4 – burial № 4; 5 – burial № 1 (the year of 1930)*

1-й выполнен на вторичном отщепе светло-серого кремня. База отсутствует. Наконечник средний. Перо оформлено сплошной, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Длина 2,7 см, ширина 1,2 см, толщина 0,4 см (рис. 8. 2);

2-й выполнен на вторичном отщепе тёмно-серого кремня. Наконечник средний. Перо в части жала оформлено отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам, в части тела – краевой разнофасеточной ретушью. Насад по вентральному фасу оформлен краевой, широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру, по дорсальному фасу – мелкой краевой ретушью в зоне одного из шипов. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,6 см, ширина 1,1 см, толщина 0,3 см (рис. 8. 3);

3-й выполнен на вторичном отщепе тёмно-серого тонкозернистого микрокварцита. Наконечник средний. Перо оформлено отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,3 см, ширина 1 см, толщина 0,4 см (рис. 8. 4).

Тип 2.2-2 – эллипсоидные сложной формы, с асимметричными краями и овальной/выгнутой базой (всего 3 экз.). К данному типу отнесены:

Один наконечник из погребения № 13, выполненный на вторичном пластинчатом сколе тёмно-серого кремня. Наконечник средний. Насад асимметричный. Перо оформлено отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен разнофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,9 см, ширина 1,2 см, толщина 0,5 см (рис. 9. 1).

Два наконечника из погребения № 15:

1-й выполнен на вторичном пластинчатом сколе тёмно-серой окремнелой породы. Наконечник средний. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен разнофасеточной, продольной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эл-

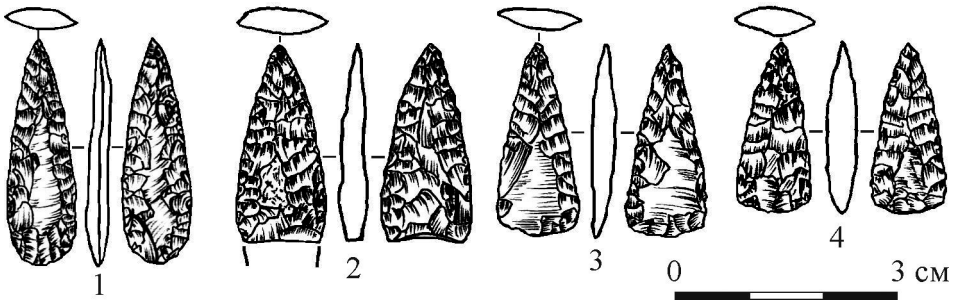


Рис. 8. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-2.2-1): *1 – погребение № 15; 2–4 – погребение № 13*
Fig. 8. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-2.2-1): *1 – burial № 15; 2–4 – burial № 13*

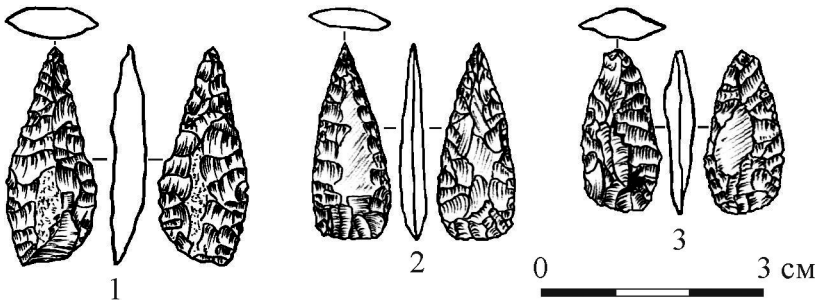


Рис. 9. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-2.2-2): *1 – погребение № 13; 2,3 – погребение № 15*
Fig. 9. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-2.2-2): *1 – burial № 13; 2, 3 – burial № 15*

липсоидный, асимметричный. Длина 2,6 см, ширина 1,05 см, толщина 0,35 см (рис. 9. 2);

2-й выполнен на вторичном пластинчатом сколе тёмно-серой окремнелой породы. Наконечник средний. Жало обломано. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен разнофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,2 см, ширина 1,1 см, толщина 0,45 см (рис. 9. 3).

Тип 3.2-1 – ромбовидные сложной формы, с прямой базой (всего 2 экз.). К данному типу отнесены:

Один наконечник из погребения № 4, выполненный на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник широкий. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, разнофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 1,8 см, ширина 1,15 см, толщина 0,3 см (рис. 10. 1).

Один наконечник из погребения № 15, выполненный на вторичном отщепе серого кремня. Наконечник узкий. Перо оформлено краевой, отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, узко- и широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,15 см, ширина 0,75 см, толщина 0,3 см (рис. 10. 2).

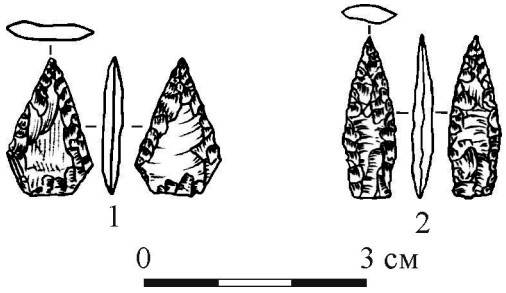


Рис. 10. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-3.2-1): *1 – погребение № 4; 2 – погребение № 15*

Fig. 10. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-3.2-1*): 1 – burial № 4; 2 – burial № 15*

Тип 4.2-1 – многоугольные сложной формы, с двусторонними выемками (перехватом) по краям и в части насада, округлой или прямой базой, округлым или острым жалом (всего 5 экз.). К данному типу отнесены:

Один наконечник из погребения № 13, выполненный на первичном пластинчатом отщепе серой окремнелой породы. Наконечник узкий. Остриё, возможно, обломано. Перо оформлено отжимной, контр поперечной, крутой, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 4,3 см, ширина 1,15 см, толщина 0,6 см (рис. 11. 1).

Один наконечник из погребения № 2, выполненный на первичном пластинчатом отщепе окремнелой породы чёрного цвета. Наконечник узкий. Перо оформлено отжимной, контр поперечной, крутой, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, мелко- и широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,3 см, ширина 0,85 см, толщина 0,35 см (рис. 11. 2).

Три наконечника из погребения № 15:

1-й выполнен на первичном пластинчатом сколе серого кремня. Наконечник широкий. Остриё закруглённое. Перо оформлено отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, широкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,9 см, ширина 1,35 см, толщина 0,5 см (рис. 11. 3);

2-й выполнен на первичном пластинчатом сколе серого кремня. Наконечник узкий. Перо оформлено отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, мелкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 2,6 см, ширина 0,95 см, толщина 0,4 см (рис. 11. 4);

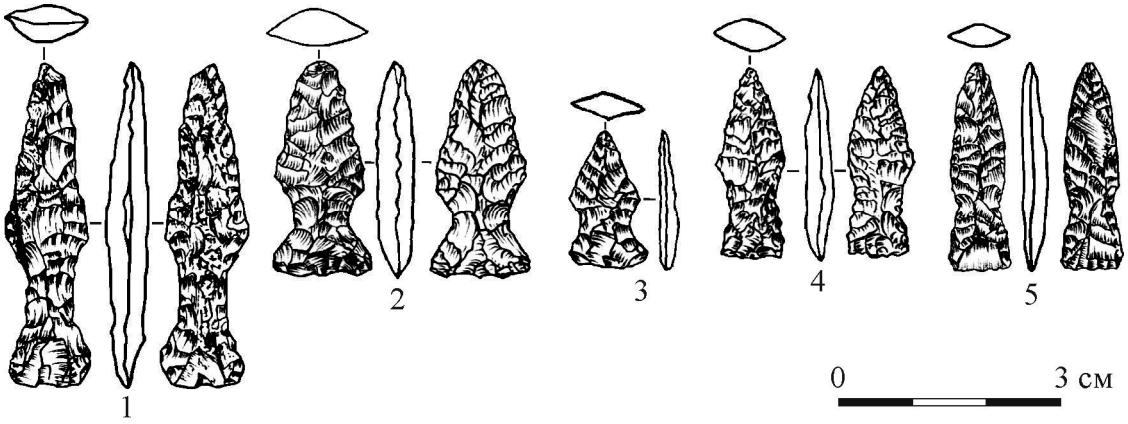


Рис. 11. Усть-Илгинский могильник. Наконечники стрел (Г-К-I-1-4.2-1): *1 – погребение № 13; 2–4 – погребение № 15; 5 – погребение № 2*

Fig. 11. Ust`-Ilginskiy cemetery. Arrowheads (Г-К-I-1-4.2-1): *1 – burial № 13; 2–4 – burial № 15; 5 – burial № 2*

3-й выполнен на первичном пластинчатом сколе тонкозернистого микрокварцита серого, тёмно-серого цвета. Наконечник широкий. Перо оформлено отжимной, контр поперечной, плоской, разнофасеточной ретушью по фасам. Насад по фасам оформлен краевой, мелкофасеточной ретушью, продольно-направленной к ребру. В профиле и сечении эллипсоидный, асимметричный. Длина 1,85 см, ширина 1,05 см, толщина 0,25 см (рис. 11. 5).

Все наконечники зафиксированы только в мужских погребениях могильника (табл. 2): № 2, 4, 7, 9, 13, 15 и № 1 (1930 г.). Среди них: 4 – парные, в которых захоронены взрослые мужчины и подростки: № 4,13,15 и № 1 (1930 г.); № 2,7,9 – одиночные. Распределение наконечников по могилам

Таблица 2

Распределение каменных наконечников стрел в погребениях Усть-Илгинского могильника по типам и видам

Table 2

The distribution of stone arrowheads in the burials of Ust-Ilginsky cemetery by types and sorts

№ погребения	Пол погребенных	ТИП								%
		Треугольные простые	Треугольные сложные			Эллипсовидные сложные		Ромбические сложные	Многоугольные сложные	
		Вид 1)	Вид 1)	Вид 2)	Вид 3)	Вид 1)	Вид 2)	Вид 1)	Вид 1)	
2	♂	1							1	4,76
4	♂♂	2		1	1			1		11,9
7	♂		1							2,38
9	♂	1	1							4,76
13	♂♂			2		3	1		1	16,66
15	♂♂	6		7	3	1	2	1	3	54,76
1 – 1930 г.	♂♂			1	1					4,76

следующее: № 15 – 23 экз. (54,76 %); № 13 – 7 экз. (16,66 %); № 4 – 5 экз. (11,9 %); № 2,9 и № 1 (1930 г.) – по 2 экз. (4,76 %); № 7 – 1 экз. (2,38 %).

По типам соотношение наконечников следующее (табл. 3): 1) треугольные простые – 10 экз. (23,8 %); 2) треугольные сложные – 18 экз. (42,7 %); 3) эллипсоидные сложные – 7 экз. (16,6 %); 4) ромбовидные сложные – 2 экз. (4,7 %); 5) многоугольные – 5 экз. (11,9 %).

По пропорции соотношение наконечников всех типов следующее (табл. 4): широкие – 8 экз. (19 %); средние – (51,7 %); узкие – 10 экз. (23,8 %).

Обсуждение

Первая типология каменных наконечников стрел из погребений бронзового века Прибайкалья представлена А.П. Окладниковым, где выделено 10 основных типологических вариантов по их форме: 1) треугольные, с прямыми длинными сторонами и прямым основанием; 2) треугольные, с прямыми длинными сторонами и симметрично-вогнутым основанием; 3) треугольные, с симметрично-вогнутым основанием и слегка выпуклыми длинными сторонами; 4) треугольные, с прямым основанием и слегка выпуклыми длинными сторонами, обыкновенно в нижней трети прямыми, а затем более или менее круто суживающимися; 5) особая разновидность третьего и четвёртого типов, ланцетовидные, отличающиеся от тех и других своими резко удлинёнными пропорциями; известны в двух вариантах: с прямым и со слегка вогнутым основанием; 6) с вогнутыми длинными сторонами, т. е. с

Таблица 3

Соотношение каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника по типам и видам

Table 3

Ratio of stone arrowheads of the Ust-Ilginsky cemetery by types and sorts

ТИП	Треугольные простые	Треугольные сложные			Эллипсоидные сложные		Ромбовидные сложные	Многоугольные сложные
Вид	**1)**	**1)**	**2)**	**3)**	**1)**	**2)**	**2)**	**2)**
Кол-во	10	2	11	5	4	3	2	5
%	23,8	4,7	26,1	11,9	9,5	7,1	4,7	11,9
Кол-во	10	18			7		2	5
%	23,8	42,7			16,6		4,7	11,9

Таблица 4

Распределение каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника по пропорции

Table 4

The distribution of stone arrowheads Ust-Ilginsky cemetery by proportion

Пропорция	**ТИП**									
	Треугольные простые	Треугольные сложные			Эллипсоидные сложные		Ромбовидные сложные	Многоугольные сложные	Всего экз.	%
	Вид 1)	Вид 1)	Вид 2)	Вид 3)	Вид 1)	Вид 2)	Вид 1)	Вид 1)		
широкие	2		3				1	2	8	19
средние	6	1	6	5	3	3			24	57,1
узкие	2	1	2		1		1	3	10	23,8
%	23,8	4,76	26,1	11,9	9,52	7,14	4,76	11,9		

лёгкими выемками-перехватами по обоим краям у основания и прямым или вогнутым основанием; 7) ромбические, также известные в двух вариантах: настоящие ромбические и усечённо-ромбические, т. е. с прямо срезанным основанием; 8) с глубокими симметричными выемками по бокам, получившие в литературе наименование «американоидных» по сходству с характерными для Северной Америки такими же наконечниками; 9) с выпукло-овальным основанием.

В особый 10-й тип выделяются пильчатые наконечники (Окладников, 1955. С. 62).

В данной схеме, если исходить из геометрической формы изделий, то типы 1–4 можно отнести к одному типу – треугольных простых и треугольных сложных, где различие присутствует только в вариантах исполнения краёв (выпуклость, вогнутость и относительная прямолинейность) и основания-насада изделий.

Типы 5, 6 и 10 также имеют разницу только в оформлении краёв и основания-насада. Данные наконечники можно отнести к типу многоугольных простых.

Определение «американоидный» тип наконечника не отражает геометрической формы изделия и отправляет исследователя к похожей форме. В свою очередь обнаруженное сходство опять же требует более чёткого определения изделия по форме. Данный тип/вариант, выделенный исключительно по оформлению краёв изделия точно не соответствует ни одной из известных геометрических форм или фигур и выходит за рамки геометрии форм. При использовании метода метрического выделения экстремальных точек по контуру данных наконечников получается сложная многоугольная фигура. Такие типы наконечников стрел подходят под определение – многоугольные сложные.

Анализируя около 160-ти каменных наконечников стрел китойской (неолитической) культуры Прибайкалья, Г.М. Георгиевская по формам выделила 7 типологических групп: 1) треугольные с вогнутой базой и ассиметричными жальцами, удлинённой пропорции; 2) подтреугольные со слегка выпуклыми сторонами, вогнутой базой и незначительной асимметрией жалец; 3) треугольные с вогнутой базой и симметричными жальцами; 4) треугольные с прямой базой; 5) ромбовидные с прямой базой с полукруглым выпуклым основанием; 6) миндалевидные со слегка усечённой базой; 7) наконечники стрел с черешками (Георгиевская, 1989. С. 109).

По материалам глазковских погребений могильника Хужир-Нугэ XIV (побережье оз. Байкал), на основании типологического анализа 81-го каменного наконечника стрел А.Г. Новиковым выделено 9 типологических форм наконечников (Новиков, Вебер, Горюнова, 2010): 1) подтреугольные с прямой, слегка выпуклой, слегка вогнутой, скошенной, округлой, вогнутой базой: с симметричными и ассиметричными шипами; 2) подтреугольные равносторонние с прямой, округлой и слегка выпуклой базой; 3) подтреугольные удлинённые с прямой, слегка выпуклой, слегка вогнутой и вогнутой базой: с симметричными шипами; 4) листовидные с прямой, округлой, слегка выпуклой, слегка вогнутой базой: с симметричными и ассиметричными шипами; 5) иволистные; 6) ланцетовидные; 7) ромбовидные; 8) черешковые; 9) с вытянутым остриём и расширенной базой.

В данных типологических группах и формах различие отражается только в вариантах исполнения краёв тела, насада и базы изделий. В описании типов наконечников присутствуют наряду с хорошо воспринимаемыми геометрическими фигурами, особые формы изделий, ассоциирующиеся уже не с геометрией форм, а со схожестью основных их признаков с объектами живой и не живой природы. Например, с листьями деревьев (листовидный, иволистный, миндалевидный и т. д.) или с устаревшим и уже не использующимся в медицине инструментом – ланцетом (ланцетовидный) и т. п. Данные характеристики выходят за рамки геометрии форм и основываются на «своеобразном общем эмоциональном отношении исследователей к описанию изделий» (Медведев, 1975. С. 21).

Таким образом, для каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника по схожести с геометрическими формами предложено выделение четырёх типов: 1) треугольные – простые и

сложные; 2) эллипсоидные; 3) ромбовидные – сложные; 4) многоугольные – сложные.

Наконечники первых трёх типов находят многочисленные аналоги в погребальных и поселенческих комплексах неолита и бронзового века Прибайкалья, Забайкалья и Якутии.

Наконечники четвёртого типа (многоугольные сложные) в том виде, который присутствует в погребальном инвентаре Усть-Илгинского могильника, прямых аналогий не имеют.

Возможно, что подобные наконечники зафиксированы в раскопанных А.П. Окладниковым погребениях у села Заплёскино и в погребении № 1 близ устья рек Манзурки и Лены на правом берегу р. Манзурки у улуса Хальский (Хойбики) Качугского района на Верхней Лене в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. А.П. Окладников приводит только одно упоминание о нахождении кремневых наконечников стрел с глубокими симметричными выемками по длинным краям («американоидный» тип) (Окладников, 1955. С. 62, 64).

Также А.П. Окладников привёл пример подобных наконечников стрел, называя их «американоидными» (по сходству их с наконечниками из Северной Америки), которые зафиксированы в погребениях глазковского времени у оз. Косогол (Монголия, оз. Хубсугул) и в долине р. Тунки (Окладников, 1955. С. 62, 64). В первом случае наконечник имеет двусторонние глубокие выемки в части тела, база – сильно вогнутая, тем самым хорошо выражены специфические по форме шипы (рис. 12. 1). Во втором случае наконечник аналогичен первому, но имеет по две глубокие выемки по каждому краю в части тела и насада (рис. 12. 2).

С.В. Табаревым в кратком словаре-справочнике показаны несколько подобных наконечников стрел, схожих с описанными А.П. Окладниковым, из материалов разных археологических традиций североамериканского континента (Табарев, 2012):

1) традиция Дорсет (*Dorset tradition*), культурная традиция в восточной части Арктики (рис. 12. 3);

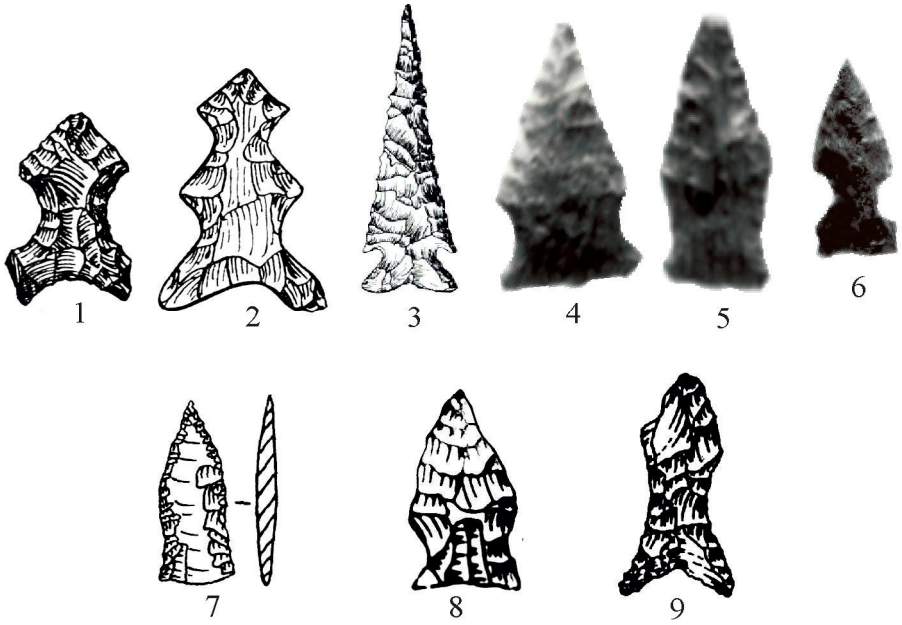


Рис. 12. Наконечники стрел: *1 – оз. Косогол (Монголия, оз. Хубсугул); 2 – долина р. Тунки (Бурятия); 3 – традиция Дорсет (Dorset tradition, Северная Америка, восточная часть Арктики); 4–6 – наконечники фрио (Frio points, США, штат Техас); 7 – могильник Улярба (Приольхонье); 8 – стоянка Усть-Ямная (долина р. Лены); 9 – могильник Усть-Ямный (долина р. Лены)*

Fig. 12: Arrowheads: *1 – Lake Kosogol (Mongolia, Lake Khövsgöl); 2 – the Tunka river valley (Republic of Buryatia); 3 – Dorset tradition, North America, the eastern Arctic regions; 4–6 – Frio points (Texas, United States); 7 – the Uliarba cemetery (Olkhon island area), 8 – Ust`-Yamnaya site (the Lena river valley); 9 – the Ust`-Yamnyi cemetery (the Lena river valley)*

2) наконечники фрио (*Frio points*, штат Техас), один из локальных вариантов наконечников с боковыми выемками (рис. 12. 4, 5, 6).

В погребении № 35 могильника Улярба присутствует «листовидный» наконечник с боковыми перехватами и прямой базой (рис. 12. 7) (Горюнова, Новиков, Зяблин, Смотрова, 2004. С. 43, 44).

На стоянке Усть-Ямная зафиксирован наиболее близкий по форме к «усть-илгинским» наконечник с неглубокими боковыми перехватами в части насада и вогнутой базой (рис. 12. 8) (Зубков, 1982. С. 74, 249).

В погребении № 9 могильника Усть-Ямный зафиксирован наконечник, схожий по форме с Косогольским, разница лишь в том, что база значительно вогнута под острым углом (рис. 12. 9) (Зубков, 1982. С. 95, 282).

Таким образом, наконечники стрел четвёртого многоугольного типа, сложной формы, с симметричными краевыми выемками в основании насада в погребальном инвентаре Усть-Илгинского могильника, можно определить как оригинальные изделия, присущие только данному погребальному комплексу.

Заключение

В данной работе представлен типологический анализ каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника.

Выделено четыре типа наконечников: треугольные, эллипсоидные, ромбовидные и многоугольные. По строению пера и насада наконечники подразделены на простые и сложные.

В каждом типе по особенностям оформления пера, насада и базы выделены виды.

В типе простых треугольных выделен один вид: 1) с симметричными краями и прямой базой – 10 наконечников (рис. 4).

В типе сложных треугольных выделено три вида: 1) с симметричными краями и вогнутой базой – 2 наконечника (рис. 5); 2) с симметричными краями и слабо выгнутой базой – 11 наконечников (рис. 6); 3) с асимметричными краями и слабо выгнутой базой – 5 наконечников (рис. 7).

Тип сложных эллипсоидных делится на два вида: 1) с симметричными краями и овально-выгнутой базой – 4 наконечника (рис. 8); 2) с асимметричными краями и овально-выгнутой базой – 3 наконечника (рис. 9).

В типе сложных ромбовидных выделен один вид: 1) с прямой базой – 2 наконечника (рис. 10).

В типе сложных многоугольных также выделен один вид: 1) с двусторонними выемками по краями в основании насада, слабо выгнутой или прямой базой, округлым или острым жалом – 5 наконечников (рис. 11). Наконечники стрел данного вида, присутствующие только в материалах Усть-Илгинского могильника, предлагается именовать – «усть-илгинскими».

Библиографический список

Базалийский В.И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника Локомотив // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 39–54.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука. 1989. 152 с.

Горюнова О.М., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. 2004. 87 с.

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремниевых наконечников стрел // Орудия каменного века. Киев: Наук. думка. 1978. С. 57–70.

References

Bazaliiskii V.I. 2010. Morphotypological analysis of stone arrowheads from the Lokomotiv cemetery. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ. Iss. 8. Pp. 39–54. (In Russ.)

Georgievskaya G.M. 1989. Kitoy culture of the Cisbaikalia. Novosibirsk, Nauka Publ. 152 p. (In Russ.)

Goryunova O.M., Novikov A.G., Zyablin L.P., Smotrova V.I. 2004. Ancient burials of the Uliarba cemetery on the Lake Baikal (Neolithic to Paleometal Era). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ. 87 p. (In Russ.)

Gurina N.N. 1978. Result of a primary classification of flintstone arrowheads. *Orudiya kamennogo veka* [Tools of the Stone Age]. Kiev: Naukova Dumka Publ. Pp. 57–70. (In Russ.)

Зубков В.С. Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены (рукопись). Л.: 1982. 310 с.

Медведев Г.И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий: (номенклатура деталей наглядных моделей) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников: тез. докл. Вост.-Сиб. регион. совещ. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та. 1975. С. 21–42.

Николаев В.С., Уваров А.И. Погребальный обряд Усть-Илгинского могильника на верхней Лене // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. С. 100–104.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2010. 296 с.

Окладников А.П. Археологические исследования 1940–1943 гг. в долине реки Лены и древняя история северных племён // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 99–107.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч.1, 2. 412 с. (МИА. № 18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3: Глазковское время. 374 с. (МИА. № 43).

Описание и анализ археологических источников: сб. науч. тр. / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1981. 135 с.

Песков С.А., Николаев В.С., Клементьев А.М. Усть-Илгинский могильник на Верхней Лене (по материалам раскопок А.П. Окладникова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4 (21). С. 18–36.

Табарев С.В. Археология Северной Америки: культуры, памятники, термины (краткий словарь-справочник). Новосибирск, 2012. 86 с.

Уваров А.И., Николаев В.С. Усть-Илгинский могильник // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археолог. студ. конф. Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. С. 139–143.

Brown, Jeffery L. A System for the metrical description of projectile points// Southwestern Lore. 1970. 36, 1:15–19.

Zubkov V.S. 1982. Neolithic and Early Bronze Age of the Upper Lena river (manuscript). Leningrad. 310 p. (In Russ.)

Medvedev G.I. 1975. To the issue of formal-typological analysis of stone tools from the Paleolithic and Mesolithic industries (nomenclature of details of visual models). *Problemy terminologii i analiza arheologicheskih istochnikov: tez. dokl. Vost.-Sib. region. soveshch* [Issues of terminology and analysis of archaeological sources. Abstracts from scientific conferences of Eastern Siberia region]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. Pp. 21–42. (In Russ.)

Nikolaev V.S., Uvarov A.I. 1992. Burial ceremonial of burial site Ust'-Ilginsky on Upper Lena River. *Problemy arkheologii, istorii, kraevedeniya i etnografii Prieniseiskogo kraya* [Problems of archaeology, history, regional studies and ethnography of Cis-Yenisey region]. Krasnoyarsk. Pp. 100–104. (In Russ.)

Novikov A.G., Weber A.V., Goryunova O.I. 2010. Bronze Age burial complexes of the Cisbaikalia: the Khuzhir-Nuge XIV cemetery. Novosibirsk: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. 1946. Archaeological research 1940–1943 in the valley of the Lena River and the ancient history of the northern tribes. KSIIMK. Iss. 13. Pp. 99–107. (In Russ.)

Okladnikov A.P. 1950. Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikalia (MIA. No. 18). Moscow-Leningrad: Academy of Seience of USSR Publ. Pt. 1, 2. 412 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. 1955. Neolithic and Bronze Age of the Cisbaikalia (MIA. No. 43). Moscow-Leningrad: AS USSR Publ., Pt. 3. Glazkovo period. 374 p. (In Russ.)

Medvedev G.I. 1981. Description and analysis of archaeological sources: Collection of research papers. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 135 p. (In Russ.)

Peskov S.A., Nikolaev V.S., Klement'ev A.M. 2016. The Ust`-Ilginskiy cemetery on the Upper Lena River. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ. No. 4 (21). Pp. 18–36. (In Russ.)

Tabarev S.V. 2012. Archaeology of North America: cultures, sites, terms (short glossary and reference book). Novosibirsk. 86 p. (In Russ.)

Uvarov A.I., Nikolaev V.S. 1990. Burial site Ust'-Ilginsky. *Paleoetnologiya Sibiri: Tez. dokl. k XXX region. arkheolog. stud. konf* [Paleoethnology of Siberia: theses of reports of XXX Regional Archaeological Student Conference]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. Pp. 139–143. (In Russ.)

Brown, Jeffery L. A System for the metrical description of projectile points// Southwestern Lore. 1970. 36, 1:15–19.

Сведения об авторе

Песков Сергей Александрович,
главный специалист отдела подготовки и реализации мероприятий по охране объектов культурного наследия

Information about the author

Sergey A. Peskov,
Chief specialist of the Department of Preparation and Implementation of Measures for the Protection of Cultural

(археология),
Областное государственное учреждение (ОГАУ) «Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области»,
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Критерии авторства

С.А. Песков выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность..

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Heritage (archaeology),
Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region,
2 5th Army Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Attribution criteria

Peskov S.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.59
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-29-46

Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга

© Д.Е. Кичигин, Ю.А. Емельянова, А.М. Коростелев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В 2016 г. сотрудниками Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ проводились рекогносцировочные раскопочные работы на могильнике Мыс Уюга (западное побережье озера Байкал). В результате закладки раскопа № 2, площадью 12 кв. м и глубиной вскрытия до 0,5 м, было раскопано парное одноярусное погребение (№ 2) раннего бронзового века. Надмогильная конструкция сильно разрушена: сохранились лишь камни северо-восточного сектора кладки и плиты перекрытия скелета А (3-й уровень камней). Погребенные мужчина (А) и женщина (В) были уложены на специально подготовленную скальную поверхность материка, близко друг к другу, соприкасаясь кистями рук. Трупоположение – вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. На костях обоих индивидуумов отмечены остатки бересты. В составе сопроводительного инвентаря скелета А изделие из меди/бронзы цилиндрической формы, кольца из светлого нефрита и подвески/нашивки из клыков марала и тарбагана. В районе головы скелета В обнаружен орудийный набор, состоящий из массивного ножа на кварцитовой плитке, и три острия из кости (проколки и нож); под правой тазовой костью обнаружен нож на кварцитовом отщепе. По зубам обоих погребенных получены три радиоуглеродные даты, которые с учетом корректировки на пресноводный резервуарный эффект соотносятся с серединой III тыс. до н. э.

Ключевые слова: Приольхонье, Мыс Уюга, неолит, ранний бронзовый век, парное погребение, кольца из светлого нефрита, подвески из зубов марала, клыки тарбагана, нож из кварцита, проколка из кости

Благодарности: Авторы статьи выражают слова благодарности коллегам и друзьям, принимавшим активное участие в раскопках 2016 г., – Матвею Александровичу Портнягину, Михаилу Алексеевичу Исаченко, а также штатному фотографу ЛАПиСЖНСА ИРНИТУ Александру Борисовичу Данилову за фотосъемку предметного комплекса погребения № 2 могильника Мыс Уюга.

Информация о статье: Дата поступления 8 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 11 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 29–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-29-46

Early Bronze Age burial of two persons of the cemetery Mys Uyuga

© Dmitrii E. Kichigin, Yuliana A. Emel'yanova, Aleksey M. Korostelev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: In 2016, an expedition of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Systems of Subsistence of the People of Northern Asia of Irkutsk National Research Technical University had excavated the Early Bronze Age burial of two persons of cemetery Mys Uyuga (western coast of Lake Baikal). The tombstone structure was severely damaged. Only the stones of the northeast sector of the masonry and the slabs covering the skeleton A (the 3rd level of stones) are preserved. Buried man (skeleton A) and woman (skeleton B) were laid on a specially prepared rock surface, close to each other, touching hands. They lie on their backs with their heads to the West. The remains of a birch bark were found on the bones of these two human individuals. On the skeleton A skull were found 49 pendants made of red deer teeth. On his chest were three rings made of light

jade. Another such ring was in the left eye-socket. We also found one metal (bronze) thing in a small leather bag between his knees and tarbagan marmot fangs on the feet. In the area of the skeleton B head was found an implement set consisting of a massive knife made of quartzite tile and three points made of bone (awls and a knife); under the right pelvic bone was a knife made of quartzite flake. We have three radiocarbon dates taken by from the both individuals teeth. Taking into account its correction for the reservoir effect the burial No. 2 of Mys Uyuga cemetery was committed in the middle of III millennium BC.

Keywords: Olkhon region, Mys Uyuga, Neolithic Age, Early Bronze Age, burial of two persons, rings made of light jade, pendants made of red deer teeth, fangs of tarbagan marmot, knife made of quartzite, bone awl

Acknowledgements: The authors are grateful to colleagues and friends Portnyagin M.A., Isachenko M.A. who took part in the excavations of 2016 and also Danilov A.B. for photographing the associated finds of the burial of two persons of cemetery Mys Uyuga.

Article info: Received February 8, 2019; accepted for publication March 11, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Kichigin D.E., Emel'yanova Yu.A., Korostelev A.M. Early Bronze Age burial of two persons of the cemetery Mys Uyuga. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 29–46. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-29-46

Введение

В мае 2016 г. сотрудниками Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ под руководством Д.Е. Кичигина и Ю.А. Емельяновой проводились рекогносцировочные раскопочные работы в юго-восточной части мыса Уюга, где в 2013 г. было раскопано первое неолитическое погребение (Кичигин, 2014).

Мыс Уюга – один из живописнейших природных объектов Приольхонья, расположенный на юго-западном побережье пролива Малое море озера Байкал (рис. 1.1). Небольшой полуостров, соединенный с материком галечной косой, оканчивается скальным останцем, достигающим высоты 16,5 м над уровнем Байкала. Со стороны озера (с запада, юга и востока) этот останец обрамлен крутым скальным обрывом, со стороны косы (с севера) – имеет пологий подъем, покрытый, как и весь останец, малорослой травой. С самого мыса открывается удивительный вид на озеро, остров Ольхон и другие малые острова, такие как Шарга-Даган, Ольтрек, Огой и Замогой.

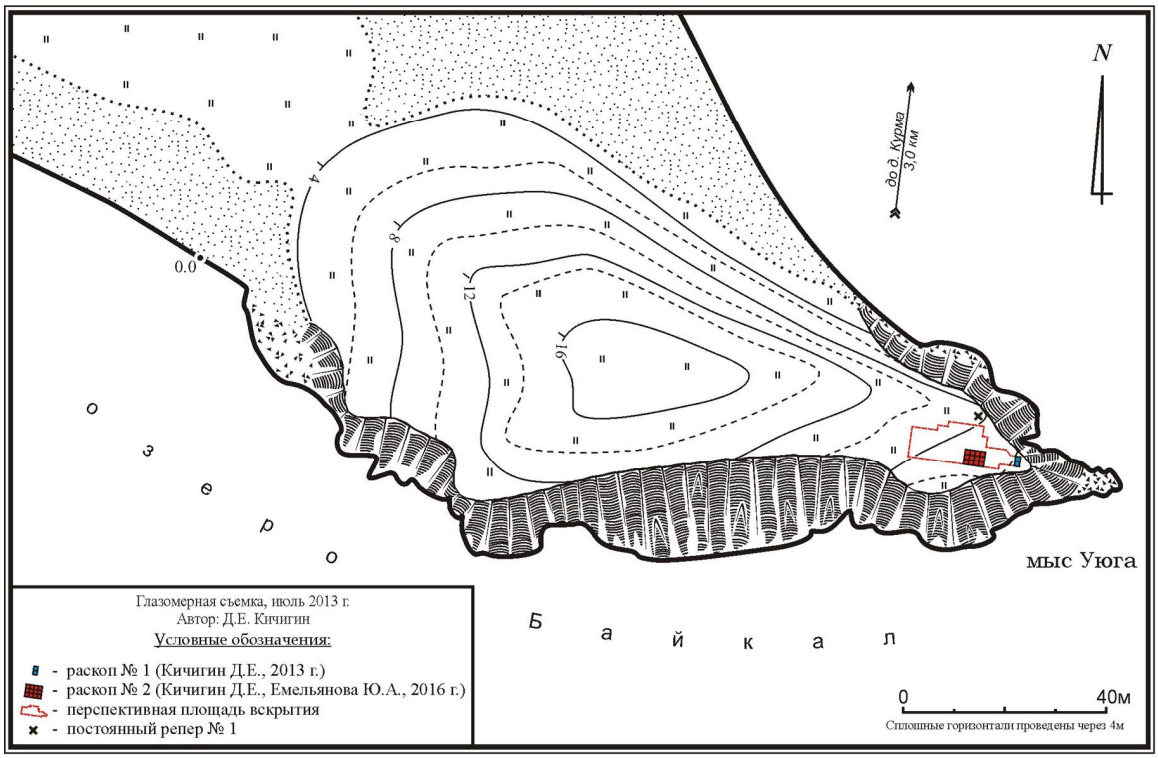
Могильник Мыс Уюга занимает южную (выположенная поверхность вершины мыса, открытая к Байкалу) и северо-западную (склоновая поверхность) части мыса Уюга. Гипсометрические отметки погребений над уровнем оз. Байкал составляют – 6–14 м (рис. 1.2).

Южная часть скального мыса характеризуется выположенной поверхностью. Эта часть мыса не видна с материка. Почвенный покров здесь малой мощности, повсюду проглядывают цепочки скальных пород, тянущиеся с запада на восток. В юго-восточной части мыса, где пологая площадка переходит в небольшой склон восточной экспозиции, выделяется небольшая по протяженности седловина, ограниченная с юга и севера скальными грядами. В устье этой седловины, у обрыва в Байкал, в 2013 г. туристами и было обнаружено неолитическое погребение.

Северо-западная часть мыса представляет собой склон, ближе к вершине довольно крутой. Практически у подножия склона, на отметках 6–8 м над уровнем озера, в 2017 г. были зафиксированы две каменные выкладки кольцевой формы, диаметрами 3–4 м. Кладки сильно задернованы, контуры конструкций едва прослеживаются по верхушкам камней. Ранее эти выкладки никем из археологов, неоднократно посещавших мыс Уюга, не были отмечены. Выявление их в 2017 г., на наш взгляд, стало возможным только в результате уменьшения мощности почвенного покрова всего мыса по причине вытаптывания современной поверхности туристами.

Целью настоящей статьи является ввод в научный оборот материалов раскопанного в 2016 г.

1



2

Рис. 1. Местонахождение могильника Мыс Уюга*: 1 – спутниковый снимок; 2 – топографический план*
Fig. 1. Location of the Mys Uyuga cemetery: *1 – a satellite image; 2 – a topographic plan*

парного погребения № 2 могильника Мыс Уюга и его культурно-хронологическая интерпретация.

История исследования

Первое погребение (№ 1) на мысе Уюга было обнаружено туристами в 2013 г. В восточной части скального мыса, у обрыва, где обычно туристами ведется фото- и видеосъемка, в результате вытаптывания почвенно-растительного горизонта обнажились человеческие кости, главным образом, череп. Находки были показаны археологам, проводившим исследования недалеко от д. Курмы. На следующий день погребение было раскопано археологическим отрядом ИРНИТУ под руководством Д.Е. Кичигина совместно со школьниками детского археологического лагеря ЦДЮТиК (г. Иркутск, руководитель М.Л. Бородина).

По результатам раскопок выяснилось, что погребение № 1 могильника Мыс Уюга было потревожено еще в древности, о чем свидетельствовало существенное нарушение целостности структуры скелета. Наличие надмогильной каменной конструкции проследить не удалось, человеческие останки фиксировались сразу под дерном. Судя по расположению костей черепа, отдельных позвонков и костей ног, погребенная женщина зрелого возраста располагалась вытянуто на спине, головой на ССЗ. В составе сопроводительного инвентаря: игольник из трубчатой кости птицы, резчик на медиальном сегменте пластины; проколка на дистальном сегменте пластины, отщеп со шлифованного изделия, призматические пластины (целые и их фрагменты) и отщепы, кусочек графитита, кости рыбы и клыки нерпы.

Но главной находкой стал развал сосуда хайтинского типа. Остродонная емкость сложной формы с выраженным устьем (118 фр.). Венчик прямой округлой формы, слегка отогнут наружу. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта вертикальными оттисками тонкого крученого шнура. На внутренних стенках отчетливо прослеживаются негативы плетеной/вязаной структуры. Преобладает вертикальный распад фрагментов. Устье сосуда с внешней стороны укреплено горизонтальной «лентой», шириной до 2,0–2,3 см, а сам венчик наложен тонким жгутиком – распад устья по фрагментам-частям хорошо прослеживается. Орнаментальная композиция покрывает верхнюю половину сосуда и состоит из горизонтальных прочерченных линий (15–16 линий), опоясывающих сосуд, и вертикальных зигзагов, выполненных короткими наклонными прочерченными линиями. Оба мотива поочередно зонально сменяют друг друга в горизонтальной проекции. Завершает орнаментальную композицию горизонтальный ряд коротких наклонных прочерченных линий (фестонов). Срез венчика орнаментирован наклонными вдавлениями, выполненными все тем же орнаментиром, в качестве которого использовался инструмент с плоским рабочим краем. Диаметр сосуда по венчику (внешний край) составляет 15 см, по тулову (экватор) – 15 см, высота изделия – 16 см (Кичигин, 2014).

Значимость этого погребения (№ 1) состояла в том, что впервые на территории Приольхонья было найдено неолитическое захоронение с керамикой хайтинского типа, которая до этого была отмечена только в материалах стоянок: Саган-Заба-II (VI и V нижний слои), Тышкинэ-II (IX и VIII слои), Шракшура-III (II слой) и др. Возраст культурных слоев этих объектов составляет 8,2–7,0 тыс. кал. л. н. (Горюнова, Новиков, 2017).

На сегодняшний день по погребению № 1 имеются две радиоуглеродные даты – 6910±30 л. н. (Beta-432253) и 7387±38 л. н. (OxA-33242), которые с учетом калибровки соотносятся с первой половиной VI тыс. до н. э.

Материалы раскопок

В целях обнаружения неолитических погребений, что ставилось главной целью работ 2016 г., в 6 м к западу от раскопа № 1, в меж грядовом понижении (в самой седловине), был заложен раскоп № 2, площадью 12 кв. м (3 х 4), ориентированный длинными сторонами по линии З-В с небольшим отклонением от севера – в 8°. Такое отклонение было обусловлено естественным рельефом юго-восточной части мыса: южная граница раскопа пролегала параллельно скальной гряде, которая ограничивала седловину с юга, за ней начинался

резкий обрыв в Байкал. В перспективе дальнейших исследований раскопочными квадратами охватывалась бы вся площадь седловины, в ее естественных границах.

На поверхности земли никаких каменных выкладок и отдельных торчащих камней не прослеживалось. В общей сетке перспективной площади вскрытия юго-восточной части мыса Уюга раскопочные квадраты раскопа № 2 впоследствии получили номера 12F, 12G, 12H, 13F, 13G, 13H, 14F, 14G, 14H, 15F, 15G, 15H.

После вскрытия дерна отмечалось колоссальное количество камней разных размеров, преимущественно мелких, разбросанных по всей площади раскопа и не составляющих каких-либо каменных конструкций – первый и второй уровни камней (рис. 2.1). Археологический материал, в большей степени, неолитического облика, фиксировался по всей площади раскопа сразу под дерном в кровле и средней части темно-серой супеси с включением дресвы и крупных фракций гнейса на глубине 6–27 см. Он включал призматические пластины и отщепы из кремня, фрагменты керамики хайтинского типа и фрагменты битой кости. Какой-либо определенной локации находки в раскопе не составляли.

На глубине 25–38 см от современной поверхности земли в квадратах 14F, 15F, 14G, 15G, 14H, 15H был зафиксирован третий уровень камней. В отличие от первых двух уровней здесь камни и плиты составляли подобие искусственной конструкции аморфной формы, размерами 2,6 х 1,7 м, вытянутой длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируют от 15 х 8 х 3 см до 39 х 18 х 7 см (рис. 2.2).

Эта каменная кладка изначально была принята нами за надмогильную конструкцию неолитического погребения с ориентировкой погребенного головой на северо-восток, что в целом отвечало главной цели работ 2016 г. Однако после разбора этой конструкции оказалось, что камни юго-западной части кладки являются остатками каменного перекрытия совсем другого погребения.

Погребение № 2 обнаружено в квадратах *14–15G*, *H* на глубине 37–45 см от современной поверхности земли. Надмогильная конструкция сильно разрушена, сохранились лишь камни северо-восточного сектора кладки и плиты перекрытия скелета А (рис. 2.2). Могильная яма ни на одном уровне расчистки не прослеживается. Захоронение одноярусное, парное, включало останки двух индивидуумов, располагавшихся рядом друг с другом. Кисти рук погребенных соприкасались. Погребенные уложены непосредственно на скальную поверхность (материк), которая была специально подготовлена (выровнена), о чем свидетельствует подбой материка в 30 см к западу от погребенных и более горизонтальное расположение костяков относительно современной наклонной поверхности земли и цоколя/материка (рис. 3.3).

Трупоположение вытянуто на спине, головой на ЗСЗ по азимуту 289°. Судя по первым половозрастным определениям, северный скелет (А) принадлежит мужчине, южный скелет (В) – женщине. Мужской скелет А в хорошей сохранности, лежит в анатомической последовательности. Череп покоится на левой височной кости. Ноги у скелета прямые, слегка разведены, руки вытянуты вдоль тела, кисть левой руки в сомкнутом положении, кисть правой – соприкасается с кистью скелета В и незначительно покрывает ее. Правую ступню накрывает каменная плита бурого цвета (возможно, результат нагрева в костре). Размеры плиты 24 х 16 х 4 см (рис. 4).

Женский скелет (В), в верхней его части, сильно потревожен. Отдельные ребра, позвонки, обе ключицы и нижняя челюсть черепа фиксировались в перемешанном состоянии на более высоких гипсометрических отметках в квадратах *13–14H,* что объясняется отчасти результатом жизнедеятельности полевых грызунов (рис. 2.1). Анатомический порядок сохраняют лишь кости левой руки, локтевая кость правой руки, тазовые кости и кости ног. Череп, к сожалению, не найден. Судя по сохраняющим анатомический порядок костям у скелета прямые ноги, руки вытянуты вдоль тела (рис. 3, 4).

На костях разных отделов скелета обоих индивидуумов отмечены остатки бересты, что свидетельствует о том, что погребенные были накрыты берестяным «покрывалом». К северо-востоку от

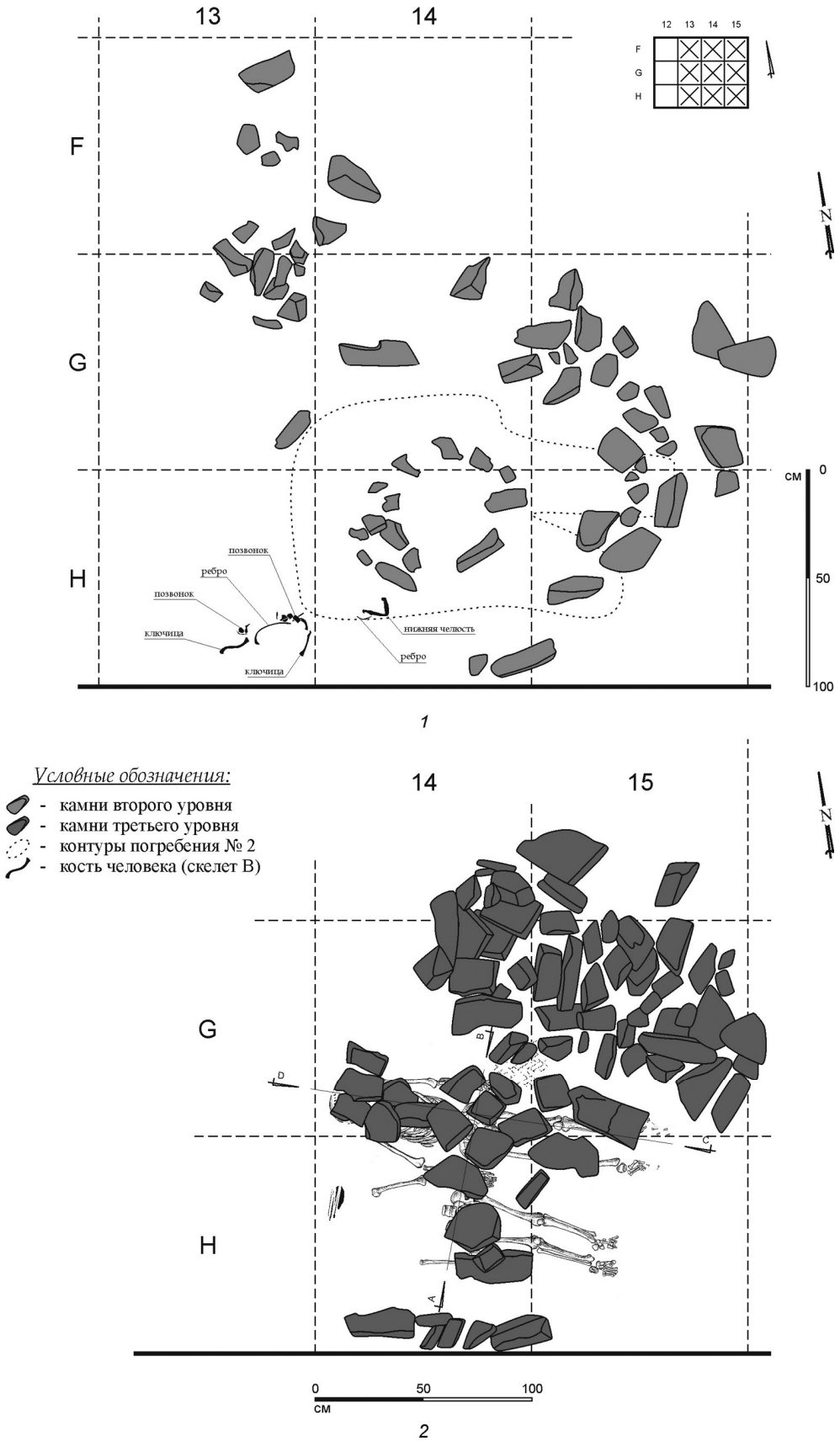


Рис. 2. Планы раскопа № 2. Второй (1) и третий (2) уровни камней, контуры погребения № 2
Fig. 2. Plans of the excavation No. 2. The second (1) and the third (2) levels of stones, the burial No. 2 contours

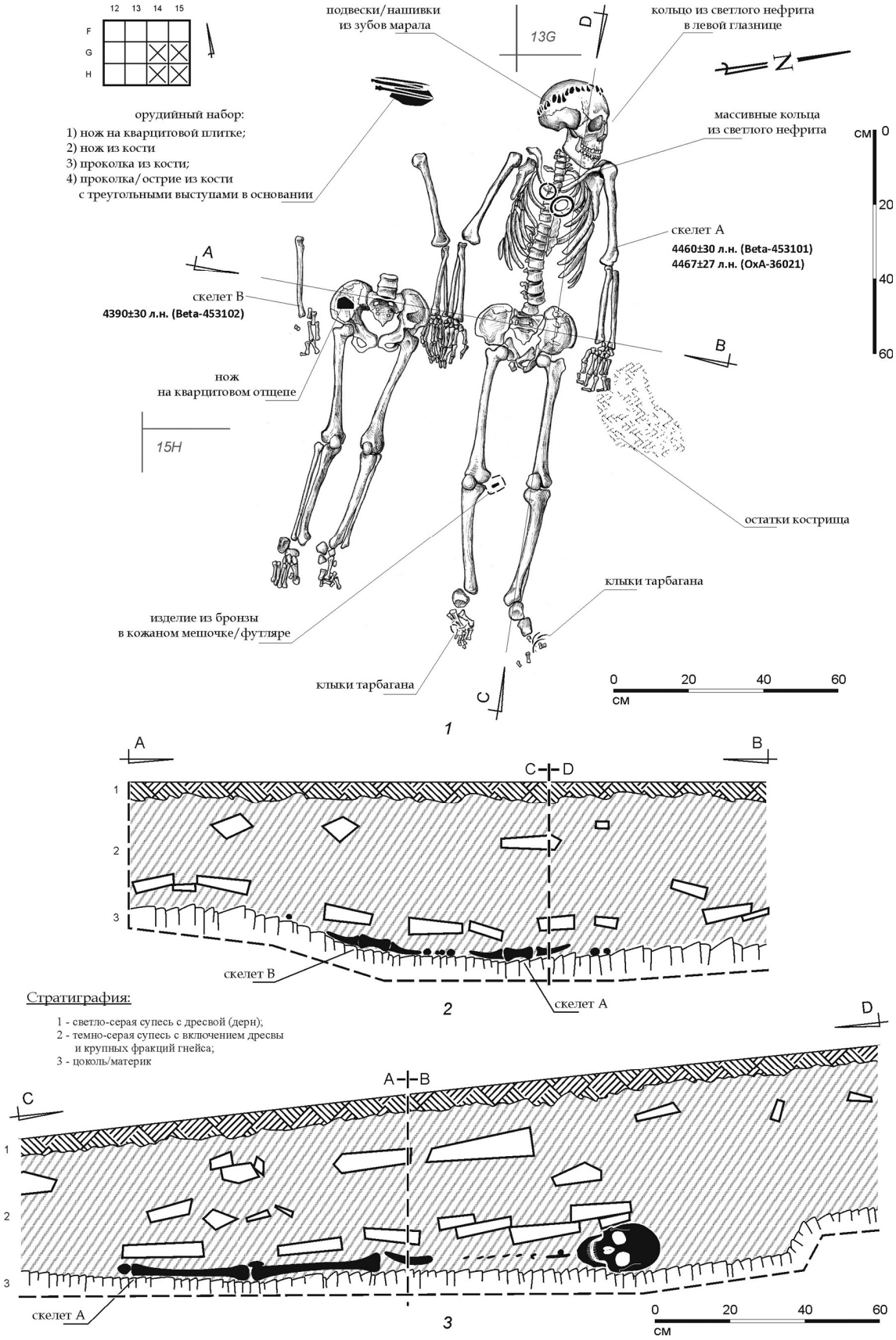


Рис. 3. Погребение № 2. План (1) и разрезы (2, 3)
Fig. 3.The burial No. 2 on a plan (1) and in sections (2, 3)

Рис. 4. Погребение № 2
Fig. 4. The burial No. 2

левой кисти скелета А отмечены остатки «очистительного огня». Размеры прокала 30 х 24 см (рис. 3.1; 4).

Сопроводительный инвентарь скелета А погребения № 2 включает элементы погребального костюма и одно изделие из меди/бронзы цилиндрической формы (рис. 3–7):

– *Подвески/нашивки из зубов марала.* На черепе зафиксировано 49 подвесок (нашивок) из зубов марала, которые, по-видимому, являлись украшениями головного убора (рис. 3.1, 7.1).

– *Кольца из светлого нефрита.* В левой глазнице найдено одно кольцо из светлого нефрита (рис. 5.4, 6.1). Размеры изделия: внешний диаметр 3,5 см, внутренний диаметр 1,6 см, толщина 0,5 см. На груди погребенного обнаружено три крупных кольца из светлого нефрита (рис. 5.1), одно из которых (внешний диаметр 5,5 см, внутренний диаметр 3,6 см, толщина 0,6 см) расположено к юго-западу от позвоночного столба (рис. 5.3), два других – одно вложено в другое – к северо-востоку (рис. 5.2, 5). Размеры самого большого кольца: внешний диаметр 7,8 см, внутренний диаметр 5,5 см, толщина 0,3–0,5 см (рис. 5.5). Размеры вложенного кольца: внешний диаметр 5,0 см, внутренний 3,3 см, толщина 0,2–0,4 см (рис. 5.2).

– *Металлическое изделие.* В 2 см к востоку от верхнего эпифиза большой берцовой кости (в районе правой коленки) отмечено металлическое изделие (из бронзы или меди?) цилиндрической формы, помещенное в кожаную сумку/чехол (рис. 6.2). В целях сохранения изделия предмет был извлечен вместе с землей и законсервирован. На момент написания статьи реставрационные работы еще не проведены.

– *Клыки тарбагана.* Поверх ступней погребенного отмечены клыки тарбагана (по три клыка на каждую ступню), которые, по-видимому, являлись украшениями обуви (рис. 7.2, 3).

Сопроводительный инвентарь скелета В погребения № 2 включает орудия из камня и кости (рис. 3.1, 4, 8). В районе головы отмечен набор из четырех орудий (рис. 8.1, 3, 4, 5), под правой тазовой костью – нож на кварцитовом отщепе (рис. 8.2).

– *Орудийный набор в районе головы.* Первое изделие, расположенное ниже всех остальных и выступившее в качестве подложки для костяных орудий – нож на массивной кварцитовой плитке, размерами 12,6 х 6,6 х 0,7 см. Лезвие, протяженностью по дуге 9,6 см, оформлено двухсторонней ретушью на одном из длинных краев (рис. 8.1). Три остальных изделия сделаны из кости. Два из них интерпретируются как проколки/шилья. Первая из них размерами 15,9 х 1,3 х 0,7 см (рис. 8.3). У второго острия, размерами 16,5 х 1,9 х 0,6 см, в основании имеются два треугольных выступа, предназначенных, возможно, для лучшей фиксации изделия к рукояти (возможно, из дерева) (рис. 8.4). Третье костяное орудие, размерами 16,1 х 0,9 х 0,4 см, выполнено на длинной кости посредством двухсторонней шлифовки (заточки) одного из ребер (рис. 8.5). Возможно, это нож для разделывания рыбы.

– *Нож на кварцитовом отщепе.* Под правой тазовой костью найдено еще одно изделие – нож на кварцитовом отщепе, размерами 4,8 х 3,6 х 0,3 см. Лезвие прямое, протяженностью 4,6 см, оформлено двухсторонней ретушью (рис. 8.2).

Каких-либо других находок – орудий или элементов погребального костюма – в районе женского скелета В не обнаружено.

Археологический материал, обнаруженный в раскопе № 2 и не относящийся к материалам погребения № 2, составляет 459 находок. Среди них: битая керамическая посуда, преимущественно неолитического времени (29,41 %), изделия и их фрагменты, отщепы и сколы из кремня и кварцита (20,04 %), изделия и их фрагменты из кости (0,65 %), фаунистические остатки и человеческие останки (фаланги, ребра, зубы и др.) (49,89 %). Количество находок на раскопочный квадрат составляет от 23 до 47 предметов.

Обсуждение

Подобные уюгинскому погребения хорошо известны в Приольхонье по результатам раскопок могильников неолита – раннего бронзового века Шаманский Мыс I, Улан-Хада II и IV, Харансин I, Сарминский Мыс, Улярба, Хужир-Нугэ XIV,

Рис. 5. Погребение № 2, скелет А. Кольца из светлого нефрита*: 1 – деталь погребения (фото); 2, 3, 5 – кольца в районе груди; 4 – кольцо в левой глазнице*

Fig. 5. The burial No. 2, skeleton A. Rings of light jade*: 1 – photo of the burial part; 2, 3, 5 – rings in the chest; 4 – a ring in the left eye-socket*

1

2

Рис. 6. Погребение № 2, скелет А. Детали погребения*: 1 – кольцо из светлого нефрита в левой глазнице; 2 – изделие из меди/бронзы цилиндрической формы в районе правой коленки*
Fig. 6. The burial No. 2, skeleton A. Photo of the burial parts: *1 – a ring of light jade in the left eye-socket; 2 – a cylindrical copper / bronze thing near right knee*

Рис. 7. Погребение № 2, скелет А. Элементы погребального костюма: *1 – подвески/нашивки из зубов марала; 2, 3 – клыки тарбагана*

Fig. 7. The burial No. 2, skeleton A. Burial costume decorations: *1 – pendants made of red deer teeth; 2, 3 – fangs of tarbagan marmot*

***Рис. 8. Погребение № 2, скелет В. Сопроводительный инвентарь**: 1 – массивный нож на кварцитовой плитке; 2 – нож на кварцитовом отщепе; 3 – проколка из кости; 4 – острие с треугольными выступами в основании; 5 – нож из кости*

***Fig. 8. The burial No. 2, skeleton B. Funeral set**: 1 – a knife made of quartzite tile; 2 – a knife made of quartzite flake; 3 – a bone awl; 4 – a bone point with triangular protrusions at the base; 5 – a knife made of bone*

Хадарта IV, Курма XI и др. (Конопацкий, 1982; Комарова, Шер, 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Качалова, Черников, 1992; Харинский, Сосновская, 2000; Горюнова, 2002; Горюнова, Новиков, Зяблин, Смотрова, 2004; Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Горюнова, Новиков, Лбова, 2010; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012). Они представляют отдельный пласт погребений, характеризующих ранний бронзовый век Прибайкалья, и относятся к так называемой *глазковской культурной общности* или *глазковскому культурно-историческому этапу*, который датируется в рамках конца IV – середине II тыс. до н. э. (Новиков, Горюнова, 2014).

Погребения глазковской культурной общности (термин «глазковские погребения» является устаревшим) отмечены в разных районах Прибайкалья и характеризуются определенным набором общих признаков, однако в ориентировке погребенных имеются территориальные различия.

Так, в долине р. Ангары преобладает СЗ ориентировка погребенных, интерпретируемая как речная – вниз по течению реки (Окладников, 1955). На Южном Байкале в захоронениях *южнобайкальского типа* погребенные располагались вытянуто на спине, головой на С (Туркин, Харинский, 2004). В Приольхонье – погребения *саган-нугэйского типа* с ориентировкой на З с небольшими меридиональными отклонениями (Харинский, Сосновская, 2000; Новиков, Горюнова, 2014). На Северном Байкале пока отмечено единственное погребение (Красный Яр I, № 5), в котором умершая женщина располагалась вытянуто на спине, головой на СЗ (Коростелев, 2003). В Южном Забайкалье – по материалам Фофановского могильника преобладающей является ориентировка погребенных головой на В, в редких случаях на ЮВ и СВ (Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008).

Среди общих черт следует выделить преобладающее трупоположение (вытянуто на спине), наличие берестяного чехла или «покрывала» для погребенного, засыпку охрой части погребения, очистительный огонь, наличие в составе сопроводительного инвентаря изделий из меди и бронзы, орудий из зеленого нефрита (топоры, тесла и ножи), наконечников стрел треугольной и листовидной форм, ножей-бифасов, костяных изделий (проколки, иглы и др.), украшений из белого нефрита (диски, кольца и полукольца) и зубов марала.

На сегодняшний день по раскопанному на мысе Уюга погребению № 2 имеются три радиоуглеродные даты, полученные по зубам обоих индивидуумов (табл., рис. 9).

С учетом калибровки и поправки на резервуарный эффект совершение погребения (наложением калиброванных дат) приходится на середину III тыс. до н. э. (Reimer et al., 2013; Schulting et al., 2014; Bronk Ramsey, 2017).

В сравнении с радиоуглеродными датами, полученными по останкам погребенных из ближайших к мысу Уюга могильников раннего бронзового века – Хадарта IV (в 1,7 км к ЗСЗ) и Курма XI (в 3,5 км к ССВ) – сами даты по погребению № 2 могильника Мыс Уюга являются более древними (Харинский, Сосновская, 2000; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012). Не исключено и можно отметить в качестве предположения, что первыми «глазковцами», населяющими район д. Курмы, для совершения погребений изначально был выбран мыс

Таблица

Радиоуглеродное датирование погребения № 2 могильника Мыс Уюга

Table

Radiocarbon dating of the grave Nr. 2 of the cemetery Mys Uyuga

№	Погреб., скелет	Материал	Дата, л. н.	Шифр	d13C	d15N	Калиброванный возраст, до н. э.
1.	2-А	зуб *HS*	4460±30	Beta-453101	-18,1	16,0	2840–2299
2.	2-А	зуб *HS*	4467±27	OxA-36021	-17,1	17,1	2863–2351
3.	2-В	зуб *HS*	4390±30	Beta-453102	-17,7	17,5	2470–2065

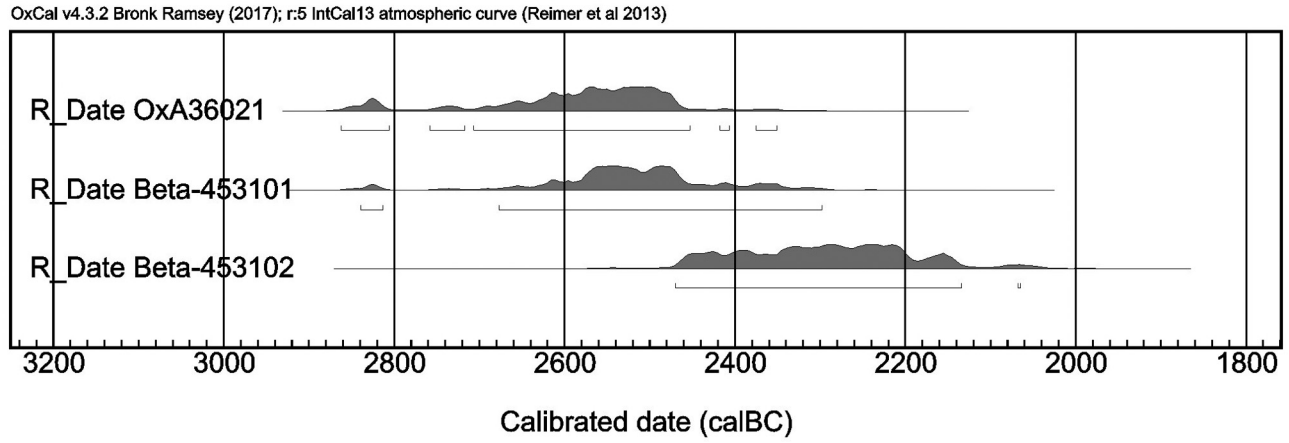


Рис. 9. Радиоуглеродное датирование по зубам индивидуумов А и В погребения № 2 могильника Мыс Уюга
Fig. 9. Radiocarbon dating of the burial No. 2 of the Mys Uyuga cemetery by teeth of human individuals A and B

Уюга. Но впоследствии по ряду причин (ограниченность пространства, большая концентрация более ранних погребений и др.) пришлось искать другое место для совершения погребений.

Культурный слой раскопа № 2 могильника Мыс Уюга – смешанный, компрессионный, мощностью 13–21 см, включает разрозненные культурные остатки главным образом эпохи неолита (и раннего бронзового века) и фаунистический материал, в том числе отдельные кости человека, не составляющие каких-либо сочленений (результата разброса). Характер культурного слоя раскопа объясняется как естественными (природными), так и антропогенными факторами.

На смешанный характер культурного слоя оказали влияние естественные склоновые процессы и деятельность полевых грызунов, чьи кости также фиксируются по всей площади раскопа. Нарушение части скелета В парного погребения № 2 также объясняется результатом жизнедеятельности сусликов – часть костей верхних отделов скелета разбросана по одной линии, возможно, соответствующей норе грызуна (рис. 2.1).

Однако ведущим фактором формирования культурного слоя могильника Мыс Уюга, на наш взгляд, выступает антропогенный фактор. Хаотичное распространение неолитического материала в комплексе с отдельными человеческими костями, фиксируемыми на разных глубинах в раскопе, скорее всего, свидетельствуют о том, что люди эпохи палеометалла, совершая погребения своих сплеменников (копали ямы, собирали камни), так или иначе уничтожали погребения предшествующего времени (сознательно или несознательно). Примечательно, что одним из характерных признаков погребений раннего бронзового века Приольхонья является наличие «очистительного огня» (рис. 3.1, 4). Не исключено, что погребения раннего бронзового века впоследствии также подвергались разграблению.

Заключение

Раскопанное в 2016 г. парное погребение № 2 могильника Мыс Уюга стало еще одним из более чем 180 подобных раскопанных погребений эпохи раннего металла в Приольхонье. Однако сам факт обнаружения достаточно хорошо сохранившегося погребения, не обозначенного на поверхности земли какими-либо первичными признаками погребального комплекса (западина, каменная конструкция и отдельно торчащие камни) кардинальным образом изменил представления авторов статьи на объект в целом. Станет очевидным, что незначительные по мощности рыхлые отложения седловины юго-восточной части мыса могут содержать как неолитические, так и раннебронзовые погребения.

Цель работ 2016 г. будет достигнута результатами работ на могильнике в 2017 г., когда оба раскопа (№ 1 – 2013 г. и № 2 – 2016 г.) будут объединены и расширена площадь вскрытия в пределах седловины юго-восточной части мыса. Тогда выяс-

нится, что в отличие от других некрополей эпохи неолита – палеометалла Приольхонья неолитические погребения на могильнике Мыс Уюга количественно преобладают над раннебронзовыми, примерно, в соотношении 80 % к 20 %. Таким образом, доступная для совершения погребений площадка на мысе Уюга к моменту распространения в районе первых изделий из бронзы в большей степени уже была занята погребениями новокаменного века.

Библиографический список

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 2002. 83 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Керамика раннего неолита из поселений побережья озера Байкал // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул. 2017. Т. 1. С. 137–140.

Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 1992. С. 41–56.

Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 2012. 271 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Лбова Л.В. Раскопки могильника бронзового века Хадарта IV на побережье оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. 2010. Т. 16. С. 181–185.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл), Новосибирск, 2004. 88 с.

Качалова Н.К., Черников С.С. Могильники в окрестностях поселка Харансы и озера Елгай на острове Ольхон // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 1992. С. 77–83.

Кичигин, Д.Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 93–97.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 1992. С. 32–41.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Коростелев А.М. Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы Всерос. (с междунар. участием) XLIII археолог.-этнограф. конф. и молод. ученых. Томск, 2003. С. 174–175.

References

Goriunova O.I. 2002. Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic and Bronze Age). Irkutsk: Irkutsk State University Publ. 83 p. (In Russ.)

Goriunova O.I., Novikov A.G. 2017. Ceramics of the Early Neolithic from the settlements of the coast of Lake Baikal. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo siezda v Barnaule* – Belokurikhe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul. Vol. 1. Pp. 137–140. (In Russ.)

Goriunova O.I., Khlobystin L.P. 1992. The dating of settlement and burials complexes of Ulan-Khada Bay. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. Pp. 41–56. (In Russ.)

Goriunova O.I., Weber A.W., Novikov A.G. 2012. Burial complexes of the Neolithic and Bronze Age in the Olkhon region: Kurma XI burial ground. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. 271 p. (In Russ.)

Goriunova O.I., Novikov A.G., Lbova L.V. 2010. Excavations of the burial site of the Bronze Age Khadarta IV at the coast of Lake Baikal. *Problemy arkheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk. Vol. 16. Pp. 181–185. (In Russ.)

Goriunova O.I., Novikov A.G., Zyablin L.P., Smotrova V.I. 2004. Ancient graves of the Ulyarba burial ground at Baikal (the Neolithic and Metal Ages). Novosibirsk. 88 p. (In Russ.)

Kachalova N.K., Chernikov S.S. 1992. Burial grounds in the vicinity of Haransy village and Lake Elga on Olkhon Island. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk. Pp. 77–83. (In Russ.)

Kichigin D.E. 2014. Neolithic burial at the cape Uyuga (Lake Baikal). *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Kyzyl. Vol. 1. Pp. 93–97. (In Russ.)

Komarova M.N., Sher Ya.A. 1992. Burial grounds of Ulan-Khada Bay. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. Pp. 32–41. (In Russ.)

Konopatskii A.K. 1982. The ancient cultures of Baikal (Olkhon island). Novosibirsk: Nauka Publ. 176 p. (In Russ.)

Korostelev A.M. 2003. Bronze Age burials at the coast of Northern Baikal. *Kultura Cibiri i sopredelnyh territorii v proshlom i nastoyashchem: materialy XLIII Vserossiiskoi arheologo-ehtnograficheskoi konferencii molodyh uchenyh* [Culture of Siberia and neighboring territories in the Past and Present. Materials of the XLIII All-Russian Archeological

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск, 2008. 248 с.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 296 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Погребальная практика охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 81–85.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3. 374 с. (МИА; № 43).

Туркин Г.В., Харинский А.В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 124–158.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркут. пед. университета, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 66–100.

Bronk Ramsey, C., 2017. OxCal 4.2.4.

Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Buck, C.E., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. Radiocarbon 55 (4), 1869–1887.

Schulting, R.J., Bronk Ramsey, C., Goriunova, O.I., Bazaliiskii, V.I., Weber, A. 2014. Freshwater reservoir offsets investigated through paired human-faunal 14C dating and stable carbon and nitrogen isotope analysis at Lake Baikal, Siberia. Radiocarbon 56(3): 991–1008.

Сведения об авторах

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Емельянова Юлиана Андреевна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский техниче-

and Ethnographic Conference of Young Scientists]. Tomsk. Pp. 174–175. (In Russ.)

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P. 2008. Burial complexes of the Neolithic and Early Bronze Age of Transbaikalia (the formation of archetypes of primitive culture). Novosibirsk. 248 p. (In Russ.)

Novikov A.G., Weber A.W., Goriunova O.I. 2010. Burial complexes of the Bronze Age of the Baikal region: Khuzhir-Nuge XIV cemetery. Novosibirsk. 296 p. (In Russ.)

Novikov A.G., Goriunova O.I. 2014. The burial practice of hunters-fishermen of the Bronze Age of Olkhon region. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Kyzyl. Pt. 1. Pp. 81–85. (In Russ.)

Okladnikov A.P. 1955. Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal region (MIA. № 43). Moscow-Leningrad: AS USSR Publ. Pt. 3. 374 p. (In Russ.)

Turkin G.V., Kharinskii A.V. 2004. The Shamanka II cemetery: to the question of the chronology and cultural affiliation of the Neolithic and Bronze Age burial complexes in South Baikal. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk. Iss. 2. Pp. 124–158. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Sosnovskaya N.S. 2000. The Bronze Age Khadarta IV cemetery. *Baikalskaya sibir v drevnosti* [Baikal Siberia in Antiquity]. Irkutsk: Irkutskogo pedagogicheskogo universiteta Publ. Iss. 2. Pt. 2. Pp. 66–100. (In Russ.)

Bronk Ramsey, C., 2017. OxCal 4.2.4.

Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Buck, C.E., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. Radiocarbon 55 (4), 1869–1887.

Schulting, R.J., Bronk Ramsey, C., Goriunova, O.I., Bazaliiskii, V.I., Weber, A. 2014. Freshwater reservoir offsets investigated through paired human-faunal 14C dating and stable carbon and nitrogen isotope analysis at Lake Baikal, Siberia. Radiocarbon 56(3):991–1008.

Information about the authors

Dmitrii E. Kichigin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, staff of the Laboratory of Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of the Peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Researching Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Yuliana A. Emel'yanova,
Cand. Sci. (History), staff of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of the Peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Researching Technical University,

ский университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: tonag@inbox.ru
Коростелев Алексей Михайлович,
научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

Критерии авторства

Д.Е. Кичигин, Ю.А. Емельянова, А.М. Кореслетев выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: tonag@inbox.ru

Aleksey M. Korostelev,
staff of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Researching Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

Attribution criteria

Kichigin D.E., Emel'yanova Yu.A., Korostelev A.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.5
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-47-66

Открытие памятников Мунх-Хайрханской культуры в горах Западного Саяна

© Н.А. Боковенко[a], А.А. Ковалев[b], И.П. Лазаретов[a]

[a] Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия
[b] Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация: В статье приведены данные о погребальных памятниках мунх-хайрханской культуры, обнаруженных в ходе спасательных археологических полевых работ в зоне проектируемого строительства железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино, проводимых отрядами Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством Н.А. Боковенко и И.П. Лазаретова в долине реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края). На могильнике Маральское 2 и Саяны-Пограничное 6 были исследованы, соответственно, по два кургана с типичными для этой культуры конструкцией и погребальным обрядом: захоронениями в миниатюрных неглубоких грунтовых ямах в сильно скорченном положении на левом боку головой в восточный сектор. На могильнике Маральское 2 наряду с этими памятниками были зафиксированы ритуальные сооружения, схожие с конструкциями, ранее исследованными на могильниках мунх-хайрханской культуры в Монголии (описанию этих сооружений будет посвящена отдельная публикация). Найденное в кургане 46 могильника Саяны-Пограничное 6 бронзовое кольцо с двумя литыми раструбами находит аналогии в материалах мунх-хайрханской культуры, глазковской культуры, культуры Сыба, памятниках Синьцзяна периода поздней бронзы. По костям человека из погребений, раскопанных на могильнике Маральское 2, получены две радиоуглеродные даты: Le-10597: 3240±130 BP, 1879 (95, 4%) 1214 calBC (курган 13); Le-10598: 2940±160 BP, 1505(95,4 %) 807 calBC (курган 30). Эти данные свидетельствуют о присутствии носителей мунх-хайрханской культуры в горном массиве Западного Саяна, по крайней мере, в поздний период ее существования.

Ключевые слова: Западный Саян, Монголия, Китай, Прибайкалье, мунх-хайрханская культура, глазковская культура, культура Сыба, бронзовый век, бронзовые украшения, погребальный ритуал

Благодарности: Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственной работы: № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

Информация о статье: Дата поступления 12 марта 2019 г.; дата принятия к печати 8 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Боковенко Н.А., Ковалев А.А., Лазаретов И.П. Открытие памятников Мунх-Хайрханской культуры в горах Западного Саяна // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 47–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-47-66

Discovery of Munkh-Khairkhan culture sites in Western Sayan mountains

© Nikolay A. Bokovenko[a], Alexey A. Kovalev[b], Igor P. Lazaretov[a]

[a] Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russian Federation
[b] Insitute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract: The article presents data on the burial sites of Munkh-Khairkhan culture discovered during rescue archaeological fieldwork in the area of the construction of the Elegest-Kyzyl-Kuragino railway line conducted by the Sayan Archeological Expedition units of the IHMC RAS under the direction of N.A.Bokovenko and I.P.Lazaretov in the valley of the river Idzhim (Yermakovsky district of the Krasnoyarsk Krai). On the Maral'skoye 2 and Sayany-Pogranichnoe 6 burial grounds, four mounds with

a typical for Munkh-Khairkhan culture construction and burial rite, were investigated, respectively: burials in miniature earthen pits in a highly crouched position on the left side of the head in the eastern sector. At the Maral'skoye 2 burial site, along with these monuments, ritual structures similar to the structures previously investigated on the Munkh-Khairkhan cemeteries in Mongolia were discovered (a separate publication will be devoted to the description of these structures). A small bronze ring with two cast trumpets found in the mound 46 of the Sayany-Pogranichnoe 6 burial ground, finds similarities in the artifacts of Munkh-Khairkhan culture, Glazkovo culture, Siba culture, and in sites of Xinjiang of the Late Bronze period. Two 14C dates were obtained from the human bones from the burials excavated at the Maral'skoye 2 burial ground: Le-10597: 3240 ± 130 BP, 1879 (95.4 %) 1214 calBC (mound 13); Le-10598: 2940 ± 160 BP, 1505 (95.4 %) 807 calBC (mound 30). These data indicate the presence of the Munkh-Khairkhan culture in the mountain range of the Western Sayan at least in the late period of existence of this culture.

Keywords: Western Sayan, Mongolia, China, Cisbaikalia, Munkh-Khairkhan culture, Glazkovo culture, Siba culture, Bronze Age, bronze decorations, funeral rite

Acknowledgements: The study was conducted as part of the Program of Basic Scientific Research of State Academies of Sciences (or BSR SAS) on the topic of public work: № 0184-2018-0009."The interaction of ancient cultures of Northern Eurasia and the civilizations of the East in the Era of Paleometal (IV – I thousands BC)".

Article info: Received March 12, 2019; accepted for publication April 8, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Bokovenko N.A., Kovalev A.A., Lazaretov I.P. Discovery of Munkh-Khairkhan culture sites in Western Sayan mountains. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 47–66. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-47-66

В 2012–2014 годах в ходе спасательных археологических полевых работ в зоне проектируемого строительства железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино, проводимых отрядами Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством Н.А. Боковенко и И.П. Лазаретова в долине реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) (Александров, Боковенко, Лазаретов, Поляков, 2013; Александров, Боковенко, Городилов и др., 2015), были исследованы погребальные курганы и ритуальные сооружения, особенности которых указывают на их принадлежность к недавно открытой в Монголии мунх-хайрханской культуре XVIII(XIX)–XIV вв. до н. э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014; Эрдэнэбаатар, 2016; Ковалев, 2017). Такие памятники были исследованы в Западном Саяне впервые и на сегодняшний день являются наиболее северными из всех известных объектов, соответствующих критериям, предложенным исследователями новой культуры. Косвенным свидетельством присутствия мунх-хайрханских традиций в культуре населения юга Красноярского края в эпоху развитой бронзы, как уже отмечалось (Ковалев, 2017. С. 62–63) могут считаться также находки характерных для мунх-хайрханских памятников пластинчатых однолезвийных бронзовых ножей (с треугольным сечением по всей длине) в 7-м («окуневском») слое стоянки Тоора-Даш (Семенов, 2018. Рис. 178) и в «кладе» из Верхней Мульги (Курагинский район Красноярского края), где такой нож был найден вместе с кельтом и наконечником копья сейминско-турбинского облика (Леонтьев, 2002; 2007).

Отличительными признаками мунх-хайрханских курганов, исследованных в пределах обширной территории от главного хребта Монгольского Алтая на западе до бассейна Селенги на востоке (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014; Эрдэнэбаатар, 2016; Ковалев, 2017), являются совершенно плоская насыпь круглой или квадратной в плане формы, выложенная, как правило, из одного слоя камня; крепида, как правило, не выражена, край кургана образован аккуратно подогнанными плоскими камнями. Погребения совершались в небольших подовальных в плане ямах, глубиною немного более метра, в сильно скорченном положении (стопы поджаты к тазу) на левом боку (в том числе с завалом на живот), головой в восточный сектор, одна рука обычно направлена к тазу, другая – согнута в локтевом суставе под прямым уг-

лом. После устройства погребения могильная яма аккуратно закладывалась камнями, образующими многослойную кладку непосредственно на теле погребенного. Одна или несколько крупных плит устанавливались вертикально вдоль стенок могильной ямы. Погребальные сооружения мунх-хайрханской культуры часто сопровождаются ритуальными конструкциями, составленными из прямоугольных и полукруглых каменных платформ и небольших стел (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. Рис. 13–15).

Как минимум четыре погребальных кургана, которые можно отнести по этим признакам к мунх-хайрханской культуре, были исследованы в верхнем течении реки Иджим на соседних могильниках Маральское 2 и Саяны-Пограничное 6 (рис. 1). На могильнике Маральское 2 также были открыты ритуальные сооружения, входившие, видимо, в единый комплекс с указанными курганами (рис. 2; на плане приведены только сооружения, отнесенные к мунх-хайрханскому кругу памятников).

Курган Маральское 2 № 13 находился в центральной части могильника. Округлая в плане насыпь кургана мощностью около 0,4 м и размерами в плане 7,5 м с севера на юг и 6,3 м с запада на восток была сложена из крупных обломков гранита в один слой, промежутки между которыми были забиты более мелким камнем в два-три слоя (рис. 3, 4). Край насыпи был аккуратно выложен подогнанными друг к другу камнями в один слой. Центр насыпи был маркирован крупными, напоминающими блоки, необработанными валунами гранита. Камни были уложены около могильной ямы, частично разрушенной при вторжении грабителей (рис. 5). В заполнении могильной ямы были зачищены еще более массивные гранитные плиты, одна из которых, размерами 100 х 60 х 8 см, стояла наклонно вдоль реконструируемой северо-восточной стенки могильной ямы. Реконструируемая по расположению камней заклада и сохранившихся in situ костей погребенного могильная яма имела, видимо, овальную в плане форму размерами до 1,3 х 1 м, глубину около 0,6 м от уровня древнего горизонта, и была ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 3, 6). На дне могильной ямы были зачищены находящиеся в анатомическом порядке кости ног мужчины старше 40 лет (со следами краевых разрастаний по периметру суставных поверхностей длинных костей) (определение кандидата исторических наук И.Г. Широбокова), ноги погребенного были сильно согнуты в коленях, колени почти сомкнуты, пятки и головки бедренных костей направлены на север, колени – на юго-восток. По сохранившимся in situ костям можно утверждать, что погребенный был уложен на левом боку, головой на юго-восток. Перед бедренными костями на уровне дна могилы были расчищены лежавшие в анатомическом порядке длинные кости левого предплечья, ориентированные по линии северо-запад (локоть) – юго-восток (запястье), что говорит о том, что левая рука была уложена вдоль туловища (плечо) и согнута в локтевом суставе. Ребра, позвонки, зубы, кости стоп того же человека были собраны в пределах грабительского хода среди камней разрушенного заклада могильной ямы.

В 5 м к западу от кургана № 13 были зачищены две прямоугольные каменные ритуальные ограды (объекты 5А, 5Б), составленные из горизонтально уложенных плиток и каменных столбиков (рис. 2, 7).

Курган Маральское 2 № 30 был открыт в 12 м к юго-востоку от кургана 13. Его округлая плоская насыпь диаметром около 4,2 м, подвергшаяся разрушению в южной части, была сложена из крупных обломков гранита в один слой, между которыми встречались включения более мелких камней в два слоя (рис. 8–10). Периметр насыпи был маркирован аккуратно подогнанными друг к другу блоками. В центральной части насыпи на уровне погребенной почвы были уложены крупные гранитные плиты, видимо, маркирующие местоположение могильной ямы. В геометрическом центре кургана камни были разобраны грабителями, которые пробили здесь шурф глубиной около 0, 3 м от уровня древней дневной поверхности. Могильная яма была смещена к северу от центра кургана, вследствие чего грабители разрушили лишь ее южную часть. Реконструируемая по прослеженным на уровне дна участкам стенок и расположению сохранив-

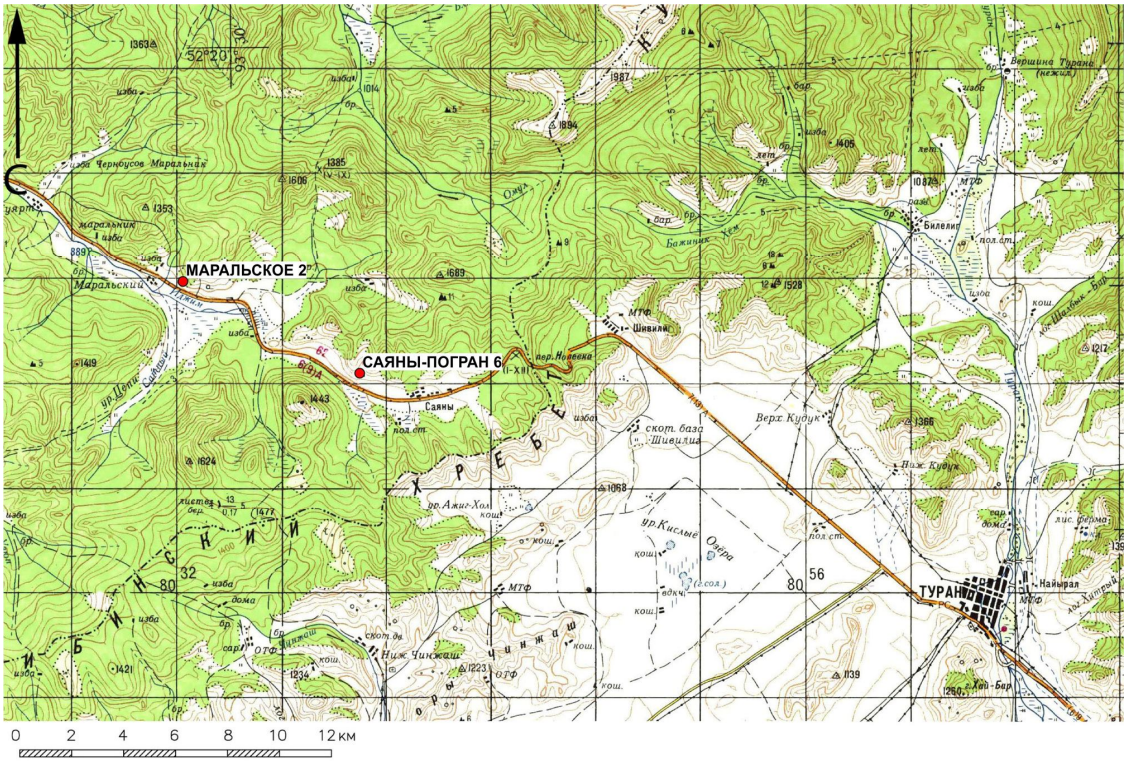


Рис. 1. Карта-схема расположения могильников Маральское 2 и Саяны-Пограничное 6 в долине реки Иджим
Fig. 1. Map layout of the burial grounds Maral'skoe 2 and Sayany-Pogranichnoe 6 in the valley of the river Idzhim

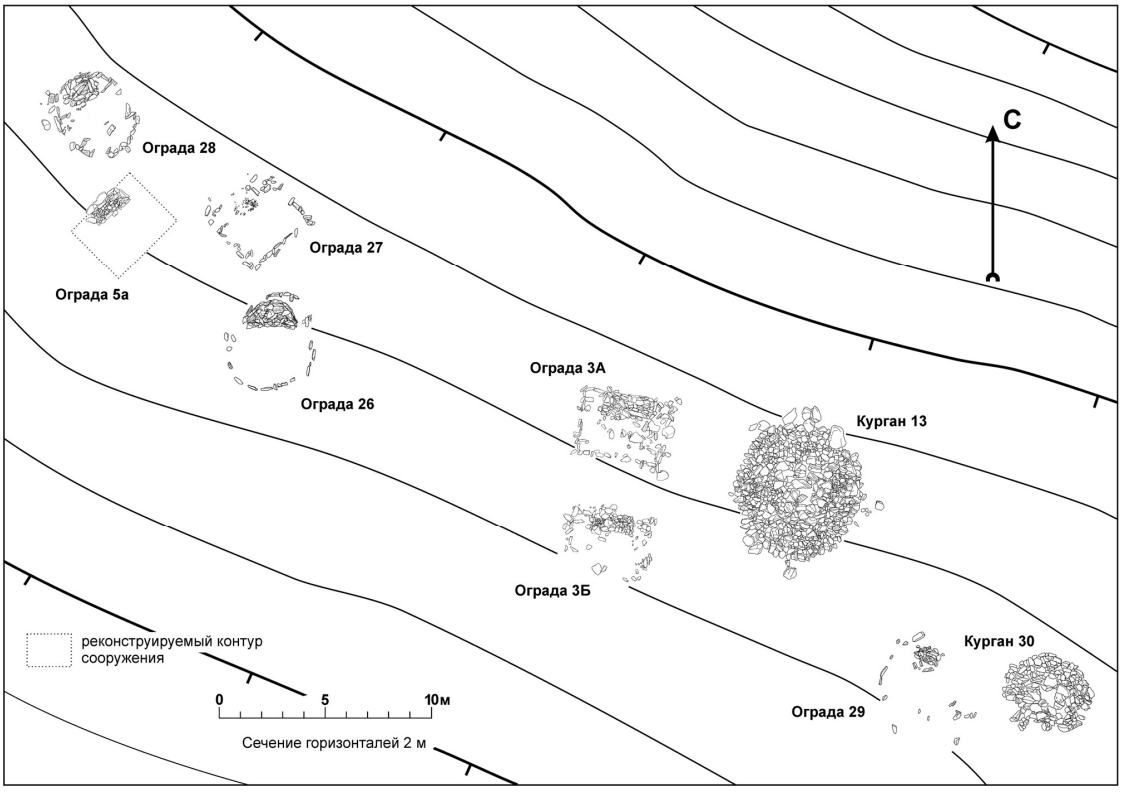


Рис. 2. Общий план расположения погребальных и ритуальных сооружений мунх-хайрханской культуры на исследованной площади могильника Маральское 2
Fig. 2. The general plan of the location of the burial and ritual structures of the Munkh-Khairkhan culture in the investigated area of the Maral'skoe 2 burial ground

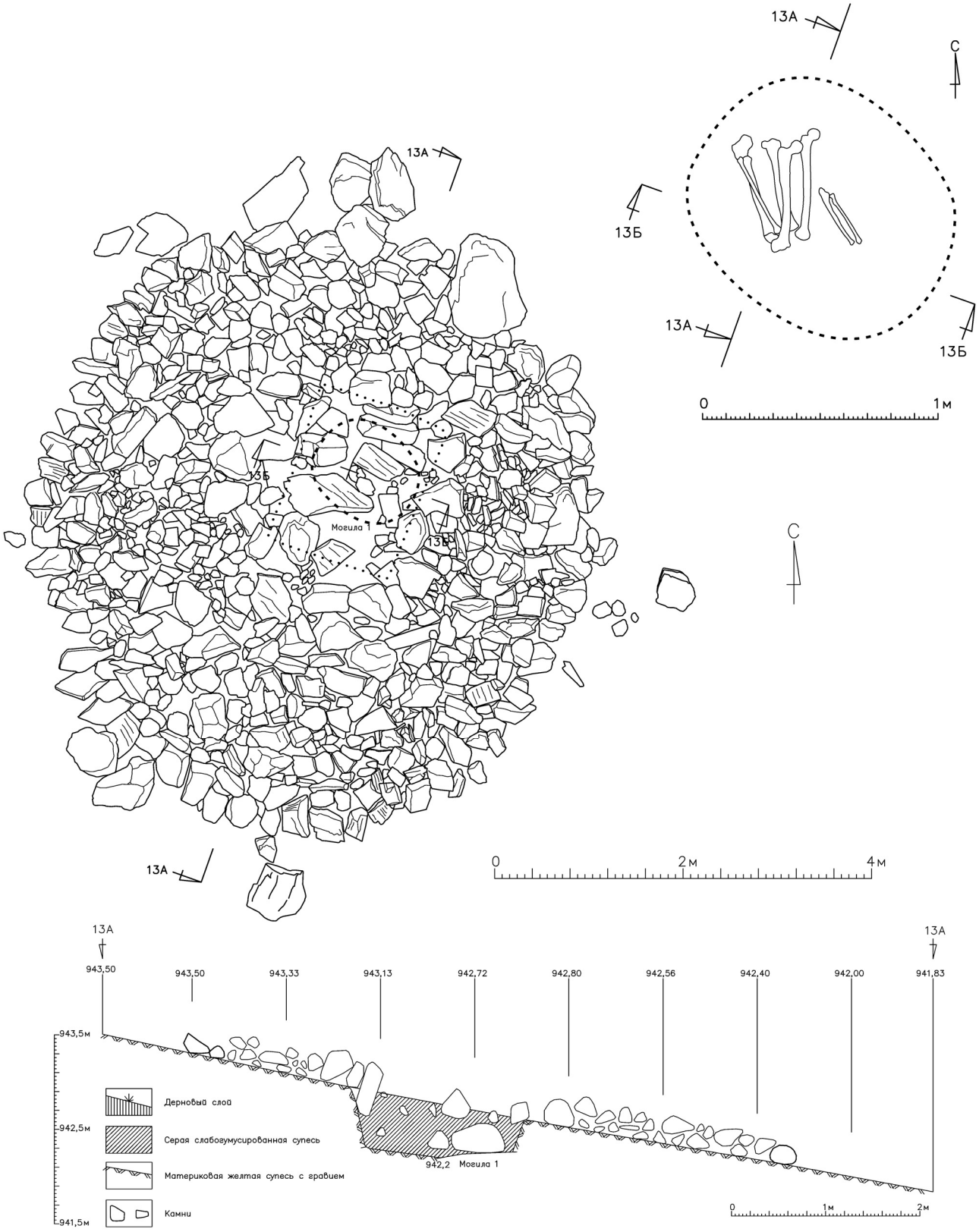


Рис. 3. Курган Маральское 2/13. План, разрез, план могилы
Fig. 3. Maral'skoye 2/13 mound. Plan, section, plan of grave

Рис. 4. Курган Маральское 2/13. Общий вид с юга
Fig. 4. Maral'skoye 2/13 mound. View from the south

Рис. 5. Курган Маральское 2/13. Каменные блоки в обкладке и заполнении могильной ямы. Вид с юга
Fig. 5. Maral'skoye 2/13 mound. Stones around and into grave pit. View from the south

Рис. 6. Курган Маральское 2/13. Погребение. Вид с юга
Fig. 6. Maral'skoye 2/13 mound. Burial. View from the south

Рис. 7. Ритуальные оградки Маральское 2/3А-3Б. Вид с востока
Fig. 7. Maral'skoye 2/3A-3B ritual structures. View from the east

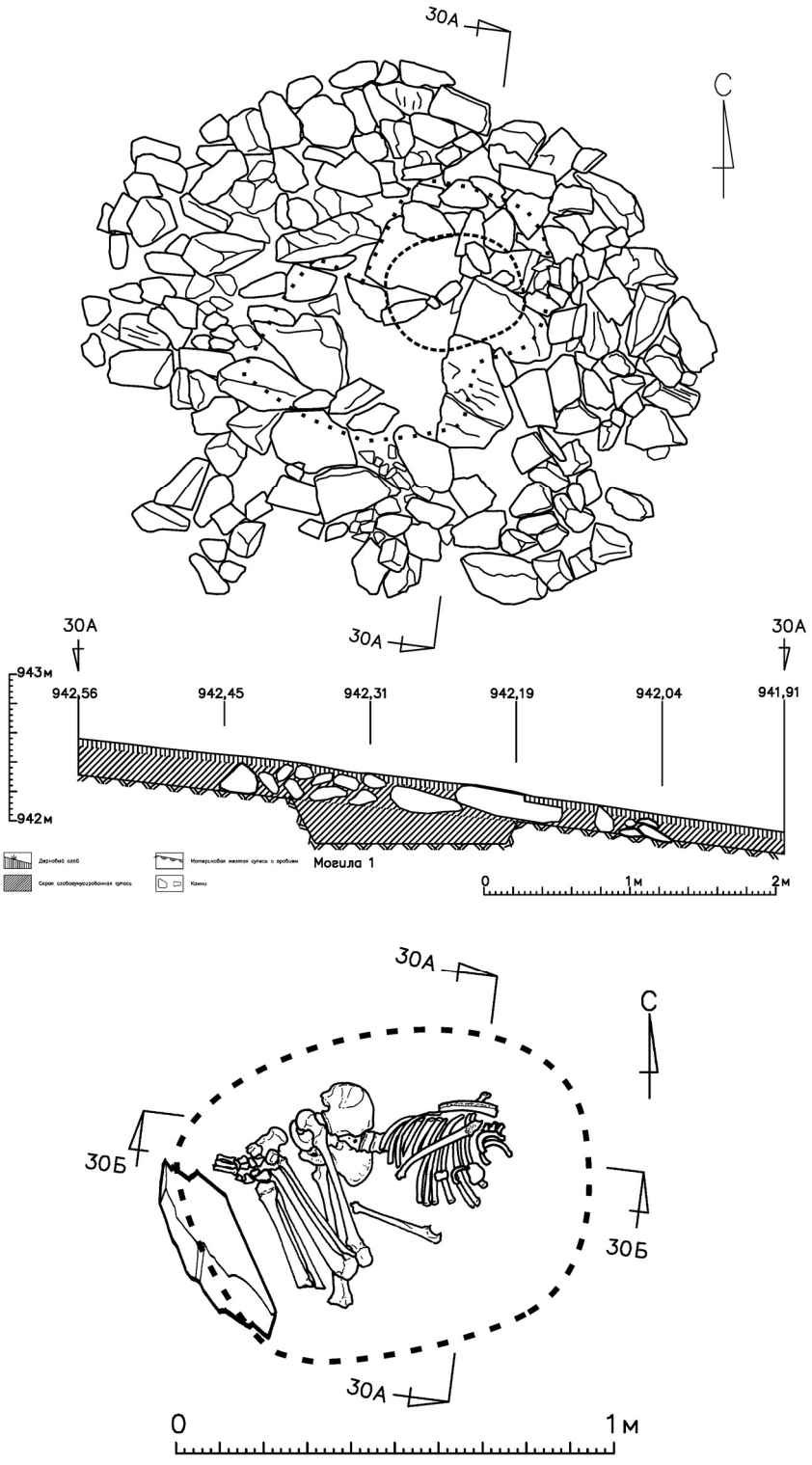


Рис. 8. Курган Маральское 2/30. План, разрез, план могилы. Точками отмечены границы раскопа грабительской ямы

Fig. 8. Maral'skoye 2/30 mound. Plan, section, plan of grave. Prospection hole of robbery marked by points

Рис. 9. Курган Маральское 2/30. Общий вид с запада
Fig. 9. Maral'skoye 2/30 mound. View from the west

Рис. 10. Курган Маральское 2/30. Камни, составляющие край платформы, и могила. Вид с юга
Fig. 10. Maral'skoye 2/30 mound. Stones at the edge of platform and grave. View from the south

шихся in situ костей погребенного могильная яма имела, видимо, овальную в плане форму размерами до 1,2 х 1 м, глубину около 0,3 м от уровня древнего горизонта и была ориентирована длинной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 8, 10, 11). На дне могильной ямы был зачищен скелет подростка 14–16 лет (определение И.Г. Широбокова), уложенного в скорченнном положении, на левом боку, головой на восток-северо-восток (рис. 8, 11). Ноги погребенного сильно согнуты в коленях и прижаты пятками к тазу. Правая плечевая кость направлена дистальным эпифизом к тазу. Череп и кости левой руки отсутствуют, зубы и два мелких фрагмента черепа были встречены в заполнении могилы. В ногах погребенного параллельно берцовым костям у стенки ямы была вертикально установлена необработанная плита серого гранита высотой 32 см, шириной до 30 см в основании и толщиной до 18 см. Аналогичным образом каменная плита была установлена у стенки ямы в ногах погребенного в мунх-хайрханском кургане Улаан говийн удзуур 1/1 (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. Рис. 3, 4).

В 3 м к западу от кургана выявлены фрагменты сильно разрушенной подпрямоугольной ограды из каменных столбиков, совмещенных с ящичком, сложенным из каменных плиток (ограда 29) (см. рис. 2).

В 25 м к западу-северо-западу от кургана 13 располагались две пары оград из каменных столбиков и горизонтально уложенных плиток, состоящие из кольцевого и прямоугольного сооружения каждая (ограды 26, 27 и ограды 5а, 28) (рис. 2). Все обнаруженные на могильнике кольцевые и прямоугольные ограды включали контур из каменных столбиков и примыкающий к одной из сторон этого контура ящик из каменных плиток (рис. 12). Сочетание округлых и прямоугольных оградок такого типа, расположенных на краю могильного поля, зафиксировано на мунх-хайрханском могильнике Хух хушооны бом 1, расположенном в Баян-Тес сомоне Завханского аймака Монголии, на правом берегу реки Тес-хем (Тесийн гол), в 20 км от тувинской границы (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 207–210).

Саяны-Пограничное 6, курган 18. Плоская насыпь кургана диаметром около 6 м и высотой около 0,2 м состояла из глыб рваного скальника, уложенного преимущественно в один слой (рис. 13, 14). В центре насыпи прослеживались гранитные плиты обкладки могильной ямы, западающие в грабительскую воронку. Под ними была выявлена могильная яма подовальной формы, размерами в плане 1,2 х 0,7 м и глубиной до 0,2 м от уровня древней дневной поверхности (рис. 13, 15). Длинной осью яма была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. По стенкам ямы с юго-востока и северо-запада были установлены необработанные гранитные плиты. Северо-западная часть ямы была разрушена грабителями. На дне ямы был зачищен костяк мужчины 40–50 лет (определение Н.И. Лазаретовой), уложенного в сильно скорченном положении на левом боку головой на северо-восток. Кости позвоночника и часть ребер выброшены грабителями. Ноги погребенного были сложены в коленных суставах и прижаты пятками к тазу. Левая рука была уложена локтем вниз, предплечьем в направлении левого колена (кости предплечья обломаны грабителями). Правая рука была уложена локтем к тазу, предплечьем в направлении лица, кисть загнута и сложена в щепоть или кулак. Аналогичная поза покойного была зафиксирована в кургане мунх-хайрханской культуры Улаан говийн удзуур 1–1 (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. Рис. 3).

Саяны-Пограничное 6, курган 46. Плоская насыпь кургана, сложенная из каменных обломков в один слой, имела округлую в плане форму диаметром около 2,5 м, с юго-западной стороны с ней смыкался навал каменных глыб, видимо, выбранный грабителями из центра кургана и могильной ямы (рис. 16, 17). В свободном от камня пятне грабительской ямы в центральной части кургана было найдено бронзовое несомкнутое кольцо с раструбными литыми окончаниями (рис. 19.1). Сильно разрушенная грабителями могильная яма глубиной около 0,3 м от уровня древней дневной поверхности была несколько сдвинута к северо-востоку от центра кургана. Яма имела, видимо, подовальную в плане форму размерами в плане

Рис. 11. Курган Маральское 2/30. Погребение. Вид с запада
Fig. 11. Maral'skoye 2/30 mound. Burial. View from the west

Рис. 12. Ритуальная оградка Маральское 2/28. Вид с юго-запада
Fig. 12. Maral'skoye 2/28 ritual structure. View from the south-west

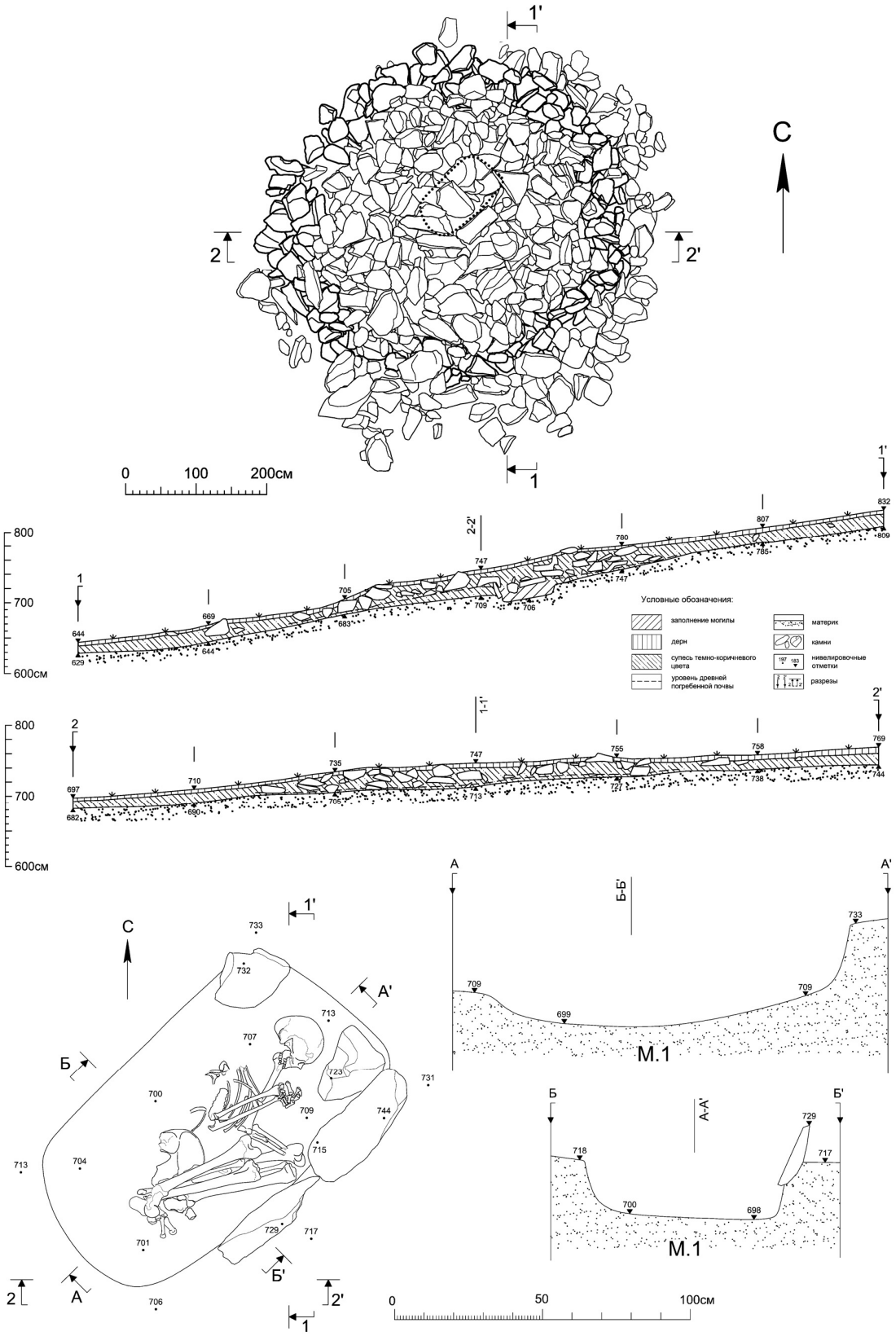


Рис. 13. Курган Саяны-Пограничное 6/18. План, разрезы, план могилы. Камни оформления края насыпи отмечены жирным контуром

Fig. 13. Sayany-Pogranichnoye 6/18 mound. Plan, sections, plan of grave. Stones making out the edge of mound marked by bold line

Рис. 14. Курган Саяны-Пограничное 6/18. Вид с юга
Fig. 14. Sayany-Pogranichnoye 6/18 mound. View fron the south

Рис. 15. Курган Саяны-Пограничное 6/18. Могила. Вид с юго-востока
Fig. 15. Sayany-Pogranichnoye 6/18 mound. Grave. View fron the south-east

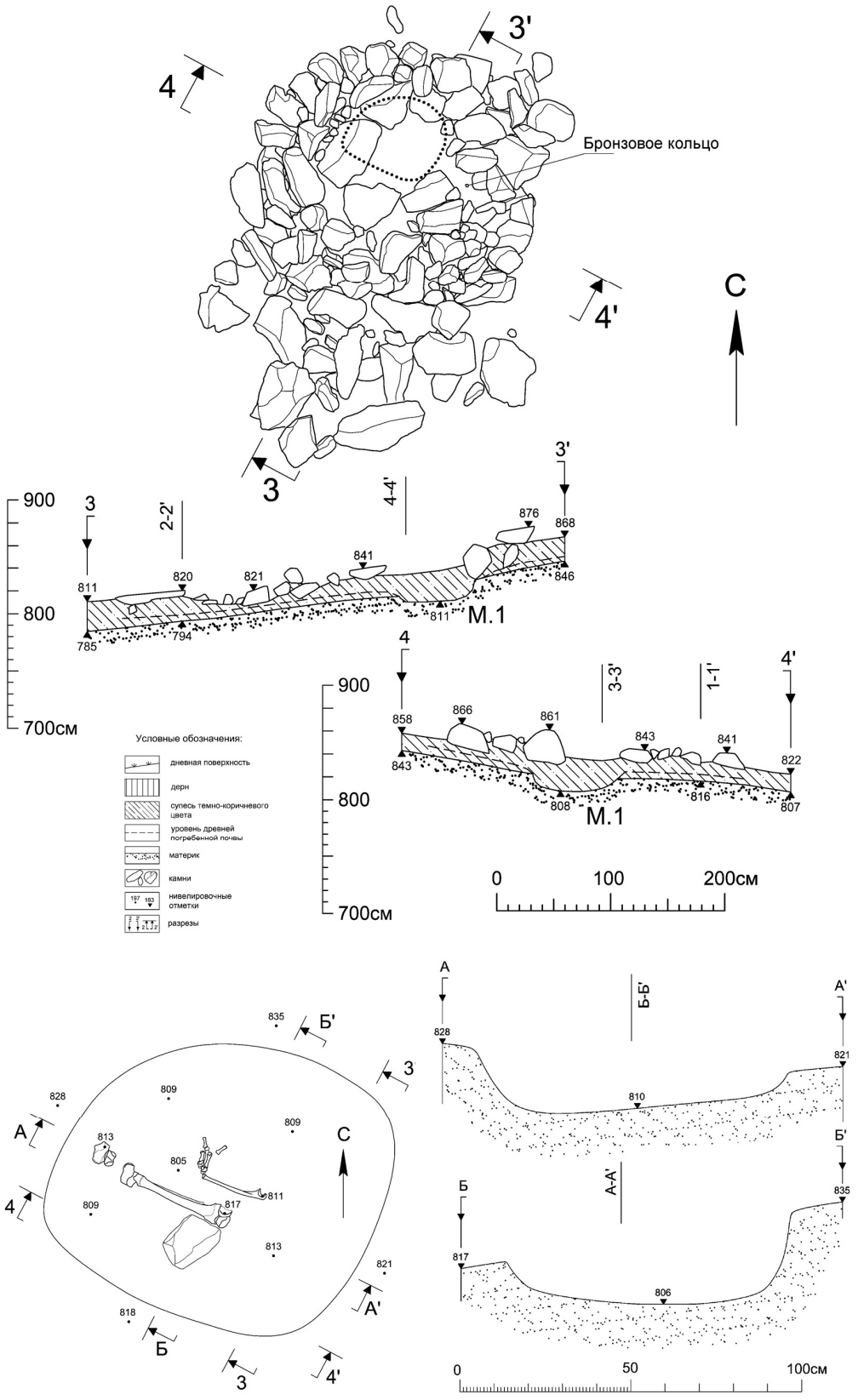


Рис. 16. Курган Саяны-Пограничное 6/46. План, разрезы, план могилы. Камни оформления края насыпи отмечены жирным контуром

Fig. 16. Sayany-Pogranichnoye 6/46 mound. Plan, sections, plan of grave. Stones making out the edge of mound marked by bold line

Рис. 17. Курган Саяны-Пограничное 6/46. Вид с запада
Fig. 17. Sayany-Pogranichnoye 6/46 mound. View fron the west

Рис. 18. Курган Саяны-Пограничное 6/46. Могила. Вид с юга
Fig. 18. Sayany-Pogranichnoye 6/46 mound. Grave. View fron the south

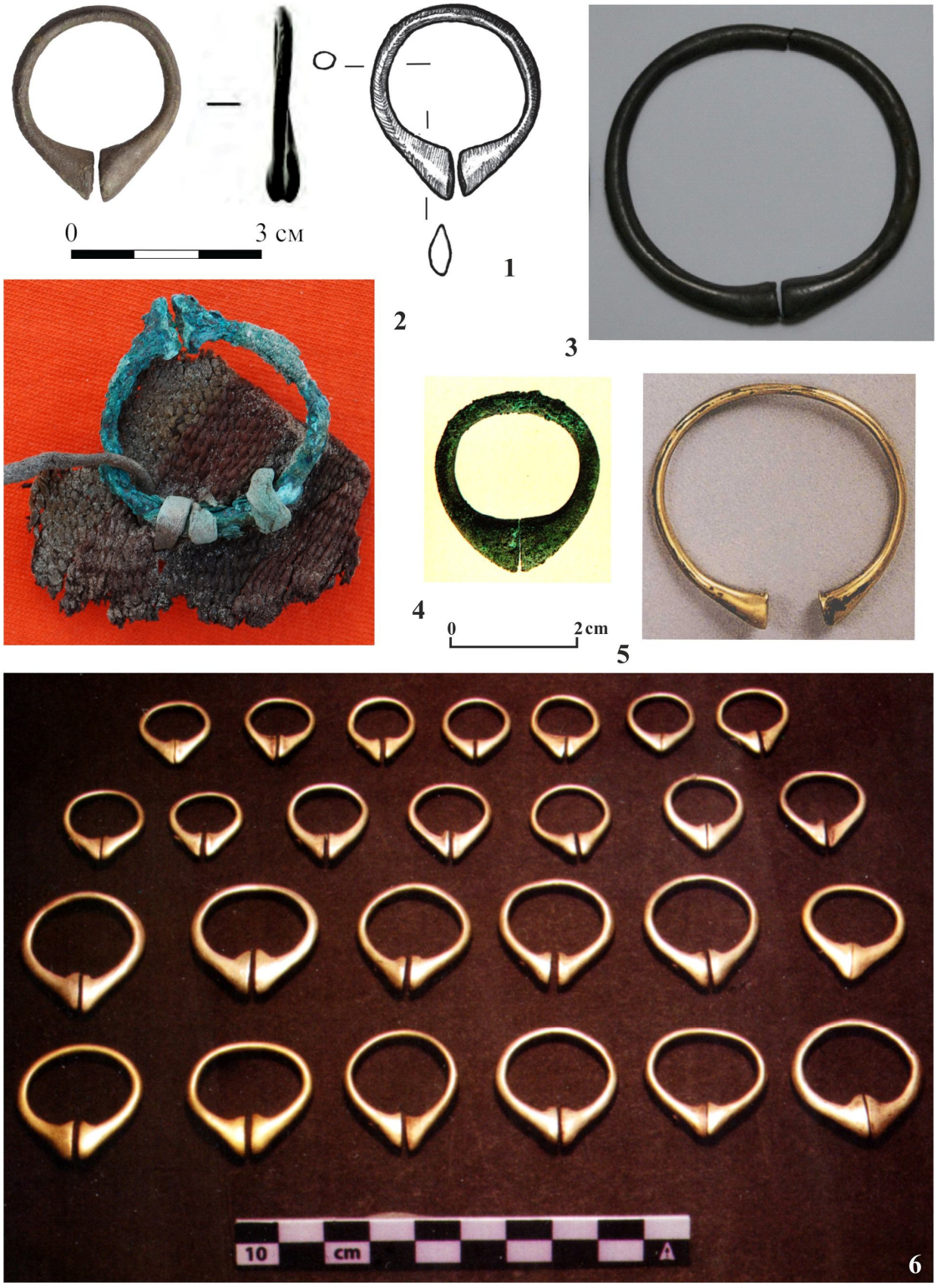


Рис. 19. Металлические несомкнутые кольца с литыми противопоставленными раструбами: *1 – Саяны-Пограничное 6/46 (Красноярский край, Россия); 2 – Шар говийн эхэн 1/1 (Баян-Ульги аймак, Монголия); 3 – Хар уулын гозгор 1/113 (Булганский аймак, Монголия); 4 – Яньбулак М48 (Синьцзян, Китай); 5 – могильник Хошаогоу (Ганьсу, Китай); 6 – Ушитала (Синьцзян, Китай). 1–4 – бронза, 5, 6 – золото*

Fig. 19. Metal rings with two cast trumpets: *1 – Sayany-Pogranichnoye 6/46 (Krasnoyarsky Krai, Russia); 2 – Shar goviin ekhen 1/1 (Bayan-Olgii aimag, Mongolia); 3 – Khar Uulyn Gozgor 1/113 (Bulgan aimag, Mongolia); 4 – Yanbulake M48 (Xinjiang, China); 5 – Huoshaogou (Gansu, China); 6 – Wushitala (Xinjiang, China). 1–4 – bronze; 5, 6 – gold*

около 1 х 1 м (рис. 16, 18). На дне ямы обнаружены останки подростка 13–14 лет (определение Н.И. Лазаретовой), представленные лежащими in situ левой большой берцовой костью, костями левой стопы и колена, а также локтевой кости и костей кисти правой руки. Судя по расположению костей, покойный был уложен на левом боку с завалом на живот, головой на восток, ноги сильно скорчены, правая рука протянута вдоль туловища и загнутой кистью обращена к лобку. Аналогичная поза покойного была зафиксирована в кургане мунх-хайрханской культуры Хар уулын гозгор 1/113 (Булганский аймак Монголии) (Эрдэнэбаатар, 2016. Рис. 44).

Обнаруженное в кургане 46 бронзовое колечко с литыми раструбами находит себе аналогии в исследованных курганах мунх-хайрханской культуры: в кургане Шар говийн эхэн 1/1 такое кольцо было закреплено кожаным шнурком на устье(?) тканого шерстяного мешка (рис. 19. 2) (Ковалев, Мунхбаяр, 2018. С. 54. Рис. 13: 3,4), в кургане Хар уулын гозгор 1/113 (рис. 19. 3) такое кольцо было найдено in situ между тазом и пятками погребенного (при том, что в области черепа были уложены два височных кольца) (Эрдэнэбаатар, 2016. Рис. 44), в кургане Хотуу даваа 1/1 был обнаружен фрагмент такого же предмета (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. Рис. 16. 8). Радиоуглеродные датировки по костям погребенных в курганах Шар говийн эхэн 1/1 и Хотуу даваа 1/1 укладываются в период XVII–XV вв. до н. э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 197; Ковалев, Мунхбаяр, 2018. С. 56). В двух погребениях глазковской культуры кольца, почти идентичные кольцу из Хар уулын гозгор 1/113, найдены не в одном экземпляре, а парами, однако в погребении № 3 Сухой пади они располагались под спиной погребенного (Окладников, 1974. С. 120), а в погр. 9 мог. Шаманка-II они были найдены «в скоплении между бедренными костями» вместе с набором крупных костяных и роговых изделий (Туркин, Харинский, 2004. С. 140). Исходя из этих данных, кольца с двойными литыми раструбами нельзя считать головными украшениями; их назначением могло быть украшение холщовых емкостей или иных органических предметов. Раструбное золотое кольцо, по пропорциям соответствующее находкам из Восточной Сибири, было найдено в могильнике Хошаогоу на западе Ганьсу (городской округ Юймэнь) (рис. 19. 5) (Ян Бода, 2004. С. 6. № 9). Хотя материалы раскопок этого могильника, исследованного еще в 1976 году, до сих пор не опубликованы, известны три радиоуглеродные даты по углю, полученные из перекрывающего могилы культурного слоя. Эти даты, как и дата по деревянной конструкции из могилы М84, с учетом калибровки относят могильник к первой половине 2 тыс. до н. э. (Цзюцюань Ганьгуя, 2016. С. 296).

Вышеописанные кольца в целом крупнее и «грацильнее» рассматриваемого предмета. Наиболее близкими по пропорциям кольцу из кургана 46 являются находки из Синьцзяна: бронзовое кольцо из могилы М48 могильника Яньбулак в округе Хами (рис. 19. 4) (Синьцзян вэйуэр..., 1989. С. 345–346; Лю Гожуй, Ци Сяошань, 1997. С. 30. № 76) и 26 золотых колец диаметром от 1,8 до 3 см, обнаруженных в волости Ушитала уезда Хошуд (Хэшо) Баян-Гол-Монгольского автономного округа (Ци Сяошань, Ван Бо, 2015. С. 153). По материалам могильника Яньбулак получены 10 радиоуглеродных дат, из которых две попадают на IX–VII века до н. э., а остальные – в пределы 2 тыс. до н. э. с большим разбросом (Хань Цзянье, 2007. С. 34). В могильнике найдены бронзовые ножи и наконечники стрел, относящиеся к периоду поздней бронзы, а также некоторые более поздние артефакты. Датировку могильника Хань Цзянье растягивает на период с 1300 по 100 гг. до н. э. (Хань Цзянье, 2007. С. 40), Ли Шуйчэн исходит из общей датировки 1300–700 гг. до н. э., предполагая, что большая часть материала могильника относится к эпохе бронзы (Ли Шуйчэн, 2008. С. 374). Авторы раскопок подразделяют погребения на три горизонта, причем могила М48 отнесена раскопщиками к 3-му, позднейшему горизонту, только потому, что она была построена на «поверхности земли» (все такие гробницы отнесены к позднейшему «типу 3») и перекрывает могилы первого и второго горизонта (Синьцзян вэйуэр..., 1989. С. 36. Рис. 4. Табл. 7. 1). Однако конструкция и погребальный обряд могилы М48 аналогичны перекрытым ею могилам, да-

тирующих вещей ни в ней, ни в перекрытых ею могилах не найдено, а постройка гробницы на месте предшествующих захоронений может объясняться родственными связями. При этом в могилах, отнесенных к 1-му и 2-му горизонтам (М31, М45), встречены височные кольца, характерные для скифской эпохи (Синьцзян вэйуэр..., 1989. С. 345; Шульга, 2010. С. 17).

Собранные нами сведения о находках колец с двумя литыми раструбами позволяют предположить, что кольца, сходные по пропорциям с находкой из кургана Саяны-Пограничное 46, могут представлять наиболее поздний вариант этой категории инвентаря, однако это предположение нуждается в дополнительном подтверждении.

В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН по костям человека из погребения в кургане Маральское 2/13 была получена радиоуглеродная дата Le-10597: 3240±130 BP, 1879(95,4 %)1214 calBC, по костям человека из погребения в кургане Маральское 2/30 была получена радиоуглеродная дата Le-10598: 2940±160 BP, 1505(95,4 %)807 calBC (для калибровки использовалась программа “OxCal v4.3.2”, калибровочная кривая IntlCal13). Большой диапазон ошибки может быть объяснен плохой сохранностью костного материала, загрязненного более поздними органическими включениями.

Данные о конструкции и погребальном обряде курганов Маральское 2, 13, 30 и Саяны-Пограничное 18, 46 в совокупности с результатами радиоуглеродного датирования и типологией найденного в кургане Саяны-Пограничное 46 бронзового раструбного кольца говорят о присутствии носителей мунх-хайрханской культуры в горном массиве Западного Саяна, по крайней мере, в поздний период ее существования.

Библиографический список

Александров С.В., Боковенко Н.А., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Периферия, 2013. № 3. Охранная археология. С. 185–196.

Александров С.В., Боковенко Н.А., Городилов А.Ю., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Периферия, 2015. № 3. Охранная археология. С. 123–162.

Ковалев А.А. Мунх-хайрханская культура периода развитой бронзы и ее связи с культурами неолита-бронзового века Восточной Сибири // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д.-ра ист.наук, проф. П.Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 57–66.

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Раскопки уникального погребально-ритуального комплекса мунх-хайрханской культуры Шар говийн эхэн 1 в высокогорном районе Монгольского Алтая // Известия Лаборатории древних

References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. 2013. A brief report of the work of the Sayan archaeological expedition of the IHMC RAS in 2012. *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Periferiya Publ. No. 3. O*khrannaya arkheologiya*. Pp. 185–196. (In Russ.)

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Gorodilov A.YU., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. 2015. Security work of the Sayan archaeological expedition of the IHMC RAS in the valley of River Idzhim in 2014. *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Periferiya Publ. No. 3. O*khrannaya arkheologiya.* Pp. 123–162. (In Russ.)

Kovalev A.A. 2017. Munkh-Khairkhan culture of the period of Developed Bronze Age and its connection with the cultures of the Neolithic-Bronze Age of Eastern Siberia. *Aktual'nyye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii. Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu d.i.n., prof. P.B. Konovalova (g. Ulan-Ude, 4–6 dekabrya 2017 g.)* [Topical Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia: Proceedings of the II International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, prof. P.B. Konovalov (Ulan-Ude, December 4–6, 2017)]. Ulan-Ude: BNTS SO RAN Publ. Pp. 57–66. (In Russ.)

Kovalev A.A., Munkhbayar CH. 2018. Excavations of an unique funerary-ritual complex of Munich-Khairkhan culture Shar-goviin ehen 1 in the high-mountainous region of the Mongolian Altai. *Izvestiya Laboratorii drevnikh*

технологий. 2018. Т. 14. № 3 (28). С. 43–58.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Российский археологический ежегодник. № 4. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2014. С. 194–225.

Леонтьев С.Н. К вопросу о сейминско-турбинской культуре на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. 1. С. 181–183.

Леонтьев С.Н. «Клад» бронз сейминско-турбинского типа из деревни Верхняя Мульга (юг Красноярского края) // Российская археология. 2007. № 3. С. 141–143.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. 319 с.

Семенов Вл. А. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2018. 340 с.

Туркин Г.В., Харинский А.В. Могильник Шаманка-II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита-бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. Вып. 2. С. 124–158.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы, хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Ли Шуйчэн. Сибэй юй Чжунюань цзао ци е тун е дэ цюйю тэчжэн цзи цзяоху цзоюн [Особенности районов выплавки бронзы раннего периода Северо-Запада и Центральной равнины, а также их взаимодействие] // Синьцзян ши ци шидай юй цинтун шидай [Каменный век и бронзовый век Синьцзяна]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. С. 360–401.

Лю Гожуй, Ци Сяошань. Хами гудай вэньмин [Древняя цивилизация Хами]. Гуаньчжоу: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1997. 87 с.

Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньхуа тин вэньу чу, Синьцзян дасюэ лиши си вэньбо ганьбу чжуаньсю бань. Синьцзян Хами Яньбулакэ муди. [Бюро культурного наследия Управления культуры Синцзян-Уйгурского автономного района, Специализированная группа подготовки руководящих кадров в области культурного наследия и музееведения исторического факультета Синьцзянского университета. Могильник Яньбулак в Хами] // Каогу сюэбаою. 1989. № 3. С. 325–362.

Хань Цзянье. Синьцзян дэ цинтун шидай хэ цзао ци те ци шидай вэньхуа [Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного веков]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007.

tekhnologiy [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 14. No. 3 (28). Pp. 43–58. (In Russ.)

Kovalev A.A., Erdenebaatar D**.** 2014. Discovery in the center of Eurasia a new culture of the Developed Bronze Age (Munkh-Khairkhan culture). *Rossiyskiy arkheologicheskiy yezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook]. St. Petersburg: Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium Publ. No. 4. Pp. 194–225. (In Russ.)

Leont'yev S.N. 2002. On the issue of Seymin-Turbian culture on the Middle Yenisei. *Stepi Yevrazii v drevnosti i srednevekov'ye* [The steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg: Gos. Ermitazha Publ. Book 1. Pp. 181–183. (In Russ.)

Leont'yev S.N. 2007. “Treasure” of bronze artifacts of the Seyminsko-Turbinsky type from the village of Verkhnyaya Mulga (south of Krasnoyarsk Territory). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology]. No. 3. Pp. 141–143. (In Russ.)

Okladnikov A.P. 1974. Neolithic sites of the Angara River (from Shchukino to Buret’). Novosibirsk: Nauka Publ., Sibirskoye otdeleniye. 319 p. (In Russ.)

Semenov Vl. A. 2018. Toora Dash – multi-layered site on the Yenisei River in Tuva. St. Petersburg: IIMK RAN Publ.; Nevskaya Knizhnaya Tipografiya Publ. 340 p. (In Russ.)

Turkin G.V., Kharinskiy A.V. 2004. The Shamanka-II burial site: on the chronology and cultural affiliation of the Neolithic-Bronze Age burial complexes in the Southern Baikal. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk: IrGTU Publ. Iss. 2. Pp. 124–158. (In Russ.)

Shul'ga P.I. 2010. Xinjiang in the VIII – III centuries BC (Funerary complexes, chronology and periodization). Barnaul: AltGTU Publ. 238 p. (In Russ.)

Li Shuicheng. Xibei yu Zhongyuan zao qi ye tong ye de quyu tezheng ji jiaohu zuoyong // Xinjiang shi qi shidai yu qingtong shidai. Beijing: Wenwu chubanshe, 2008. Pp. 360–401. (In Chinese)

Liu Guorui, Qi Xiaoshan. Hami gudai wenming. Guanzhou: Xinjiang meishu sheying chubanshe, 1997. 87 p. (In Chinese)

Xinjiang weiwuer zizhiqu wenhua ting wenwu chu, Xinjiang daxue lishi xi wenbo ganbu zhuanxu ban. Xinjiang Hami Yanbulake mudi // Kaogu xuebao. 1989. No. 3. Pp. 325–362. (In Chinese)

Han Jianye. Xinjiang de qingtong shidai he zao qi tie qi shidai wenhua. Beijing: Wenwu chubanshe, 2007. 128 p. (In Chinese)

128 с.

Цзюцюань Ганьгуя / Ганьсу шэн вэньу каогу яньцзюсо, Бэйцзин дасюэ каогу вэньбо сюэюань бяньчжэ [Ганьгуя [в уезде] Цзюцюань / Институт культурного наследия и археологии провинции Ганьсу, Академия археологии и музееведения Пекинского университета – сост.]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2016. 454 с.

Ци Сяошань, Ван Бо. Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (сюй) (Шёлковый путь. Древняя культура Синьцзяна (продолжение)). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2015. 432 с.

Эрдэнэбаатар Д. Мөнххайрханы соёлын булш // Монголын археологийн өв. Боть III. Монголын эртний булш оршуулга / Эрэгзэн Г. – ред. Улаанбаатар, 2016. С. 46–57.

Ян Бода. Чжунго цзинь инь боли фалан ци цюаньцзи. Ди 1 цзюань. [Свод золотых, серебряных, стеклянных и эмалевых изделий Китая. Первая часть.] Шицзячжуан: Хэбэй мэйшу чубаньшэ, 2004. 351 с.

Jiuquan Ganguya / Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo, Beijing daxue kaogu wenbo xueyuan bianzhe. Beijing, Wenwu chubanshe, 2016. 454 p. (In Chinese)

Qi Xiaoshan, Wang Bo. Sichou zhi lu. Xinjiang gudai wenhua (xu). Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe, 2015. 432 p. (In Chinese)

Eerdenebaatar D. Munkhkhairkhany soyolyn bulsh // Mongolyn arkheologiin uv. Bot' III. Mongolyn ertnii bulsh orshuulga / Eregzen G. – ed. Ulaanbaatar, 2016. P. 46–57. (In Mongolian)

Yang Boda. Zhongguo jin yin boli falang qi quanji. Di 1 juan. Shijiazhuang: Hebei meishu chubanshe, 2004. 351 p. (In Chinese)

Сведения об авторах

Боковенко Николай Анатольевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Центральной Азии и Кавказа,
Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18,
e-mail: nibo25@mail.ru

Ковалев Алексей Анатольевич,
научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия,
Институт археологии Российской академии наук,
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19,
e-mail: chemurchek@mail.ru

Лазаретов Игорь Павлович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Центральной Азии и Кавказа,
Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18,
e-mail: lazaretov@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay A. Bokovenko,
Cand. Sci. (History), senior research fellow, Department of archaeology of the Central Asia and the Caucasus,
Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
18 Dvortsovaya Emb., St.-Petersburg 191186, Russian Federation,
e-mail: nibo25@mail.ru
Alexey A. Kovalev,
scientific stuff of the Department of Preservation of the Archaeological Heritage,
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
19 Dm. Ulianova Str., Moscow 117036, Russian Federation,
e-mail: chemurchek@mail.ru
Igor' P. Lazaretov,
Cand. Sci. (History), senior research fellow, Department of archaeology of the Central Asia and the Caucasus,
Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
18 Dvortsovaya Emb., St.-Petersburg 191186, Russian Federation,
e-mail: lazaretov@yandex.ru

Критерии авторства

Н.А. Боковенко, А.А. Ковалев, И.П. Лазаретов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Bokovenko N.A., Kovalev A.A., Lazaretov I.P. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 904 (=393.05.1)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV–XV вв.)

© Д.М. Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются результаты археологических разведок на территории Сунтарского района в Западной Якутии. В ходе этих работ на озере Кюкяй, приуроченному к среднему течению р. Вилюй, было открыто два мужских захоронения с элементами вооружения в сопроводительном инвентаре. Интерпретация совокупных признаков данных погребальных памятников (могильных конструкций, ритуальной составляющей, предметного комплекса) позволяет заключить, что захоронения хронологически определяются временем кулун-атахской археологической культуры XIV–XV вв. Это подтверждается результатами радиоуглеродного датирования. Обнаружение в бассейне р. Вилюй раннеякутских захоронений, синхронных самым древним захоронениям Центральной Якутии, позволяет по-новому посмотреть на ареал расселения якутов в средневековье – географический охват кулун-атахской культуры мог распространяться на среднее течение р. Вилюй. Захоронения Кюкяй I и II являются первыми изученными памятниками дорусской эпохи в Вилюйском регионе. По наличию вооружения в сопроводительном инвентаре предполагается, что захороненные в данных погребениях являлись представителями воинского сословия. Материалы захоронений на озере Кюкяй имеют большую ценность в исследовании ранней этнической истории вилюйских якутов и для характеристики средневековых этнокультурных процессов, протекавших на территории Якутии.

Ключевые слова: Якутия, вилюйские якуты, этническая история, раннеякутские захоронения, народы Сибири, кулун-атахская культура, средневековье, этногенез, якуты, захоронения воинов, Вилюй

Информация о статье: Дата поступления 12 марта 2019 г.; дата принятия к печати 8 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Петров Д.М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV–XV вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 67–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV–XV centuries)

© Denis M. Petrov

Institute of the humanities and the indigenous peoples of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences, Yakutsk, Russian Federation

Abstract: The article reflects the results of the archaeological searches in the territory of Suntarsky district in West Yakutia. Two men's burials with elements of armory in the accompanying inventory were found during those searches on Lake Kyukyai which is on the middle current of the River Vilyuy. Interpretation of the cumulative signs of the following burial memorials (graves, ritual component, subject complex) allows to conclude that those burials are chronologically defined by the period of Kulun-Atakhskaya Archaeological Culture of the XIV–XV centuries. It is confirmed by results of radiocarbon dating. Detection of the early Yakut burials in the basin of the Vilyuy River synchronous to the most ancient burials of the Central Yakutia allows to have a fresh look at the area of resettlement of Yakuts in the Middle Ages – geographical coverage of Kulun-Atakhskaya Culture could extend to the middle current of the Vilyuy River. The I and II burials of Kyukyai are the first studied sites of the pre-

Russian era in the Vilyuy region. The presence of arms in accompanying inventory shows that buried in these burials were representatives of military estate. The burial site materials on Lake Kyukyai are of a great value in the research of early ethnic history of the Vilyuy Yakuts and for featuring medieval ethnocultural processes proceeding in the territory of Yakutia.

Keywords: Yakutia, Vilyuy Yakuts, ethnic history, early-Yakut burials, peoples of Siberia, Kulun-atakhskaya culture, Middle ages, ethnogenesis, the Yakuts, burial site of warriors, Vilyuy

Article info: Received March 12, 2019; accepted for publication April 8, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Petrov D.M. Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV–XV centuries). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 67–80. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Введение. Планомерное археологическое изучение бассейна р. Вилюй началось позже чем территории Центральной Якутии. По настоящее время вилюйская группа районов (улусов) остается малоисследованной и весьма перспективной зоной для изучения древней и средневековой истории Якутии. Вилюйский регион на протяжении всей обозримой по письменным источникам истории являлся вторым по количеству душ населения регионом Якутии, представленных главным образом якутами (Гоголев, 2008). Однако в науке превалирует мнение, что бассейн Вилюя (за исключением нижнего течения) заселялся скотоводами только с середины XVII в., в то время как основная масса якутов перекочевала из Центральной Якутии в первой половине XVIII в. (Николаев, 1957; Парникова, 1971; Константинов, 1975; Башарин, 2003; Ушницкий, 2017), однако отдельные авторы выражали иную точку зрения (Ксенофонтов, 1992; Алексеев, 2007). В специальной статье нами был озвучен тезис, что якуты могли проникнуть в Вилюйский регион гораздо раньше – вследствие особенностей скотоводческого хозяйства в эпоху средневековья (Петров, 2017. С. 98–102); в настоящей работе будут рассмотрены результаты археологических работ в Сунтарском районе, которые укрепляют наши предположения и могут очертить характер освоения скотоводческими племенами пространств Западной Якутии.

Результаты исследования. Под понятием раннеякутские захоронения имеются в виду погребальные памятники, датируемые временем существования кулун-атахской археологической культуры на Средней Лене (XIV–XVI вв.), ставшей основой для возникновения якутского этноса. К этой категории нужно относить и памятники первой половины XVII в., которые еще не подверглись влиянию русской культуры и сохраняли архаичные черты. Количество раннеякутских погребений весьма ограничено; на сегодняшний день, промежутком XV–XVII вв. датируются 17 погребальных памятников: Сергеляхское, Атласовское 1–2, Кердюген, Кудук, Ат Дабан III, Балыктах, Буогарыма I, Улахан Алас, Бютэйдэх, Орто Ары, Джесулен, Нэлэгэр, Тит Баппыт, Ойогос Тумула, Таралай, Уорай (Бравина, Дьяконов, 2015. С. 27–28). В этот список также можно включить захоронение Тымпы (Мир древних…, 2012. С. 67).

Сунтарский район приурочен к крупной излучине среднего течения р. Вилюй с притоками Ыгыатта, Ботомою, Кюндяе, Кемпендяй, Вилюйчан, Арга-Джели, Илин-Джели и др. Рельеф по большей части равнинный, с большим количеством аласов и луговых полян, используемых в качестве сенокосных и пастбищных угодий. Климат резко континентальный, но мягче и влажнее чем в Центральной Якутии. Археологические исследования якутских захоронений в Сунтарском улусе спорадически проводятся с первой четверти XX в. В разное время в данном районе работали археологи И.В. Константинов, И.Д. Архипов, В.Ф. Яковлев, Р.И. Бравина, Э. Крюбези и др. В результате этих работ были изучены разноплановые погребальные комплексы якутов, в числе которых грунтовые и воздушные захоронения представителей родовой знати и шаманов, погребения с конем, воздушные захоронения жертвенных лошадей и пр. (Бравина, Попов,

2008). Большинство этих захоронений датируется XVII–XIX вв.

В полевой сезон 2018 г. силами Нюрбинского отряда археологической экспедиции ИГИиПМНС СО РАН проводились разведочные работы на территории Сунтарского и Нюрбинского районов с целью выявления раннеякутских памятников. В ходе этих работ на территории Кюкяйского наслега Сунтарского района, в 500 м от села Кюкяй, обнаружено два одиночных погребения (рис. 1).

Захоронения располагались на северо-западном берегу одноименного озера, в 15 м друг от друга на разных уровнях озерной террасы. Берег в этом месте образует небольшой полуостров, врезающийся в озеро с запада на восток и отделенный от с. Кюкяй узким заливом. Кюкяй – крупное, до 5,5 км в диаметре, озеро термокарстового происхождения, с островами и полуостровами.

Захоронение Кюкяй I. Могильный провал был представлен западиной размерами 180 х 60 см и глубиной 20 см, ориентированной по вектору СЗ–ЮВ. Могильная конструкция, обнаруженная на глубине 90 см от дневной поверхности, представляла собой сильно разрушенный гроб из неочищенных от коры тонкомерных бревен, стыки между которыми практически не просматривались из-за сильной степени разложения древесины. Крышка гроба сложена из трех равных плах. Общая длина гроба составляла порядка 200 см, ширина в изголовье – 67 см, в изножье – 77 см, высота – 15 см (сильно продавлен), толщина стенок – 5–7 см. Размеры крышки гроба: длина – 180 см, ширина – соразмерна гробу. Размеры могильной камеры: длина – 152 см, ширина в изголовье – 60 см, в изножье – 42 см.

Внутри гроба зафиксирован костяк мужчины средних лет, ростом приблизительно 160 см. Погребенный покоился на спине, головой на северо-запад (лицом на юг), с незначительным смещением на правый бок; левая рука вдоль тела, правая – немного согнута в локте; обе ноги слегка согнуты в коленах и направлены в правую сторону (рис. 2).

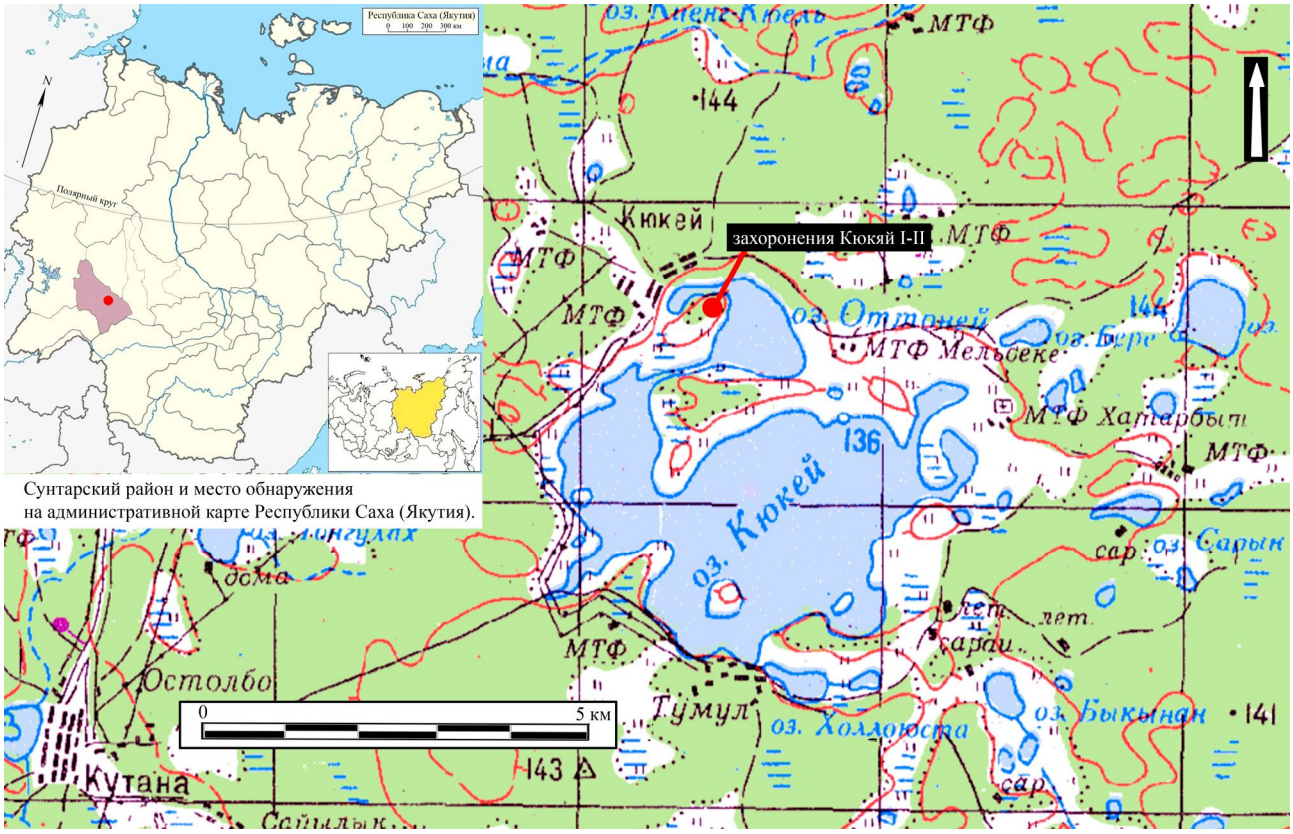


Рис. 1. Месторасположение захоронений Кюкяй I и II. Сунтарский район на карте Республики Саха (Якутия)
Fig. 1. The location of the Kyukyai I and II. Suntarsky district on the map of the Republic of Sakha (Yakutia)

Рис. 2. Общий вид захоронений Кюкяй I и II
Fig. 2. General view of burial Kyukyai I and II

Анатомическая целостность костяка, за исключением смещенной нижней челюсти, в целом, не нарушена. На костях черепа с левой стороны зафиксированы механические повреждения: имеются продольные следы от ударов острым предметом на теменной кости и пролом височной части (рис. 3).

Одежда погребенного полностью истлела. В районе черепа зафиксированы значительные скопления мелких фрагментов окислившегося железа и пятна ржавчины. Поверх правой руки, вдоль тела, положен лук с берестяной обкладкой и концевым вкладышем из кости (рис. 4.6). Древесина лука полностью разложилась. В этом же районе, между правой рукой и телом, обнаружены сильно корродированный наконечник боевой пальмы – *батас* длиной 34 см (рис. 4.2), фрагменты кожаного колчана с железной фурнитурой, декорированного бляхами с зубчатыми краями из цветного металла округлой и ромбовидной формы, а также окислившаяся железная пластина с приклепанной полоской из цветного металла с зубчатыми краями (рис. 4.8).

Вместе с остатками колчана найдены 1 костяной и 9 железных черешковых наконечников (рис. 4.4, 5), частично уцелевшие древка стрел и посредник из трубчатой кости для крепления наконечников с древком (рис. 4.3). Железные наконечники стрел представлены тремя видами: 3 – листовидными, 3 – ромбовидными и 3 – срезнями. Под правым боком, вдоль тела от подмышки до коленной части левой ноги, обнаружены остатки сильно

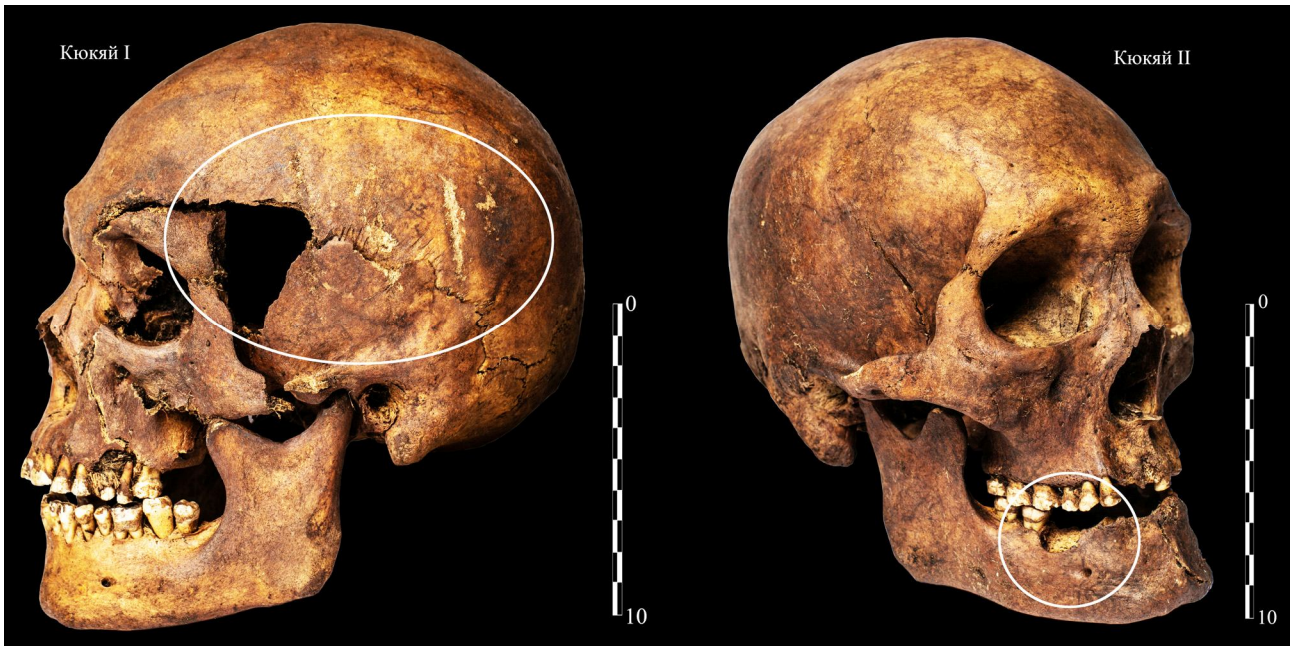


Рис. 3. Кюкяй I и II. Повреждения на черепах
Fig. 3. Kyukyai I-II. Traces of damage to skulls

разрушенного длинно клинкового оружия, предположительно меча (рис. 4.1), а также железные элементы подвеса оружия (фурнитура ножен и ременной разгрузочной системы, в т. ч. крюк-застежка). Длина сохранившейся части клинка (с хвостовиком) составляет 91 см, толщина 1 см, максимальная ширина 3,5 см. На хвостовике сохранились фрагменты древесины от рукояти. Поверх правой тазовой кости лежала железная подвеска-застежка в стиле парных конских головок (рис. 4.7). Ниже левой тазовой кости, с внешней от ноги стороны, обнаружены остатки кожаной поясной сумочки, мелкая пронизка из цветного металла и скопление плохо сохранившихся трапециевидных пластинок (остатки пояса?). В пространстве между левой голенью и стенкой гроба найдена тризна, представленная позвонками крупного млекопитающего.

Захоронение Кюкяй II. Обнаружено по могильной западине размерами 220 х 30 см и глубиной 20 см. На глубине 20 см в западине зафиксированы следы горелой древесины. Могильная конструкция обнаружена на глубине 60 см от дневной поверхности, ориентирована по вектору запад-восток. Плохой сохранности гроб выполнен из неочищенных от коры тонкомерных бревен; крышка составлена из двух плах и сильно продавлена внутрь (настолько, что через древесину проступает костяк). Размеры крышки: общая длина – 217 см; ширина южной плахи – 32 см в изголовье и 36 см в изножье; северной – 39 см в изголовье и 34 см в изножье. Общая длина гроба – 223 см, ширина в изголовье – 96 см, в изножье – 66 см; высота – 11 см. Длина внутреннего пространства гроба – 197 см; ширина в изголовье – 55 см, в изножье – 51 см. Толщина стенок – 7–11 см.

Внутри гроба покоился костяк мужчины средних лет, крупного телосложения и физически развитого. Погребенный ориентирован головой на запад, лицо повернуто на север. Костяк был накрыт берестяным полотном, которое практически полностью разложилось и отходило от костей мелкими фрагментами. Поза трупа на спине с незначительным разворотом на левую сторону. Руки вдоль тела, слегка согнуты в локте, правая нога вытянута, левая имеет некоторый сгиб в колене в левую сторону (рис. 2). Целостность костяка не нарушена, но отсутствуют мелкие кости ступней. Приблизительный рост погребенного – 175 см. На нижней челюсти, с правой стороны, на месте первого моляра имеется повреждение в виде глубокой воронки (рис. 3). Отмечена сильная степень деформации

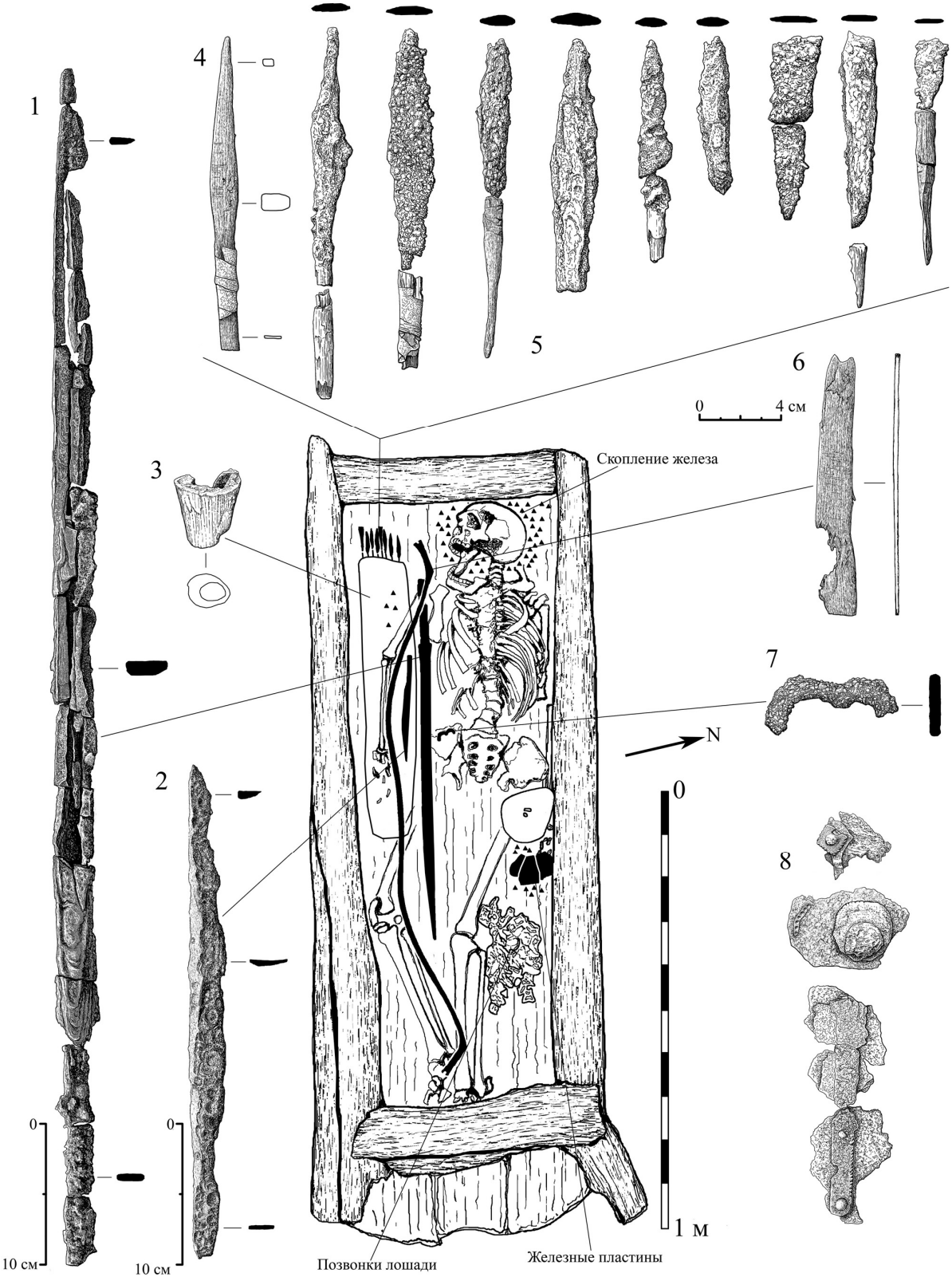


Рис. 4. Кюкяй I. Инвентарь захоронения: *1 – меч кылыс; 2 – боевая пальма; 3 – костяной посредник; 4 – костяной наконечник стрелы; 5 – железные наконечники стрел; 6 – костяной вкладыш; 7 – застежка в стиле парных конских голов; 8 – детали колчана*

Fig. 4. Kyukyai I. Burial inventory: *1 – kylys sword; 2 – military lance; 3 – bone mediator; 4 – bone arrowhead; 5 – iron arrowheads; 6 – bone liner; 7 – fastener in the style of paired horse heads; 8 – details of the quiver*

позвонков в пояснично-крестцовом отделе позвоночника. Под костяком обнаружен плохо сохранившийся берестяной подстил.

Одежда также полностью разложилась, не сохранилось даже фрагментов. Зафиксирован сопроводительный инвентарь, схожий с таковым в захоронении Кюкяй I (рис. 5).

В пространстве между левой ногой и стенкой гроба найден комплекс вооружения: сильно разрушенный лук с орнаментированной берестяной обкладкой, наконечник охотничьей пальмы – батыйа (рис. 5.7), 4 железных (1 бронебойный, 3 ромбовидных) и 2 костяных черешковых наконечника стрел (рис. 5.3, 4) и бочонковидный посредник из трубчатой кости, украшенный традиционным якутским арочным орнаментом (рис. 5.5). Ромбовидные наконечники плоские в сечении, бронебойный – граненый, в срезе прямоугольный. Колчан не сохранился, но обнаружена его костяная застежка, декорированная орнаментом из многочисленных пересекающихся линий (рис. 5.5). Под луком, возле костей кисти левой руки, по всей видимости, лежала поясная сумочка – здесь обнаружены железное кресало и кремень (рис. 5.8, 9). У бедренной кости правой ноги, с внутренней стороны, найдено плоское кольцо с двумя невыразительными рогообразными отростками, развернутыми в стороны, выполненное из светлого металла (рис. 5.2). С внешней стороны бедренной кости обнаружен нож с длинным лезвием (18 см) в развалившихся берестяных ножнах с кольцом для подвеса (рис. 5.1). Хвостовик ножа сквозной, заклепан на тыльнике деревянной рукояти. В ногах, в районе ступней, зафиксирована небольшая горсть золы с мелкими фрагментами жженых костей.

Обсуждение. По совокупности отличительных признаков памятники Кюкяй I и II можно причислить к раннеякутским погребениям. К этим маркерам относятся небольшая глубина могильной ямы, особенности могильных конструкций, сильная степень разрушения находок, небогатый сопроводительный инвентарь военизированного характера, отсутствие предметов и материалов, распространенных в порусское время и т. д.

Просторные гробы-срубы, сложенные из нетесаных тонкомерных бревен, являются одним из главных показателей архаичности данных захоронений. Такие могильные конструкции зафиксированы в 21 % изученных раннеякутских погребений и не характерны для материалов XVIII в. (Бравина, Дьяконов, 2015. С. 29). Схожие погребальные конструкции отмечены в одних из самых ранних якутских захоронений Центральной Якутии (XV в.): Джесулен и Тит Баппыт в Чурапчинском районе, Тит Ары в Таттинском районе и в др.

Поза погребенных отличается от стандартного для XVIII в. трупоположения на спине в вытянутом состоянии. Положение тела со смещением в сторону со слегка подогнутыми нижними конечностями в захоронении Кюкяй I условно можно отнести к позе «на боку», которая маркирует ранний этап этнический истории якутов, хронологически связанный с кулун-атахской археологической культурой XIV–XVI вв. (Бравина и др., 2017. С. 92).

Характер повреждений и дефектов на костях погребенных свидетельствует о тяжелых условиях жизни в средневековье. Мужчина из захоронения Кюкяй I вероятно погиб в результате серии рубящих ударов по голове. Насильственная причина смерти – достаточно частое явление в раннеякутских мужских захоронениях. Останки со следами повреждений холодным оружием на костях обнаружены в средневековых погребениях Ат Бырааһ III, Атласовское I, Сергеляхское, Кудук в Центральной Якутии, Тымпы на Вилюе и др. Костяк мужчины из захоронения Кюкяй II имеет характерные признаки всаднического образа жизни, которые проявляются в виде деформации поясничных позвонков (Бравина и др., 2016. С. 100). Якуты-скотоводы всю жизнь, с малых лет, проводили в седле – хозяйственный быт северной коневодческой культуры обязывал жить в динамике, сродни степному номадизму. Зубы обоих погребенных сильно стерты, что обусловлено необходимостью пережевывания твердой пищи.

Луки традиционного для якутов северного типа (Васильев, 1995. С. 62). Об их форме и размерах можно судить только по частично сохранившимся берестяным обкладкам и скоплениям трухи. Об-

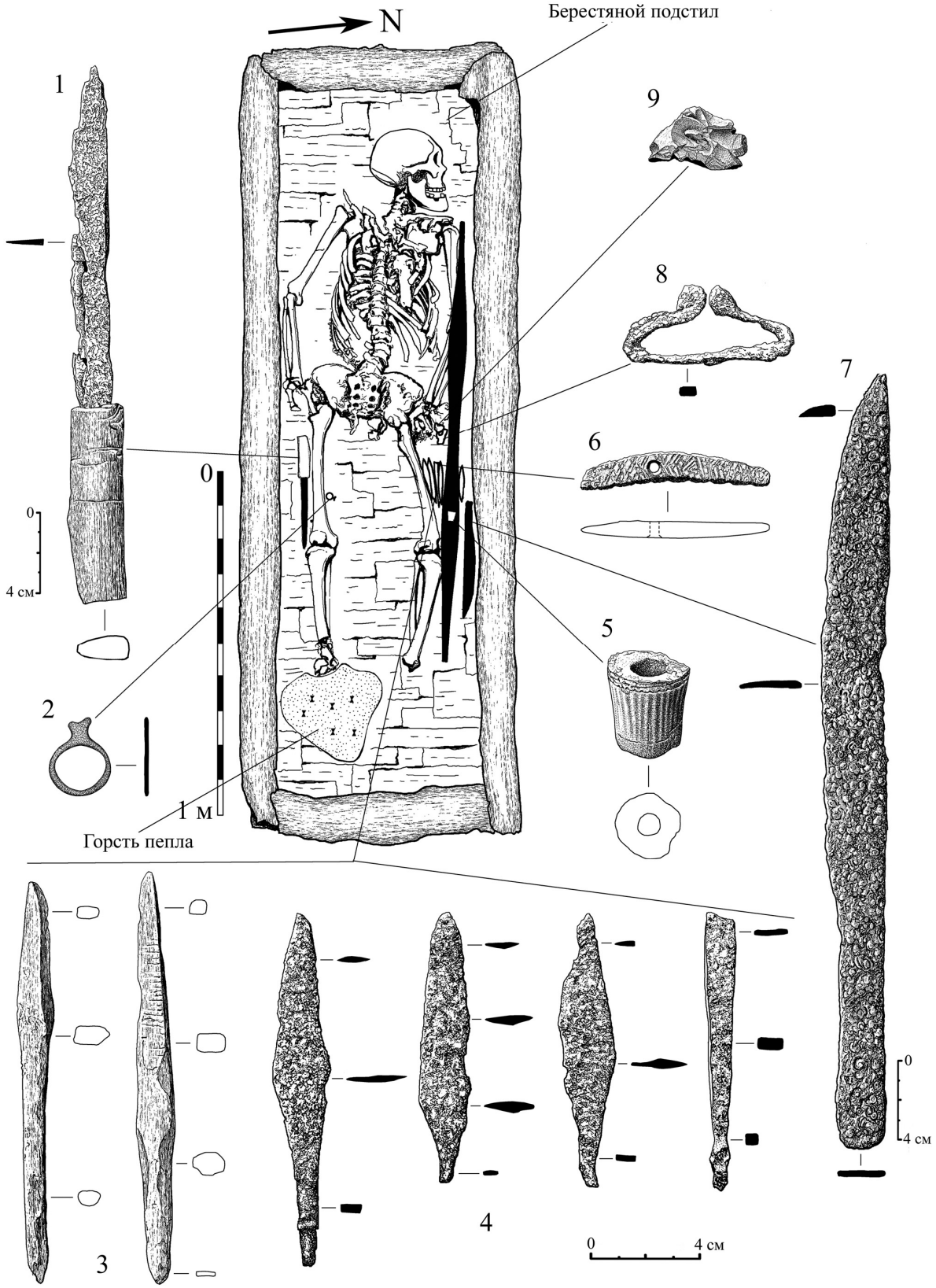


Рис. 5. Кюкяй II. Инвентарь захоронения: *1 – нож; 2 – подвеска; 3 – костяные наконечники стрел; 4 – железные наконечники стрел; 5 – костяной посредник; 6 – застежка из кости; 7 – охотничья пальма; 8 – кресало; 9 – кремень*
Fig. 5. Kyukyai II. Burial inventory: *1 – knife; 2 – suspension; 3 – bone arrowheads; 4 – iron arrowheads; 5 – bone mediator; 6 – a bone clasp; 7 – hunting lance; 8 – chairs; 9 – flint*

кладки имеют прочерченный орнамент в виде продольных линий и поперечных черточек, характерный для якутских луков. Одним из хронологических индикаторов можно считать отсутствие в наборе стрел наконечников для охоты на пушного зверя типа томар – стандартных в якутских погребениях XVII – XVIII вв., т. е. эпохи ясачной политики колониальных властей. Каждый совершеннолетний мужчина в это время был обязан платить налог пушниной, вследствие чего резко возросла роль охотничьего хозяйственного комплекса. Боевые наконечники, наоборот, соответствуют сопроводительному инвентарю раннеякутских захоронений, в частности, набор бронебойных наконечников был зафиксирован в погребениях Атласовское I и Сергеляхское в долине Туймаада (Дьяконов и др., 2014. С. 235; Бравина и др., 2016. С. 95). Костяные наконечники четырехгранные, уплощающиеся к хвостовику; конструктивно схожие с кулун-атахскими образцами (Дьяконов и др., 2014. С. 235). Ромбовидные наконечники стрел из Кюкяй II имеют не характерную для якутских наконечников ассиметричную форму. Бочонковидные костяные посредники для наконечников в предметном комплексе якутских захоронений XVII–XVIII вв. практически не встречаются, однако найдены в поселенческих комплексах кулун-атахской культуры и жилищах XVII–XVIII вв. (Гоголев, 1990. Табл. LXI, тип 3; Табл. LXII, тип 6).

Якутские пальмы – батыйа и батас – довольно распространенные предметы в раннеякутских захоронениях (Бравина, Дьяконов, 2015. С. 30). Батыйа – охотничья пальма с ножевидным клинком, широко распространенная среди сибирских народов. Батас – это боевая пальма, оружие ближнего боя (Васильев, 1995. С. 91); в захоронениях встречается реже, чем охотничья пальма. Отличительными признаками боевой пальмы является наличие на клинке граней жесткости и профиль лезвия в виде ломаной линии из-за двух угловатых выступов ближе к середине и у острия (для усиления пробивного воздействия). Древние батасы были, судя по материалам захоронений Сергеляхское и Балыктах, небольших размеров. Можно предположить, что боевыми пальмами снаряжались захоронения воинов. О воинском статусе погребенного из Кюкяй I говорит и обнаружение остатков длинноклинкового оружия – меча *кылыс*. Якутские мечи были однолезвийными, наподобие палаша, с прямым обухом; лезвие часто имело изломы как у боевой пальмы (Там же. С. 96). На данный момент в музеях Якутии хранится несколько мечей в хорошей сохранности – все они были обнаружены случайно во время сельскохозяйственных работ. Что касается сопроводительного инвентаря погребальных памятников, есть сведения, что меч был обнаружен в раннеякутском захоронении Ат Бырааn III (XIV–XV вв.), исследованном Н.П. Прокопьевым и С.К. Колодезниковым в Хангаласском районе. Другой достоверной информации о находке мечей в погребальных комплексах якутов нет. Вследствие этого, захоронение Кюкяй I можно считать археологическим памятником исключительной редкости. Малочисленность специализированного боевого оружия (як. *кыргыс сэбэ*, *сэрии сэбэ*) в якутских захоронениях объясняется, исходя из преданий, традицией закапывания вооружения в тайниках в дали от жилых мест с особым обрядом и жертвоприношением (Бравина, Попов, 2008. С. 130).

Скопления мелких фрагментов железа и следы ржавчины под головой и вокруг нее в Кюкяй I можно интерпретировать как остатки железного шлема (як. *дуулага*) или шапки с железными деталями. По настоящее время археологами еще не обнаружено (за исключением нескольких ламеллярных пластинок) образцов защитного вооружения (як. *куйах*) (Васильев, 1995. С. 105), хотя об их наличии у якутов свидетельствуют многочисленные упоминания в письменных источниках XVII в. (Токарев, 1945. С. 155). Известно о случайных находках в первой половине XX в. полных комплектов доспехов и шлемов на территории Усть-Алданского района, но эти артефакты были утрачены. Объект, напоминающий элемент защитного комплекса (щит или нагрудное зерцало), был отмечен в захоронении, обнаруженном в т. н. «Тыгыновом кургане» в черте г. Якутска. К сожалению, убор из Кюкяй I разрушен настолько, что понять, хотя бы приблизительные формы предмета, невозможно.

Определенный интерес представляет железная подвеска в стиле парных конских голов, обнаруженная в захоронении Кюкяй I. До этого случая две подобные подвески, сделанные из кости и мамонтового бивня, были найдены в курганном захоронении XVII–XVIII вв. Орджогон II в Кангаласском наслеге Нюрбинского района. Подвески с конскими головами имеют параллели в древностях Минусинской котловины – в материалах таштыкского и тагарского времени. А.Н. Алексеев и Э. Крюбези предполагают, что такие подвески могли распространяться с миграциями енисейских кыргызов; в частности, у якутов есть легенды о скотоводческом племени кыргыс, которое обитало в Якутии в древние времена (Алексеев, Крюбези, 2016. С. 99).

В захоронениях Кюкяй I и II зафиксировано крайне малое количество предметов из цветного металла. Большинство металлических вещей изготовлено из железа. Медные украшения колчана с зубчатыми краями, невыразительная пронизка из Кюкяй I и плоское кольцо с отростками из Кюкяй II не обнаруживают прямых аналогий в материалах поздних якутских захоронений.

Тризна изучаемых погребений достаточно оригинальна. Чаще всего якуты клали в гроб реберные кости забитой во время похорон лошади или коровы. В Кюкяй I обнаружены позвонки крупного скота без реберных костей. В Кюкяй II – горсть пепла с дробленными фрагментами кремированных костей. В последнем случае, по всей видимости, был проведен некий обряд, не связанный со снабжением покойного ритуальной пищей. К примеру, в захоронении Ат Дабаан III, в ногах погребенного юноши был найден берестяной сосуд с фрагментами жженых человеческих костей (Яковлева, Прокопьева, 2018. С. 164). Установить, кому принадлежали кремированные кости из захоронения Кюкяй II, на данный момент не представляется возможным.

Захоронение Кюкяй II датировано радиоуглеродным методом по пяточной кости в лаборатории Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН – 530±50 лет назад (NSKA-02067). Калибрование радиоуглеродной даты с вероятностью 95,4 % показало два допустимых интервала: 1301–1368 (39,4 %) и 1381–1447 (56,0 %). Учитывая однотипность погребальных конструкций и сопроводительного инвентаря, а также одинаковую степень сохранности находок, мы склоняемся к тому, что захоронение Кюкяй I тоже относится к этому временному промежутку. В целом, радиоуглеродные даты корректны с типологическими особенностями погребений.

Согласно легендарным циклам якутов Сунтарского улуса, на озере Кюкяй в древности жили иноплеменники туматы и тунгусы. Гидроним, по одной из версий, образован от имени тунгусского витязя Кюкяй – что с эвенкийского языка можно перевести как «бодливый» (*кукэйн*) (Болдырев, 1994. С. 26). Память о воинственных туматах (Бравина, Петров, 2018) сохранилась в виде микротопонима Тумат Етеге («жилище (пепелище) туматов») в местности Очокуун Тумула, на озерном мыске (Федоров, Егоров, 1991. С. 16). Первые якуты, по преданиям, появились в этих землях во времена «кыргыс уйэтэ» («век сражений») – легендарной эпохи межродовых и межплеменных войн, предшествовавшей приходу казаков и продлившейся в первые десятилетия установления власти Русского государства. Край заселялся постепенно, в разное время сюда перекочевали конные группы якутов, преимущественно Кангаласского рода (Кюкяй…, 2003. С. 7). Жители наслега и в наши дни рассказывают о больших битвах якутов с иноплеменниками, произошедших на озере; в качестве свидетельств этих событий указываются находки наконечников стрел, застрявших в стволах деревьев, и человеческих костей на разрытых берегах (Федоров, Егоров, 1991. С. 16).

Сюжеты исторических преданий о родоначальниках, переселившихся на территорию современного проживания во времена «кыргыс уйэтэ», характерны для многих групп якутов. Это исходит от фольклорной традиции замещения древних событий более поздними и перекликается с архетипом «гонимого героя», становящимся в конце скитаний и бедствий прародителем рода (или целого народа). Для якутов такими поздними событиями, отпечатавшимися в сознании народа, стали родовые войны, связанные с именем Тыгын Дархана –

исторической личности первой половины XVII в. и ключевой фигуры «века сражений», а также вторжение казаков в Ленский край в середине XVII в., спровоцировавшее значительные перемещения якутских и тунгусских родов. Неудивительно, что вилюйские якуты называли себя потомками противников Тыгына или повстанцев, бежавших на окраины после подавления якутских восстаний.

Возможно, что захороненные на озере Кюкяй мужчины были из числа поздних кочевников, осваивавших таежные пространства Вилюйского региона в поисках пастбищных угодий, и расширявших, таким образом, ареал культуры северных скотоводов, ставшей предтечей формирования якутов. Жизнь на фронтире в условиях ограниченных ресурсов полнилась опасностями и нередко сопровождалась боевыми столкновениями между различными родовыми и племенными группами – это повышало значимость воинов как отдельного сословия (як. *боотур*). По мнению Ф.Ф. Васильева, воинское сословие в раннеякутском обществе эпохи средневековья формировалось из числа мелкой знати, феодалов средней руки и высшей аристократии (Васильев, 1995. С. 192). Воины-профессионалы составляли дружину князей, являясь, таким образом, неотъемлемой частью господствующего класса. Высокая роль боотуров в освоении новых земель выражалась в традиции возведения различных воителей в ранг первопредка в генеалогических сказаниях (Эллэйада, 1977).

Наличие в бассейне Вилюя раннеякутских памятников, синхронных самым древним захоронениям Средней Лены и Амгино-Ленского междуречья, говорит о планомерном освоении скотоводческими элементами территорий Якутии, имеющих потенциал для ведения скотоводческого хозяйства. Это обстоятельство значительно увеличивает территориальный охват кулун-атахской культуры. Здесь необходимо упомянуть, что в полевой сезон 2018 г. в соседнем с Сунтарским Нюрбинском районе в м. Сиэн Тумула на северном берегу озера Дженкюдэ (Тюмюкский наслег) нами также был открыт археологический комплекс эпохи неолита-средневековья. Средневековый пласт памятника представлен контурами 4–5 жилищ с керамическим материалом, типологически близким к кулун-атахским образцам.

Заключение. Кюкяй I и II можно отнести к раннеякутским захоронениям. В пользу этого указывают совокупность отличительных признаков и радиоуглеродные даты. Данный факт обуславливает перспективность поиска подобного рода памятников в бассейне р. Вилюй. Кроме того, захоронения на озере Кюкяй дополняют список самых древних якутских погребальных комплексов, исследованных на территории Якутии в последние годы.

По наличию в сопроводительном инвентаре специализированного воинского оружия – меча, батаса, боевого наконечника стрелы – можно заключить, что захороненные на озере Кюкяй были представителями воинского сословия.

Обнаружение средневековых якутских захоронений в Сунтарском районе позволяет по-иному смотреть на вопрос расселения якутов в дорусскую эпоху. Данные памятники имеют большую научную ценность в понимании ранней этнической истории вилюйских якутов.

Таким образом, тезис о том, что Вилюйский регион входил в ареал первоначального зарождения и становления якутского этноса находит новое подтверждение.

Библиографический список

Алексеев А.Н. О времени заселения якутами бассейна Среднего Вилюя // Тюркский мир: Монголия и Якутия (сборник). Улан-Батор, 2007. С. 197–201.

Алексеев А.Н., Крюбези Э. Сюжеты парных конских головок в культурах Якутии: древность и современность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2. Т. 44. С. 91–101.

References

Alekseev A.N. 2007. About the period of settlement of the Yakuts in the basin of the middle Vilyuy. *Tyurkskii mir: Mongoliya i Yakutiya* [Turkic world: Yakutia and Mongolia]. Ulan-Bator. Pp. 197–201. (In Russ.)

Alekseev A.N., Kryubezi E. 2016. Plots of pair horse heads in the cultures of Yakutia: antiquity and modernity. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. Vol. 44. No. 2. Pp. 91–101. (In Russ.)

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). М.: Арт-Флекс, 2003. 447 с.

Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 490 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. Раннеякутские погребения со скорченным трупоположением на боку как историко-этнографический источник // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 83–98.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Бравина Р.И., Петров Д.М. «Оленекская хосунная эпопея» и легенды о туматах: этногенеалогия северных и вилюйских якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018, № 1 (22). С. 26–35.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов / под ред. доктора исторических наук проф. Д.Г. Савинова; художник В.Р. Андросов. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. 224 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: изд-во Иркут. ун-та. 1990. 192 с.

Гоголев А.И. Обозрение этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. Якутск, 2008. С. 66–72.

Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Я.В.Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история народа саха: материалы Всероссийской интердисциплинарной научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева (г. Якутск, 24–26 октября 2012 г.). Новосибирск: Наука, 2014. 320 с.

Basharin G.P. 2003. History of agrarian relations in Yakutia (XV–XVII – middle XIX s.). Moscow: Art-Fleks Publ. 447 p. (In Russ.)

Boldyrev B.V. 1994. Russian-Evenki dictionary. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ. 490 p. (In Russ.)

Bravina R.I., D'yakonov V.M. 2015. The Early Yakut medieval burials of the 14–17th centuries: a collection of distinguishing features. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [Northeast humanitarian bulletin]. No. 3 (12). Pp. 27–32. (In Russ.)

Bravina R.I., D'yakonov V.M., Kolbina E.Yu., Petrov D.M. 2017. The early Yakut burials with the bended bodies on one side as a historical and ethnographic source. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4. Pp. 83–98. (In Russ.)

Bravina R.I., D'yakonov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Alekseeva E.A., Zubova A.V., Kuz'min Ya.V. 2016. Complex research of the early Yakut burial in Sergelyakh of the middle 15 – the beginnings of the 16th century. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. No. 4 (35). Pp. 90–109. (In Russ.)

Bravina R.I., Petrov D.M. 2018. "Khosun epic of Olenyok" and legends about the Tumats: ethnogenealogy of the Northern and Vilyuy Yakuts. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [Northeast humanitarian bulletin]. No. 1 (22). Pp. 26–35. (In Russ.)

Bravina R.I., Popov V.V. 2008. Funeral and funeral ceremonialism of the Yakut people: sites and traditions (XV–XIX centuries). Novosibirsk: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.)

Vasil'ev F.F. 1995. Yakut's warfare. Yakutsk: Bichik Publ. 224 p. (In Russ.)

Gogolev A.I. 1990. Archaeological sites of Yakutia of the late Middle Ages (XIV–XVIII centuries). Irkutsk: Irkutsk State University Publ. 192 p. (In Russ.)

Gogolev A.I. 2008. Review of the ethnic history of Western Yakutia (till the beginning of the 20th century). *Nauka i obrazovanie* [Science and education]. Yakutsk. Pp. 66–72. (In Russ.)

D'yakonov V.M., Stepanov A.D., Bagashev A.N., Razhev D.I., Kuz'min Ya.V., Khodzhins Ya.V.L. 2014. Atlasovskoe burial of the 14–15th centuries of Kulun-Atakh Culture in the context of ethnogenetic problems of Yakuts. *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya naroda sakha. Materialy Vserossiiskoi interedistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Yakutsk, 24–26 oktyabrya 2012 g.)* [Riders of North Asia and the birth of an ethnos: the ethnogenesis and ethnic history of the Sakha people. Materials of the All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference with Interna-

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности: труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992. 415 с.

Кюкяй сквозь века: социально-экономическое и культурное развитие (на якутском языке) / Составители: Р.И. Бравина, В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова. Якутск: Бичик, 2003. 416 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А.Н. Алексеева. Якутск: СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилюйских якутов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 27, 1957. С. 90–98.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. 152 с.

Петров Д.М. Освоение бассейна реки Вилюй якутскими родами в XVI–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 98–102.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якутское книжное издательство, 1945. 414 с.

Ушницкий В.В. О времени заселения Вилюя якутами // Проблемы востоковедения. 2017. № 4 (78). С. 48–51.

Федоров Г.Е., Егоров Н.Ф. Сказы у коновязи: предания (на якут. яз.). Якутск: национальное книжное издательство, 1991. 160 с.

Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г.В. Ксенофонтов. М.: Наука, 1977. 247 с.

Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Украшения из могильника Ат-Дабаан // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Братский государственный университет. 2018. № 4(34). С. 163–167.

Konstantinov I.V. 1975. Origin of the Yakut people and culture. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti. Trudy Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Yakutia and its neighbors in antiquity: Proceedings of Prilenskaya archaeological expedition]. Yakutsk: AS USSR Publ. Pp. 106–173. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. 1992. Uraankhay Sakhalar. Sketches on ancient history of the Yakuts. Yakutsk: Nats. kn. izd-vo RS (Ya) Publ. 415 p. (In Russ.)

Bravina R.I., Illarionov V.V., Illarionova T.V. 2003. Kyukyai through centuries: social-economic and cultural development. Yakutsk: Bichik Publ. 416 p. (In Yakut)

Kryubezi E., Alekseev A.N. 2012. The world of the ancient Yakuts: experience of cross-disciplinary research (on the materials of Sakha-French archaeological expedition). Yakutsk: NEFU Publ. 226 p. (In Russ.)

Nikolaev S.I. 1957. The main stages of ethnic history of Vilyuy Yakuts. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* [Brief reports of the Institute of Ethnogrphy of AS USSR]. Iss. 27. Pp. 90–98. (In Russ.)

Parnikova A.S. 1971. Resettlement of the Yakuts in the XVII – beginning of the XX century). Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 152 p. (In Russ.)

Petrov D.M. 2017. Development of the Vilyui river by Yakut peoples in the XVI–XVIII centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of the Tomsk State University]. No. 414. Pp. 98–102. (In Russ.)

Tokarev S.A. 1945. Social order of the Yakuts in the XVII–XVIII centuries. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 414 pp. (In Russ.)

Ushnitskii V.V. 2017. About period of settling of the Vilyuy River by Yakuts. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. No. 4 (78). Pp. 48–51. (In Russ.)

Fedorov G.E., Egorov N.F. 1991. Narrations about hitching post: legends. Yakutsk: natsional'noe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 160 p. (In Yakut)

Ksenofontov G.V. 1977. Elleyada: Materials of mythology and legendary history of the Yakuts. Moscow: Nauka Publ. 247 p. (In Russ.)

Yakovleva K.M., Prokop'eva A.N. 2018. Jewelry from the burial site At-Dabaan. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of socio-economic development of Siberia]. Bratsk: Bratskii gosudarstvennyi universitete Publ. No. 4(34). Pp. 163–167. (In Russ.)

Сведения об авторе

Петров Денис Михайлович,
младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем мало-

Information about the author

Denis M. Petrov,
junior staff of the Department of Archaeology and Ethnography,
Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of

численных народов Севера СО РАН,
Россия, 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Критерии авторства

Д.М. Петров выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovskogo Str., Yakutsk 677000, Russian Federation,
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Attribution criteria

Petrov D.M. performed research, on the basis of the received results carried out generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 003.32 (=512.157)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-81-94

Торговая книга из Верхоянья (конец XIX – начало XX в.) как источник по древнеякутской письменности: пиктограммы

© Р.И. Бравина, Е.Н. Соловьева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация: Целью настоящей статьи является описание и анализ знаков-рисунков и знаков-символов из «Торговой книги, неграмотного инородца Верхоянского округа», поступившей в 1911 г. в фонд Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. К сожалению, документ со временем был утерян, сохранились лишь несколько фотокопий отдельных его листов в коллекции документальных фотоматериалов музея. Краткая характеристика содержания источника имеется в статье М.И. Губельмана «Бирки и записи долгов, графически представленные в своей торговой книге неграмотным якутом Верхоянского окр[уга]» (1915 г.), а также в рукописи П.В. Попова «Краткий очерк о торговой книге неграмотного верхоянского якута-купца» (1946 г.), хранящейся в рукописном фонде архива ЯНЦ СО РАН. Статья, исходя из объема изложенных материалов, состоит из двух частей. Первая часть посвящена анализу и описанию «ойуу-бичик» (букв. знаки-рисунки) пиктограмм – иконических знаков, вторая – «танха-бичик» (знаки-ребусы) – идеограмм. Большинство графических знаков обозначает предметы различных торгово-экономических операций. Они имеют аналоги на древних писаницах Средней Лены и граффити из якутских погребений XVI–XVII вв., что указывает на относительную архаичность и длительную историю сложения представленной в книге знаковой системы письма.

Ключевые слова: якуты, идеографическое письмо, пиктограмма, петроглифы, погребения, граффити, тамга, рунические знаки, торговля, пушнина

Информация о статье: Дата поступления 25 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 25 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Благодарности: Авторы благодарят Н.Т. Дьячковского, лаборанта отдела археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, за графическое оформление таблицы и рисунка.

Для цитирования: Бравина Р.И., Соловьева Е.Н. Торговая книга из Верхоянья (конец XIX – начало XX в.) как источник по древнеякутской письменности: пиктограммы // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 81–94. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-81-94

A trade book from Verkhoyansk (late XIX – early XX century) as a source for Old Yakut writing: pictograms

© Rosalia I. Bravina, Elena N. Solovyova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Abstract: The purpose of this article is to describe and analyze signs-drawings and signs-symbols from the “Trading Book, an Illiterate Non-Russian of the Verkhoyansk District”, received in 1911 into the fund of the Yakutsk Yaroslavsky State Museum of History and Culture of the Peoples of the North. Unfortunately, the document was lost over time, only a few photocopies of its individual sheets remained in the museum’s documentary photo collection. A brief description of the content of the source is in the article of M.I. Gubelman "Tags and records of debts, graphically presented in his trading book by the illiterate Yakut of the

Verkhoyansk dist [rict]" (1915), as well as in the manuscript of P.V. Popov "A brief essay on the trading book of the illiterate Verkhoyansk Yakut merchant" (1946), which is stored in the Manuscript Fund of the Archive of the Yakutsk Scientific Center, SB RAS. The article, based on the volume of the stated materials, consists of two parts. The first part is devoted to the analysis and description of "oyuu-bichik" (literally sign-drawing) of pictograms – iconic signs, the second – tanha-bichik (signs-rebuses) of ideograms. Most graphic signs denote the objects of various trade and economic operations. They have analogues in rock paintings of the Middle Lena basin and graffiti from Yakut burials of the XVI–XVII centuries, which indicates the relative archaic and long history of the addition presented in the book of sign system of writing.

Keywords: Yakuts, ideographic writing, pictogram, petroglyphs, burials, graffiti, tamga, runic signs, trade, furs

Acknowledgements: The authors thank N.T. Dyachkovsky, Laboratory Assistant of the Department of Archeology and Ethnography of the IHRISN SB RAS for the graphic design of table and figure.

Article info: Received February 25, 2019; accepted for publication March 25, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Bravina R.I., Solovyova E.N. A trade book from Verkhoyansk (late XIX – early XX century) as a source for Old Yakut writing: pictograms. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 81–94. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-81-94

Введение. Г.В. Ксенофонтов в своей рукописи о памятниках орхонской письменности Предбайкалья (1932 г.) обратил внимание на существование в якутском эпосе олонхо «художественного образа каменописных столбов орхонского типа, воздвигаемых в честь богатырей, с описанием их военных подвигов». Он писал, что мотив писаной судьбы дополняется наличием в якутском языке словочетаний «сурук-бичик» – письмена, «ойуу-бичик» – рисуночное письмо, «осуор-бичик» – узоры-росписи, которые имеют древнетюркскую основу «битиг» – письменность (Ксенофонтов, Д. 113. Л. 12). К этому ряду лексем примыкает понятие «тангха-бичик» (тангха – гадание, судьба, предопределение; бичик – письмо, грамота), смысл которого можно определить как «ребус-идеограмма». Исходя из смысловой нагрузки и схожести звучания, слово «тангха» можно сопоставить с тюркско-монгольским словом тамга, которое имеет несколько значений: «тавро», «клеймо», «печать». Следует отметить, что в пантеоне якутских божеств значится Тангха-хан, предопределяющий судьбы людей Среднего мира, имя которого созвучно названию должности тамгахан – хранителя тамг в древнетюркских каганатах (Драчук, 1975. С. 42).

В цикле мифов и преданий о легендарном прародителе якутов Эллэе говорится, что его отец Татаар Тайма был родовитым, грамотным человеком. Он перед смертью завещал сыну свой сокровенный «сурук-бичик» (грамоту, письменность), который, по некоторым преданиям, спрятал у себя на родине. Позже, уже женившись, Эллэй якобы ездил на родину отца, но книгу не нашел, она будто бы сгорела, поэтому якуты остались без письменности. По другим рассказам, Эллэй, получив от отца грамоту, потерял ее в водах Лены-реки, когда плыл на коряге вниз по ее течению (Ксенофонтов, 1977. С. 43, 53, 55). И поэтому неудивительно, что Ленские писаницы издавна пользовались у якутов особым почитанием.

Несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, датировка и расшифровка Ленских наскальных писаниц до сих пор остается в числе неразрешенных проблем по изучению историко-культурного наследия Якутии. Большинство наскальных надписей не поддается расшифровке, что лингвисты объясняют «бессистемностью самих рунических текстов» (Левин, 2014. С. 271). Надписи соседствуют с разновременными рисунками-пиктограммами, отдельными тамгообразными и руноподобными знаками. А.П. Окладников – автор монографических работ по петроглифам Лены, рассматривая их как памятники, раскрывающие постепенное развитие наскальной живописи в древнейшую идеографическую письменность, пишет: «… по-видимому, где-то в конце I тыс н. э. – начале II тыс. аборигенная зачаточная письмен-

ность пиктографического или идеографического типа, имевшая на Средней Лене за собою по крайней мере тысячу лет самобытной эволюции, столкнулась с настоящей фонетической письменностью древних тюркских племен» (Окладников, Запорожская, 1972. С. 95). Он сетовал на то, что аборигенная идеографическая письменность – достояние узкого круга посвященных, со временем «выродилась» и «погибла» также как древняя руническая письменность якутов (Окладников, Барашков, 1942. С. 25).

В качестве уникального памятника идеографической письменности якутов конца XIX – начала XX в. может послужить текст торговой книги верхоянского купца, краткое описание которой было опубликовано в 1915 г. в I томе «Известий Якутского отдела ИРГО». Речь идет о статье М.И. Губельмана (партийный псевдоним – Ем. Ярославский) «Бирки и записи долгов, графически представленные в своей торговой книге неграмотным якутом Верхоянского окр[уга]» (Губельман, 1915). В Якутский музей экспонаты были доставлены учителем Е.Д. Яныгиным в 1911 г. Торговая книга представляла «из себя тетрадь писчей бумаги в 39 отдельных полулистов, сшитых вместе» и исписанных с обеих сторон.

Следует отметить, что торговые книги имели повсеместное распространение. Об этом свидетельствуют материалы судебных разбирательств, когда доверенные купцов «забывали» отмечать в них своевременно погашенный долг (Захаров, 1995. С. 45). Уникальность рассматриваемого текста в том, что записи велись с использованием иконических пиктограмм, тамговых и рунических знаков, сохранившихся в этнической памяти якутов на рубеже XIX–XX вв. Г.В. Ксенофонтов определил рассматриваемый документ как пример «иероглифического письма», имевшего достаточно широкое распространение среди якутов и высказал пожелание, чтобы «... кто-нибудь из сотрудников Музея имени Ярославского издал все существующие иероглифические знаки из этих долговых книг» (Ксенофонтов, 1932. Д. 113. Л. 2–3)[1]. Пожелание классика якутской этнографии частично было осуществлено краеведом, художником, кандидатом богословия П.В. Поповым. В рукописном фонде архива ЯНЦ СО РАН хранится рукопись его неизданной работы «Краткий очерк о торговой книге неграмотного верхоянского якута-купца», датированная 1946 г. По мнению автора, рассматриваемый документ представляет собой «важный памятник добуквенного (пиктографического) письма якутов» (Попов, 1946. Д. 154. Л. 7)[2]. В рукописи приводятся рисунки и описание отдельных пиктографических знаков, хотя, подчиняясь духу времени, автор главную цель своей работы видел в раскрытии «эксплуататорской сущности» долговых записей.

В настоящее время в фондах Якутского музея им. Ем. Ярославского книга не обнаружена. Есть предположение, что она попала в число экспонатов, переданных в 1980–1990 гг. в районные филиалы музея для укрепления их фондов. Копия одного листа с нумерацией «9» выставлена в экспозиции Верхоянского районного краеведческого музея «Полюс холода». Экспонат без учетного номера, так как не значится в инвентарной книге основного фонда музея. В коллекции документальных фотоматериалов Якутского музея хранятся несколько снимков страниц из данной книги, прикрепленных кнопками (Кпф. № 3046–3051)[3]. Видимо,

[1] Ксенофонтов Г.В. Два памятника орхонской письменности из Предбайкалья, 1932 г. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 113.

Ksenofontov G.V. Two sites of Orkhon writing from Cis-Baikalia. 1932 // Handwritten collection of the archives of the YSC SB RAS. F. 4. L. 1. Unit 113.

[2] Попов П.В. Краткий очерк о торговой книге неграмотного верхоянского якута-купца, 1946 г. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 4. Д. 154.

Popov P.V. A brief essay on the trading book of an illiterate Verkhoyansk Yakut merchant. 1946 // The Manuscript Fund of the Archives of the YSC SB RAS. F. 5. L. 4. D. 154.

[3] Фотокопии листов «Торговой книги неграмотного якута Верхоянского округа» // Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. Коллекции документальных фотоматериалов. Кпф. № 3046–3051.

Photocopies of the sheets of the “Trade Book of the Illiterate Yakut of the Verkhoyansk District” // Yakutsk State United Museum of the History and Culture of the Peoples

листы экспонировались на какой-то выставке. На первом снимке большими печатными буквами выведено название «Условное письмо. Листы из долговой книги неграмотного якута – торговца Верхоянского округа». Внизу приклеена половина листа без нумерации из торговой книги. На остальных снимках запечатлены три листа из книги, зафиксированные на разном фокусном расстоянии и в различном световом решении. В верхнем углу первого и третьего листов справа имеются цифры нумерации «21» и «38». Исходя из описания рисунков, изложенных в статье М.И. Губельмана, можно предположить, что на одной из фотографий запечатлен лист 29, где изображен «кузнец за работой». Таким образом, в нашем распоряжении находятся фотокопии половины листа без нумерации, который для удобства обозначили как лист 1 и четыре листа под номерами 9, 21, 29 и 38.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот текста торговой книги неграмотного якута из Верхоянского округа в качестве памятника идеографического письма якутов конца XIX – начала XX в. В корпус задач статьи входят: 1) описание и анализ знаков-рисунков (ойуу-бичик) и знаков-символов (тангха-бичик); 2) определение их связи со знаками тамговой системы и мотивами орнаментального комплекса якутов на рубеже XIX–XX вв.; 3) сравнительное изучение знаков текста на фоне петроглифов Средней Лены, а также тамговых и рунических знаков народов Центральной Азии и Сибири; 4) выявление характера и функционального аспекта знаков в качестве письма. При сопоставлении знаков-символов с тамговыми графемами якутов, в качестве основного источника использованы неопубликованные материалы фольклориста А.А. Саввина, собранные в 1939–1940-х гг. в районах Крайнего Севера Якутии, содержащие описание и графическое изображение 32 тамговых знаков с их названиями на якутском языке (Саввин, 1939–1940. Д. 45, 46)[4].

Для достижения цели и задач настоящего исследования применялись сравнительно-типологический, структурно-системный, формально-логический, ретроспективный и сравнительно-исторический методы. При сравнительно-историческом анализе графем авторы придерживались методики и критериев сходства тамговых знаков, разработанных С.А. Яценко (Яценко, 2001. С. 11, 12, 19).

Знаки-рисунки (ойуу-бичик). На имеющихся в нашем распоряжении копиях страниц торговой книги верхоянского коммерсанта в общей сложности выявлено 152 знака-рисунка, использованных автором для графической фиксации и письменной передачи информации о производимых им торгово-экономических сделках. Особенностью знаков-рисунков торговой книги является то, что все они лишены объемности и перспективы, но в большей степени являются иконическими и в целом дают представление об изображаемом предмете.

Знаки-рисунки торговой книги условно можно разделить на несколько групп (табл.).

Группа I. Териоморфные пиктограммы. Териоморфные пиктограммы представлены изображениями лошадей, крупного рогатого скота, оленей и птиц (табл. А-1-17). Зарисовки лошадей на страницах книги встречаются 15 раз, в т. ч. 4 раза под всадником. Все они заштрихованы карандашом, исключение составляют абрисы из рукописи П.В. Попова. Лошади нарисованы в профиль, ориентированы головой вправо. Изображения даны со знанием анатомических особенностей животных: довольно реалистично переданы круп, прогнутая спина, возвышающаяся холка лошади, клинообразная голова, свисающая грива, торчащие уши, длинный хвост и две пары ног. Для обозначения их возраста автор использует короткие вертикальные черточки, которые располагает на спине или крупе животного. Две вертикальные черты, обозначают двухгодовалую лошадь, три черты, соответственно, трехгодовалую и т. д. (табл. А-1, 2). Для изображения фигуры жеребца используется признак поло-

of the North named after Yem. Yaroslavsky. Collections of documentary photographic materials. F. № 3046–3051.

[4] Саввин А.А. Этнографические заметки, 1939–1940 гг. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 45, 46.

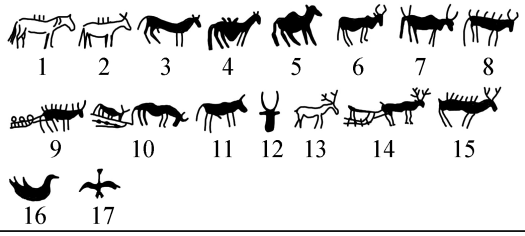
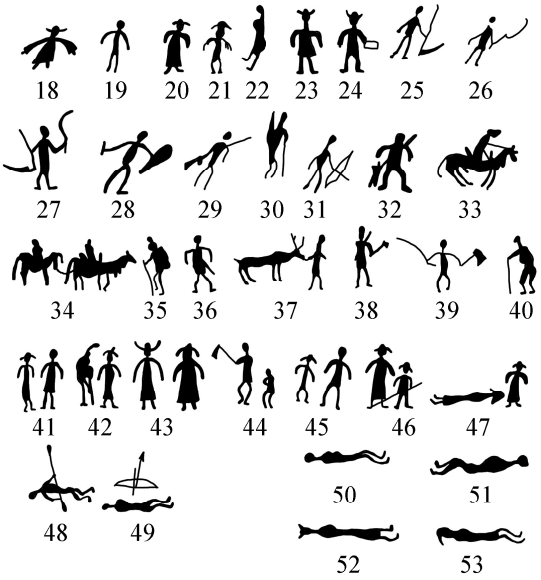
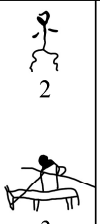
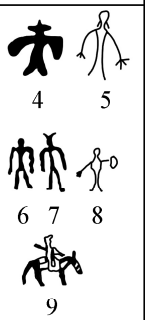
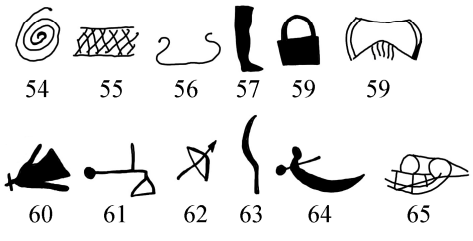
Savvin A.A. Ethnographic notes. 1939–1940 // Handwritten Fund of the Archive of the YSC SB RAS. F. 4. L. 12. D. 45, 46.

Таблица

Пиктограммы (знаки-рисунки) в тексте торговой книги

Table

Pictograms (picture-signs) in the text of the trading book

Группы изображ	А	Б	В	Г
I				
II				
III				
IV				
V				

Примечание. Сопоставление пиктограмм (знаков-рисунков) из текста торговой книги (А) с тамговыми знаками якутов (Б) (Симченко, 1965; Оглоблин, 1891–1892), Ленскими петроглифами (В) (Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1979), граффити из якутских погребений XVI–XVII вв. (Г).

вой идентификации (табл. А-3). Жеребую кобылу, которую ведет на поводу всадник-коневод, автор подчеркивает гипертрофированным изображением брюха, отобразив, таким образом, последнюю фазу вынашивания плода (табл. А-4). На листе 21 изображены два всадника, восседающие в седлах на навьюченных лошадях (табл. А-5, 34). Передняя и задняя лука седла лошади переданы вертикальными черточками.

Лошадь всегда играла особую роль в жизни «конных людей», как называли якутов русские служилые люди в XVII в., что нашло отражение в иконографии якутских тамг, где лошадь является одним из самых распространенных сюжетов (табл. Б-1) (Симченко, 1965; Оглоблин, 1891–1892). Изображения лошадей, идентичные знакам-рисункам книги, имеются среди граффити якутских погребальных камер XVI–XVII вв. (табл. Г-1) (Алексеев, Бравина, 2017. С. 88. Рис. 5, *1*; Попов, 2018. С. 40, фото 33), а также петроглифов Средней Лены, долина которой считается колыбелью формирования скотоводческой культуры народа саха (табл. В-2) (Окладников, Запорожская, 1972. С. 97. Табл. 110).

Наряду с коневодством основу традиционного хозяйства якутов составляло разведение крупного рогатого скота. Рисунки коров, быков и телят в виде достаточно реалистичных профильных изображений животных с парой изогнутых в форме полумесяца рогов, двумя парами ног, длинным хвостом, клиновидной головой встречаются в книге 15 раз. Туловище животных заштриховано карандашом, на некоторых рисунках ноги изображены полусогнутыми в коленных суставах, иногда заканчиваются прорисованными копытами (табл. А-6-11). Некоторые особи имеют обозначение возраста в виде вертикальных черточек, количество которых соответствует возрасту конкретного животного (табл. А-7, 8). На листе 38 пиктограммы два быка с обозначением мужского полового признака, один из которых – бык-семилеток – запряжен в санную повозку (табл. А-9). Рисунки телят отличаются меньшими размерами и отсутствием рогов (табл. А-10). В двух случаях на листах 29 и 38 пиктограммы коровы (или быка) заменены наиболее характерной частью животного – головой с рогами (табл. А-12).

Восемь раз в рассматриваемом источнике, на листах 1 и 9, встречаются зарисовки оленя, что связано не только с северным оленеводством, но и с использованием владельцем книги оленьих упряжек и оленьих нарт для транспортировки товаров. На листе 1 автор зафиксировал две оленьи упряжки с груженными оленьими нартами. Нарты нарисованы с двумя изогнутыми полозьями и вертикальными копыльями, груз обозначен под прямоугольной фигурой, размещенной на платформе нарт (табл. А-14). Фигуры оленей имеют пропорциональное телосложение, ветвистые рога, короткий хвост, две пары ног, туловище животных заштриховано карандашом. На одном изображении животного дополнительно обозначен мужской половой признак. Хребет оленя увенчан семью вертикальными черточками, расположенными в ряд, обозначающими возраст быка (табл. А-15). В рукописи П.В. Попова пиктограмма оленя передана контурным рисунком (табл. А-13). Наскальные рисунки оленей в Якутии встречаются нечасто, например, на писанице Суруктах-Хая на р. Марха (Средняя Лена) (табл. В-3) (Окладников, Запорожская, 1972. С. 17, табл. 21). Возможно, изображение оленей указывает на торгово-экономическое партнерство с «оленными людьми» – тунгусскими родами Верхоянья, о чем может свидетельствовать и другая пиктограмма из двух графических единиц – «человек» и «олень» (табл. А-37).

В двух фигурах птиц на листе 38 достаточно четко угадываются утка и орел. Утка графически передана вполне реалистично, в состоянии покоя, будто плывущая по водной глади реки или озера (табл. А-16). Изображение профильное, туловище заштриховано карандашом. Автор достаточно умело выделил главные идентифицирующие признаки объекта – голову с утиным клювом, боковое крыло, приподнятый кончик хвоста водоплавающей птицы. Пиктограмма орла выполнена в геральдическом стиле – с широко расставленными крыльями, опущенным хвостом и головой повернутой вправо, изображение лап отсутствует. На крыльях и хвосте

птицы хорошо заметны составляющие их перья (табл. А-17).

Группа II. Антропоморфные пиктограммы. Самыми многочисленными и разнообразными среди пиктограмм торговой книги являются изображения людей, так или иначе вступавших с хозяином книги в торгово-экономические отношения. Фигуры людей всегда заштрихованы, изображены в фас и в полный рост. Исключение составляют пиктограммы на листе 38, представляющие собой профильные одиночные зарисовки женщины и мужчины. В антропоморфной иконографии отсутствует прорисовка лица. Всего на страницах книги обнаружено 69 пиктограмм с участием человека, в т. ч. 40 – одиночных, 7 – семейных пар, 4 – всадника и 18 – покойников. Одиночные рисунки представлены фигурами мужчин и женщин, в том числе, с обозначением их рода деятельности. Большинство мужских изображений переданы весьма стилизованно: голова в виде овала, туловище в форме вытянутого овала или прямоугольника, руки в виде двух прямых и слегка разведенных в стороны изогнутых линий, иногда выражены ступни. На подобных рисунках изображение одежды отсутствует (табл. А-19). Отмечается иконографическое сходство этих пиктограмм с антропоморфными петроглифами на памятниках наскальной живописи Якутии эпохи палеометалла (табл. В-6) (Окладников, Запорожская, 1972. С. 53, табл. 111). Исключение составляют несколько рисунков мужчин в шляпах (или рогатых шапках) и коротких камзолах (табл. А-23). На писанице Тиит-Ары встречаются изображения похожих фигур в рогатых шапках, но они имеют более ранний возраст (табл. В-7) (Окладников, Запорожская, 1972. С. 53, табл. 111). Женские фигуры также довольно условны: овальная голова с косами, укороченное или длинное платье, прикрывающее туловище до пят и торчащие из-под него ступни, руки слегка разведены в стороны (табл. А-20, 21). Особняком стоит профильный рисунок женщины с гипертрофированными вторичными половыми признаками – пышной грудью и выдающимися ягодицами (табл. А-22).

Владелец торговой книги весьма искусно нарисовал отдельных клиентов, подчеркнув род их занятий дополнительными единицами графики – особенными деталями гардероба или специфическими орудиями труда, позволявшими автору в свое время безошибочно узнавать в пиктограммах конкретных людей. Так, например, поп изображен в широкополой шляпе и длинной рясе с расширяющимися к низу рукавами, т. е. в традиционном для того времени одеянии священника (табл. А-18). Идентичные антропоморфные изображения «в шляпе» встречаются в наскальной живописи Якутии (табл. В-4) среди петроглифов р. Маи (левый приток р. Алдан) (Окладников, Мазин, 1979. С. 43–44, табл. 48). Фигура плотника нарисована в фас, с прямоугольной ручной пилой *эрбии* в левой руке (табл. А-24). На листе 29 имеется пиктограмма косца с двумя ручными косами (табл. А-27). Орудия труда выполнены иконически и могут быть идентифицированы как бытовавшие в то время – традиционная якутская коса-горбуша *хотуур* и традиционная русская коса-стойка (литовка) (табл. А-25, 26). По таким графическим единицам как бубен удлиненной овальной формы и колотушка достаточно хорошо читается пиктограмма шамана (табл. А-28). На писанице Еланка, среди Ленских петроглифов, шаман с бубном изображен в той же примитивной манере, что и в торговой книге (табл. В-8) (Окладников, Запорожская, 1972. С. 56, табл. 120). Граффити шамана обнаружено и на стенах деревянной погребальной камеры традиционного якутского погребения XVI–XVII вв. (табл. Г-2). Встречается на страницах торговой книги и рисунок человека с ружьем за спиной в фас или профиль. Одна из пиктограмм изображает пожилого охотника, опирающегося на палку (табл. А-30). Изображение человека с луком и стрелой в левой руке является своеобразным аллографом пиктограммы охотника (табл. А-31). Пиктограмма кузнеца встречается дважды, на листах 29 и 38. Идентифицирующей графической единицей в данном случае является горн с кузнечными мехами (табл. А-32).

Всадники-коневоды (4 рисунка на листе 21 и 29) изображены в профиль, верхом на оседланных верховых лошадях, с поводьями в руках. В одном случае – это одиночное изображение всадника (табл. А-33), в остальных случаях всадник является

частью сюжетной композиции – всадник на лошади, ведущий на поводу навьюченную лошадь (табл. А-34) или жеребую кобылу. На писанице Тиит-Ары на Средней Лене выявлено одно бесспорное изображение всадника на лошади с поводьями в руках (табл. В-9). Данное изображение А.П. Окладников относит к периоду формирования на Средней Лене якутской народности (Окладников, Запорожская, 1972. С. 97, табл. 113). Изображение всадника на лошади с поводьями в руках зафиксировано и в редком тамговом знаке якутов Якутского уезда 1664 г. «…якутское знамя, изображающее всадника на коне, с копьем (без наконечника) и поводом (от головы коня) в руках (хотя самих рук не видно)…» (табл. Б-3) (Оглоблин, 1891–1892. С. 3). Среди обнаруженных граффити на деревянных плахах погребальной камеры одного из якутских погребений XVI–XVII вв. также обнаружена пиктограмма всадника на коне (табл. Г-3).

На листе 29 присутствует фигура человека с палкой и заплечным коробом (корзиной) – приспособлением для переноса тяжестей (в том числе охотничьей и рыболовной добычи, пищи). Палка, на которую опирается носильщик, вероятно, призвана подчеркнуть тяжесть переносимого груза (табл. А-35). Данная пиктограмма содержит информацию об исполнении услуги по транспортировке груза в кредит или в качестве уплаты долга торговцу. В.П. Захаров, описывая пушной промысел начала XX в. в Верхоянском округе, рассказывает о традиции выкапывания лисьих нор и выращивании лисят в клетке для последующего их забоя. При этом, он упоминает корзину *тымтай* как средство для перевозки лисят (Захаров, 1995. С. 36). В.М. Зензинов, отбывавший ссылку в Верхоянском округе, описывает бытовавшую в начале XX в. на севере Якутии традицию добывать летом песцов-норников и выкармливать их в деревянных «сайбах» (срубах) до снега, чтобы получить более высокую выручку от продажи шкурки выкормленного песца (Зензинов, 1914. С. 59). Объясняется это тем, что летний тусклый и менее густой мех песцов серовато-палевого оттенка к зиме становится чисто белым и более густым и пышным (Герасимов, Шиляева и др., 1977. С. 64). Таким образом, заплечная корзина-*тымтай* могла использоваться и для транспортировки добытых песцов-норников. Тот же автор упоминает о весьма прибыльном на севере Якутии деле спиртоносов. В 1902 г., в связи с введением монополии в Якутской области, ввоз спирта в Верхоянский и Колымский округа был запрещен, что способствовало значительному повышению здесь цен на спирт и развитию контрабандной торговли этим товаром. Человек с заплечной корзиной, отмеченный в торговой книге верхоянского купца, вполне мог выполнять услугу по доставке спирта до потенциальных покупателей (Зензинов, 1916. С. 79).

На листах 21 и 29 сохранилось четыре пиктограммы, изображающие мужчин с ножами на поясе. Нож являлся одним из непременных аксессуаров мужчины того времени. Во всех случаях ножи изображены условно в виде короткой косой линии с левой стороны фигур (табл. А-36).

Одно из ведущих мест в якутском ремесленном производстве занимала обработка дерева. Среди инструментов по обработке дерева лидирующее место занимал такой универсальный инструмент как топор *сюгэ* (Зыков, 1989. С. 116). На листах 9 и 38 торговой книги размещены две пиктограммы, изображающие человека с топором в левой руке. В одном случае, изображение сопровождается косой чертой с наклоном вправо, обозначающей лук или огнестрельное оружие, перекинутое через плечо (табл. А-38), а в другом случае, в правой руке изображен инструмент, похожий на косу *хотуур* (табл. А-39). Данные пиктограммы обозначали либо мастера-плотника, либо услугу по заготовке дров или корма для скота «былах» – молодых веток березы или тальника, для резания которых якуты использовали инструмент «былахтыыр хотуур», который представляет собой переоборудованную косу (Зыков, 1989. С. 34).

На листах торговой книги встречается семь пиктограмм семейных пар (страницы 21, 29 и 38), три из которых составлены по принципу «взрослый – взрослый», остальные по принципу «взрослый – ребенок» (табл. А-41-47). Пиктограммы «мужчина – женщина» представляют собой рисунки в фас и в полный рост. Женщины изображены в длинных

платьях и с волосами, заплетенными в косы – этими наиболее характерными женскими «атрибутами» автор подчеркнул гендерную принадлежность фигур. Подобный прием использован при выполнении резного абриса женской фигуры на писанице Тойон-Ары на Средней Лене (табл. В-5) (Окладников, Запорожская, 1972. С. 64, табл. 151). Одна из пиктограмм изображает женщину и пожилого мужчину (табл. А-42). Для графической передачи информации о престарелом возрасте клиента торговец рисует опирающуюся на посох фигуру с полусогнутыми в коленях ногами и согбенной спиной (табл. А-40). На одной из пиктограмм верхоянской торговой книги изображена пара, состоящая из двух женщин. Стройная молодая женщина изображена в широкополой шляпе, фигура пожилой женщины отличается тучностью, что, вероятно, было дополнительным ориентиром для владельца книги (табл. А-43). Обращает на себя внимание схожая манера изображения тучной фигуры на писанице Еланка (Окладников, Запорожская, 1972. С. 56, табл. 120) и граффити на деревянной погребальной камере из якутского погребения XVI–XVII вв. (табл. В-10, Г-4) (Попов, 2018. С. 41, фото 35).

Помимо взрослых людей на страницах книги встречаются пиктограммы, в графический комплекс которых входят зарисовки взрослого и ребенка – отец и сын, отец и дочь, мать и дочь, вероятно, отражающие статус неполной семьи. Изображения детей отличаются от изображений взрослых лишь меньшими размерами и коротким одеянием у девочек (табл. А-44-46). Особняком стоит парный рисунок, который маркирует семью покойницы. Обе женщины изображены с косами, в длинных платьях. Изображение покойницы отличается горизонтальным положением, подобным расположению тела умершего в традиционном грунтовом погребении якутов (табл. А-47).

Следующая группа пиктограмм состоит из 18 одиночных фигур должников-покойников, среди которых 3 женских и 15 мужских (табл. А-48-53). Усопшие изображены преимущественно в профиль, лежащими в горизонтальном положении. Нижняя часть туловища передана в профиль, хорошо прорисованы обе ноги, в профиле фигур угадывается положение рук покойного на груди. В двух пиктограммах автор использует дополнительные графические единицы – двухлопастное весло и лук, позволяющие атрибутировать данные пиктограммы соответственно как усопшего рыбака (табл. А-48) и охотника (табл. А-49). Интересным является тот факт, что погребения отличаются антитезной ориентацией, т. е. 11 покойников расположены с ориентацией головой влево, остальные 7 ориентированы головой вправо.

Изучая знаки собственности, так называемые «знамена» XVII в., Н.Н. Оглоблин приходит к выводу о том, что знаки с изображением человека являются редкостью среди «знамен» сибирских инородцев, но в то же время отмечает, что помимо остяков и тунгусов подобные тамговые знаки встречаются у якутов (табл. Б-2) (Оглоблин, 1891–1892. С. 3).

Группа III. Пиктограммы предметов быта, орудий труда и охоты. В рукописи П.В. Попова встречаются пиктограммы следующих предметов быта, выявленных им при изучении первоисточника – веревки, сети и кожаной сумки. Пиктограмма веревки представляет собой закрученную вправо, по ходу солнца, толстую одноцентровую спираль (табл. А-54). Сеть изображена в виде двух тонких параллельных горизонтальных полос и ромбовидных ячеек между ними (табл. А-55). Сеть являлась универсальным приспособлением, которое использовалось как для ловли рыбы, так и дикой птицы в период весенней и осенней миграции. Изображения сетей встречается в наскальной живописи Якутии, например, на писанице Тиит-Ары (табл. В-11) (Окладников, Запорожская, 1972. С. 52, табл. 106). В отличие от предыдущих иконических рисунков, кожаная сумка изображена весьма условно, одной кривой линией (табл. А-56).

На имеющихся в нашем распоряжении копиях листов торговой книги также встречаются пиктограммы предметов быта, выступавших в качестве объекта сделок между владельцем книги и его торгово-экономическими партнерами. Среди них – торбаза, котел, конское седло, изображение заплечной одежды, весы, лук со стрелой, коса-

горбуша (табл. А-57-63). На листе 1 имеется три одиночных профильных изображения торбазов – традиционной кожаной якутской обуви с высоким голенищем (табл. А-57). На листе 38 пять раз встречаются рисунки металлических котлов с дугообразной ручкой (табл. А-58). Однажды предметом сделки торговца и его партнера стало конское седло, о чем автор сделал пометку на листе 1. Седло нарисовано сверху в виде смыкающихся узкими основаниями противоположно направленных трапеций. Широкие основания слегка закруглены и, вероятно, изображают переднюю и заднюю полукруглые луки седла. Сбоку от центра седла отмечены свисающие то ли подпружные ремни, то ли боковые попоны *кычым* (табл. А-59). Единожды в документе встречается пиктограмма, изображающая предмет гардероба, – шуба (платье, камзол?) с раскинутыми в разные стороны длинными рукавами (табл. А-60). Пиктограмма весов представляет собой изображение неравноплечих коромысловых весов (безмен) с одной чашей справа и передвижной гирей слева (табл. А-61). На этом же листе зафиксирован единственный рисунок лука в виде усеченного полукруга с наложенной на него стрелой с треугольным наконечником (табл. А-62). Примечательно, что подобная пиктограмма лука встречается среди якутских тамг XVII в. и петроглифов Средней Лены (Еланка) (табл., Б-4 и В-12) (Симченко, 1965. С. 219; Окладников, Запорожская, 1972. С. 58, табл. 130). Еще одним предметом коммерческой сделки верхоянского торговца стала коса *хотуур*, изображенная одной кривой линией, с укороченной рукоятью и изгибом лезвия косы влево (табл. А-63).

Пиктограммы транспортных средств представлены изображениями лодки и грузовых саней. Лодка изображена в профиль, в виде горизонтально расположенного «полумесяца». При этом нос лодки приподнят и имеет фигурное оформление. Наискосок, «перечеркивая» изображение лодки в носовой ее части, нарисовано однолопастное весло (табл. А-64). Изображение саней идентично описанному выше изображению саней в бычьей упряжке (табл. А-65). Пиктограмма читается как услуга по транспортировке товара, т. к. торговец использует дополнительные графические единицы в виде полых кружочков, для обозначения груза.

Группа IV. Пиктограммы шкур животных и пушнины, так называемой «мягкой рухляди». При изображении их используются как знаки-символы, так и знаки-рисунки. Пиктограмма коровьей шкуры представляет собой пятиугольник неправильной формы, к которому прорисована голова с характерными для рогатого скота рогами и ушами (табл. 1. А-66). Пиктограмма «шкура медведя» встречается в рукописи П.В. Попова и представляет собой пятиугольник, четыре парных угла которого, изображающие лапы животного, завершаются когтями (табл. А-67) (Попов, 1946. Д. 154. Л. 10)[5]. Идентичное изображение шкуры, но без когтей на лапах, вероятно, является упрощенным вариантом указанной пиктограммы (табл. А-68).

«Мягкая рухлядь» представлена рисунками, изображающими шкурки черной и красной лисицы, песца и белки с раскинутыми в разные стороны лапками. Контур рисунка шкурки черной лисицы полностью закрашен карандашом, обозначен длинный пушистый хвост (табл. А-69, 70). Изображения шкурок красной лисицы заштрихованы косыми линиями с наклоном вправо (табл. А-71), а контурный рисунок шкуры песца передан без штриховки (табл. А-72). Для обозначения шкурок белки существует два варианта изображения. В первом случае это изображение похожее на рисунок шкурки черной лисицы, но более геометризованное и без передних лапок (табл. А-73). Во втором случае шкурка белки изображена прямой линией с наклоном вправо, хвост обозначен густой штриховкой, передние лапки не обозначены, а задние изображены двумя короткими прямыми черточками, расходящимися в разные стороны. Это изображение в отличие от первого более стилизовано, что сближает рисунок со знаком-символом (табл. А-74).

[5] Попов П.В. Краткий очерк о торговой книге неграмотного верхоянского якута-купца, 1946 г. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 4. Д. 154.
Popov P.V. A brief essay on the trading book of an illiterate Verkhoyansk Yakut merchant. 1946 // The Manuscript Fund of the Archives of the YSC SB RAS. F. 5. L. 4. D. 154.

Рис. Реконструкция изображений знаков на л. 38 «Торговой книги неграмотного инородца Верхоянского округа»
Fig. Reconstruction of images of signs on sheet 38 of the "Trading book of an illiterate aborigine of the Verkhoyansk district"

Группа V. Предметы без атрибуции. К этой группе рисунков отнесены 5 изображений, идентификация которых по причине их условности и нечеткости затруднена (табл. А-75-79).

Большинство графических комплексов, обозначающих различные торгово-экономические операции или планы конкретных местностей, входивших в сферу торговой деятельности коммерсанта, представляют собой сочетания знаков, отделенных друг от друга тонкой линией. При этом следует отметить регулярное использование знака-символа креста с удлиненной вертикальной осью, который, вероятно, выступает в роли межевого столба между отдельными поселениями. Завершение торгово-экономических операций (купля-продажа, меновая и кредитная торговля, подрядные обязательства) отмечалось автором простым перечеркиванием изображенных пиктограмм и идеограмм (рис.).

Следовательно, там, где изображения, обозначающие элементы сделки или определенную денежную сумму не перечеркнуты, мы имеем дело с записями о непогашенном долге.

Выводы по 1 части. Сочетание пиктограмм (знаков-рисунков) и идеограмм (знаков-символов) стало наиболее оптимальным способом письменной передачи информации о торгово-экономических операциях, участником которых являлся автор торговой книги. Часто встречающиеся на листах книги пиктограммы, обозначающие «мягкую рухлядь», свидетельствуют о роли пушнины в экономической жизни края. Стремление получить «дорогую рухлядь» (черная и чернобурая лисицы) или «обыкновенную рухлядь» (красная лисица, волк, песец, белка и др.) для уплаты ясачного сбора и торговли заставляло купцов скупать пушнину или нанимать охотников для ее добычи. Купцы часто брали на себя «подъем» нанятых ими охотников за деньги или часть добычи. Видимо, купец в Верхоянске сам нанимал работников для конной доставки товаров (всадник на лошади), подготовки снаряжения охотников (кузнец), сена для гужевого транспорта (сенокосчик), теплой обуви для охотников (торбоза). В «подъем» входили затраты на переезд, довольствие, орудия лова и патроны. Охотники для промысла с сентября по апрель – май, выходили с лошадями, оленями или быками (их использовали для перевозки клади, а затем забивали на мясо), с собой брали необходимые продукты, чай и табак. Судя по рисункам, владелец торговой книги покупал для «своих» промысловиков лодку, коров, сено и т. д.

Обращает на себя внимание педантичность и системность, с которыми автор делает свои записи. Отсутствие помарок и исправлений говорит об устойчивости данной знаковой системы. Большинство символов из текста имеют аналоги на древних писаницах Средней Лены и граффити из якутских погребений XVI–XVII вв., что указывает на относительную архаичность и длительную историю сложения представленной в книге знаковой системы.

Библиографический список

Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Хунно-сяньбийские реминисценции в культуре якутов // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / Материалы II международной научной конференции, посвящённой 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2017. С. 84–90.

Герасимов Ю.А., Шиляева Л.М. и др. Охота на пушных (биологические основы промысла). М.: Лесная промышленность, 1977. 221 с.

References

Alekseev A.N., Bravina R.I. 2017. Hunno-Syanbi reminiscences in the culture of the Yakuts. *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu d.i.n., prof. P.B. Konovalova (g. Ulan-Ude, 4–6 dekabrya 2017 g.)* [Current Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia: Proceedings of the II International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences, prof. P.B. Konovalov]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. Pp. 84–90. (In Russ.)

Gerasimov Yu.A., Shilyaeva L.M. 1977. Hunting for fur (biological basis of hunting). Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ. 221 p. (In Russ.)

Губельман М.И. Бирки и записи долгов, графически представленные в своей торговой книге неграмотным якутом Верхоянского округа // Известия Якутского отдела Императорского русского географического общества. Якутск: Областная типография. 1915. Т. I. С. 99–102.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.

Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1995. 70 с.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Москва: Типография П.П. Рябушинского, 1914. 133 с.

Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М.: Наука, 1916. 97 с.

Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, 1989. 143 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллайада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Левин Г.Г. Была ли письменность у якутов? (к вопросу о руническом письме у народа саха) // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск: Наука. 2014. С. 271–277.

Оглоблин Н.Н. «Знамена» сибирских инородцев XVII века. // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891–1892. Т. XIII. Вып. 1. С. 1–8.

Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. Якутск: Якутгосиздат, 1942. 40 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. с. 270.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. С. 152.

Попов В.В. Итоги работы саха-французской археолого-этнографической экспедиции (2004–2017 гг.) Якутск: Издательский дом «Кемуел», 2018. 119 с. (на якутском языке).

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965. 226 с.

Gubel'man M.I. 1915. Tags and records of debts graphically represented in their trading book by the illiterate Yakut of the Verkhoyansk district. *Izvestiya Yakutskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Yakut department of the Imperial Russian Geographical Society]. Yakutsk: Oblastnaya tipografiya Publ. Vol. 1. Pp. 99–102. (In Russ.)

Drachuk V.S. 1975. Sign Systems of the Northern Black Sea Region. Kiev: Naukova dumka Publ. 224 p. (In Russ.)

Zakharov V.P. 1995. Fur hunting and trade in Yakutia (late XIX – early XX centuries)] Novosibirsk: Nauka Publ., 70 p. (In Russ.)

Zenzinov V.M. 1914. Ancient people in the cold ocean. Russian Mouth of the Yakut region of Verkhoyansk district. Moscow: Tipografiya P.P. Ryabushinskogo Publ. 133 p. (In Russ.)

Zenzinov V.M. 1916. Essays on trade in the north of the Yakutsk region. Moscow: Nauka Publ. 97 p. (In Russ.)

Zykov F.M. 1989. Traditional instruments of labor of the Yakuts (XIX – early XX century). Novosibirsk: Nauka Publ. 143 p. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. 1977. Ellayada: Materials on the mythology and the legendary history of the Yakuts. Moscow: Nauka Publ. 248 p. (In Russ.)

Levin G.G. 2014. Did the Yakuts have a written language? (to the question of the runic letter of the Sakha people). *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya Sakha. Mat. Vseross. nauch. konf.s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 125-letiyu G.V. Ksenofontova i 100-letiyu L.N. Gumileva* [Riders of North Asia and the birth of the ethnic group: ethnogenesis and ethnic history of the Sakha: Proceedings of the All-Russian scientific conf. with intern. participation, dedicated to the 125th anniversary of G.V. Ksenofontov and the centenary of L.N. Gumilyov]. Novosibirsk: Nauka Publ. Pp. 271–277. (In Russ.)

Ogloblin N.N. 1891–1892. “Banners” Siberian aliens of the XVII century. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya* [Notes of the Ural Society of Natural Sciences Fans]. Ekaterinburg. Vol. XIII. Iss. 1. Pp. 1–8. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Barashkov I.I. 1942. The ancient writing of the Yakuts. Yakutsk: Yakutgosizdat Publ. 40 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. 1972. Petroglyphs of the Middle Lena. Leningrad: Nauka Publ. 270 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. 1979. Petroglyphs of the Aldan River Basin. Novosibirsk: Nauka Publ. 152 p. (In Russ.)

Popov V.V. 2018. Results of the Sakha-French Archeological and Ethnographic Expedition (2004–2017). Yakutsk: Izdatel'skii dom “Kemuel”. 119 p. (In the Yakut language).

Simchenko Yu.B. 1965. Tamgas of the peoples of Siberia of the XVII century. Moscow: Nauka Publ. 226 p. (In Russ.)

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

Yatsenko S.A. Tamgas-signs of Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001, 190 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Бравина Розалия Иннокентьевна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИиПМНС) СО РАН,
Россия, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail bravinari@bk.ru

Соловьёва Елена Николаевна,
лаборант отдела археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИиПМНС) СО РАН,
Россия, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail: lenasolo05@mail.ru

Information about the authors

Rosalia I. Bravina,
Dr. Sci. (History), professor of the Department of Archaeology and Ethnography,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation,
e-mail: bravinari@bk.ru

Elena N. Solovyova,
Laboratory assistant of Department of Archaeology and Ethnography,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation,
e-mail: lenasolo05@mail.ru

Критерии авторства

Р.И. Бравина и Е.Н. Соловьева выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Bravina R.I. and Solovyova E.N. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 39(=512.31)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-95-105

Кузнечество в традиционной культуре бурят (конец XIX – начало XX в.)

© Н.Б. Дашиева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Образ и функции кузнеца в традиционной культуре бурят конца XIX – начала XX в. отражают процесс этнической и культурной истории народа. Дуальное противопоставление пантеона кузнечных божеств и кузнецов на «черных» и «белых» у ряда родо- и племенных сообществ бурят обусловлено противопоставлением двух разных технологий плавки железа. Такая традиция сложилась в Прибайкалье с середины XVII–XVIII в. в результате переселения с территории Западной Монголии родов, входящих в состав племени Булагат. Мигранты, владевшие технологией изготовления твердого, ковкого железа, объявляя своих богов-громовников и богов-кузнецов как добродетельных – белых, а свои роды как избранные ими наследственно заниматься кузнечеством, стремились занять господствующее положение над ранним населением Прибайкалья – эхиритами, хоринцами, монгольскими и тунгусскими родами – носителями технологии плохо поддающегося ковке мягкого железа. В ранней форме кузнечного культа бурят не было шамана. Кузнецы сами исполняли свои обряды. У эхиритов исторически не было понятия «кузнечная наследственность». От булагатов они приобрели «белую», а от монголов и тунгусов «черную» кузнечную наследственность. Обряды бурятских кузнецов отражают идею семантического «начала» – времени первопредметов, изготовленных из железа, а мастер отождествляется с богом-кузнецом.

Ключевые слова: буряты, кузнец, Прибайкалье, боги-громовники, обряд, булагаты, эхириты, хоринцы, эвенки, монголы, Алтай, Западная Монголия

Информация о статье: Дата поступления 1 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Дашиева Н.Б. Кузнечество в традиционной культуре бурят (конец XIX – начало XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 95–105. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-95-105

Dashieva N.B. The blacksmithing in the traditional culture of Buryats (late XIX – early XX century)

© Nadezhda B. Dashieva

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: The article reveals that the image and functions of a blacksmith in the traditional culture of Buryats in late XIX – early XX century reflected the process ethnic and cultural history of the Buryats. Dual opposition of a pantheon of “black” and “white” smithing deities and smiths by a number of clan and tribal societies of Buryats was due to opposition of two different iron smelting technologies. This tradition developed in the middle of the XVII – XVIII century as the result of resettlement from territories of western Mongolia of tribes which were part of a Bulagat tribe. Migrants who possessed the technology of producing solid wrought iron declared theirs blacksmithing deities as virtuous – white ones, and declared their tribes to be chosen by those deities to perform blacksmith's activities hereditary, those tribes tried to become dominant over early population of Cisbaikalia – Ekhirit, Khori, Mongol and Tungus (khamnigan) tribes – who possessed technology of poorly operable soft iron. The early form of blacksmith’s cult of Buryats had no shaman. Blacksmiths performed their rituals by themselves. Historically, the Ekhirits didn’t have such concept as «hereditary blacksmith». They adopted the concept of “white” hereditary blacksmith from Bulagats and “black” hereditary blacksmith from Mongols and Tungus. Rituals and ceremonies performed by Buryat black-

smiths symbolize the idea of semantic “beginning” – the time of first tools made of iron and when a master was equated with the blacksmith god.

Keywords: Buryats, blacksmith, Cisbaikalia, thunder deities, ritual, Bulagats, Ekhirits, Khoris, Evenks, Mongols, Altai, western Mongolia

Article info: Received February 1, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Dashieva N.B. The blacksmithing in the traditional culture of Buryats (late XIX – early XX century). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 95–105. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-95-105

У ряда родов бурят в конце XIX – начале XX в. ремесло кузнеца – дархана носило наследственный характер, обязывающий в каждом поколении заниматься им. В противном случае, полагали буряты, весь род лишится защиты избравших их божеств, а человека, отказавшегося продолжить ремесло предков, постигнет несчастье.

Существовавшее у значительной части бурят-шаманистов разделение пантеона по морально-этическим принципам как добродетельные – белые – западные и зловредные – черные – восточные, распространялось и на кузнецов. Исследователи констатируют отсутствие общего для бурят мифа о происхождении кузнечества и выявляют три группы сюжетов – кудинский, балаганский и баргузинский, обосновывающие такое разделение кузнецов. Деление кузнецов, существующее в скрытом виде, обнаруживается у тункинских и закаменских бурят, в то время как у хоринских и селенгинских его не было (Скрынникова, 1998. С. 166).

Специфика кузнечного культа агинских бурят Забайкалья, сближает его с традициями черного кузнечества и черного шаманства балаганских и унгинских бурят (Бадмаев, 1997. С. 103–104).

Этнографические материалы свидетельствуют об обусловленности понятия «кузнечная наследственность» культом кузнечных божеств, обозначенных в пантеоне племени Булагат как «белые – западные». По воззрениям кудинских булагатов «чтобы быть кузнецом, необходимо иметь *утха* – право от Белого кузнечного тэнгрия *(Дархан-Сагаан-тэнгэри)*, без этого права быть кузнецом нельзя, а имея его, нельзя от него отказаться» (Михайлов, 1996. С. 71). В сюжете кузнечного мифа унгинских булагатов указывается, что по его велению искусство ковки железа людям передал небесный кузнец Божинтой, спустившийся на землю «где-то на Алтае» (Хангалов, 1958. С. 291–293, 322–323).

Полагаем, что рассмотрение образа и функций кузнеца в традиционной культуре бурят позволит расширить источники для изучения этнической и культурной истории как отдельных родоплеменных групп, так и всего бурятского этноса.

Причина разделения небесных божеств-покровителей ремесла и самих кузнецов на две оппозиционные группы заложена в неоднородности бурят Прибайкалья по этническим и хозяйственно-культурным характеристикам. В исследуемый период Приангарье населяли булагатские роды, бежавшие из региона Западной Монголии от войн Халхасских ханов и Джунгарских князей середины XVII в., а Приленье, северное побережье Байкала и о. Ольхон, – эхириты, частично хоринские роды. Промежуточное положение между ними занимала Кудинская долина, где булагаты расселялись среди эхиритов и монгольских родов-мигрантов (Балдаев, 2012, С. 326–327, 332, 333, 334, 335, 346–347 и др.).

По воззрениям эхиритов, тэнгрии спустили кузнеца Хожир-хана с семью его сыновьями для того, чтобы они обучили людей ремеслу по «черному металлу» (железу) и магическому излечению от 13-ти тяжелых заболеваний (Базаров, 2000. С. 38). Для эхиритских родов – это свои добродетельные божества, входящие в сонм западных – белых тэнгриев (Хангалов, 1958. С. 410–411). Ряд шаманских призываний эхиритов начинаются с обращения к семи небесным кузнецам – братьям Донжиевым, почитавшимся в образах духов-хозяев отдельных местностей в верховьях Лены, северного

побережья Байкала и острова Ольхон. Среди них особым почтением пользуются Тумэрши-нойон и Тудэгэшэ-хатан. Имя мужского божества представляет его как кузнеца, а женское имя происходит от общего названия изделий из железа. В пантеоне хоринцев и эхиритов Тумэрши-нойон входит в число «Тринадцати северных нойонов». Эхириты их культовыми местами называют Ленское нагорье, в Баргузине – местность Суво, в Монголии – долины р. Онон-Керулен-Аргуни и Хэнтэйские горы (Базаров, 2000. С. 139, 154). Им поклонялись шаманы Восточной и Северной Монголии (Ринчен, 1975).

Булагаты чужого для них бога-кузнеца соотносили не только с монголами, но и с эвенками (хамниганами), местом его «проживания» указывали восточный берег р. Лены. Жертвы ему совершали в темную ночь черным бараном (Хангалов, 1958. С. 413–415, 453–454).

У бурят Прибайкалья кузнецы, при наличии в своей родословной шаманской наследственности, получали посвящение как шаман-кузнец. При этом черный шаман обязан был обладать кузнечной наследственностью от Дархан-Сагаан-тэнгри и от Донжиевых семи божественных кузнецов (Михайлов, 1996. С. 18, 68–69). Следовательно, шаман-кузнец булагатов имел: а) свою «белую» и б) чужую тунгусско-монгольскую «черную» кузнечную наследственность. Шаман-кузнец эхиритов должен был иметь: а) чужую – тунгусско-монгольскую «черную» и б) чужую–булагатскую «белую» кузнечную наследственность. Таким образом, исторически у эхиритов не было понятия «кузнечная наследственность». Эхиритский шаман приобретал жреческие функции кузнеца от этнически чужих для него булагатских и тунгусско-монгольских кузнечных божеств. Это положение согласуется с утверждением современного шамана-кузнеца Б. Базарова, что у племени Эхирит наследственность черных кузнецов называется «монгольское черное кузнечное наследие», а наследственность белых кузнецов возводится к «Божинтоевых девяти» божеств «западной стороны» (Базаров, 2000. С. 136).

Для эхиритов исторически кузнец был только мастером, им мог стать любой человек, обнаруживающий в себе способность и призвание к ремеслу. Так, в начале XX в., житель с. Алагуй, названный как «старик Манилша», сообщил Ц. Жамцарано, что у эхиритов «нет… никакого потомственного мастера, а есть перенявшие его со стороны» (Жамцарано, 2001. С. 91). Согласно сведениям В.А. Михайлова, «…кто желает быть кузнецом без этого права, то он брызгает черным кузнечным божествам и может заняться кузнечным ремеслом» (Михайлов, 1996. С. 71).

Требование для белого кузнеца наследственности, восходящей к мифологическим белым небесным божествам, сопровождалось исполнением обязательных для их культа сложных ритуалов с кровавыми жертвоприношениями домашних животных и напитков из коровьего молока. Если кузнецы белого корня во избежание ритуального осквернения самой кузни и инструментов строго соблюдали табу на посещение ее женщинами, не пускали туда собак, не ковали в течение трех дней после смерти сородича, то у кузнецов, не имеющих наследственности, нет обычая её сакрализации, кузница это только мастерская. Про таких кузнецов говорят «собачьи кузнецы» *(нохое дархад)* (Там же), что указывает на монгольские и хоринские традиции. Собаку в качестве своего тотема почитали хоринские роды Галзут и Шарайт, проживавшие среди эхиритов на Лене и о. Ольхон (Цыдендамбаев, 2001. С. 165).

Основателями традиции деления шаманского пантеона бурят Прибайкалья на черных и белых божеств и духов были булагаты. Свою задачу мигранты видели в борьбе с традициями прямо или потенциально враждебных для них иных по происхождению этнических групп, утверждении превосходства своей культуры над культурой ранних насельников Прибайкалья. Стремление пришельцев занять господствующее положение в регионе, выявляется из мифа кудинских булагатов. По его сюжету бог-кузнец раннего населения выступает как носитель устаревшей технологии изготовления мягкого, плохо поддающегося ковке железа. Бог-кузнец булагатов представлен как обладатель новой технологии, его железо, получаемое путем использования при плавке руды флюсов в виде гор-

ного песка или щебня, наделяется особой ковкостью (Хангалов, 1958. С. 291–292).

Историческая основа мифа булагатов исходит из указания места «спуска с неба» белых кузнецов – сыновей Божинтоя, как «Хухойский хребет где-то на Алтае». Еще в раннем средневековье, южные склоны Алтая, населенные тюрками были центром железоплавильного производства в регионе. Сменившие их в регионе кыргызы, производившие железо высокого качества, при плавке в качестве флюсов использовали обломки камней (Киселев, 1996. С. 275)[1].

Булагатами к «черным» были отнесены боги-кузнецы с фонетически однотипными именами как «семеро Донжиевых» и «семеро Хожироевых», видимые на ночном небе в образе созвездия Большой Медведицы (Бурятские народные сказки, 1973. С. 280). Соответственно и кузнецы, имеющие монгольские, хоринские и тунгусские этно- и культурные истоки, в суточном цикле соотносились с периодом ночи. Чужие для булагатов кузнечные божества локализовались на востоке Прибайкалья. Сложившийся на этой территории тип хозяйства, сочетавший таежную охоту с табунным коневодством, иллюстрируют петроглифы Лены, относящиеся к курыканскому периоду края (Окладников, 1976. С. 23–24).

Модель разделения пантеона по принципу отличия хозяйственно-культурных типов, со всей очевидностью проявляется и у двух территориальных групп племени Булагат. В истоке культа западных – белых божеств в пантеоне булагатов левобережья Ангары, хозяйство которых характеризуется как скотоводческо-земледельческое, лежит культ Хормуста-тэнгэри. В пантеоне балаганских булагатов он возглавляет 55 добрых западных божеств, повелитель теплых дождей и кузнечного ремесла (Жуковская, 1992. С. 596). Образ божества восходит к древнеиранскому богу Ахура-Мазда, имя которого в зороастрийском и ахеменидском пантеоне происходит от сакского urmajsde – Солнце. В Древнем Иране служители культа Ахура-Мазды носили белые одеяния, обряды светлым божествам проводили днем в течение лета, когда в мире господствовали благие силы. Для обеспечения устойчивости миропорядка в космосе и социуме в жертву ему приносили быка и совершали кропления из смеси сока растения хаомы с молоком (Бойс, 1987. С. 10–21, 43).

Параллели указанным правилам представлены в традициях нукутско-унгинских и балаганских булагатов, у которых в обрядах, посвященных западным – белым божествам, возглавляемым Хормуста-тэнгэри, ритуальной пищей служили напитки и продукты, изготовленные из коровьего молока. Служители культа западных божеств – белые шаманы носили белые одежды, ездили на конях белой масти, обряды проводили в светлый период суток в течение лета (Хангалов, 1959. С. 153). По мифам приольхонских эхирито, Буха-нойон («Бык-господин») – тотемный предок племени Булагат – сын Хормусты (Жамцарано, 2001. С. 115).

Пантеон западных – белых божеств булагатов долины правого притока Ангары – р. Куды, близко соседствующих с эхиритскими и монгольскими родами, возглавляет Заяан Сагаан тэнгэри, культ которого связан с табунным коневодством. В эпоху Чингис-хана посвященные ему обряды соотносились с древними родовыми обрядами «Великого возлияния кобыльего молока», а сам праздник приобрел статус государственного (Галданова, 1995. С. 97, 99).

Кроме бурят Прибайкалья модель дифференциации шаманского пантеона и его служителей на «белых» и «черных» по принципу этнических и хозяйственно-культурных различий можно видеть у якутов.

В сказаниях якутов ранний насельник края – один из отцов-основателей народа бурят Омогой (Омогон), не знает солнечной религии «айыы», кумысного праздника, культа божества-покровителей коней. Другой предок – тюрк Эллей, прибывший на Среднюю Лену позже Омогоя, первым устроил

[1] Киселев С.В. Енисейские кыргызы (хакасы) // Кыргызы: Источники, история, этнография. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции. Бишкек. 1996. С. 259–327.

Kiselev S.V. The Yenisei Kyrgyz (Khakas) people // Kyrgyz people: Origin, history, ethnography. Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expedition. Bishkek, 1996, pp. 259–327.

летний праздник Ысыах с кроплением кумыса белому божеству Айы-тойону (Серошевский, 1993. С. 179; Ушницкий, 2013. С. 378–379). Белые шаманы якутов в белых одеждах кропление высшему божеству пантеона совершают на восходе Солнца. На первом ысыахе первую чашу кумыса Эллей жертвует божеству-создателю и подателю конного скота Джесегей-айыыта, который показывается среди облаков в образе белого жеребца (Эргис, 1974. С. 157–158; Окладников, 1976. С. 235; Романова, 1994. С. 69–70).

В пантеоне якутов противоположную Айы-тойону позицию занимает Улу-тойон, глава злых божеств и покровитель черных шаманов. По поверьям якутов, – это грозное божество иногда показывался людям в облике могучего черного медведя или лося, черного быка или жеребца. Ему устраивают кровавые жертвы скотом (Алексеев, 1992. С. 546).

Потомки Омогоя, в отличие от потомков Эллея, не имели права устраивать праздники Ысыах с кроплением кумыса светлым небесным божествам (Алексеев, 1975. С. 78–79).

Взаимодействие на Лене двух этнических групп с разными хозяйственно-культурными типами иллюстрируют результаты лингвистических изысканий. Вся терминология якутов, связанная с рогатым скотом, имеет монгольское происхождение, а вся коневодческая – тюркское (Антонов, 1971. С. 136).

В свете мифологических воззрений бурят о том, что металл соединяет сферу небесного и хтонического, возникает сложный аспект, касающийся жреческих функций кузнеца. Сакральное пространство наследственного мастера – это его кузница. По поверьям бурят, в отсутствии кузнеца сам дух кузни работает в ней, поэтому вокруг строения летят искры от раскаленного железа как во время его ковки, а по ночам слышен стук ударов молота по наковальне (Михайлов, 1996. С. 69; Хангалов, 1958. С. 395–396; Абаева, 1988. С. 128). Именно поэтому булагатские кузнецы в целях защиты от осквернения своего пространства, находящегося на пограничье двух миров, не допускали в кузницу представителей чужих родов и женщин.

Профессиональные инструменты кузнеца после их изготовления всегда освящались, вследствие чего они приобретали своего духа-хозяина *(онгона)*. Среди них особое положение занимает большой молот (*балта*), передаваемый из поколения в поколение. Выступая в качестве предметной метафоры жреческих функций кузнеца, связующих разные уровни космогонии, наследственные молоты воспринимались как вместилище той сверхъестественной силы, которую кузнец получал от легендарных и реальных предков, и всегда хранились в семейной кузнице.

Семантический центр кузницы горн – зона небесных покровителей мастера, а наковальня – алтарь. Буряты полагали, что металлу, раскаленному в огне горна и затем обработанному на наковальне молотом, самым непосредственным образом передавались защитные свойства огня. По их поверьям, сила огня горна настолько велика, что в него не могут проникнуть даже другие божества (Михайлов, 1996. С. 69). Все изложенное относится к традициям белых кузнецов, в то время как у черных кузнецов нет обычая сакрализации кузницы, это только мастерская.

Ключом к пониманию жреческих функций кузнеца и отправляемых им обрядов является первоначальное единство производственных и культовых аспектов кузнечества, находящихся в состоянии непрерывной взаимозависимости. К данному положению лучше всего подходит характеристика обряда и трудового действа, сформулированная Р.В. Шмидтом: «В представлении людей выполнение обряда есть необходимое условие успешной работы» (Шмидт, 1931. С. 1). Иллюстрацией данного положения выступает семейный обряд белого кузнеца из рода с красноречивым названием Булут (Сталь), проживавшего компактной группой среди булагатов левобережья Ангары.

Согласно сведениям Г.Д. Санжеева, относящимся к 1926 г., булутский кузнец приглашал шамана, хорошо знающего правила обряда. Все предметы в кузне обвязывали белыми лентами; кузнец раздувал в горне огонь мехом из шкуры быка, раскалял докрасна железо и после садился со своей семьей у горна, обратившись лицом на юг.

Шаман, окропляя водкой все вокруг, пением призывал духов-хозяев кузницы, кузнечных инструментов *(эжинов)* и духов-покровителей кузнеца *(заянов)*, от которых он вел свое происхождение по прямой мужской восходящей линии. Призываемых просили оберегать кузнеца и его семью от козней злых духов, помогать в работе. Затем кузнец вынимал раскаленное в огне горна железо и, изображая собою духа – хозяина горна, поучал его кузнечному мастерству (разговаривал сам с собою). В ходе церемонии изготавливались нужные в хозяйстве вещи. Автор подчеркивает со слов информанта, что «только из ритуально подготовленного железа можно было что-либо изготовлять, ибо никакое другое железо для этого не годилось» (Санжеев, 1980. С. 104–105).

Булутцы проводили и другой обряд: кузнец раздувал в горне огонь и раскалял докрасна железо. Затем стучал по железу молотком, вытягивая его в полосу (Там же. С. 103–104). Такой обряд устраивали и балаганские булагаты (Хангалов, 1958. С. 513–514). Относительно обряда баргузинских кузнецов Б. Базаров пишет: «Тут нужно постучать кувалдой-молотом, т. е. кузнечными инструментами-онгонами» (Базаров, 2000. С. 41).

Описания обрядов у разных групп бурятских кузнецов отражают три этапа исторически последовательной трансформации воззрений о профессиональной деятельности кузнеца и его личности. На первом этапе реальная производственная деятельность воспринималась как сакральное действо, а мастер по своим функциям отождествлялся с богом-кузнецом. На втором кузнец воспроизводит все операции ковки железа, но не создает конкретные вещи. На третьем – обряд представляет собой лишь символическое выражение идеи производства железа.

Мифологическая семантика производственного процесса выявляется из описания обряда поколения Хонгортон в составе эхиритского рода Хузуухан Абзай, проживающего в Селенгинском районе Бурятии (Абаева, 1988. С. 76–102).

По преданию основателем данного поколения является прославленный в местности Харгана кузнец Хонгор. Его отец Сахилгаан прибыл в эти края из-за Байкала. По рассказам информантов, «ночью в кузнице Хонгора часто слышали звон и стук молота. Предполагалось, что это небесные старики-кузнецы помогают ему в работе». Обряд, который ежегодно устраивали мужчины этого поколения, назывался «Поклонение кузне» *(Хяһа тахилга).* Вел его приглашенный буддийский священнослужитель – лама, но сам обряд проходил как шаманский.

Действо совершалось в кузнице. Мужчины становились вокруг горна, где лежало раскаленное железо, здесь же расставляли тарелки с жертвенной едой. Лама начинал читать молитвы на тибетском языке, а мужчины тем временем брызгали водкой в огонь горна. Затем раскаленное в нем железо клали на наковальню, и били по нему молотом так, чтобы от каждого удара во все стороны летели искры. При этом все присутствующие выкрикивали свои имена (Там же. С. 128).

Обряд представляет собой инсценировку мифа о первокузнецах. Имя семейно-родового предка впрямую возводит его образ к богу-громовнику Сахилгаан-Сагаан-тэнгэри («Молниевый-Белый-тэнгри»). Баргузинские эхириты представляли, что это покровитель всех монгол-бурят, всех хоритумэт. В его введении находятся 77 небесных кузнецов «монгол дарханов» (Базаров, 2000. С. 116, 139). В этом же семантическом ряду находится и геноним Хонгор – «Светлый».

Искры, рассыпавшиеся при ковке железа, семантически приравниваются молнии – оружию бога-громовника, которым он мгновенно устраняет вредоносное воздействие злых духов. В обряде его функции выполняет кузнец, ударяя молотом по раскаленному железу в момент, когда выкрикиваются имена присутствующих людей.

Присущий многим группам бурят религиозный синкретизм, совмещающий древние шаманские традиции с буддизмом, находит отражение в обрядах белых кузнецов у ряда групп западных бурят, а также тункинских и закаменских, которые проводили моления, посвященные покровителю кузнецов Дамжин сахиусану 9, либо 19, либо 29 числа каждого месяца. Обряд мог совершать как сам кузнец, так белый шаман или буддийский священно-

служитель – лама. Само действо не отличалось от описанных шаманских традиций: на наковальню брызгали масло, на меха лили водку.

По этим же числам проводили обряд освящения кузнечных инструментов. Жертвоприношение совершалось молочной «белой» пищей, только изредка бараном, но обязательно белой масти. Покровителю кузнецов в качестве бескровной жертвы посвящали козла желтоватой масти. Из бересты вырезали изображение Солнца и Луны. Их прикрепляли, соответственно, спереди на лбу и сзади за рогами козла (Галданова, 1987. С. 89–90).

Козел желтоватой масти как животное предпочтительное для посвящения божествам-покровителям кузнецов имеет истоком образы ведийской и индуистской мифологии. Это Аджа Экапад («одноногий козел»), связанный с молнией, с богом огня Агни, солнцем и с богом грома Индрой (Топоров, 1991. С. 44). Знаки Солнца и Луны свидетельствуют о космогонических функциях обряда.

Структурирование времени по трем декадам лунного месяца (9, 19, 29 числа) отражает представления людей о цикличности жизни и мира, идеи о рождении, развитии и исчезновении времени, в визуализированном виде соотнесенного с периодом рождения и роста, достижения полноты и истощения лунного диска до полного его исчезновения (Дашиева, 2015. С. 25–26). В мифологических воззрениях бурят двое суток невидимости Луны, наступающие в конце синодического месяца, воспринимались как время распада мирового порядка, когда властвуют силы зла и хаоса, представленные в бурятском шаманизме в образах черных божеств и духов. Именно поэтому балаганские булагаты в темную безлунную ночь совершали жертвоприношение черным бараном чужому для них покровителю – Тумэрши-нойону, – как и всем другим восточным божествам.

Обряд предстает как сложное многоуровневое действо, структурно состоящее из ритуального кропления вином и молочной водкой в юрте; жертвенного кропления во дворе под открытым небом; жертвоприношения животного под открытым небом. Для обряда «приготовляют небольшую наковальню и обыкновенный молоток; наковальню и молоток дают одному человеку из посторонних, который по выходе на улице, когда придут на место жертвоприношения, обыкновенно садится немного правее *тургэ*; впереди себя он ставит наковальню, а в руке держит молоток, которым и бьет по наковальне во все время жертвоприношения; этому человеку дают еще в посуде вино или тарасун и чашку, в промежутках он выпивает и продолжает бить по наковальне. Этот человек носит название Бажир-Хара-нойон или же иногда называют его Балташи Бажир-Хара-нойон» (Хангалов, 1958. С. 538–539) т. е. «Молотобоец Бажир-Черный-нойон».

Тургэ – линия, выстроенная его участниками, сидевшими в один ряд под открытым небом лицом на юг, ориентировано с запада на восток, строго придерживаясь генеалогического старшинства, делила обрядовую площадку на две части – южную и северную. Южная часть символизировала собой семантический «верх-перед», а северная – «низ-зад» вертикальной и горизонтальной структуры картины мира бурят. В этой картине старшие члены рода, располагавшиеся на правом краю линии-*тургэ*, выступали как связующее звено во временной протяженности наследования кузнечного дара, полученного предками от бога-кузнеца Тумэрши-нойона.

Место нахождения человека, воплощающего собой образ духа-хозяина главного инструмента кузнеца – молота, правее от начала линии-*тургэ*, пространственно ориентированной справа-налево по принципу генеалогического старшинства мужчин рода, символизирует его нахождение в верхнем мире бурятской космогонии, а в социуме – в истоке рода.

В обряде балаганских булагатов, как и во всех вышеописанных, центральным является ритуал битья молотом по наковальне, представляющий собой символический акт ковки железа, связанный с парадигмой «начала». В таком контексте ритуал осмысливается как возвращение к кузнечным истокам рода, началу наследственности, дарованной первопредками, которая никогда и никуда не исчезает, а продолжается из поколения в поколение.

В свете воззрений бурят о наследовании кузнечного дара от мифологических кузнецов, семантика ритуального битья молотом по наковальне человека из чужого рода означает приобретение балаганскими булагатами черного кузнечного наследия от чужого для них бога-кузнеца Тумэршинойона.

Обряды бурятских кузнецов отражают идею семантического «начала» – времени первокузнецов, первоинструментов и первопредметов, изготовленных из железа. По этим своим функциям они сопоставимы со значением новогоднего обряда средневековых монголов. … «у рода Чингис-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом Нового года, приготовлять кузнечные меха, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив его на наковальню, бьют молотком и вытягивают в полосу в благодарность за свое освобождение» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 183).

Генеалогическое предание монголов сообщает, что их первоначальная родина находится в горно-таежной местности с названием Эргунэ-кун. Когда же горная долина перестала вмещать в себя увеличившееся количество людей, то они по совету одного кузнеца, раздув огонь мехами из бычьих шкур, расплавили горный склон и вышли на просторы степей. В предании о великом хане монголов говорится, что он родился, проломив железную колыбель (Там же. С. 184).

В мировоззрении средневековых монголов мифологема «железная колыбель» контаминирует с представлениями о легендарной прародине, расположенной в теснинах железорудных гор, а обрядовый акт плавки железа – моделирование исхода, находится в семантическом единстве с понятием «рождение». Генеалогическое предание впрямую обуславливает исторический процесс выхода предков монголов в степи междуречья Онона-Керулена и Толы, переход от охотничье-промыслового типа хозяйства в условиях горно-таежного ландшафта к кочевому типу хозяйства с процессом освоения производства железа. По всей вероятности, в память об этом событии в монгольском обществе кузнец приобрел статус жреца.

В заключение отметим, что в исследовании подтверждается справедливость тезиса о вхождении позднейших ремесел на начальных этапах своего развития «в иную систему, связывающуюся, прежде всего, с сакральными представлениями и были соотнесены с общей космологической схемой» (Иванов, Топоров, 1974. С. 87). Эти схемы, выявляемые в практике ритуальной коммуникации и мифах, представляют собой самые общие рамки архетипов традиционной картины мира бурят, в которые входят отношения к кузнецу как внутри социума людей, так и мира божеств и духов.

Деление шаманского пантеона бурят на «черных» и «белых» божеств и духов, среди которых высшее положение занимали боги-громовники и боги-кузнецы, было обусловлено противопоставлением двух разных хозяйственно-культурных типов, исторически сложившихся в Предбайкалье в силу разности экологических характеристик восточной и западной части его территории. Дифференциация шаманского пантеона бурят Предбайкалья соответствовала формуле «черные – охотничье-промысловый, сочетавшийся с кочевым коневодческим типом хозяйства и культуры», а «белые – скотоводческо-земледельческий тип хозяйства и культуры». Исторически такой процесс сложился в Прибайкалье в результате миграции родов, входящих в состав племени Булагат в середине XVII–XVIII вв. с территории Западной Монголии.

Мигранты, объявляя своих богов как добродетельных – белых, а свои роды как избранные ими наследственно заниматься кузнечеством, стремились занять господствующее положение над ранним населением Прибайкалья – эхиритами, хоринцами, монгольскими и тунгусскими родами.

В ранней форме кузнечного культа бурят не было шамана. В результате культурного взаимодействия и экзогамных браков кузнецы булагатов приобретают «черную» кузнечную наследственность и жреческие функции «черного» шамана. Исторически у эхиритов не было понятия «кузнечная наследственность», ремеслом мог заниматься любой человек. От булагатов они приобретают «белую» кузнечную наследственность, а «черную» возводят к монголам и тунгусам.

Обряды бурятских кузнецов, независимо от их дифференциации на черных и белых, восходят к единому архетипу, отражающему идею семантического «начала» – времени первокузнецов, первоинструментов и первопредметов, изготовленных из железа, а мастер отождествляется с богом-кузнецом.

Библиографический список

Абаева Л.Л. Ареальная характеристика кузнечного культа в традиционной обрядности бурят // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1988. С. 76–102.

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в конце XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 200 с.

Алексеев Н.А. Якутская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 682.

Антонов А.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 175 с.

Бадмаев А.А. Кузнечный культ агинских бурят // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 102–105.

Базаров Б.Д. Таинства и практика бурятского шаманства. Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2000. 280 с.

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Изд. 2-е, испр. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 709 с.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 361 с.

Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1973. 458 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.

Галданова Г.Р. Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монгольских обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии : письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 94–107.

Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. Опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. 2-е изд. испр. и доп. М.: Наука – Восточная литература, 2015. 239 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

Жуковская Н.Л. Хормуста // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 596.

References

Abaeva L.L. 1988. The areal characteristic of the blacksmith cult in the traditional ritualism of the Buryats. *Kulturno-bitovie tradicii buryat i mongolov* [Cultural and daily life traditions of the Buryats and Mongols]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. Pp. 76–102. (In Russ.)

Alekseev N.A. 1975. Traditional religious beliefs of Yakuts during the late nineteenth and early twentieth centuries. Novosibirsk: Nauka Publ. 200 p. (In Russ.)

Alekseev N.A. 1992. The Yakut mythology. *Mifi narodov mira: enciklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moskow: Sovetskaya enciklopediya Publ. 682 p. (In Russ.)

Antonov A.K. 1971. Materials on historical lexicon of Yakut language. Yakutsk: Yakutknigoizdat Publ. 175 p. (In Russ.)

Badmaev A.A. 1997. The blacksmith cult of Aginsky Buryats. *Narodi Sibiri: istoriya i kultura* [The peoples of Siberia: history and culture]. Novosibirsk: Science Publ. Pp. 102–105. (In Russ.)

Bazarov B.D. 2000. Sacraments and practice of Buryat shamanism. Ulan-Ude: BuryadUnen Publ. 280 p. (In Russ.)

Baldaev S.P. 2012. Bloodline tales and legends of Buryats. Ulan-Ude: Buryat State University Publ. 709 p. (In Russ.)

Boys M. 1987. Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices Routledge and Kegan Paul. Moskow: Science Publ. 361 p. (In Russ.)

1973. Buryat folk tales. Ulan-Ude: Buryatskoe kniznoe izdatelstvo Publ. 458 p. (In Russ.)

Galdanova G.R. 1987. Pre-lamaism believes of the Buryats. Novosibirsk: Science Publ. 115 p. (In Russ.)

Galdanova G.R. 1995. The evolution of beliefs about Tengri (on the texts of Mongolian books ofrituals). *Srednevekovaya kultura Central'noy Azii: pis'mennie istochniki* [Medieval culture of Central Asia: written sources]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. Pp. 94–107. (In Russ.)

Dashieva N.B. 2015. A calendar in the traditional culture of the Buryats. Experience of history-ethnographic and cultural-genetic research. Moskow: Nauka – Vostochnaya literatura Publ. 239 p. (In Russ.)

Zhamcarano Ts. 2001. Travel diaries of 1903–1907 years. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 382 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N.L. 1992. Hormusta. *Mifi narodov mira: enciklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moskow: Sovetskaya enciklopediya Publ., 596 p. (In Russ.)

Иванов В.В., Топоров В.Н. Проблема функций кузнецов в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1(5). Тарту, 1974. С. 87–90.

Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 112 с.

Окладников А.П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены / История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. С. 22–33.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 212 с.

Ринчен Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманизме // В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 188–195.

Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах. Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1994. 160 с.

Санжеев Г.Д. Тайлган бурятских кузнецов // Быт бурят в прошлом и настоящем. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1980. С. 100–120.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М.: Рос. полит. энцикл., 1993. 776 с.

Скрынникова Т.Д. Этнодифференцирующие особенности кузнечного культа у бурят // Цыбиковские чтения – 7. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 144–146.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. Т. I. 551 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. Т. II. 443 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. 256 с.

Шмидт Р.В. Металлическое производство в мифе и религии античной Греции // Известия государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. 9, вып. 8–10. С. 1–81.

Топоров В.Н. Аджа Экапад // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 44.

Ушницкий В.В. Исторический фольклор // Якуты (Саха). М.: Наука, 2013. С. 377–383.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Ivanov V.V., Toporov V.N. 1974. Issue of functions of blacksmiths in light of the semiotic typology of cultures. *Materiali Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnim modeliruyushim sistemam* [Materials of All-Soviet Union symposium on secondary simulation systems, 1(5)]. Tartu. Pp. 87–90. (In Russ.)

Mikhailov V.A. 1996. Religious mythology] Ulan-Ude: Soel Publ. 112 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. 1976. Ancient Turkic culture in upper reaches of the Lena River. *Istoriya i kul'tura Buryatii* [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryatskoe knijnoe izdatel'stvo Publ. Pp. 22–33. (In Russ.)

Rashid-ad-din. 1952. Collection of chronicles. Moskow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publishing house. Vol. 1. Book 1. 212 p. (In Russ.)

Rinchen B. 1975. The cult of historical figures in Mongolian shamanism. *Sibir', Central'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka* [Siberia, Central and Eastern Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Science Publ. Pp. 188–195. (In Russ.)

Romanova E.N. 1994. Yhyakh holiday. Origin and representation. Novosibirsk: Nauka Publ. 160 p. (In Russ.)

Sanjeev G.D. 1980. The Tailgan of Buryat blacksmiths. *Buryati v proshlom i nastoyashem* [Daily life of the Buryats in the past and in the present]. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR Publ. Pp. 100–120. (In Russ.)

Seroshevskiy V.L. 1993. The Yakuts: experience of an ethnographic research. Moskow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya Publ. 776 p. (In Russ.)

Skrinnikova T.D. 1998. Ethnic-differential features of the blacksmith cult of the Buryats. *Tsibikovskie chteniya* – 7 [Tsybikov's readings – 7]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. Pp. 144–146. (In Russ.)

Khangalov M.N. 1958. Collection of writings. Ulan-Ude: Buryatskoe knijnoe izdatel'stvo Publ. Vol. I. 551 p. (In Russ.)

Khangalov M.N. 1959. Collection of writings. Ulan-Ude: Buryatskoe knijnoe izdatel'stvo Publ. Vol. II. 443 p. (In Russ.)

Tsidendambaev Ts.B. 2001. Buryat historical chronicles and bloodlines. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipographiya Publ. 256 p. (In Russ.)

Shmidt R.V. 1931. Metal production in myth and religion of ancient Greece. *Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'turi* [News of the State Academy of the History of Material Culture]. Vol. 9. Iss. 8–10. Pp. 1–81. (In Russ.)

Toporov V.N. Adzha Ekapad. 1991. Myths of the peoples of the world: encyclopedia. Moskow: Sovetskaya enciklopediya Publ. P. 44. (In Russ.)

Ushnitsky V.V. 2013. Historical folklore. Yakuts (Sakha). Moscow: Nauka Publ. Pp. 377–383. (In Russ.)

Ergis G.U. 1974. Literary sketches on Yakut folklore. Moscow: Nauka Publ. 402 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Дашиева Надежда Базаржаповна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая научно-исследовательской лабораторией истории и теории культуры,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1,
e-mail: dashieva-n@jandex.ru

Критерии авторства

Н.Б. Дашиева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Nadezhda B. Dashieva,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Research Laboratory of History and Theory of Culture,
East-Siberian State Institute of Culture,
1 Tereshkovoi Str., Ulan-Ude 670031, Russian Federation,
e-mail: dashieva-n@yandex.ru

Attribution criteria

Dashieva N.B. carried out research work, summarized obtained data and prepared the manuscript for printing, has an author's right to the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 391/393(571.5)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-106-116

Сакральный образ мира мертвых у бурят

© С.Б. Миягашева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье описываются представления о загробном мире у западных бурят, которые связаны с почитанием административной власти и управленческих структур. Подобные мотивы определяются мифологизацией традиционных представлений в рамках рационального осмысления, вызванного появлением новых видов социальной организации у бурят, сложившихся в процессе присоединения Сибири к Российскому государству в XVII–XVIII вв. Выявлено, что многие аспекты архаичных шаманистических представлений о душе и ее загробной жизни были гармонично инкорпорированы в воззрения о сложном бюрократическом устройстве подземного мира. Они нашли отражение в религиозно-мифологических представлениях, в частности, в устройстве и структуре потустороннего мира, в представлениях о загробном суде, культах писарей и шуленг, сакрализации и наследовании родовой власти, а также верованиях о грозных карателях в лице восточных небожителей во главе с Эрлик ханом. Разбор семантики и структуры мифологических верований, связанных с представлениями о мире мертвых показал, что в мировоззрении западных бурят Эрлик хан выступал в образе демиурга, владельца душ живых и мертвых, главного сакрального судьи. На основе анализа обрядовых текстов предбайкальских шаманов вводятся в научный оборот архивные материалы из фонда Центра восточных рукописей и ксилографов.

Ключевые слова: загробный мир, шаманизм, бурятские родоначальники, культ писарей, культ шуленг, арюуни тэнгри, Верхоленская степная дума, Эрлэн хан, архив С.П. Балдаева, удха нойон, восточные хаты

Информация о статье: Дата поступления 9 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 6 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Миягашева С.Б. Сакральный образ мира мертвых у бурят // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 106–116. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-106-116

Sacred image of the world of the dead at Buryats

© Surjana B. Miyagasheva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: The article describes the ideas about the afterlife of Western Buryats, which are associated with the veneration of administrative power and management structures. Such motives are determined by the mythologization of traditional ideas in the framework of rational understanding caused by the emergence of new types of social organization among the Buryats, who were formed in the process of Siberia's accession to the Russian state in the XVII–XVIII centuries. It is revealed that many aspects of the archaic shamanistic ideas about the soul and its afterlife were harmoniously incorporated into the views of the complex bureaucratic structure of the underworld. They are reflected in religious and mythological ideas, in particular, in the structure of the other world, in ideas about the aftermath court, clerks and shulengs, sacralization and inheritance of tribal power, as well as beliefs about terrible deities represented by eastern celestials led by Erlik Khan. Analysis of the semantics and structure of mythological beliefs related to the ideas about the world of the dead showed that in the Western Buryat worldview, Erlik Khan appeared in the image of the demiurge, the owner of souls alive and dead, the chief sacral judge.

Keywords: afterlife, shamanism, Buryat ancestors, cult of clerks, cult oh shulengas, Aryuni Tengri, Verkhorenskaya Steppe Duma, Erlen Khan, S. P. Baldayev archive, udha noyon, western deities

Article info: Received April 9, 2019; accepted for publication May 6, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Miyagasheva S.B. Sacred image of the world of the dead at Buryats. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 106–116. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-106-116

Введение

У предбайкальских бурят смерть представлялась как переход в иной мир, куда отправляется душа умершего человека. Мифологические воззрения о мире мертвых у бурят были довольно разнообразными и противоречивыми в виду того, что их архаическая основа постоянно трансформировалась, подвергалась различным интерпретациям, вбирая в себя различные аспекты, в зависимости от историко-культурных факторов.

Учитывая, что похоронно-поминальная обрядность, представления о смерти, различные приметы и поверья о душе образуют собой семантически насыщенные источники о мифологических и практических основах традиционной культуры бурят, исследователями было опубликовано довольно большое количество научных работ. Однако остались не вполне затронутыми воззрения шаманистов о самом облике загробного мира, его структуре, законах и механизмах его управления, характеристике его представителей, хотя в них содержатся уникальные коды, раскрывающие многие мифо-ритуальные мотивы в мировоззрении бурят.

Существенный вклад вносят материалы из личного фонда С.П. Балдаева, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, собранные им по Иркутской области в 1930–1950 гг. Именно в его полевых записях были обнаружены тексты шаманских призываний, описания и комментарии к ритуальным обрядам, которые позволяют выявить и проанализировать целый пласт, уникальное мифологическое пространство и обрядовую традицию, связанную с представлениями о загробной жизни.

Благодаря подобной источниковой базе удалось установить специфический ритуально-обрядовый комплекс, связанный с представлениями об ином мире как зеркальном отражении государственных и социальных институтов власти и подразумевающий почитание принципов административного управления, государственных служащих, чиновников и представителей родового управления. Подобная традиционная картина сакрализации загробного мира как системы с режимом государственного и правового регулирования получила свое развитие у предбайкальских бурят в XVII–XVIII вв. в связи с вхождением Сибири в состав Российской империи.

Судить о том, что подобные специфические особенности традиционных представлений западных бурят удавалось зафиксировать крайне редко и отрывочно позволяют заметки из полевых материалов бурятских этнографов. Например, в отчетах этнографических экспедиций маститого ученого, посвятившего себя исследованию шаманизма западных бурят Т.М. Михайлова, отмечено, что ему удалось лишь вкратце записать некоторые сведения о культе писарей *бэшээшэнгуудтэ* во время экспедиции по Иркутской области. Он отмечал: «На мой вопрос: буряты раньше не учились, не имели письменности, а как же и почему устраивали молебствия «*бэшээшэдтэ*»? – старики, с которыми беседовали, ответили, что черный люд действительно не имел грамоты, не учился, но зато у богов и духов имелась якобы грамота… *Задача исследователя – выяснить*» (Материалы этнографической экспедиции…, 1963. С. 58–59)[1].

[1] ЦВРК. № 2388, старый № 3082. Материалы этнографической экспедиции Т.М. Михайлова в Боханском районе Иркутской области (села Хоргилок, Буреть, Маньково, Харатирген). 1963 г. 65 л.
Center for Oriental manuscripts and woodcuts (COMW). Nr. 2388, old Nr. 3082. The materials of the ethnographic expedition of T.M. Mikhailov in Bokhansky district of the

О том, что сведения про культы, связанные с поклонением представителям подземного мира, известны немногим, отмечал и С.П. Балдаев, который подчеркивал, что обряды почитания высшей власти в лице Эрлэн хана и его штата помощников – восточных хатов – долгое время оставались незафиксированными и многие его элементы забыты: «Одна область бурятского шаманства почти не разработана, даже нет о нем данных у М.Н. Хангалова» (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. С. 19) [2].

Эрлик хан

Эрлэн хан (Эрлик хан, Эрлик номын хан, Тольто-хан) – глава восточных небожителей хатов, владыка загробного мира, судья мертвых (Михайлов, 1980. С. 168; Галданова, 1987. С. 62). Его образ был широко известен у монгольских и тюркских народов Сибири, в традиционном мировоззрении которых он воспринимался неоднозначно.

Известно, что в мифологии тюрков Южной Сибири Эрлэн хан считался небесным творцом и владыкой всех существ, так как именно он наделил душой человека, вдохнув ее в тело (Потапов, 1983. С. 105). Алтайцы и хакасы почитали его как отца и патрона (Бурнаков, 2011. С. 108) и в целом, все живое, обитающее в земле, под землей, в воде, считалось принадлежностью Эрлэн хана и Нижнего мира (Традиционное мировоззрение, 1988. С. 5). В бурятской мифологии Эрлэн хан имеет тюркское происхождение (Галданова, 1987. С. 63), и в связи с этим его образ скорее положительный, чем негативный (Содномпилова, 2009а. С. 17). Несмотря на то, что у бурят Эрлэн хан не был известен в роли дарителя души, тем не менее, на наш взгляд, смысл многих мотивов, связанных с идеями о потустороннем мире, указывает на подобные аспекты.

Во-первых, по полевым материалам Д.Б. Батоевой, буряты проводили обряд испрашивания *сульдэ* ребенка у 44 тэнгри, называемых *харын зугэй тэнгри* – божеств черной стороны, т. е. у восточных хатов, во главе которых стоял Эрлэн хан (Обряды, 2002. С. 35). Во-вторых, в мифологических представлениях предбайкальских бурят Эрлэн хан распоряжался душами всех существ – не только умерших, ожидавших судного дня, но и душами живых людей, которые по приказу хозяина могли быть похищены его верными слугами *элшинами* и доставлены в его ведомство, в результате чего человек заболевал и скоропостижно умирал (Хангалов, 2004а. С. 374). Таким образом, в бурятской мифологии прослеживаются следы почитания Эрлэн хана в образе созидателя и владыки душ – он мог ее даровать, отобрать в любой момент, мог и вернуть, тем самым судьба человека была в его руках.

В последующем в мировоззрении тюрко-монгольских народов владыка мира мертвых стал отождествляться божеством, забирающим к себе людей, когда кончается их земная жизнь. Душа, пойманная посланниками, или душа человека, умершего своей смертью, по прибытии в иной мир представлялась на суд Эрлика. По традиционным воззрениям хакасов, Эрлик хан определял меры и виды наказаний для людей, совершивших в своей «земной» жизни злодеяния (Бурнаков, 2011. С. 112). У монгольских народов Эрлэн хан также позиционировался как представитель высшего суда в мире мертвых (Содномпилова, 2009а. С. 17).

В мифологии бурят считалось, что именно восточные небожители хаты судили и определяли участь живых и мертвых, их называли а*рюуни тэнгэри* – «очистительные божества». Они выполняли роль грозных судей в потустороннем мире, регулировали ритуалы дачи клятвы и принятия присяги, сурово карали за их несоблюдение и следили за надлежащей службой (Миягашева, 2018. С. 200). Например, при вступлении в административную должность каждое должностное лицо – голова, родовой староста, выборный инородной управы или тайша были обязаны давать публичную клятву и провести кровавое жертвоприношение восточным хатам а*рюуни тэнгэри*. Самым сложным и почетным считался обряд Эрлэн хану, которому

Irkutsk region (villages Khorgilok, Buret', Man'kovo, Kharatirgen). 1963 65 p.

[2] ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Материалы по шаманству качугских бурят. 1935 г. 52 л.

COMW. F. 36. L. 1. File 1064. Materials on the shamanism of Kachug Buryats. 1935 52 p.

необходимо было принести в жертву одну лошадь, одного быка, трех козлов, трех баранов и сто котлов молочной водки. В случае ложной клятвы в жертву божествам оказывались принесёнными сама жизнь клятвопреступника, а также благополучие его потомства (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 50–52)[3]. Вероятно, обряды в честь *арюуни тэнгри* относились к категории сложных для исполнения, и не каждый шаман мог рискнуть его провести, опасаясь мгновенной кары восточных хатов в случае незначительного промаха при проведении ритуала.

У предбайкальских бурят считалось, что души живых людей, в основном провинившихся или нарушивших клятву, ловили слуги Эрлэн хана (Хангалов, 2004а. С. 374). Посланниками Эрлэн хана считались грозные черные всадники *хара моритон*. В мифологии бурят главной атрибуцией черных всадников выступает темнота – считалось, что они разъезжали по свету в черных повозках, запряженных воронымиконями и, таким образом, развозили заразные болезни и несчастья (Манжигеев, 1978. С. 55).

В последующем подобные шаманистические мотивы о гонцах за душами людей были трансформированы буддизмом и в мифологических сюжетах появились верования, что по истечении срока человеческой жизни Эрлик номун хан посылает на землю своего посланца *элчи* с *цолмой* – железной цепью, имеющей на одном конце копье с кольцом, а на другом с крючком (ЦВРК. Ф. 11. Оп 1. Д. 13. Л. 6)[4]. Также в буддийской трактовке Эрлэн хан именовался Тольто хан – «Царь с зеркалом» в связи с тем, что он держит зеркало *толи*, в котором отражаются все грехи и благодеяния человека (ЦВРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 23)[5]. Подобные воззрения формировались под значительным влиянием мировых религий с их идеей посмертного воздаяния.

В целом Эрлик хан представлялся как владыка человеческих душ, высший сакральный судья, повелитель мира мертвых и занимал значительное место в традиционном мировоззрении западных бурят. Владыку Нижнего мира просили даровать *сульдэ* детей, он определял судьбы всех живых существ на земле, судил их души по заслугам после попадания в иной мир, закреплял присягу и клятву, визировал власть, поэтому в честь него и подчиненных ему восточных хатов устраивали кровавые жертвоприношения.

В традиционных представлениях бурят мифический образ Эрлэн хана и Нижнего мира получил дальнейшее развитие в связи с историко-культурными факторами и стал религиозным отражением политических режимов, существовавших в феодальной Монголии и царской России (Манжигеев, 1978. С. 104).

Организационная структура мира мертвых

У бурят смерть не считается концом существования человеческой души – она продолжает существовать и после физической смерти человека (Цыденова, 2009. С. 112), поэтому загробная жизнь представлялась продолжением земной жизни, только в ином мире. В связи с этим умершего одевали в лучшую одежду, снабжали пищей, за исключением молочной, табаком, трубкой, деньгами и различными предметами труда и вооружения в зависимости от его пола и профессии (Хангалов, 2004а. С. 184).

Согласно шаманистическим представлениям бурят, пространство, куда отправлялись люди после своей смерти, было неоднородным. Потустороннийй мир делился на мир предков (*эхэ эсэгын газар*) и мир мертвых (*ухэһэдэй газар*). Считалось, что в мир предков отправляется хорошая душа человека, умершего естественной смертью, называемая *заяа* или *сульдэ*, а в мир мертвых, владыкой которого являлся Эрлик хан – грешники, шаманы и умершие неестественной смертью (Галдано-

[3] ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Материалы по шаманству качугских бурят. 1935 г. 52 л.
COMW. F. 36. L. 1. File 1064. Materials on the shamanism of Kachug Buryats. 1935 52 p.

[4] ЦВРК. Ф. 11. Оп 1. Д. 13. Б. Бамбаев. Описание погребального обряда и его происхождение. 64 л.
COMW. Fund. 11. List. 1. File 13. Bambaev. Description of the funeral rite and its origin. L. 64 p.

[5] ЦВРК. Ф. 14. Оп 1. Д. 23. Записи И.К. Баторова и П.П. Баторова. 64 л.
COMW. F. 14. L. 1. File 23. Records of I.K. Batorov and P.P. Batorov. 64 p.

ва, 1987. С. 61). Таким образом, выделяются представления о расположении мира мертвых и распределении всех умерших на определенные категории, при этом обиталища располагались на разных пространственных уровнях.

Как отмечает М.М. Содномпилова, основой подобного разделения загробного мира на «мир предков» и «мир умерших» являются представления о расположении страны предков на юге, в связи с традицией погребения умерших сородичей на южных склонах родовых гор. В противоположность, страна мертвых не освещается солнцем и луной. Более того, она находится под землей и ее расположение соотносится с северным сектором пространства (Содномпилова, 2009а. С. 154). Именно восточная и северо-восточная стороны света символизируют направления, ведущие в потусторонний мир. Об этом свидетельствует выражение «*зуулэхэ*» 'направиться на восток', означавшее отправляться на «тот» свет, находящийся в «той» стороне. По представлениям предбайкальских бурят, «тот свет» располагался на северо-востоке за р. Леной (Зулхэ мурэн) в стране холода и вечной мерзлоты (Манжигеев, 1978. С. 54).

В целом в традиционной картине мира монгольских народов северная сторона наделяется спектром негативных значений и является местом пребывания черных, восточных злых божеств, насылающих всевозможные несчастья – болезни, непогоду, смерть (Жамцарано, 2001. С. 103). Подобные воззрения были присущи и тюркам Южной Сибири, у которых локализация нижнего мира также связывается с севером, который, как и запад, ассоциируется с низом, задней стороной (Традиционное мировоззрение, 1988. С. 44).

На наш взгляд, наличие различных локаций определения души после смерти является отголоском архаичного представления о разноуровневом устройстве потустороннего мира. Например, сложное устройство загробного мира можно проследить в верованиях эвенков, которые считали, что нижний мир состоит из двух частей: верхняя часть нижнего мира, которая ближе к земле, – называется *хэргэски* и в ней обитают души умерших. Ниже находится вторая часть, которая рисуется подземной пропастью, где обитают умершие шаманы. Помимо них имелось место *буни*, в который попадают старики, уроды, души вредных животных, т. е. тех, которые по представлениям эвенков, не имеют души (Ермолова, 2009. С. 108–109).

Мотив многоуровневости нижнего мира являлся распространенным в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов. Алтайцы и хакасы считали, что пространство нижнего мира делилось на 9 ярусов сфер и слоев (Радлов, 1989. С. 361). У бурят, согласно мифологическим представлениям о мироздании, подземный мир имеет несколько слоев, наряду со срединным миром, который делился на семь слоев *долоон Замби* (Аламжи Мэргэн, 1991. С. 205). Вероятно, представления о многослойности и многоуровневости были трансформированы и представлены в поздней переработке идеи загробного мира в качестве мест локаций и структуры, которые отражают аспекты составляющей подземного мира. Так, анализ мифов выявляет, что восточные духи судили души людей в присутственных местах или в сеймах *сулган*, которых насчитывалось 9 и они назывались *ehон хурмэ* (Хангалов, 2004а. С. 374). Рассмотренные выше материалы позволяют предположить, что 9 слоев нижнего мира были представлены в мировоззренческой картине подземного мира как места, где проводили суды и слушания, а разные уровни и слои позиционировались как структура управленческого, дознавательного и следственного характера.

Помимо этого, символика указанных чисел обыгрывается и в устройстве подземного мира посредством мифа о существовании 99 темниц, располагаемых в одном из самых страшных и труднодоступных мест *Эрлэн тама* – большой темницы, находящейся под распоряжением самого владыки подземного мира. Считается, что из этой темницы невозможно освободить душу человека, так как она недоступна шаманам (Там же. С. 373–374). Помимо 99, существуют 88 темниц, в которых томятся человеческие души тех, кто обречен на смерть. Западные буряты считали, что в них применялись адские приемы дознания и испытания человеческих душ (Манжигеев, 1978. С. 104). Согласно ми-

фологии, этими темницами ведует Хурмэн эжин или Хо Хара нойн, которому прислуживает множество писарей и чиновников (Хангалов, 2004а. С. 374).

Помимо чисел 8 и 9, в мировоззрении бурят получила развитие символика числа 7. У шаманистов существовали верования о том, что существовало семь способов наказания провинившихся людей в загробном мире. Столько же насчитывалось видов ада *долоон тама* (Манжигеев, 1978. С. 43). Немаловажно, что конфигурация числа семь упоминается в монгольских обрядовых текстах в сюжете о том, что мир мертвых располагается за семью мифическими горами (Содномпилова, 2009b. С. 78).

Если первоначально в локализации подземного мира изначально четко ограничивались две категории – места определения душ умерших естественной смертью и душ шаманов, т. е. избранных, то в круг последних стали входить еще родоначальники и административные служащие, т. е. представители родовой аристократии. В связи с этим в структуре подземного мира стали разграничиваться места, такие как *Эрлэн тама*, куда попадают только души грешников, в том числе отступников клятвы и присяги, шаманов и служащих лиц, т. е. чиновников, старост, старейшин, тайшей (Галданова, 1987. С. 61).

Расширяется структура потустороннего мира, и появляются мотивы избранничества. У предбайкальских бурят получило развитие представление о существовании большой темницы *Хаалга*, в которую попадают только большие и черные шаманы и родоначальники. Ее начальником считался Хаалга эжин (досл. «хозяин Врат») по имени Хара эрэн хан. Считалось, что из этой темницы очень трудно освободить душу, только заручившись ходатайством покойных предков шамана, если они имеют доступ к этому заяну (Хангалов, 2004а. С. 374).

Апогеем мотива избранности является идея о существовании запредельного места, называемого Уленши. В мировоззренческих представлениях предбайкальских бурят души избранных Эрлэн ханом попадали в Улэнши или Улин, который представлял собой не то подземный, не то загробный мир, где обитают бессмертные души умерших людей (Манжигеев, 1978. С. 80). Считалось, что Эрлэн хан нуждался в способных и одаренных людях, и к нему попадали избранные, такие как души хороших ремесленников, грамотных людей или хорошо шьющих женщин, которые после своей смерти продолжали заниматься своим делом и ремеслом. В связи с этим буряты полагают, что умные и талантливые люди, хорошие мастера и грамотеи недолговечны, потому что в них нуждаются в подземном мире Эрлэн-хана и его посланцы похищают их души (Хангалов, 2004а. С. 326).

Вероятно Улэнши демонстрировало идею особой загробной жизни одаренных людей и олицетворялось в качестве чертога, куда после смерти отравлялись талантливые полководцы, отважные воины, искусные мастерицы, а также писари и кузнецы (Цыбикдоржиев, 2003. С. 195). Подобное место обитания избранных душ Уленши являлось еще одним из множества ведомств и присутственных мест мира мертвых.

Персонажный код

В мифологических представлениях западных бурят в потустороннем мире существовала целая канцелярия для управления царством мертвых. В нее входили помощники, писари, доносчики, агенты, управлявшие разного рода делами восточные небожители, ведавшие душами всех существ и проводившие над ними суды после их попадания в загробный мир (Манжигеев, 1978. С. 104).

Согласно верованиям, царство мертвых возглавлял Эрлэн хан с женой Эхэлур Хара хатан, ему прислуживали министры – заведующий серебряной печатью Толи Сагаан нойон с женой Толто хатан, заведующий собранием нойонов и шаманов Харши Минаа хубуун с женой Харалтур Хара хатан, заведующий собраниями простолюдинов Эрью Хара хубуун с женой Эрхэ Суйбэн хатан (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048. Л. 11–12)[6].

[6] ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048. Материалы по шаманству (рабочие тетради). Шаманство у бурят. Рабочая тетрадь С.П. Балдаева. 1948 г. 22 л.
COMW. F. 36. L. 1. File 1048. Materials on the shamanism (workbooks). Shamanism of Buryats. Workbook of S.P. Baldaev. 1948 22 p.

Следующими после министров важную роль в управлении подземного мира играли писари *бэшээшины*. В традиционном мировоззрении предбайкальских бурят считалось, что эти служители Эрлэна описали весь мир – все небо со звездами, землю со всеми растениями и животными и всех людей на земле и вели строгий учет над ними (Хангалов, 2004а. С. 259). Для того чтобы писари Эрлэн хана помогали и не препятствовали в делах, необходимо было совершать им кровавые жертвоприношения (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250)[7]. Обычно они проводились в безлунную ночь черными шаманами, соблюдая традицию ритуальных обрядов в честь восточных небожителей (Манжигеев, 1978. С. 104). Ритуальный обряд, посвященный писарям назывался *Эрлэн ханай бэшээшэнуудтэ* или *бэшээшэдэ* (досл. «обряды в честь писарей Эрлэн хана»), и проводился бурятами вплоть до конца XIX в. по случаю поступления детей в школу, во время обучения, сдачи экзаменов, при вступлении на государственную административную или военную службу (Там же. С. 35, 104).

Культ писарей отражает идею сакрального избранничества, согласно которому в традиционном мировоззрении предбайкальских бурят избранные отправлялись служить Эрлэн-хану, а наиболее выдающиеся включались в пантеон восточных хатов. Анализ шаманских призываний и гимнов в честь писарей Эрлен хана показывает, что служителями владыки подземного мира фигурировали реальные исторические писари, такие как Ухэр хара Тундутов и Ходой бэшээши. Также у предбайкальских бурят существовала традиция включения родовых шаманов, именно черных, в пантеон восточных заянов и в канцелярию чиновников и министров Эрлэн хана. В мифологии бурят встречается множество сюжетов о черных шаманах, служивших у Эрлик хана. Можно упомянуть Уха Тоголдор Холдуева, при жизни бывшего большим черным шаманом и после смерти служащего в подземном мире (Хангалов, 2004а. С. 373).

Помимо различных ведомств и структур царства Эрлэн хана, имелась дверь в иной мир и страж, который охранял эти врата. В мифологии предбайкальских бурят им являлся второй писарь Эрлэн хана Ухэр хара (досл. «черный бык»). Считалось, что он является хранителем врат в подземный мир *ухэли уудэн*, через которые проходят души всех смертных после суда над ними, после прохождения которого они более не имеют права и возможности вернуться к земному бытию (Манжигеев, 1978. С. 82). В целом врата, двери – являлись одним из символов пересечения границ миров. Если земные люди по случайности попадали в нижний мир через разные пещеры, норы и могли вернуться обратно, то двери смерти определяли полное прохождение в мир мертвых, пройдя через которые невозможно было вернуться назад, и хранитель врат пропускал только души тех, кто прошел суд восточных хатов.

Таким образом, управление миром мертвых осуществлялось при помощи многочисленных служащих Эрлэн хана, у которых были четко определены функции, и их штат пополнялся шаманами и особо даровитыми чиновниками и родоначальниками. Именно последние представляли собой родовую аристократию, наделенную идеями сакрализации власти и даром избранничества *удха*.

Культ родоначальников и *нойон удха*

Культ почитания родоначальников у предбайкальских бурят опирается на архаичные представления о предках гениях-хранителях рода и мотиве избранничества на основе наследственного дара *удха*.

Этот культ был посвящен первым шуленгам Верхоленской степной конторы Хойлонго Бойрдоеву и Барлаку Турунхаеву (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211)[8]. Хойлонго Бойрдоев в исторических преданиях известен тем, что, будучи шаманом, без

[7] ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Бэшээшэнгууд – писари Эрлэн номын хана. 20 л.
COMW. F. 36. L. 1. File 1250. Beshaeshenguud – Erlen nomyn Khan's scribes. 20 p.

[8] ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Жертвоприношение первому главному шуленге Верхоленской Степной конторы Х. Бойрдоеву. 20 л.
COMW. F. 36. L. 1. File 1211. Sacrifice to the first main Shulenga of the Verkholensk Steppe Office H. Boyrdoyev. 20 p.

согласия народа первым вступил в связь и вручил казакам символы подчинения в виде черных белок, ясака и ремня *харжа хэрмэн, хара hур* (Балдаев, 1970. С. 208). Установив тесные связи с русскими, Хойлонго Бойрдоев был избран на должность шуленги Верхоленской степной конторы и в последующем завещал свою административную должность Турунхай Барлаку – своему внуку. Учитывая, что назначенный шуленга был еще мал, то регентом была назначена его мать Харахан, которая на протяжении десяти лет успешно управляла бурятами и вела дела с русскими атаманами и воеводами (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 2–3)[9]. С тех пор служебно-административная власть шуленг у предбайкальских бурят стала наследственной. Таким образом, система управления, созданная администрацией Российской империи, сформировала инородническое чиновничество и закрепила право родовой знати в наследовании должностей в родовом управлении (Кудрявцев, 1940. С. 119). Лишь ко второй половине XIX в. ситуация меняется и господство наследственного права на должности родоначальников постепенно исчезает (Жамбалова, 2000. С. 62).

Власть шуленг, став наследственной, получила трактовку как наличие наследственности удха от восточных хатов и самого Эрлик хана. В результате в бурятском обществе было закреплено право родовой знати в наследовании должностей – *нойон удха* (букв. нойонское родословие, происхождение) (Болхосоев, 2016. С. 193), получив подкрепление в своей сакральности в мифологических аспектах. Наличие наследственности *нойон удха* давало право на вступление в должность, заверенную от восточных хатов, при этом считалось, если кто-либо, не имея родового права, занимал административную должность, то при малейшем неправильном решении или поступке мог быть строго наказан духами *заянами*, заболеть или даже умереть (Хангалов, 2004b. С. 127).

Институт наследования административной должности является поздней переработкой шаманских представлений об обязательном наличии избранничества *удха* у шаманов и кузнецов, дар которых визировался самим Эрлик ханом. Опираясь на подобные верования, предки-родоначальники становились объектами почитания и поклонения и переходили в ранг покровителей рода. Так, главный шуленга Хойлонго Бойрдоев, который завещал потомкам схоронить его напротив степной конторы на г. Орголи, с тех пор ставшей священной усыпальницей выдающихся шаманов и чиновников, был возведен в ранг родовых покровителей. Буряты повсеместно устраивали ему кровавые жертвоприношения при выборе на административную должность (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1075. Л. 41)[10].

Вместе с развитием представлений о высшей избранности чиновников и родоначальников у предбайкальских бурят получил развитие ритуал почитания знаков отличия и оружия. Считалось, что сакральной силой обладали предметы, связанные с регалиями власти, такие как указ и кортик. По представлениям бурят они давали наследственное право быть ноеном – *удха ноен*. В связи с этим, западные буряты проводили ритуал *ноехоо идээлуулхэ*, который был описан С.Г. Жамбаловой у ольхонских бурят. Для его проведения семейную реликвию в виде кортика, передающуюся как родовая святыню от отца сыну, почитали в качестве вместилища духов предков и ежегодно умилостивляли путем «кормления» (Жамбалова, 2000. С. 276). Если почитание начальников шуленг проводилось при определенных обстоятельствах для вступления в должность, то *ноедоо идээлулхэ* входил в категорию ежегодных, т. е. регулярных обрядов, проводимых ежегодно для привлечения удачи и успеха в роду, семье.

[9] ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Жертвоприношение первому главному шуленге Верхоленской Степной конторы Х. Бойрдоеву. 20 л.
COMW. F. 36. L. 1. File 1211. Sacrifice to the first main Shulenga of the Verkholensk Steppe Office H. Boyrdoyev. 20 p.

[10] ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1075. Материалы по шаманству западных бурят. 1948 г. 181 с.
COMW. F. 36. L. 1. File 1075. Materials on the shamanism of western Buryats. 1948 181 p.

Заключение

Изучение элементов сакрального образа мира мертвых у западных бурят позволяет выявить существование разнообразных мировоззренческих составляющих. Определенное место занимали сюжеты о мире мертвых, в котором души умерших продолжали существовать, следуя правилам и нормам, принятым в мире живых. Моделирование загробного мира было регламентировано теми же правилами и нормами поведения, и дальнейшее существование души напрямую зависело от качества прожитой жизни и его деяний. В связи с этим, вырисовывается сложная картина представлений об определении судьбы в загробном мире.

Немаловажным является определение того, что Эрлик хан выступает в образе демиурга, владельца и главного сакрального судьи, к нему обращаются в ритуалах наивысшего посвящения, вверяют ему свою судьбу, чтобы он визировал и благословил. Если ранее считалось, что к Эрлик хану обращались лишь в крайних случаях, обычно в случае тяжелой болезни, то разбор семантики и структуры мифологических верований, связанных с представлениями о мире мертвых, дает нам основание полагать, что функции восточных хатов не всегда представлялись злыми и отрицательными, а наоборот, возносились на высокий уровень доверия.

Формирование административной службы и возникновение должностных лиц в связи с вхождением бурят в состав Российского государства повлекли за собой сакрализацию родовой преемственности должностного звания и чина, послужили основой формирования культов с деятельностью родоначальников, писарей как новых религиозно-мифологических аспектов в духовной культуре бурят, основанных на шаманских воззрениях. Подобные мировоззренческие аспекты, связанные с историческими реалиями этнокультурного развития бурят представляют собой специфические мотивы в мифологии населения Предбайкалья и позволяют говорить о развитии и разностадиальном становлении традиционных верований.

Библиографический список

Аламжи Мэргэн. Новосибирск: Наука, 1991. 312 с.

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. 364 с.

Болхосоев С.Б. Избранничество: феномен шаманской наследственности удха у предбайкальских бурят. Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 247 с.

Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука. 1987. 154 с.

Ермолова Н.В. Картина мира мертвых в эвенкийской вселенной // Сибирский сборник–I. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. Санкт-Петербург, 2009. С. 104–111.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 395 с.

References

Alamzhi Mergen. 1991. Novosibirsk: Nauka Publ. 312 p. (In Russ.)

Baldaev S.P. 1970. Genealogies and legends of the Buryats. Ulan-Ude: Buryatskoe kniznoe izdatelstvo Publ. 364 p. (In Russ.)

Bolkhosoev S.B. 2016. Chosenness: the phenomenon of shamanic continuity of the Cis-Baikal Buryats. Ulan-Ude: IPK FGBOU VO VSGIK Publ. 247 p. (In Russ.)

Burnakov V.A. 2011. Erlik Khan in the traditional worldview of the Khakas. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia]. No. 1 (45). Pp. 107–114. (In Russ.)

Galdanova G.R. 1987. Pre-lamaic beliefs of the Buryats. Novosibirsk: Nauka Publ. 154 p. (In Russ.)

Ermolova N.V. 2009. Picture of the world of the dead in the Evenki universe. *Sibirskii sbornik–I. Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian collection–I. The funeral ceremony of the peoples of Siberia and adjacent territories]. Book 1. Sankt-Petersburg. Pp. 104–111. (In Russ.)

Zhamtsarano Ts. 2001. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel Diaries 1903–1907]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 380 p. (In Russ.)

Zhambalova S.G. 2000. Profane and sacred worlds of the Olkhon Buryats (XIX–XX centuries). Novosibirsk: Nauka Publ. 395 p. (In Russ.)

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в.: Очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 240 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

Миягашева С.Б. Клятва и присяга в правовой системе бурят // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы IX международной научной конференции. Улан-Удэ, 2018. С. 198–202.

Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Восточная литература, 2002. 222 с.

Потапов Л.П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, ГАНИИЯЛИ, 1983. С. 96–110.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009a. 366 с.

Содномпилова М.М. Путь в иной мир в мифоритуальной традиции монгольских народов // Сибирский сборник–I. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. Санкт-Петербург, 2009b. С. 73–80.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2004a. Т. 1. 508 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004b. Т. 2. 312 с.

Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.

Цыденова Д.Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2009. 194 с.

Сведения об авторе

Миягашева Суржана Борисовна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов,

Kudryavtsev F.A. 1940. The history of the Buryat-Mongolian people from the XVII century until the 60s XIXth century. Essays. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 240 p. (In Russ.)

Manzhigeev I.A. 1978. Buryat shamans and pre-shamans terms. Experience of atheistic interpretation. Moscow: Nauka Publ. 127 p. (In Russ.)

Mikhailov T.M. 1980. From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the XVIII century). Novosibirsk: Nauka Publ. 320 p. (In Russ.)

Miyagasheva S.B. 2018. Oaths in the Buryat legal system. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Materials IX International Scientific Conference]. Ulan-Ude. Pp. 198–202. (In Russ.)

2002. Rites in traditional Buryat culture. Moscow: Vostochnaya literature Publ. 222 p. (In Russ.)

Potapov L.P. 1983. Myths of the Altai-Sayan peoples as a historical source. *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Questions of archeology and Ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altaisk: GANIIYaLI Publ. Pp. 96–110. (In Russ.)

Radlov V.V. 1989. From Siberia: the diary pages. Moscow: Nauka Publ. 749 p. (In Russ.)

Sodnompilova M.M. 2009a. The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 366 p. (In Russ.)

Sodnompilova M.M. 2009b. Path to another world in the mythological tradition of the Mongolian peoples. *Sibirskii sbornik–I. Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian collection–I. The funeral ceremony of the peoples of Siberia and adjacent territories]. St. Petersburg. Book 1. Pp. 73–80. (In Russ.)

1988. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri* [Traditional world worldview of the Turks of South Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ. 225 p. (In Russ.)

Khangalov M.N. 2004a. Collected works. In 3 vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ. Vol. 1. 508 p. (In Russ.)

Khangalov M.N. 2004b. Collected works. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ. Vol. 2. 312 p. (In Russ.)

Tsybikdorzhiev D.V. 2003. Origin of ancient Mongolian military cults (according to folklore and ethnographic materials of the Buryats. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 292 p. (In Russ.)

Tsydenova D.Ts. 2009. Representations of the Aginsk Buryats about life and death (late XIX – early XX century. Novosibirsk: RITs NGU Publ. 194 p. (In Russ.)

Information about the author

Surjana B. Miyagasheva,
Cand. Sci. (History), research staff of the Center of Oriental manuscripts,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Критерии авторства

С.Б. Миягашева провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences,
6 Sahyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation,
e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Attribution criteria

Miyagasheva S.B. conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 747.54
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-117-128

История дизайна рекламы средств передвижения 1880–1930 гг.

© Е.Н. Курочкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассказывается о некоторых тенденциях графического дизайна конца XIX – первой трети XX в. Рекламные плакаты касаются узкой темы – изображения велосипедов и автомобилей. В связи с промышленной революцией находились новые объекты дизайна, в том числе и технические средства передвижения. В XIX в. появляется индустриальное производство, внимание производителей ориентировано на привлекательность, разнообразие объектов дизайна. Историческими этапами развития дизайна можно с уверенностью назвать периоды, в которые были изобретены двигатель внутреннего сгорания, паровой котел, электромотор, воздухоплавательные аппараты. Исторические этапы развития дизайна совпадают с периодами изобретения двигателя внутреннего сгорания, парового котла, электромотора, воздухоплавательных аппаратов. Появляются печатная машинка, беспроводные системы связи, радио и кино. В архитектуре при создании зданий применяются новые конструктивные особенности, самым ярким примером их использования является «Хрустальный дворец». В это же время происходит развитие технических средств передвижения от самокатов к велосипедам и мотоциклам, повозки сменились машинами и т. д. Увеличивалось и количество производителей, в связи с чем появилась необходимость рекламировать товар. В работе описываются наиболее популярные тенденции композиционных приемов рекламных плакатов.

Ключевые слова: рекламный плакат, велосипед, автомобиль, композиция, шрифт, тенденции моды, промышленная революция, исторические особенности, художники

Информация о статье: Дата поступления 4 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 10 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Курочкина Е.Н. История дизайна рекламы средств передвижения 1880–1930 гг // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 117–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-117-128

THE HISTORY OF THE DESIGN OF ADVERTISING OF MEANS OF TRANSPORTATION IN 1880–1930

© Elena N. Kurochkina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article says about some of the tendencies of graphic design at the end of 19th – first third of 20th century. Commercial posters applied to quite a specialized area: pictures of bicycles and cars. As the industrial revolution evolved, new objects of design was found, including technical means of transportation. In 19th century industrial production appears, attention of the manufacturers is focused on the attractiveness and diversity of the objects of design. The period, when internal combustion engine, boiler, electric motor and flying machines were invented, can be confidently named as the historical phases of development of design. There were appeared such new staffs as a typewriter, wireless communication system, radio and movie. New design characteristics are used in architecture, the best example of that is the Crystal Palace. At the same time technical means of transportation from scooters to bicycles and bikes were developed, wagons were replaced by cars etc. The amount of manufacturers has increased so it has become necessary to advertise goods. The paper presents the most popular tendencies in compositional methods used in design of promotional posters.

Keywords: promotional poster, bicycle, car, composition, font, fashion trends, industrial revolution, historical specificities, artist

Article info: Received November 4, 2018; accepted for publication December 10, 2018; available online June 25, 2019.

For citation: Kurochkina E.N. The history of the design of advertising of means of transportation in 1880–1930. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 117–128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-117-128

Промышленная революция XIX в. и активный процесс урбанизации европейских государств привели к развитию не только средств передвижения, но и становлению и расцвету такого нового вида искусства, как рекламный плакат.

В настоящее время исследователи активно изучают дизайн как значимый феномен, предметно анализируются психологические (Соснина, 2012) и коммуникативные (Рябкова, Ляхманова, 2018) аспекты, тщательно рассматривается лингвистическая основа (Быльева, 2005; Киреев, 2008). Погружение авторов в проблематику, рост уровня научного дискурса потребовал и собственно методологических изысканий, ревизии и систематизации методов и подходов (Сидоренко, Саморукова, 2012; Мукашева, 2016). В самостоятельное и перспективное направление оформилось изучение национальных особенностей дизайна в России (Сафонова, 2011; Куцепина, 2018), Франции (Кобер, 2007), Китае (Дун Хунчжи, 2012), США (Гурова, 2011).

Уже в начале XIX в. появилось понимание значения рекламы и ее эффективности в продаже любых товаров. С появлением в 1839 г. фотографии печатная реклама стала меняться. Теперь рекламную информацию стали размещать вместе с иллюстрациями, изображающими товар, что вызывало у покупателей большее доверие. Уже в 1841 г. в Филадельфии было открыто первое американское рекламное дело. Распространение недорогих расфасованных товаров к концу XIX в. способствовало еще большей популяризации рекламы и того, что сейчас называется графическим дизайном. Кроме того, быстрое развитие рекламы товаров способствовало появлению нового способа ее распространения – массовому выпуску многотиражных журналов. Первое рекламное агентство «с полным обслуживанием» было основано Дж. Баттеном в Нью-Йорке в 1891 г. Уже в этот ранний период становления рекламы заказчиков интересовала удачная торговая марка, привлекательное название или девиз новой продукции, чтобы покупатели ее запомнили. В западных странах довольно рано осознали необходимость и перспективы научного изучения истории рекламы (Sampson, 1874).

На рубеже XIX–XX веков рекламная практика получила развернутое теоретическое обоснование и в России (Афиша)[1]. Современная исследовательница Н.И. Шелкоплясова как первый опыт научного осмысления европейского опыта оценивает работу Н. Плисского «Реклама. Ее значение, происхождение и история» (Плисский, 1894). Вскоре последовал развернутый анализ отечественных достижений, особо подчеркнувший необходимость учета этнической психологии (Веригин, 1898). С начала XX века в России появляются многочисленные публикации научно-популярные пособия (Айзенштейн, 1912; Хойновский, 1913; Огир, 1913; Семенюк, 1916[2]). В настоящее время особо подчеркивается, что не только рыночный спрос рождает предложение, но и наоборот рекламное предложение создаёт спрос на стиль жизни потребителя (Дэвис, 2003 и др.).

[1] Афиша // Энциклопедический словаь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
Poster // Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: 86 vol. (82 vol. and 4 extra.). Spb., 1890–1907.

[2] Семенюк А. Живописец вывесок: Практическое руководство по написанию вывесок на стенах, полотне, деревянных щитах, железе и др. материалах. Пг.; М., 1916. 48 с.
Semenyuk A. 1916. Signage Painter: A Practical Guide to Writing Signs on Walls, Linens, Wooden Shields, Iron and Other Materials. Petrogradg-Moscow. 48 p. (In Russ.)

Во второй половине XIX в., когда искусство рекламы стало распространяться все шире, расцвет техники, повлиявший на городской уклад жизни, привел к развитию новых средств передвижения – это велосипед и автомобиль. Однако если автомобильная отрасль находилась только на стадии зарождения, то велосипед уже успел завоевать популярность. Первый этап расцвета рекламы средств передвижения связан именно с велосипедом. С 1900-х гг., когда велосипед становится доступнее более широким массам и превращается в привычный вид передвижения, его вытесняет автомобиль. Как модный атрибут успешной жизни, автомобиль является в этот период не только самым популярным объектом рекламы, но и частью рекламы других товаров. К концу 1930-х гг. автомобиль превратился в обычное средство передвижения, интерес к нему как к модному аксессуару в рекламе постепенно угасает, его место занимаю дирижабли и самолеты.

Расцвет рекламы велосипедов приходится на 1880–1890-е гг., в то время как сам велосипед уже давно был известен. В 1817 г. барон Карл фон Дрез, немецкий профессор, создал, а в 1818 г. запатентовал первый двухколесный самокат, который назвал «машиной для бега». В 1830 г. появился двухколесный велосипед Томаса Мак Колла (Шотландия); в 1860 г. – педальный велосипед Пьер Мишо (Франция); в 1870 г. – большеколесный велосипед Джеймса Старли (Франция) (пенни-фартинг – «высокое колесо» – один из ранних типов велосипедов); в 1885 г. – безопасный велосипед Джона Кемп Старли (Англия) – первый велосипед, похожий на используемый в наши дни, который в то время назывался «Rovel» (скиталец, бродяга). Он обладал цепной передачей на заднее колесо и одинаковыми по размерам колесами, а водитель сидел между колесами. Поэтому к концу XIX в. уже существовала велосипедная индустрия, требующая рекламы. Это модное увлечение обеспеченных горожан «чудесным устройством, которое придает человеку скорость лошади», как писали в журнале 1894 г. С 1860-х гг., когда у велосипеда появились педали и шины, он стал модным в среде богатых парижанок, несмотря на советы докторов оставить это увлечение мужчинам (Филипп Тиссье «Гигиена велосипедиста»)[3]. Появляется даже костюм для езды на велосипеде. В ряде журналов мод в 1890-х гг. можно увидеть велосипедисток в длинных темных платьях с объемными рукавами и в шляпах канотье, которые в это время носили мужчины. Все это демонстрирует, прежде всего, развитие и укрепление женской эмансипации. В 1896 г. американская правозащитница Сьюзен Энтони произнесла такие слова: «Велосипед сделал для эмансипации женщин больше, чем что-либо еще в этом мире. Я радуюсь каждый раз, когда вижу женщину на велосипеде» (Сьюзен Энтони)[4]. Выступая на феминистском конгрессе в Париже в 1896 г. Мария Поньон подняла тост за «несущий равенство велосипед, с помощью которого будет осуществляться эмансипация женщины» (Le vélo, l'invention qui émancipa les femmes)[5] (рис. 1).

В это время рекламными плакатами занимался целый ряд таких известных художников графиков, как О. Шере (1836–1932), Т. Лотрек (1864–1901), Т. Стейнлен (1859–1923), Э. Огэ (1861–1936), А. Муха (1860–1939). Композиции рекламных плакатов демонстрируют понимание авторов специфики художественного языка нового искусства. Главное место здесь занимает объект рекламы, поданный часто в занимательной форме. Огромную роль в композиции играет шрифт. Яркий, лаконичный, броский, декоративный шрифт выступает равным с изображением. Определяются наиболее популярные мотивы изобра-

[3] Tissié Philippe. L'hygiène du vélocipédiste, Paris, O Doin, 1888.

[4] Сьюзен Энтони [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Сьюзен_Энтони (1.06.2018).
S`yuzen Entoni [Susan Anthony]. Availabe at: https://ru.wikiquote.org/wiki/Сьюзен_Энтони (accessed June 1, 2018).

[5] Le vélo, l'invention qui émancipa les femmes [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/world/20150729/229334233.html (1.06.2018).
Le vélo, l'invention qui émancipa les femmes. Availabe at: https://inosmi.ru/world/20150729/229334233.html (accessed June 1, 2018).

жений: велосипедисты, несущиеся на велосипедах, красивые девушки, рекламирующие их, дети и даже животные.

Часто художники прибегали к изображению элегантной дамы, спокойно едущей на велосипеде, убеждая покупателей в комфортности и безопасности, как на плакате Э. Огэ «Cycles F. Megret» (1890). Иногда образ женщины художники стремились сделать более эмоциональным и динамичным. Так, например, на плакате Выставки велосипедов 1897 г. красавица в нарядном платье с рыжими волосами несется на скорости по земному шару, держа в руках развивающийся флаг с надписью: «Exposition du Cycle 1897». Тот же прием можно увидеть на плакате «Cycles Terrot Dijon», на котором красивая девушка мчится по шпалам на велосипеде перед поездом, выезжающим из туннеля (рис. 2). Этот же прием использован в рекламе велосипедной фирме «Raleigh» 1932 г. (стальной велосипед). К изображению красивых девушек художники прибегали также в рекламе деталей велосипеда: шин, колес, цепей. Постепенно набор рекламных образов расширяется. Одним из приемов становится юмор, как, например, в рекламе из Чикаго «Imperial Wheels» («Империя колес», 1897). В 1890-х гг. впервые можно было увидеть рекламу велосипедов с мотоприводом – предшественников мотоцикла. Первый мотоцикл с двигателем внутреннего сгорания был построен в 1885 г. в Германии немецкими инженерами Готлибом Даймлером и Вильгельмом Майбахом. Любопытно, что часто его рекламировали тоже молодые красивые девушки, как на плакате Теофиля Стейнлена «Motocycles Comiot» (1887), на котором эффектная девушка в красной кофте разгоняет стаю испуганных гусей (рис. 3).

Расцвет популярности велосипедов и рекламы совпал в европейском искусстве с расцветом стиля модерн, где мотив красивой женщины стал одним из главных. В лучших образцах рекламного плаката на художественный язык повлияла изысканная графика этого стиля, где эстетика чистой линии соединялась с изысканным колоритом и плоскостным характером. Это можно увидеть на плакате «Victor Bicycles» фирмы «Overman wheel co.». Он символизировал одновременно загадоч-

Рис. 1. Тулуз Лотрек
Fig. 1. Toulouse Lautrec

Рис. 2. Плакат 1890-е гг.
Fig. 2. Poster of the 1890s

ность, красоту и порочность, поэтому художники часто изображали красавиц полуобнаженными. В рекламных плакатах этого периода можно увидеть, что девушка является главным персонажем, а велосипед второстепенным, как на плакатах 1890-х гг. А. Мухи. С одной стороны это было проявление незрелости плакатного искусства, когда оно еще находилось в зависимости от живописи символистов, с другой – этот прием влиял на психологию покупателя (покупая велосипед, он становится таким же красивым, как девушки, изображенные на плакатах).

Другим популярным приемом в рекламе того времени было использование образа детей. Это вызывало у покупателей умиление и доверие к продукции. Такой прием применял художник для рекламы велосипеда одной из известных во Франции автомобильных фирм конца XIX – начала XX в., основанной графом Альбером де Дионом, механиком Жоржем Бутоном и инженером Жоржем Арманом Трепарду в начале 1882 г. для создания паровых автомобилей «De – Dion – Bouton». Внизу плаката дети восклицают: «Это Парижский велосипед!».

Обычным приемом была композиция с изображением делового мужчины на велосипеде. На одном из плакатов Э. Огэ, рекламирующем французскую фирму «Hurtu, Cycles français» (1892), мужчина с моноклем в спортивном костюме изображен у триумфальной арки Этуаль в Париже (рис. 4). Компания «Hurtu, Hautin et Diligeon» была основана еще в 1880 г. сначала как производитель швейных машин, а с 1897 г. они стали производить четырехколесный автомобиль, копию немецкого «Benz». На плакате фирмы «Clément et Cie» (1892) изображен мужчина на большом трехколесном велосипеде. На одном из плакатов Э. Огэ «Phébus, Bicyclettes et tricycles» на велосипеде изображен военный, на другом «American Cycles Snell» (1897) – элегантный пожилой господин, проезжающий мимо удивленного клоуна покуривая сигару. Это создает впечатление легкости управления велосипедом в любом возрасте.

Одним из эффектных приемов рекламы было изображение гонок, как на русском плакате «Старлей». В ноябре 1894 г. А.А. Алан заключил

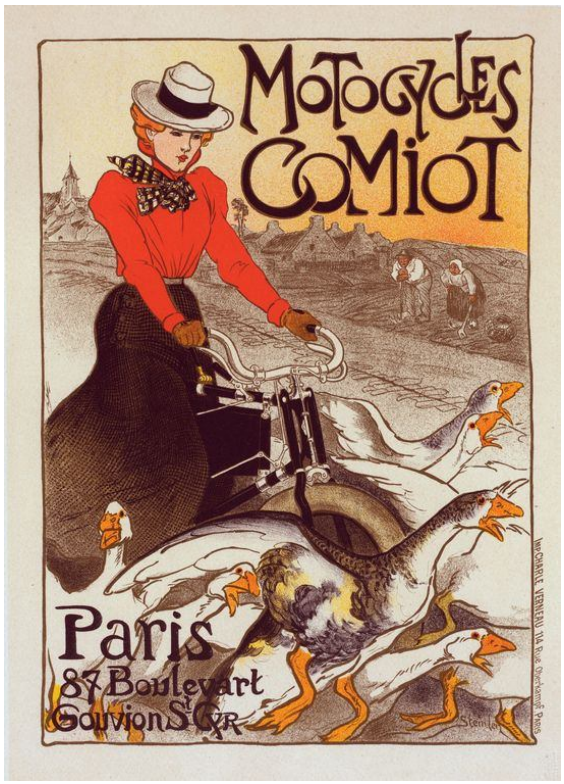


Рис. 3. «Motocycles Comiot» (1887), T. Стейлен
Fig. 3. "Motocycles Comiot" (1887), T. Steylen

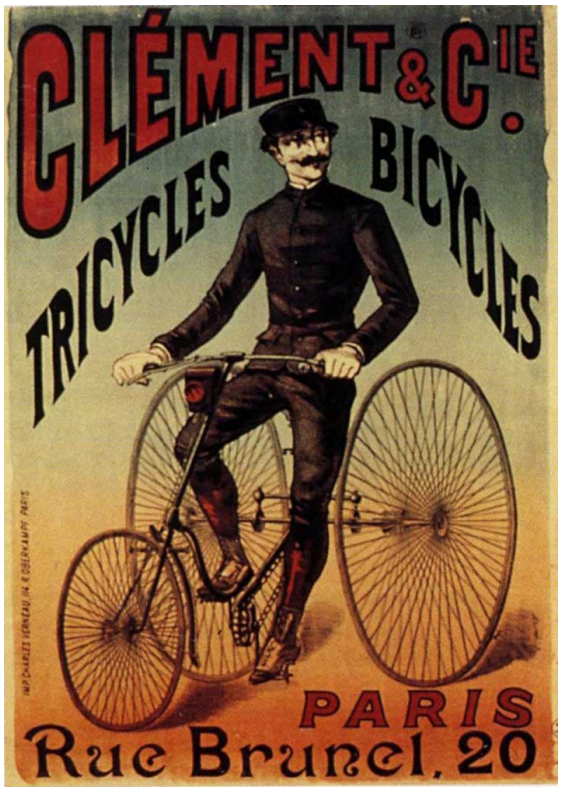


Рис. 4. Рекламный плакат 1892 г., Э. Огэ
Fig. 4. Advertising poster in 1892, E. Oghe

договор на поставку в Россию велосипедов «Психо» британской фирмы братьев Старлей, а в 1897 г. в Петербурге организовали собственное производство, назвав фирму «Старлей Раша». В 1898 г. был построен новый завод в Петербурге – предприятие «Акционерное велосипедное и механическое общество «Старлей» фабрика велосипедов, автомобилей и лодок «Психо». В 1901 г. француз Луи Мази участвовал в гонке «Москва – Санкт-Петербург» на «Старлей – Бертран» и стал единственным водителем, доехавшим до финиша. Эпизод этой гонки изображен художником на плакате, где в сложном ракурсе (вид сверху) изображена группа велосипедистов, едущая по спортивной дорожке на соревнованиях. Подобный прием диагональной композиции велосипедиста в необычном ракурсе применяется в рекламе велошин завода «Красный Треугольник» – одного из старейших российских предприятий Санкт-Петербурга, созданного еще в 1860 г., который производил резиновую продукцию.

Обилие рекламы на разные товары привело к поиску оригинальных мотивов в рекламном плакате, которые были бы способны привлечь внимание покупателя. Так, оригинально и неожиданно выглядит соединение в одной композиционной структуре рыцаря в средневековых латах и велосипеда. Такой контраст будет использоваться часто в рекламных плакатах последующих лет.

Еще одним оригинальным мотивом стало изображение животных, например, льва (лев станет одним из самых ярких и востребованных образов в имиджевой велосипедной рекламе). Он напоминал о былом колониальном шике и придавал продукту ощущение прочности и мощи. Кроме львов встречаются и другие животные, например, обезьяны. В рекламе изображены забавные сцены, где группа обезьян изучает и рисует велосипеды (рис. 5).

Именно с велосипедными шинами дебютировала компания «Michelin» со своим персонажем Бибендум, представляющим смешного фантастического белого резинового героя. Этот образ, отраженный в серии забавных плакатов, закрепился как фирменный персонаж.

Рис. 5. Группа обезьян
Fig. 5. A group of monkeys

Постепенно к началу XX в. сформировался особый художественный язык плаката, где лаконизм и плоскостность стали ведущими художественными средствами, именно они воздействовали на скорость восприятия содержания рекламного плаката. Однако встречались случаи, когда художники продолжали подавать рекламу в стиле реалистической живописи, как, например, плакат «Фабрика велосипедов Бисмарка», где многословность изложения не позволяет быстро уяснить содержание рекламы.

Велосипеды часто рекламировали в журналах и газетах. Особенностью газетной рекламы является сочетание словесных текстов с изображениями рекламного содержания. Поэтому обычно они более информативны, хотя иллюстрации значительно менее выразительны.

Многие приемы рекламных композиций использовались и в рекламе автомобилей, сменивших с 1900-х гг. велосипеды в качестве эталона респектабельности.

Одной из самых ранних автомобильных реклам считается реклама Карла Бенца в Париже «Benz Patent Motorwagen» 1888 г., предположительно одного из первых покупателей автомобиля Эмиля Роже. Реклама представляла собой скромную композицию с прорисованным трехколесным автомобилем и информационным текстом, расположенным белым шрифтом на темном фоне по периметру вокруг изображения. Подобные композиции впоследствии будут часто встречаться в

начале XX в. в журналах и каталогах. Известен цветной рекламный плакат Э. Огэ французской фирмы «Hurtu» 1893 г., где изображена дорога, по которой едет трехколесный так называемый «автомобиль без разрешения» или «тележка» с двумя пассажирами. Иллюстрированные объявления в прессе автопромышленников Дюреа и Уинтона в Кливленде известны с 1896 г. Однако считается, что первая реклама машины была опубликована в американском журнале «Saturday Evening Post» 31 марта 1900 г. Она сопровождалась комментарием: «Автомобили, которые приносят удовлетворение».

Развитие и распространение автомобилей разных фирм повлекли за собой, прежде всего, обширную рекламу в газетах, журналах, приложениях и т. д. Такая реклама имеет общую композицию – шрифтованный блок, несущий информацию не только рекламного, но и описательного характера. Часто такой текст сопровождает прорисовка или фотография, где автомобиль представлен в наиболее характерном ракурсе. Это можно увидеть на многочисленных примерах русской дореволюционной рекламы. Рассчитана она на деловых людей, которые имеют представление о развитии автомобильного бизнеса. В русских газетах и журналах можно встретить рекламу таких автомобильных марок как «Бенцъ», «Рошe-Шнейдеръ» («лучшие для русских дорог»); «Napier» («национальная гордость англичан»); «Regal», «Лорелей», «Люк» («бесшумные без клапанов»); «Hakke» («первоклассные грузовики»); «Paige “25”» («специально построенная для русских дорог»); «Фордъ» («наиболее распространенный во всем мире и по количеству больше всех в России») (рис. 6); «Уайт», трехколесные феномобили («полная гарантия за превосходство и прочность»); «Опель» («всем достаточно хорошо известны с самой лучшей стороны и о них вряд ли нужно много распространяться») (рис. 7); «Adler» («автомобили высшего совершенства»); «Fiat» («всемирно известные автомобили»); «Пежо» («лучшее, что может дать современная техника»); «King» («эти машины завладевают вашими симпатиями сразу») и др.

Рекламными плакатами большого формата в начале XX в. занимались такие известные художники, как Р. Винсент (1879–1936), А. Когейников (1901–1978), Дж. Лейендекер (1874–1951), Л. Хольвайн (1874–1949), О. Баллерио (1870–1942) и др. Они задали тон высокому художественному уровню рекламных плакатов, где ясность изображения рекламируемого продукта соединяется с текстом.

Однако основные тенденции художественной подачи автомобилей близки рекламе велосипедов – это использование образов красивых женщин, детей и деловых мужчин.

Один из приемов в рекламе – контрастное сопоставление автомобиля и лошади как, например, на знаменитом миланском плакате О. Болерио «Automobill e Velosipedi F. lli Marchand» (1900), на котором извозчик с лошадью внимательно рассматривает рекламу автомобиля: «Автомобиль лучше лошади!» написано на рекламе завода братьев Маршан.

Самым распространенным рекламным мотивом является изображение едущего автомобиля по дороге, но и здесь художники-графики находят разнообразие в подаче. Иногда это изображения, близкие к реалистической живописи, в других случаях – яркий пример остро авангардистских решений, как в рекламном плакате Малопольского автомобильного клуба во Львове 1927 г.

На одном из плакатов, где изображен автомобиль «Dux» («Вождь»), обгоняющий велосипедистку, можно увидеть медали, которые заслужила автомобильная фирма. В Москве на Ямском Поле предприниматель Ю. Меллер в 1901 г. начал сборку автомобиля «Dux» из импортных частей и изготовление из собственных, по образцу «De Dion-Bouton».

Как уже отмечалось, реклама автомобилей часто была близка рекламе велосипедов, например, на одном из плакатов художник изобразил несущийся на зрителя автомобиль, за рулем которого сидит рыцарь, восклицающий: «Гладиатор в стиле модерн!». Часто фирмы создавали плакаты сериями, используя одни и те же персонажи. Реклама автомобиля «De –Dion – Bouton» с участием

детей близка по композиционной структуре рекламе велосипеда, описанной ранее. Фирму можно узнать не только по названию, но и по характеру изображения. Те же дети также обсуждают колеса автомобиля. Привычные изображения вызывают впечатление стабильности работы фирмы.

В 1910–1920-х гг. автомобиль стал неизменным атрибутом роскошной жизни. Если в ранних рекламных плакатах часто использовались монохромные литографические изображения, то к 1910-м гг. они стали цветными, что усилило их эффектность (рис. 8–11). Поэтому одним из самых распространенных мотивов в рекламе становится изображение изысканных женщин и элегантных мужчин с автомобилем. Часто фоном композиции является фасад красивого особняка. Силуэт автомобиля или его фрагменты можно встретить в журналах мод. Наиболее ярким примером является американский иллюстрированный журнал «Vogue» (Мода), издававшийся в Нью-Йорке с 1892 г., необычайно популярный в Европе. Это был еженедельник, созданный для состоятельных граждан, рассказывающий о жизни общества и моде.

Автомобили можно увидеть в целом ряде номеров, где иллюстрируются новые модели одежды. Например, в номерах журнала «Vogue» с 1918–1930 гг. иногда автомобиль виден вдали на фоне модно одетой девушки (рис. 12), в других случаях – девушка может сидеть за рулем, тогда автомобиль уже превращается в часть модного аксессуара (рис. 13). Автомобиль является частью композиции и других журналов мод. Например, на обложке одного из иллюстрированных каталогов модной одежды «A Value – Giving Sele» изображены две дамы в роскошных шубах на фоне слегка прорисованного особняка с автомобилем.

Рис. 6. Реклама автомобиля «Форд»
Fig. 6. Advertising of the car “Ford”

Рис. 7. Реклама автомобиля «Опель»
Fig. 7. Advertising of the car “Opel”

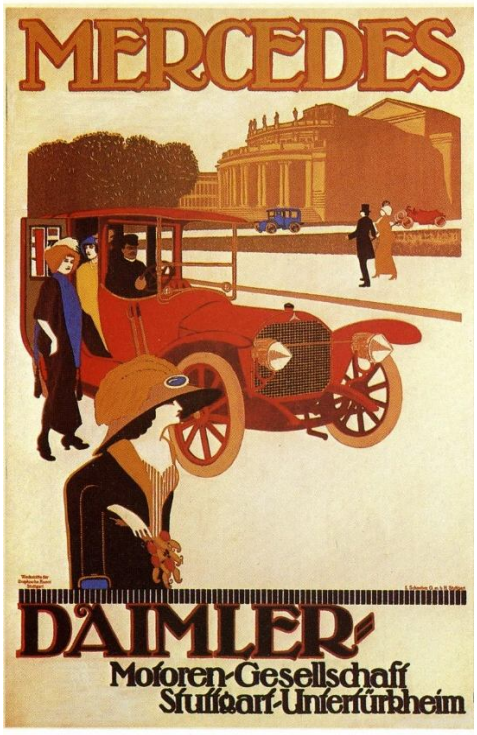


Рис. 8. Реклама автомобиля 1910-е гг.
Fig. 8. Advertising car in the 1910's

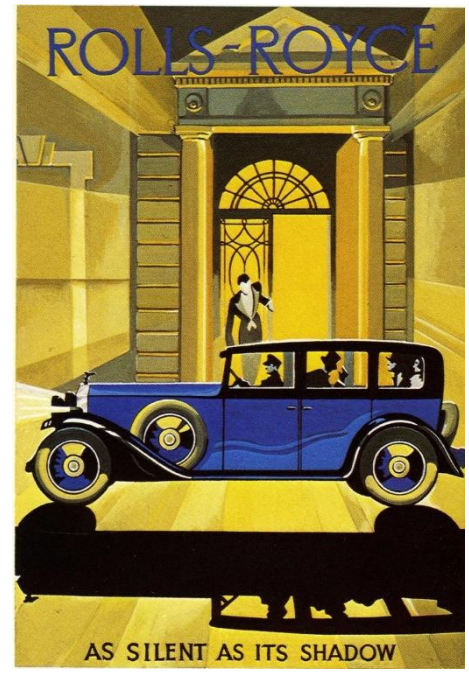


Рис. 9. Реклама автомобиля
Fig. 9. Car Advertising

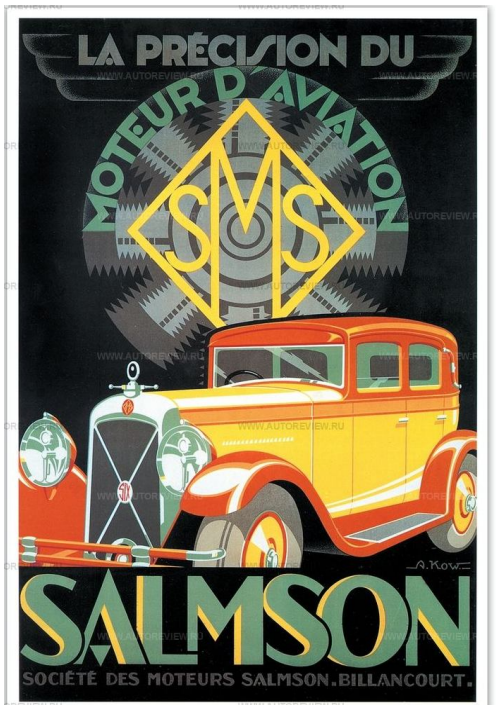


Рис. 10. Реклама, А. Когейников
Fig. 10. Advertising, A. Kogeynikov

Рис. 11. Реклама 1912 г., Л. Хольвайн
Fig. 11. Advertising in 1912, L. Holvayn

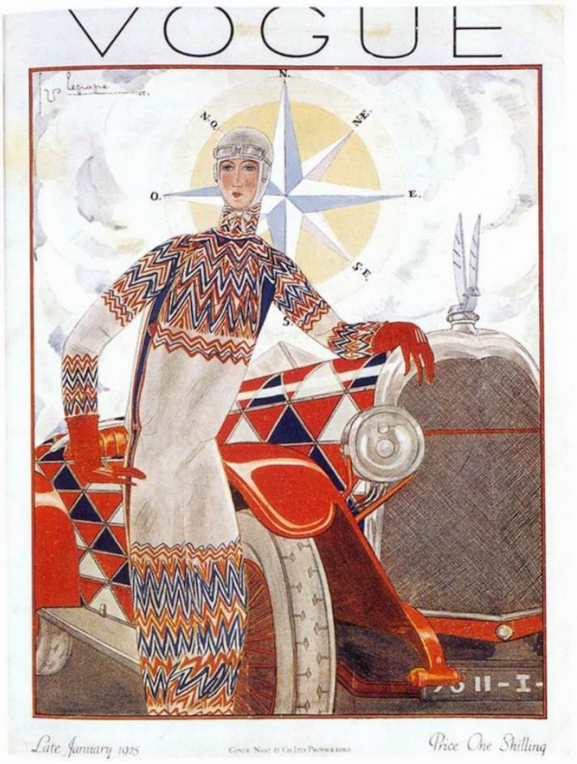


Рис. 12. Журнал «Vogue», январь 1925 г., Ж. Лепап
Fig. 12. The magazine "Vogue", January 1925, J. Lepap

Рис. 13. Журнал «Vogue», март 1929 г.
Fig. 13. Vogue Magazine, March 1929

Соня Делоне́ (1885–1979), известный дизайнер костюма 1920-х гг., французская художница-абстракционистка русского происхождения, стала крупнейшим мастером ар-деко, ее находки широко использовались в дизайне, керамике, сценографии и рекламе, а новые модели часто демонстрировались манекенщицами на фоне автомобилей. Знаменита ее фотография 1925 г. в модном костюме с шахматным рисунком на фоне также раскрашенного Ситроена.

В этот же период формируется новый подход к рекламному изображению, когда главным в рекламном сообщении становится не столько информация о продукте, сколько образность. Одним из подобных приемов является эпатаж. Так, стала популярной скандальная реклама с текстом «Новая Balilla для всех: элегантность синьоры» автомобиля «Fiat 508 Balilla» 1934 г. работы М. Дудовича (1878–1962). Само сравнение «автомобиля для всех» с элегантной женщиной оказалось сомнительным, но сделало рекламу знаменитой, даже несмотря на искажение формы автомобиля в угоду эстетике авангардного искусства. Еще более ранним примером являются рекламные плакаты Т. Макмануса. Знаменита его реклама, выполненная для корпорации «Дженерал моторс». Рекламу «Кадиллака» – самого дорогого автомобиля фирмы «Дженерал моторс» – Макманус представил объявлением без иллюстраций, сочинив только текст: «Расплата за лидерство», т. е. в нем ни разу не упоминалось название автомобиля. Такой необычный подход создал особо выразительный рекламный эффект. «Расплата за лидерство» убеждала не доводами, а атмосферой.

Даже самому остроумному выражению трудно было соперничать с одним из рекламных лозунгов автомобилей «Ford»: «Фордовские цены снижены. Действует с 22 сентября 1922 года». Автомобиль «Форд» с самого начала считался машиной, предназначенной для семьи, он должен был быть доступным для населения со средним достатком. Поэтому история рекламы «Форд» направлена на консервативные буржуазные ценности.

Популярность автомобиля в эти годы была настолько широка, что автомобиль фигурировал и в рекламе других товаров, таких, например, как Coca-Cola, лотерея Триполи и др. Многочисленные плакаты рекламировали и автомобильные акционерные общества, запчасти, одежду водителей, фирмы по прокату автомобилей.

К 1930-м гг. конкурентом автомобилю в рекламе стало новое средство передвижения – самолет. К концу 1930-х гг., реклама как вид графического дизайна практически сформировалась. Однако развитие техники продолжалось. Это привело к тому, что реклама средств передвижения нашла другие средства выражения, где ведущую роль играла фотография.

Библиографический список

Айзенштейн К.А. Как сделаться хорошим продавцом, агентом, представителем. СПб., 1912. 104 с.

Быльева Д. Семиотика визуальных образов в рекламном плакате // Реклама: теория и практика. 2005. № 2. С. 55–64.

Веригин А. Русская реклама. СПб.: Изд-во газ. «Русский труд», 1898. 23 с.

Гурова Е.А. Художественные особенности рекламного плаката США на рубеже XIX–XX веков и влияние европейского модерна // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2011. № 3. С. 173–185.

Дун Хунчжи. Основные ценности и практическое значение китайского традиционного искусства в дизайне рекламного плаката // Краеведение Приамурья. 2012. № 4 (21). С. 34–37.

Дэвис Дж.Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / пер. с анг. М.: Вильямс, 2003. 864 с.

Киреев С.И. Вербальное и невербальное выражение метафор в социальном рекламном плакате // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2008. № 2 (26). С. 32–37.

Кобер О.И. Сравнительный анализ основных принципов художественного рекламного плаката Франции XIX века (на примере его основоположников) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 76. С. 188–194.

Куцепина Д.И. Русский рекламный плакат XX века // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологий и дизайна, 2018. № 1. С. 533–539.

Мукашева А.С. Особенности изучения и рекламного плаката как объекта культуры: методологический аспект // Наука, образование и культура. 2016. № 3 (6). С. 35–37.

Огир М. Реклама как фактор внушения в общественной жизни. Рига: Наука и жизнь, 1913. 46 с.

References

Aizenshtein K.A. 1912. How to become a good seller, agent, representative. St. Petersburg. 104 p. (In Russ.)

Byl'eva D. 2005. Semiotics of visual images in an advertising poster. *Reklama: teoriya i praktika* [Advertising: Theory and Practice]. No. 2. Pp. 55–64. (In Russ.)

Verigin A. 1898. *Russkaya reklama* [Russian advertising]. St. Petersburg: Russkii trud Publ. 23 p. (In Russ.)

Gurova E.A. 2011. Artistic features of the US poster at the turn of the XIX– XX centuries and the influence of European modernity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [Proceedings of higher educational institutions. Printing and Publishing Problems]. No. 3. Pp. 173–185. (In Russ.)

Dun Khunchzhi. 2012. The core values and practical importance of Chinese traditional art in the design of an advertising poster]. *Kraevedenie Priamur'ya* [Amur Regional studies]. No. 4 (21). Pp. 34–37. (In Russ.)

Devis Dzh. Dzh. 2003. Research in advertising: theory and practice. Moscow: Vil'yams Publ. 864 p. (In Russ.)

Kireev S.I. 2008. Verbal and non-verbal expression of metaphors in a social advertising poster. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. No. 2 (26). Pp. 32–37. (In Russ.)

Kober O.I. 2007. Comparative analysis of the basic principles of the artistic poster advertising in France of the XIX century (on the example of its founders). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. No. 76. Pp. 188–194. (In Russ.)

Kutsepina D.I. 2018. Russian advertising poster of the XX century. *Vestnik molodykh uchenykh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina* [Bulletin of Young Scientists of St. Petersburg State University of Technology and Design]. No. 1. Pp. 533–539. (In Russ.)

Mukasheva A.S. 2016. Features of the study and advertising poster as an object of culture: methodological aspect. *Nauka, obrazovanie i kul'tura* [Science, education and culture]. No. 3 (6). Pp. 35–37. (In Russ.)

Ogir M. 1913. Advertising as a factor of suggestion in public life. Riga: Nauka i zhizn' Publ. 46 p. (In Russ.)

Плисский Н. Путь к богатству. Реклама. Ее значение, происхождение и история. Примеры рекламирования. СПб.: Изд. Ф. В. Щепенского, 1894. 38 с.

Рябкова Ю.В., Ляхманова М.А. К вопросу о рекламном плакате как средстве коммуникации // Филологический аспект. 2018. № 7 (39). С. 111–114.

Сафонова В.В. Два типа телесности в отечественном рекламном плакате периода конца XIX – середины XX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 216–220.

Сидоренко В.Ф., Саморукова К.Р. Исследование и анализ рекламного плаката // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2012. № 4. С. 19–22.

Соснина Д.А. Особенности психологического восприятия шрифта в рекламном плакате // Научная палитра. 2012. № 1 (1). С. 10–16.

Хойновский В. Успешная реклама и как ею пользоваться. Киев, 1913. 40 с.

Sampson H.A. History of Advertising from the Earliest Times. – London: Chatto and Windus, 1874. – 616 p.

Сведения об авторе

Курочкина Елена Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина, Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: kurohka@mail.ru

Критерии авторства

Е.Н. Курочкина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Plisskii N. 1894. Way to Wealth. Advertising. Its meaning, origin and history. Advertising Examples. St. Petersburg: Izd. F.V. Shchepenskogo Publ. 38 p. (In Russ.)

Ryabkova Yu.V., Lyakhmanova M.A. 2018. On the issue of a poster as a means of communication. *Filologicheskii aspect* [Philological aspect]. No. 7 (39). Pp. 111–114. (In Russ.)

Safonova V.V. 2011. Two types of physicality in the domestic poster of the period of the end of the XIX – mid. XX century. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Philology. Journalism.]. No. 2. Pp. 216–220. (In Russ.)

Sidorenko V.F., Samorukova K.R. 2012. Research and analysis of the poster. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA* [Decorative art and object-spatial environment. Bulletin of the Moscow Academy of Art and Industry]. No. 4. Pp. 19–22. (In Russ.)

Sosnina D.A. 2012. Peculiarities of psychological perception of a font in a poster. *Nauchnaya palitra* [Scientific palette]. No. 1 (1). Pp. 10–16. (In Russ.)

Khoinovskii V. 1913. Successful advertising and how to use it. Kiev. 40 p. (In Russ.)

Sampson H.A. History of Advertising from the Earliest Times. – London: Chatto and Windus, 1874. – 616 p.

Information about the author

Elena N. Kurochkina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Monumental-Decorative Painting and Design named after V.G. Smagin, Institute of the Architecture, Building and Design,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: kurohka@mail.ru

Attribution criteria

Kurochkina E.N. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author claims that there is no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-129-138

Интересы России в Марокко: из донесений российских дипломатов XIX в.

© Е.В. Яковлева

Иркутский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье с привлечением архивных материалов, материалов российской периодической печати и опубликованных источников анализируются интересы российских политиков в Марокко в XIX в. Рассматриваются причины активизации внимания западных государств к Марокко, которое в конце XIX в. превратилось в новый региональный эпицентр международных противоречий. На основе секретной инструкции министерства иностранных дел для российского консула В.Р. Бахерахта характеризуются цели и задачи колониальной политики Англии, Франции, Испании и Германии в Марокко. По мнению автора, периодическое упоминание Марокко и марокканского вопроса в донесениях российских послов свидетельствует о систематическом интересе российского правительства к данному региону, его стратегическим и экономическим возможностям для России. На основе анализа донесений российских дипломатов – Х.А. Ливена, А.М. Горчакова, Э. Кнебеля, А.И. Нелидова, М.А. Горчакова, И.Я. Коростовца выделяются основные направления политики России в Марокко. В результате исследования сделан вывод о том, что российское правительство в конце XIX в. было нацелено на активное участие в решении марокканского вопроса и установление политического влияния России в Северной Африке.

Ключевые слова: политика России в Африке; колониальная политика; колониальный раздел Африки; Северная Африка; соперничество европейских держав в Марокко; марокканский вопрос; колониальная политика Англии, Франции, Испании и Германии в Марокко в конце XIX в.; Россия и Марокко; интересы России в Марокко

Информация о статье: Дата поступления 22 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 25 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Яковлева Е.В. Интересы России в Марокко: из донесений российских дипломатов XIX в // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 129–138. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-129-138

Russia`s interests in Morocco: from reports of the Russian diplomats of the 19th century

© Elena V. Yakovleva

All-Russian State University of Justice, Irkutsk Branch (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article presents the analysis of the Russian politicians' interests in Morocco in 19th century. Using archive data, periodical press material and published sources, the author examines the causes of increased attention of western states to Morocco, the country which in the late 19th century turned into a new regional epicenter of the international contradictions. On the basis of secret instructions of the Ministry of Foreign Affairs to Russian consul V.R. Bakherakht the author characterizes the purposes and problems of colonial policy of England, France, Spain and Germany in Morocco. According to the author`s opinion the periodic mention of Morocco and the Moroccan issue in the reports of the Russian ambassadors shows the systematic interest of the Russian government in this region, its strategic and economic opportunities for Russia. The analysis of the main directions of Russia's policy in Morocco are highlighted on the basis of the analysis of the Russian diplomats` reports (H.A. Liven, A.M. Gorchakov, E. Knebel, A.I. Nelidov, M.A. Gorchakov, I.Ya. Korostovets). The author concludes that the Russian government at the end of the 19th century was aimed at active participation in solving the Moroccan issue and establishing political influence of Russia in North Africa.

Keywords: Russia's policy in Africa; colonial policy; colonial division of Africa; North Africa; rivalry of European powers in Morocco; Moroccan issue; colonial policy of England, France, Spain and Germany in Morocco in the late 19th century; Russia and Morocco; Russia`s interests in Morocco

Article info: Received February 22, 2019; accepted for publication March 25, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Yakovleva E.V. Russia`s interests in Morocco: from reports of the Russian diplomats of the 19th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 129–138. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-129-138

Изучение проблемы «Россия и Марокко» начали еще дореволюционные исследователи (Скальковский, 1901; Защук, 1908), которые, исходя из принципов имперского мировоззрения, рассматривали марокканский вектор в качестве одного из направлений внешней политики России в Африке в конце XIX в. Большой вклад в исследование российско-марокканских отношений в XIX в. внесли советские историки (Ратиани, 1939; Руткевич, 1939; Луцкая, 1958; Луцкая, 1961; Соколов, 1973). В советской историографии доминировала идея о том, что Россия не имела собственных корыстных интересов в Марокко, акцент делался на изучении культурных и дипломатических контактов. Идеологические и политические причины обусловили противопоставление мирной политики России в Африке колониальным интересам Англии, Германии, Франции и Испании. Не обошли вниманием тему российских интересов в Марокко и западные историки (Anderson, 1930; Parsons, 1976), которые в отличие от советских исследователей рассматривали Россию как одну из участников колониальной деятельности западных держав в Марокко в конце XIX в. Переосмысление истории российско-марокканских отношений в отечественной историографии начинается лишь с конца 80-х гг. XX в. Российские историки стали признавать наличие геополитических целей России в Марокко, отрицая при этом торговые и экономические интересы (Мусатова, 1987; Мусатова, 1990; Подгорнова, 1997). Современные российские исследователи, продолжая традицию советской историографии, наибольшее внимание уделяют изучению культурных и дипломатических контактов России с Марокко (Дьяков, 2009; Дьяков, 2013; Орлов, 2015; Жерлицына, 2017a; Жерлицына, 2017b). России в исследованиях отводится роль стабилизирующего фактора в средиземноморском регионе. Выводы современных историков отчасти противоречивые. Например, отрицая наличие особых интересов России в Марокко, исследователи в то же время отмечают, что средиземноморские порты в Танжере рассматривались в качестве промежуточных стоянок для российских судов и вопрос приобретения там угольных станций обсуждался в конце XIX в. морским министерством (Дьяков, 2009. С. 10–11; Орлов, 2017. С. 116).

Марокко в конце XIX в. вышло на авансцену международных отношений и превратилось в эпицентр колониальных интересов ведущих европейских держав – Франции, Германии, Испании, Великобритании. «Империя Мароккских султанов, издавно обращавшая на себя внимание европейского материка ввиду занимаемого ею исключительного географического положения», – так охарактеризовало Марокко министерство иностранных дел Российской империи в 1898 г. (АВПРИ[1]. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 101). В конце XIX в. началось массированное проникновение великих держав в Марокко. По мнению российского правительства, в этот период «соперничество держав в Марокко стало заметно усиливаться, утратило постепенно характер борьбы местных интересов и, перейдя в обширную область политических комбинаций общего свойства, получило совершенно исключительное значение, особенно ввиду оживившегося восточного вопроса и усиленной деятельности европейских государств по разделу Африканского материка» (Там же. Л. 102).

[1] Архив внешней политики Российской империи. Archive of foreign Policy of the Russian Empire.

Активизация колониальной политики европейских государств в Марокко была обусловлена важностью средиземноморского региона в международных делах. Интерес к Марокко определялся, прежде всего, его важным стратегическим положением на берегу Гибралтарского пролива, на пути из Европы в Азию. Каждая страна преследовала в Марокко свои интересы. Колониальные интересы Франции, Германии, Испании, Великобритании в Марокко были освещены в секретной инструкции министерства иностранных дел для В.Р. Бахерахта от 27 февраля 1898 г., в которой были четко расставлены внешнеполитические акценты (АВПРИ. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 101–131).

По мнению министерства иностранных дел, Великобритания стремилась внедриться в Марокко для усиления своих позиций на Средиземном море, которое в конце XIX в. геополитически соединило европейский и африканский континенты в сложную систему международных противоречий. Обострение англо-русских противоречий на фоне секретных англо-германских переговоров определило повышенное внимание российского правительства к действиям Великобритании в Марокко. Великобритания, обладая северным берегом Гибралтара, пыталась защитить свои морские торговые пути, не желая, чтобы кто-то из европейцев, особенно французы, обосновался на южном берегу. Великобритания и Франция «не щадят усилий для приобретения преобладающего влияния в стране, господствующей над водным путем из Средиземного моря в Атлантический океан», – отмечало министерство иностранных дел в отчете за 1901 год (АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 132. Л. 60 об.).

Франция, обосновавшаяся в Алжире и Тунисе, рассматривала Марокко в качестве зоны продолжения своих североафриканских интересов. Необходимо отметить, что об интересах Франции в Марокко в секретной инструкции упоминалось вскользь. Свою роль сыграли франко-русские соглашения 1891–1893 гг., которые легли в основу формирующейся Антанты. Испания в конце XIX в. предъявляла исторические претензии на Марокко, считая, что соседство и совместная история дают ей преимущественное право на эту страну. Именно поэтому испанское правительство высказывало серьезные опасения по поводу усиления влияния в Марокко Франции и Англии (АВПРИ. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 114).

Особое внимание в инструкции уделялось политике Германии в Марокко. Российское правительство распространение влияния Германии в Марокко рассматривало в качестве доминанты марокканского вопроса. Отмечался наступательный характер внешней политики Германии в целом и в Марокко, в частности. По мнению российского министерства иностранных дел, Германия хотела «воспользоваться влиянием своим в Магрибе для того, чтобы, в случае каких-либо европейских столкновений, нанести удар обаянию Франции в Африке, или же для того, чтобы угрозою в этом направлении отвлечь некоторую часть военных сил республики в сторону ее колониальных владений» (Там же. Л. 114). Франко-германское соперничество в Марокко показало нерасторжимую связь между европейской и колониальной политикой ведущих мировых держав. Кроме этого, Германия стремилась «найти точку соприкосновения с интересами Англии», которая, с одной стороны, была «весьма желательной союзницей, как сильная морская держава», а, с другой стороны, являлась серьезной «соперницей на разных поприщах дипломатической деятельности» (Там же. Л. 113).

Исследовав интересы западных держав в Марокко в конце XIX в., министерство иностранных дел пришло к выводу, что «данные об отношениях европейских держав к Магребу ясно указывают на причины и основания, в силу коих эта страна постепенно вошла в область общих политических интересов, что имело неизбежным последствием возникновение так называемого мароккского вопроса, в сущности представляющего из себя более сложный и многовековой вопрос о борьбе за преобладание в бассейне Средиземного моря, где издавна сталкивались весьма существенные интересы западных государств» (АВПРИ. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 115).

Примечателен тот факт, что цели и задачи колониальной политики ведущих мировых держав в Марокко достаточно подробно освещались и рос-

сийской прессой в конце XIX в. (Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января. С. 4–5; Наблюдатель. 1894. № 7. С. 27; Русская мысль. 1894. № 1. С. 14–25; Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 133. 17 мая. С. 3). Столь пристальное внимание к политике западных держав в Марокко российского правительства и российской общественности свидетельствовало о наличии своих собственных интересов в Северной Африке. В качестве основной причины «внимания политического мира» к Марокко автор статьи «Мароккский вопрос» в газете «Московские ведомости» отмечал: «опасения заинтересованных великих держав, чтобы которая-нибудь из них не приобрела преобладающего положения в стране, которая с одной стороны доминирует над входом в Средиземное море» (Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января. С. 5). Марокко также рассматривалось в качестве превосходной колонии «не только вследствие своего положения на берегу двух морей, но также вследствие плодоносности своей почвы и мягкости своего климата» (Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января. С. 5). Таким образом, финансово-промышленные и торговые круги России не исключали возможности своего участия в разделе колониальных сфер влияния в северо-западном регионе Африки.

Интерес представителей политических кругов России к Марокко начал оформляться еще в начале XIX в. Именно с этого времени российские дипломаты стали упоминать Марокко в своих донесениях. В 1816 г. российский посол в Лондоне Х.А. Ливен прислал министру иностранных дел проект некоего Х. Кэйхилла, который 11 лет жил в Марокко. В проекте предлагалось установить с Марокко официальные дипломатические отношения и учредить там российское консульство. По мнению Х.А. Ливена, «изложенный проект» представлял «значительный интерес для нашего департамента коммерции» (Внешняя политика России XIX – начала XX вв.)[2]. Речь шла о развитии российско-марокканской торговли. Проект заинтересовал российское правительство, был представлен Александру I. Однако из-за отсутствия финансовых средств, необходимых для учреждения дипломатического представительства в Марокко, реализация проекта не состоялась.

Вновь о развитии российско-марокканской торговли и установлении дипломатических отношений с Марокко заговорил в 1830 г. А.М. Горчаков, который в то время был главой российского дипломатического представительства во Флоренции. В своем донесении временному управляющему министерства иностранных дел Российской империи Х.А. Ливену от 4 сентября 1830 г. А.М. Горчаков писал о целесообразности заключения договора о мире между Россией и Марокко[3]. К своему донесению А.М. Горчаков приложил записку Грабера де Эмсо о «преимуществах мирного договора между Россией и Марокской империей»[4]. Грабер де Эмсо долгое время занимал пост консула Швеции в Триполитании, Ливанте, Танжере и был автором серьезных исследований об истории, политике и экономике средиземноморских государств. По мнению Грабера де Эмсо, Россия могла бы без особых усилий установить с Марокко дипломатические отношения и «распространить свою торговлю до Западного берега Африки, где испытывается потребность в товарах империи»[5]. Грабер де Эмсо отмечал российские товары, которые могли бы пользоваться большим спросом в Марокко: железо, свинец, лес, пенька, шерсть, порох, оружие, зеркала. В записке резюмировалось, что «Россия признана принять активное участие в общемировой торговле… с прибрежными государствами средиземного моря»[6]. Записка Грабера де Эмсо была отправлена А.М. Горчаковым российскому правительству «с целью раскрыть выгоды, которые сулило бы России заключение договора о мире с этим государством, который обеспечил бы ей пря-

[2] Документы Рос. МИД. Сер. 2, 1815–1830. Т. 1 (9), 1974. С. 111.
Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Ser. 2, 1815–1830. Vol. 1 (9), 1974. P. 111.

[3] Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916), 1999. С. 149–151.
Russia – Morocco: the history of relations of the two countries in documents and materials (1777–1916), 1999. P. 149–151.

[4] Там же. С. 152–153.

[5] Там же. С. 152.

[6] Там же.

мые торговые отношения, а ее торговому флоту – возможность судоходства по Средиземному морю»[7]. Донесение А.М. Горчакова и записку Грабера де Эмсо внимательно изучили в министерстве иностранных дел Российской империи. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде даже сделал доклад императору, в котором представил доводы А.М. Горчакова и Грабера де Эмсо относительно целесообразности заключения договора между Россией и Марокко. Записка Грабера де Эмсо «по высочайшему его императорского величества повелению» (АВПРИ. Ф. 1–9. Оп. 8. Д.17. Л. 35) была отправлена для изучения в министерство финансов. Однако министр финансов Е.В. Канкрин посчитал, что учреждение российского консульства в Танжере «по малочисленности нашего купеческого судоходства… бесполезным» (АВПРИ. Ф. 1–9. Оп. 8. Д. 17. Л. 35 об.). По поводу заключения торгового договора Е.В. Канкрин писал, что Россия не должна «без крайней нужды и очевидной пользы обязывать себя договорами сего рода» (АВПРИ. Ф. 1–9. Оп. 8. Д.17. Л. 35 об.). Экономическое состояние России не давало возможности развивать активную внешнюю торговлю и конкурировать с товарами европейских государств.

В конце XIX в. внешняя политика западных государств вступила в новый период колониального соперничества. В «Иностранном обозрении» Вестника Европы отмечалось, что «в далеких краях и морях завязываются узлы будущих международных отношений… европейские государства делят между собой Африку, как поделили уже Австралию» (Вестник Европы. 1889. № 9. С. 392). В 80–90-е гг. XIX в. марокканский вопрос по вполне понятным и объективным причинам стал привлекать еще большее внимание министерства иностранных дел России. В 1881 г. Россия присоединилась к Мадридской конвенции, которая фактически оформила полуколониальный статус Марокко. Статус великой державы диктовал российскому правительству необходимость активного участия в решении важных международных проблем. Вмешательство в марокканский вопрос требовало дипломатического присутствия в Марокко, именно поэтому российское правительство в 1881 г. поручило представителю Испании в Танжере представлять интересы России. Михаил Александрович Горчаков, чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Испании, сообщая в своем письме министру иностранных дел Н.К. Гирсу о положительной реакции мадридского кабинета на данное событие, отмечал, что России предназначено «играть большую роль в будущем и главным образом в Марокко», а политика России в Марокко должна стать противовесом «франко-английским происками на территории Африки» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 105).

В конце XIX в. Марокко все чаще и чаще, и отнюдь не случайно, упоминалось в донесениях российских дипломатов. Российские послы в Мадриде, Париже, Лондоне и других европейских столицах сообщали министерству иностранных дел о происходящих событиях в Марокко, о политике западных государств в Средиземноморском регионе. Популярность марокканской темы в донесениях российских послов показывает наличие систематического и целенаправленного интереса российского правительства к Марокко, его стратегическим и экономическим возможностям. Донесения российских дипломатов о Марокко тщательно изучались в министерстве иностранных дел и становились основой докладов императору. В докладе императору министра иностранных дел Н.К. Гирса от 16 декабря 1887 г. указывалось: «благодаря географическому положению, которое она занимает в Средиземном море, Мароккская империя служит предметом корыстных замыслов держав, имеющих существенные интересы в означенном море» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 144). Н.К. Гирс приходил к выводу, что Россия должна «принять более непосредственное участие» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 149) в событиях, касающихся Марокко.

В конце XIX в. российские дипломаты вновь стали поднимать вопрос о целесообразности уста-

[7] Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916), 1999. С. 151.
Russia – Morocco: the history of relations of the two countries in documents and materials (1777–1916), 1999. P. 151.

новления официальных дипломатических отношений с Марокко. В 1885 г. о необходимости учреждения российского консульства в Танжере писал в своем донесении министерству иностранных дел российский генеральный консул в Кадиксе Э. Кнебель (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134–136). Э. Кнебель отмечал отрицательные последствия отсутствия российского представителя в Марокко: Россия лишена «всякой возможности получать из этой части Африки какие-либо торговые или промышленные сведения. Флаг наш не развевается наравне с другими в Танжерском порту; русское имя мало или совсем почти неизвестно тамошним жителям…» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134 об.).

Российский посол четко определил основные интересы России в Марокко. Прежде всего, Э. Кнебель указывал на перспективы развития российско-марокканской торговли и считал, что «промышленность Марокко и внешняя его торговля, имеющая своим проводником Тангерский порт, заслуживает более близкого ознакомления… из-за связи своей с Суданом и вообще с среднею Африкою» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134 об.). Консул также сообщал, что «Мароккская империя сама по себе не лишена и политического интереса…, постоянное соперничество там некоторых государств: Англии,…; Испании,…; наконец, Франции… привлекает внимание и любопытство на положение тамошних дел» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134 об.–135). В тоже время консул справедливо замечал, что от «агента испанского правительства», который представлял в то время интересы России в Марокко, «невозможно ожидать и требовать… сообщения сведений подобного свойства, далеко не лишенных, однако, интереса и значения и могущих пролить свет на общее направление и виды того или другого данного правительства» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135). Э. Кнебель считал, что престиж великой державы настоятельно диктовал российскому правительству учредить свое представительство в Марокко: «роль, которую отечество наше играет на Востоке и особенно в мусульманском мире, столь видна, столь значительна,…, что не может быть для нас безразличным, знакомы ли мы прямо или нет этому дальнему члену мусульманской семьи» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135).

По мнению Э. Кнебеля, все эти задачи политики России в Марокко могли быть решены учреждением российского консульства в Танжере «без всяких притом затрат и ущерба для казны» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135 об.). Э. Кнебель советовал министерству иностранных дел с особым вниманием подойти к выбору «лица, подходящего как своими способностями, так и положением своим, и своею репутациею» на должность российского представителя в Марокко, с помощью которого «можно было бы получать весьма интересные сведения о тамошней торговле и промышленности, а также возложить на него обязанность сообщать проявляющиеся политические факты и стремления, наблюдать и подмечать которые ему будет нетрудно при близости его к ним» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135 об.–136).

В феврале 1893 г. российский посол в Константинополе А.И. Нелидов в депеше министерству иностранных дел, характеризуя значение учреждения российского представительства в Марокко, писал: «при увеличивающемся значении марокканского султаната во взаимных отношениях Великих держав, если бы мы имели там дипломатическое представительство, то приобретя… некоторое влияние в крае, мы могли с успехом употребить его на пользу той или другой стороны, взамен выгод на иных более непосредственно-важных для нас поприщах» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 186). По мнению А.И. Нелидова, российское правительство могло бы использовать колониальное соперничество европейских держав в Магрибе для получения «компенсаций» в других регионах мира.

Активно настаивал на установлении официальных дипломатических отношений с Марокко и М.А. Горчаков. В своем письме министру иностранных дел Н.К. Гирсу в марте 1894 г. он настоятельно советовал «обратить внимание в первую очередь на этот регион Африки и на идущий там, порой скрытый, процесс», который «вот уже пятнадцать лет» привлекает «внимание западных

держав – Франции, Англии и Италии» и вызывает «с их стороны серьезные притязания с целью преобладания в этой важной восточной проблеме»[8]. Российский посол отмечал, что все европейские державы, включая Бельгию, имеют в Марокко своих представителей. Указывал он и на то, что «Германия не так давно произвела своего чрезвычайного и полномочного посланника в ранг министра»[9]. Данное обстоятельство, по мнению М.А. Горчакова, очень наглядно показывало важную роль Марокко в международных отношениях и колониальной политике западноевропейских держав. Российский дипломат ни без оснований опасался, что «тот или иной европейский вопрос может явиться тем моментом, который улучит та или иная из держав, дабы неожиданно завладеть Марокко»[10]. Наблюдая за событиями, происходящими в Марокко, М.А. Горчаков резюмировал, что «отсутствие непосредственного представителя России стало ошибкой» и «наше прямое и эффективное представительство в Марокко было бы,…. абсолютной необходимостью»[11]. Предложения российских дипломатов были поддержаны высшими правительственными кругами. Министерство иностранных дел, изучив донесения российских дипломатов, в итоге пришло к выводу о необходимости учреждения в Танжере генерального консульства России во главе с министром-резидентом. В своем письме министру финансов С.Ю. Витте от 26 марта 1897 г. управляющий министерства иностранных дел М.Н. Муравьев в качестве причин положительного решения данного вопроса указывал «постоянно возрастающее значение для народов Европы Африканского материка и важные политические вопросы, сопряженные с колонизацией этой части света»[12]. По мнению М.Н. Муравьева, представительство российских интересов в Марокко испанским посланником «не дает нам возможности достигнуть в Марокко намеченной цели – приобрести бескорыстным отношением местным интересам влияние в крае, которое бы могло быть употреблено с успехом в пользу той или другой дружественной державы взамен выгод на иных, непосредственно важных для нас, поприщах»[13].

Узнав о намерении министерства иностранных дел «учредить в Танжере посланнический пост» российский генеральный консул в Лиссабоне И.Я. Коростовец направил 30 октября 1897 г. заместителю министра иностранных дел В.Н. Ламздорфу записку «Марокко и европейская дипломатия», в которой изложил свои соображения по поводу интересов России в Марокко (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2729. Л. 30–68). О значении данного государства в международных отношениях И.Я. Коростовец писал: «Марокко, подобно Константинополю, знаменит своим «вопросом», т. е. суммою фактов и причин, обуславливающих независимость страны, обладание проливом и господство в Северной Африке» (Там же. Л. 30). Консул отмечал, что «открытие мароккского наследства – вопрос времени» и поэтому каждая из держав «зорко наблюдает за действиями других, стараясь убедить махзен (мароккское правительство), что именно она – его лучший и притом бескорыстный друг» (Там же. Л. 31).

И.Я. Коростовец обращал внимание российского правительства на то, что «хотя Россия не имеет прямых интересов в империи шерифов (царствующая династия), тем не менее тамошние дела для нее далеко не безразличны» (Там же. Л. 31 об.). По его мнению, в условиях «открытия» Марокко для иностранцев наличие российского представителя в этой стране в конце XIX в. было обязательным. Консул не сомневался, что присутствие России в Марокко даст ей возможность решать международные задачи в других регионах мира: «разнообразные факторы, направляющие международную политику в разных частях света, создают подчас такие конъектуры, при которых наличность или отсутствие русского влияния в Ма-

[8] Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916), 1999. С. 169–170.
Russia – Morocco: the history of relations of the two countries in documents and materials (1777–1916), 1999. P. 169–170.
[9] Там же. С. 170.
[10] Там же.
[11] Там же. С.170–171.
[12] Там же. С. 171.
[13] Там же. С. 172.

рокко может получить немаловажное значение» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2729. Л. 31 об.). И.Я. Коростовец предлагал российскому представителю в Марокко «занять наблюдательное положение, держась в орбите французской политики» (Там же. Л. 32). В то же время он советовал, чтобы «следование в унисон с французскою дипломатиею не переходило известных границ», так как «слишком слабая самостоятельность может, во-первых, уронить престиж России в мнении махзена, а во-вторых, – повлиять дурно на наши отношения с Испанией» (Там же.) Большое внимание в своей записке И.Я. Коростовец уделил описанию дипломатии султана, его отношению к иностранцам. Российский консул предупреждал В.Н. Ламздорфа о том, что «многое зависит от личных качеств дипломата, от его такта, характера и умения себя поставить» и рекомендовал не применять в отношениях с султаном «излишнюю мягкость» и «категорическую решительность» (Там же. Л. 42 об.)

В своей записке И.Я. Коростовец дал подробную характеристику внешней торговли Марокко с европейскими государствами. Российский дипломат, отмечая перспективы развития российско-марокканских торговых отношений, писал, что «некоторые предметы нашей торговли» могли бы найти в Марокко новые рынки (Там же. Л. 32 об.). В качестве перспективных товаров, которые Россия могла бы ввозить в Марокко, И.Я. Кростовец называл зерно, керосин, пеньку, канаты, деготь, смолу, лес (Там же. Л. 68). При этом торговля с Марокко рассматривалась российским дипломатом не только с точки зрения экономических выгод. Характеризую торгово-экономические отношения Марокко с Германией, И.Я Коростовец откровенно указывал на то, что «германская торговля является проводником политического влияния Германии в Марокко» (Там же. Л. 64 об.). Тем самым подразумевалось, что развитие российско-марокканских торговых отношений позволит и России установить свое политическое влияние в регионе. Торговля всегда рассматривалась как один из возможных путей колониального внедрения на определенную территорию.

И.Я. Коростовец в своей записке определил основные направления политики России в Марокко в конце XIX в. Содержание записки было высоко оценено в министерстве иностранных дел. В.Н. Ламздорф в своем послание И.Я. Коростовцу от 12 ноября 1897 г. писал: «собранные Вами интересные сведения о положении дел в этой стране представляют драгоценный материал и будут весьма полезны для нашего будущего представительства в Танжере» (Там же. Л. 29). Рекомендации И.Я. Коростовца были учтены при составлении секретной инструкции для В.С. Бахерахта (АВПРИ. Ф. 509/1. Посольство в Берлине. Д. 4248. Л. 101–131), который 4 декабря 1897 г. был назначен министром-резидентом и генеральным консулом России в Марокко.

В конце XIX в. российские политики вполне обоснованно увидели в Марокко новый эпицентр международных противоречий, который сомкнул на себе европейскую и колониальную политику западных государств. Необходимость присутствия России в Марокко, а также прогнозирования перспектив развития событий в североафриканском регионе побудила российское правительство в 1897 г. установить дипломатические отношения с этим государством. Россия не могла остаться в стороне от решения марокканского вопроса, она так же, как и другие западные государства стремилась укрепиться в средиземноморском регионе и установить там свое политическое влияние. Интересы России в Марокко не исчерпывались использованием событий на средиземноморском побережье в качестве дополнительных и, безусловно, перспективных возможностей для российской дипломатии. Не исключались и колониальные проекты, проводником которых, по мнению многих российских политиков, могли стать российско-марокканские торговые отношения.

Библиографический список

Внешняя политика России XIX – начала XX в. Документы Рос. МИД. Сер. 2, 1815–1830. Т. 1 (9) / отв. ред.

References

Narochnickij A.L. 1974. Foreign policy of Russia XIX – of the early XX centuries. Documents of the Russian Minis-

А.Л. Нарочницкий. М.: Политиздат, 1974. 821 с.

Вестник Европы. 1889. № 9.

Дьяков Н.Н. Россия и Магриб: история установления отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. № 4. С. 3–13.

Дьяков Н.Н. Россия и Марокко: основные этапы и черты эволюции двусторонних связей в XX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2013. № 4. С. 3–11.

Жерлицына Н.А. К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе в конце XVIII–XIX в. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Вестник архивиста. 2017a. № 4. С. 159–171.

Жерлицына Н.А. Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2017b. № 4. С. 75–91.

Защук И.И. Германские колонии. СПб., 1908. 85 с.

Луцкая Н.С. Марокко. М.: Знание, 1958. 32 с.

Луцкая Н.С. Позиция России по марокканскому вопросу в конце XIX в. // Арабские страны: история и современность. М.: Наука, 1961. С.187–194.

Мусатова Т.Л Связи России и Марокко в XIX в. // Народы Азии и Африки. 1987. № 1. С. 97–104.

Мусатова Т.Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1990. 204 с.

Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января.

Наблюдатель. 1894. № 7.

Орлов В.В. Марокко и российский Военно-морской флот: три века контактов // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 112–121.

Орлов В.В. Россия и Марокко в конце XVIII – начале XX в.: от обмена посланиями к обмену посольствами // Исторический вестник. 2015. № 11. С. 128–153.

Подгорнова Н.П. Россия – Марокко: история связей двух стран // Многоликая история. М.: Институт Африки РАН, 1997. С. 49–61.

Ратиани Ю. Агадирский кризис и позиция Россия //

try of Foreign Affairs. Ser. 2, 1815–1830. Vol. 1 (9). Moscow: Politizdat Publ. 821 p. (In Russ.)

1889. *Vestnik Evropy* [The Messenger of Europe]. No. 9. (In Russ.)

D'yakov N.N. 2009. Russia and Maghrib: a contribution to the history of interregional relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies]. No. 4. Pp. 3–13. (In Russ.)

D'yakov N.N. 2013. Russia and Morocco: main stages and features of evolution of the bilateral contacts in the 20th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies]. No. 4. Pp. 3–11. (In Russ.)

Zherlitsyna N.A. 2017a. Concerning history of the establishment of Russian Diplomatic Missions in the Maghreb in late 18th – 19th century: materials from the Archive of foreign Policy of the Russian Empire. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist]. No. 4. Pp. 159–171. (In Russ.)

Zherlitsyna N.A. 2017b. The Russian position in relation to colonial conquests of France in the Maghreb in XIX – beginning of the 20th centuries. *Voprosy istorii* [Historic Issues]. No. 4. Pp. 75–91. (In Russ.)

Zashchuk I.I. *Germanskie kolonii* [German colonies]. Saint Petersburg, 1908, 85 p. (In Russ.)

Lutskaya N.S. *Marokko* [Morocco]. Moscow: Znanie Publ., 1961, 32 p. (In Russ.)

Lutskaya N.S. 1978. Position of Russia on the Moroccan issue in the late 19th century. *Arabskie strany: istoriya i sovremennost'* [Arab countries: history and present]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 75–91. (In Russ.)

Musatova T.L. 1987. Relations between Russia and Morocco in the XIX c. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. No. 1. Pp. 97–104. (In Russ.)

Musatova T.L. 1990. Russia – Morocco: Distant and Recent Past. Essays in the History of Russian-Moroccan Relations in XVIII – Early XX c. Moscow: Nauka Publ. 204 p. (In Russ.)

1892. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Gazette]. No. 15, January 15. (In Russ.)

1894. *Nabljudatel'* [Observer]. No. 7. (In Russ.)

Orlov V.V. 2017. Morocco and Russian Navy: three centuries of contacts. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of Institute of oriental studies of RAS]. No. 5. Pp. 112–121. (In Russ.)

Orlov V.V. 2015. Russia and Morocco in the late 18th – early 20th c.: from the exchange of letters to the exchange of ambassadors. *Istoricheskii vestnik* [Historical Reporter magazine]. No. 11. Pp. 128–153. (In Russ.)

Podgornova N.P. 1997. Russia – Morocco: history of communications of two countries. *Mnogolikaya istoriya* [Many-sided history]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ. Pp. 49–61. (In Russ.)

Ratiani Ju. 1939. Agadir crisis and position Russia.

Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 43–57.

Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916) / авт. и сост. Н.П. Подгорнова. М.: Институт Африки РАН, 1999. 624 с.

Русская мысль. 1894. № 1.

Руткевич Н.П. Марокканские конфликты и Россия // Ученые записки Свердловского педагогического института. Вып. 2. Свердловск, 1939. С. 15–75.

Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 133. 17 мая.

Скальковский К. Внешняя политика России и политика иностранных держав. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. 682 с.

Соколов А.В. Из истории изучения русскими Марокко // Вопросы исторической географии и истории географии. М.: Наука, 1973. С. 34–36.

Anderson, Eugene N. The first moroccan erisie 1904–1906. Chicago, 1930. 420 p.

Parsons F. The origins of the Morocco question, 1880–1900. L., 1976. 663 p.

Сведения об авторе

Яковлева Елена Васильевна,
кандидат исторических наук, заместитель директора по учебной и воспитательной работе, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин,
Иркутский институт – (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4,
e-mail: elena.v.yakovleva@mail.ru

Критерии авторства

Е.В. Яковлева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Voenno-istoricheskii zhurnal [Military and historical journal]. No. 2. Pp. 43–57. (In Russ.)

Podgornova N.P. 1999. Russia – Morocco: history of communications of two countries in documents and materials (1777–1916). Moscow: Institute of Africa of RAS Publ. 624 p. (In Russ.)

1894. *Russkaja mysl'* [Russian thought]. No. 1. (In Russ.)

Rutkevich N.P. 1939. Moroccan conflicts and Russia. *Uchenye zapiski Sverdlovskogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of the Sverdlovsk Pedagogical Institute]. Sverdlovsk. Iss. 2. Pp. 15–75. (In Russ.)

1898. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Gazette]. No. 133. May 17. (In Russ.)

Skal'kovskii K. 1901. Foreign policy of Russia and policy of foreign powers. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina Publ. 682 p. (In Russ.)

Sokolov A.V. 1973. From history of studying by Russians of Morocco. *Voprosy istoricheskoi geografii i istorii geografii* [Issues of historical geography and history of geography]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 34–36. (In Russ.)

Anderson, Eugene N. The first moroccan erisie 1904–1906. Chicago, 1930. 420 p.

Parsons F. The origins of the Morocco question, 1880–1900. L., 1976. 663 p.

Information about the author

Elena V. Yakovleva,
Cand. Sci. (History), Deputy director for educational work, Associate Professor of the Department of Humanitarian and information disciplines,
All-Russian State University of Justice, Irkutsk Branch (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia),
4 Nekrasov Str., Irkutsk 664011, Russian Federation,
e-mail elena.v.yakovleva@mail.ru

Attribution criteria

Yakovleva E. V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 625.1
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-139-157

Ветка Иркутск – Байкал – начало железнодорожного обхода Священного моря (Историко-архитектурный очерк)

© А.К. Чертилов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Раскрывается тема тупиковой ветки Иркутск – Байкал Забайкальской железной дороги, т. н. «нулевого» участка знаменитой Кругобайкальской дороги, давшей начало обхода озера Байкал Великим Сибирским путём с юга. Проложенная в самые последние годы XIX века от реки Иркут до истока Ангары как временный вариант, но ставшая в начале XX столетия составным звеном Транссиба, она была затоплена в 1950-е с заполнением водохранилища Иркутской ГЭС. Рассказывается об изыскании трассы, проектировании и строительстве первого и второго путей ветки, об её инженерных сооружениях, в основном временных деревянных мостах, которые имеют особый интерес, так как позднее их практически не применяли, перейдя на капитальные конструкции – железные фермы на каменных опорах. Упоминаются станции ИБЖВ – конечные Иркутск и Байкал, и единственная промежуточная – Михалёво; а также «гражданские сооружения», построенные по типовым проектам. Вспоминается о прожектном варианте 1970-х – прокладке нового дубля байкальской ветки, осуществление которого преобразило бы капитально не только ангарский берег над водохранилищем, но и заповедную Кругобайкальскую железную дорогу. Описывается современное состояние избежавших затопления участков трассы: начального в Иркутске и конечного в устье Ангары. Говорится об историко-культурной значимости зданий и сооружений ИБЖВ, о необходимости придания им охранного статуса, даются рекомендации по их использованию.

Ключевые слова: Ангара, Байкал, Великий Сибирский путь, гражданские постройки, железная дорога, Забайкальская железная дорога, инженерные сооружения, Иркутск, Иркутск – Байкальская ветка, Кругобайкальская железная дорога, Сибирь, Транссиб

Информация о статье: Дата поступления 8 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 6 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Чертилов А.К. Ветка Иркутск – Байкал – начало железнодорожного обхода Священного моря (Историко-архитектурный очерк) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 139–157. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-139-157

Line Irkutsk – Baikal – the beginning of the railway bypass of the Sacred Sea (Historical and architectural sketch)

© Aleksei K. Chertilov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The topic of the article is the dead-end line of the Irkutsk – Baikal Trans-Baikal Railway, the so-called “zero” section of the famous Circum-Baikal Railway, which initiated the detour of Lake Baikal by the Great Siberian route from the south. Launched in the most recent years of the 19th century from the Irkut River to the source of the Angara River as a temporary option, but becoming an integral part of the Transsib at the beginning of the 20th century, it was flooded in the 1950s with the filling of the Irkutsk hydroelectric reservoir. It describes the search for the route, the design and construction of the first and second ways of line, its engineering structures, mainly temporary wooden bridges, which are of particular interest, since they were practically not used later, going over to capital structures – iron trusses on stone pillars. The mentioned stations of IBRW are the Final Irkutsk and Final Baikal, and the only intermediate one is Mikhalyovo; as well as “civil structures”, built on stan-

dard designs. It recalls the 1970s project layout - laying a new double of the Baikal line, the implementation of which would transform not only the Angara coast over the reservoir, but also the reserved Circum-Baikal railway. It describes the current state of the sections of the highway that have avoided flooding: the initial one in Irkutsk and the final one at the mouth of the Angara. It is a question of the historical and cultural significance of the buildings and structures of the IBRW, the need to give them protection status, recommendations are given on their use.

Keywords: Angara River, Baikal Lake, Great Siberian Road, civilian buildings, railway, Trans-Baikal Railway, engineering structures, Irkutsk, Irkutsk – Baikal line, Circum-Baikal Railway, Siberia, Transsib (Trans-Siberian Railway)

Article info: Received April 8, 2019; accepted for publication May 6, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Chertilov A.K. Line Irkutsk – Baikal – the beginning of the railway bypass of the Sacred Sea (Historical and architectural sketch). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 139–157. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-139-157

Основные вехи истории Восточно-Сибирской железной дороги достаточно хорошо исследованы (Восточно-Сибирская электрическая¸ 1972; Железнодорожный транспорт, 2001; Хобта, Никифорова, 2017). Рельсовый путь от столицы Восточной Сибири Иркутска к Священному морю был проложен в последние годы XIX столетия. Планировалось, что тупиковая Иркутск-Байкальская железнодорожная ветка (ИБЖВ) отойдет от Средне-Сибирской железной дороги (ССЖД) на её конечной станции Иннокентьевская. Необходимый земельный участок был отчуждён у Вознесенско-Иннокентьевского православного мужского монастыря, рядом с его скитом, а «…в качестве компенсации железнодорожное ведомство наименовало будущую станцию Иннокентьевской» (Колмаков, 2003. С. 107). Таким образом, название станции в честь святителя Иннокентия I Иркутского (Кульчицкого) не случайно.

Но ССЖД протянули дальше, до реки Иркут, и нулевую строительную версту ИБЖВ назначили от левого, западного берега, и полная протяжённость на время сооружения ветки «…до путевого упора на длинном моле пристани на станции Байкал» была 63,65 версты (67,9 км) (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 2)[1]. После завершения строительства верстовая разбивка начиналась уже от станции Иркутск, построенной в 1897–1898 годы восточнее на третьей версте от Иркута на противоположном от города левом берегу Ангары, в предместье Глазково, таким образом, эксплуатационная длина дороги между осями станций Иркутск и Байкал составляла 61,1 версты (65,2 км). От пассажирского здания Байкал дорога продолжалась ещё 400 сажен (853,8 м), доходя до берега озера и заканчиваясь тупиком на пристани для подачи поездов, грузов на ледоколы. Ветка была построена, как и все участки Великого Сибирского пути, в два этапа. Первая колея проложена в 1896–1900, вторая – в 1908–1912 годы.

По сути, рельсовый путь, соединивший Иркутск с Байкалом, стал предшественником знаменитой «Золотой пряжки» Транссибирской магистрали – Кругобайкальской железной дороги (КБЖД), ныне памятника истории, инженерного искусства федерального значения. Именно с этой ветки началась эпопея железнодорожного обхода легендарного Сибирского моря с южной стороны, по сути, она стала нулевым звеном будущей КБЖД (рис. 1).

«Цель постройки ветви Иркутск – Байкал: (было) установить наиболее выгодное и скорое, хотя бы временное, до постройки Кругобайкальской железной дороги, сообщение между Средне-Сибирской и Забайкальской железными дорогами и облегчая доставку на озеро железнодорожных грузов, способствовать успешному производству работ по постройке Забайкальской железной дороги» (ЗЖД)[2]. Таким образом налицо определенная эволюция роли участка Иркутск – Байкал. Сначала – связка между двумя строящимися участками

[1] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 2.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 2.

[2] Там же. С. 1.

Рис. 1. Начало железнодорожной ветки Иркутск – Байкал. Вид от моста через Иркут в сторону Иркутска. Справа – Глазковская (Кайская) гора, слева, на противоположном берегу Ангары, – центр города. Почтовая открытка конца 1890-х – начала XX в. (Медведев, Куренков, 2016. С. 38)
Fig. 1. The beginning of the railway line Irkutsk – Baikal. View from the bridge across the Irkut River towards Irkutsk. On the right is Glazkovskaya (Kayskaya) mountain, on the left, on the opposite bank of the Angara, is the center of the city. Postcard of the late 1890s – early 20th century (Medvedev, Kurenkov, 2016, p. 38)

Транссиба в Прибайкалье и Забайкалье. Затем – необходимость подачи железнодорожных составов к Байкальской паромной переправе. Но с решением в 1901 году прокладывать Западный участок КБЖД по берегу озера, этот отрезок дороги стал постоянным магистральным звеном Великого Сибирского пути в составе ЗЖД.

Железнодорожная ветка пролегала по левому берегу Ангары до её истока из озера (русские первопоселенцы это место называли «устье Байкал») до могучего мыса Баранчук (Устьянский), в подножье которого была устроена её конечная станция, названная «Байкал», и пристань для паромаледокола. Но левобережное направление не было первым и единственным. С самого начала, пока не были выполнены детальные изыскания трассы, предпочтение отдавалось варианту по правому берегу Ангары.

Выбор трассы ИБЖВ

12 ноября 1893 на заседании Комитета Сибирской железной дороги (далее – Комитет СЖД) принимается решение устроить «паровую» переправу через Байкал. Для осуществления этой идеи было решено уложить рельсовый путь вдоль реки Ангары от Иркутска до Байкала. Таким образом, было решено временно не прокладывать железную дорогу в обход сурового моря, а довести её лишь до селения Лиственичное (ныне посёлок Листвянка), а по озеру наладить паромно-ледокольную переправу, пустив до селения Мысовое «пароход-ледорез».

Уже в феврале 1894 г. министр путей сообщения А.К. Кривошеин получил разрешение на производство работ, на эти цели – изыскания трассы и мест для пристаней паромной переправы – было ассигновано пять тысяч рублей, в том же году они были освоены (Ремезова, 1993. С. 11)[3]. Весной –

[3] Ремезова О.В. Кругобайкальская железная дорога: Историческая записка. Рукопись. Ч. 1. Архив СООКН. Иркутск: ЦСН, 1993. 98 с.
Remezova O.V. Circum-Baikal Railway: Historical note. Manuscript. Part 1. Archive of SOOKN. Irkutsk: TSSN, 1993. 98 p.

летом того же года «чинами экспедиции по изысканиям Забайкальской железной дороги» производятся предварительные изыскания правого берега Ангары, это направление тогда представлялось более выгодным в виду «неблагоприятных топографических условий» левого берега. В то время предполагалось, что Транссиб подойдет к Иркутску в районе левого берега Ангары напротив Московских ворот, далее, преодолев реку, дорога должна была пойти правым ангарским берегом до конечной станции на берегу Байкала рядом с селением Лиственичное.

Дальнейшие более детальные исследования 1895–1896 правого берега Ангары выявили значительные неудобства, которые возникли бы при эксплуатации будущей дороги. В первую очередь, для осуществления этого варианта требовалось построить протяжённый понтонный мост через Ангару, который всё равно не смог бы обеспечить бесперебойное круглогодичное движение поездов из-за большого и непредсказуемого сезонного колебания уровня воды и неблагоприятного ледоставного режима реки. В связи с чем Министерство путей сообщения распорядилось о производстве изысканий направления линии по левому берегу. Этот вариант, в сравнении с предыдущим, оказался короче на 3 версты при незначительном, как тогда представлялось, превышении стоимости. «По этим причинам составленный в 1893–1894 гг. проект был признан нецелесообразным и заменён новым проектом, составленным в 1896 г.» (Ремезова, 1993. С. 12)[4].

В отличие от правого ангарского берега (широкая долина с равнинным рельефом, без горных прижимов), её левобережье на большом протяжении прижато к гористой, поросшей лесом местности, имеет скалистые, крутые склоны, рассечено частыми и глубокими распадками, логами. Это заставляло произвести дорогостоящие работы по устройству железнодорожного полотна в горной выемке, соорудить большое количество мостов, береговых подпорных стенок. Тем не менее взвесив все «за» и «против», предпочтение было отдано сложному в геологическом отношении, но более надёжному и перспективному левобережному варианту. Получив «высочайшее соизволение», 26 июля 1896 Комитет СЖД окончательно утверждает план строительства нового направления ИБЖВ, выдаётся разрешение приступить к постройке железной дороги по левому берегу Ангары (Саблер, Сосновский, 1903. С. 201; Третьяков, Хобта, 2017a; 2017b).

Сооружение первого пути ИБЖВ

Строительные работы по сооружению Иркутск-Байкальской ветви производились с таким расчётом, чтобы к укладке рельсового пути можно было приступить без промедления, вслед за окончанием укладки на Средне-Сибирской железной дороге», что и было сделано, работы начали в первых числах августа того же, 1896-го (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 2)[5].

Общее руководство осуществлял опытный и авторитетный инженер Александр Николаевич Пушечников, возглавлявший Управление работ по постройке ЗЖД и Иркутск-Байкальской ветви (Хобта, Гордиенко, 2016). Вся трасса (один участок) была поделена на 4 дистанции. Прокладка пути началась по установленному на всём Транссибе порядку, с двух сторон – от Иркутска, и встречно, от озера Байкал, и продолжалось 4 года. Работы велись ускоренными темпами, даже в зимнее время, поначалу без утвержденной строительной сметы и без надлежаще выполненных изысканий. Расценочная ведомость была составлена МПС лишь к началу 1897-го, Комитетом СЖД определена строительная стоимость в 2 млн 400,9 руб., или 37 461 руб. на версту, «высочайше утвержденная» 12 апреля

[4] Ремезова О.В. Кругобайкальская железная дорога: Историческая записка. Рукопись. Ч. 1. Архив СООКН. Иркутск: ЦСН, 1993. 98 с.
Remezova O.V. Circum-Baikal Railway: Historical note. Manuscript. Part 1. Archive of SOOKN. Irkutsk: TSSN, 1993. 98 p.

[5] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 2.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 2.

1897 г. (Саблер, Сосновский, 1903. С. 202), то есть почти год спустя после начала работ.

Технические условия на постройку ветки были утверждены одновременно со строительной стоимостью и были применены те же, что одобрены для отклонённой Иркутск-Лиственичной линии, которые в свою очередь имели «почти полное сходство» с принятыми условиями для Средне-Сибирской железной дороги (т. е. как для равнинной местности). Дорога предусматривала пропуск трёх пар поездов в сутки, но система водоснабжения рассчитывалась на возможное 7-парное движение воинских эшелонов (Саблер, Сосновский, 1903. С. 202). Земляное полотно устроено с небольшими уклонами, с наименьшими допустимыми радиусами поворотов 150 сажен (320 м).

Шпалы были применены сосновые, рельсы облегченные, типа Р-18 (≈21,5 кг в погонном метре). Всего отсыпано 86,5 тысячи кубических метров балласта (местный гравий с примесью песка), что составило в среднем на версту 135 кубометров (рис. 2). В итоге дорога обошлась царской казне значительно дороже, вместе с суммами, затраченными на изыскания и на образование оборотного капитала, почти в 3,2 млн рублей (3 171 555), что составило чуть меньше 50 тысяч руб./версту (в сравнении с КБЖД это примерно в пять раз меньше). Летом 1900 железнодорожная ветка Иркутск – Байкал была осмотрена комиссией под председательством тайного советника, инженера М.Я. Михайловского, которая подтвердила обоснованность всех дополнительно произведенных непредвиденных работ, вызванных особыми условиями левого берега Ангары.

Описание осуществленной тупиковой ветки в юбилейном издании 1903 года, посвящённом 10-летию создания Комитета СЖД: «Линия направляется от г. Иркутска по левому берегу р. Ангары до истока последней из оз. Байкал… При необыкновенно быстром течении Ангары это обстоятельство вызвало необходимость значительного количества дорогостоящих работ как по устройству полотна пути и станционных площадок, так и по сооружению подпорных стенок из сухой каменной кладки, ограждающих полотно от размыва течением реки»

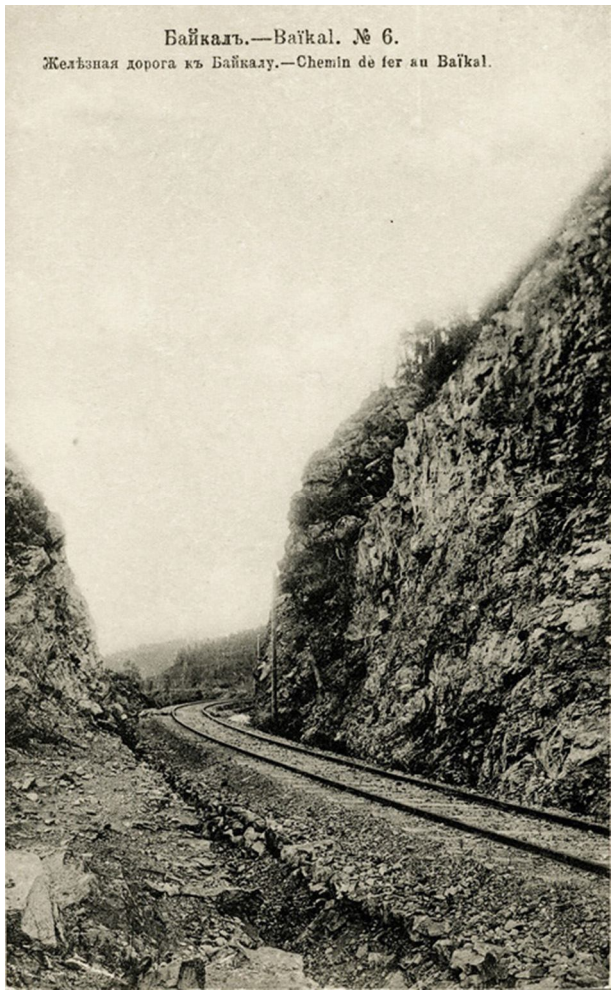


Рис. 2. Железнодорожная ветка к Байкалу. Скальная выемка в берегу реки Ангары. Вид со стороны Иркутска. Почтовая открытка конца 1890-х – начала XX в.
Fig. 2. Railway line to Baikal. Rock excavation on the banks of the Angara River. View from the Irkutsk Postcard of the late 1890s – early 20th century

(Саблер, Сосновский, 1903. С. 203). Ветка «…позволила без перегрузки на речные суда доставлять грузы на Байкальскую паромную переправу для дальнейшего их следования через озеро на судах специально для этого предназначенных» (Ремезова, 1993. С. 12)[6].

[6] Ремезова О.В. Кругобайкальская железная дорога: Историческая записка. Рукопись. Ч. 1. Архив СООКН. Иркутск: ЦСН, 1993. 98 с.
Remezova O.V. Circum-Baikal Railway: Historical note. Manuscript. Part 1. Archive of SOOKN. Irkutsk: TSSN, 1993. 98 p.

Рис. 3. Первое пассажирское здание (вокзал) начальной станции ИБЖВ Иркутск III класса, 3-я верста. Вид с привокзальной площади. Фото конца 1890-х – начала XX в.
Fig. 3. The first passenger building (station) of the initial station IBRW Irkutsk class III, 3rd versta (Russian mile). View from the station square. Photos of the late 1890s – early XX century

К началу августа 1898 была завершена укладка рельсов от станции Иннокентьевская до реки Иркут и дальше в Глазково до станции Иркутск (рис. 3). В памятный для иркутян день, 16 августа 1898, на только что отстроенную станцию Иркутск прибыл первый поезд из Красноярска, а 24 сентября с запада пришёл поезд уже с пассажирами и товарами. В октябре того же года была закончена укладка пути на всей ветке и 21 октября от столицы Восточной Сибири к озеру-морю отправился первый поезд по свежеуложенным рельсам. С 1 ноября здесь открыли временное движение, стали осуществлять пробные перевозки пассажиров, коммерческих грузов и воинских команд. И сразу же, в тот же месяц, 30 числа, на 18 версте от Иркутска произошло столкновение поездов. Подобные ЧП на байкальской ветке происходили и позже.

В январе 1899 к истоку Ангары ушел уже первый скорый поезд. В постоянную же эксплуатацию ИБЖВ была сдана через четыре года с начала строительства – 1 июля 1900 г. она, вместе с законченным участком Мысовая – Сретенск, передана в ведение Управления Забайкальской железной дороги, по ним было открыто ежедневное, «правильное» движение поездов. В честь этого знаменательного события в Иркутске, как и положено, прошли торжества, отслужен молебен, дан торжественный обед.

Всего на Иркутск-Байкальской ветке уложено путей протяжённостью 67,42 версты, из них главного – 63,65, станционных – 3,77. Вдоль линии поставлены верстовые столбы, указатели уклонов, кривых. «Охраняемых переездов устроено всего 4, главным образом вблизи и в пределах станции Иркутск – 3 переезда, четвертый расположен на 26 версте… вблизи села Михалёво; остальные 14 переездов неохраняемые». Телеграф организован «в 2 провода из 5 мм проволоки, подвешенной

на сосновых столбах… по 20 штук на версту…» (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 3, 6)[7].

В декабре 1908 была утверждена проектная и сметная документации на строительство вторых путей на участках Иркутск – Байкал и Мысовая – Сретенск, в августе следующего года для этого выделили средства. И 10 октября 1912 завершили укладку рельсов второй нитки от Иркутска до озера-моря, и спустя некоторое время, 18 апреля 1914, здесь официально открыли двухпутное движение (Хобта, Третьяков, 2005. С. 228–229).

Инженерные сооружения ИБЖВ

Первый мост по направлению будущей железнодорожной ветки Иркутск – Байкал появился ещё до её строительства – в 1891 году. Это было деревянное сооружение на сваях через реку Иркут на гужевом Московском тракте, спроектированное известным иркутским городским архитектором В.А. Рассушиным. В январе того года Городская дума приняла решение о постройке этого моста, а уже 9 августа он был освящён и сдан в эксплуатацию (рис. 4) (Колмаков, 2003. С. 99, 102; Медведев, Куренков, 2016. С. 468). Но в связи с наводнениями, разрушительными ледоставами и ледоходами мост постоянно требовал ремонта, а в 1897 году его вообще снесло мощным ледовым натиском.

После этого городское руководство обратилось с просьбой к инженеру А.Н. Пушечникову предусмотреть движение гужевого транспорта по железнодорожному мосту. Мост был временный, однопутный, подкосной системы, он стал первым по следованию на восток и первым по очереди строительства на Иркутск-Байкальской ветке. На то время это было самое большое деревянное сооружение Великого пути через реки Сибири – отверстием 114 сажен (243,3 м), на 26 опорах, из них половина (13) непосредственно в русле, для него забили около 1000 деревянных свай толщиной 27 сантиметров. Однопутный мост был установлен на первой версте в 150 метрах ниже по течению от моста для экипажей и пешеходов. Начали его строить в январе 1897 и сдали в эксплуатацию 5 августа 1898 после успешного испытания на прочность поездом из 20 платформ, нагруженных рельсами, ведомого двумя паровозами (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 2[8]; Бушин, Васянович, Игумнов 1991. С. 72; Хобта, 2006. С. 67–68).

Взамен временного деревянного моста, примерно в 25 метрах выше от него по течению Иркута, с лета 1906 по август 1907 возвели постоянный металлический железнодорожный мост на каменных опорах (кессонных фундаментах) с четырьмя пролётными строениями. Руководителем работ и автором проекта был тот же А.Н. Пушечников. В 1908 году по мосту было прекращено экипажное движение; так как к этому времени был построен отдельный деревянный гужевой мост (существовал до середины 1960-х, когда рядом построили железобетонный автомобильный) (Хобта, 2006. С. 69). В 1990-е – начале 2000-х старые металлические пролёты железнодорожного моста заменили на новые, более массивные.

Всего же на байкальской ветке до истока Ангары было возведено 88 искусственных сооружений (именно так назывались в то время водопропускники – мосты, трубы, лотки) «общей длиной поверху 805,81 погонных саженей» (1 км 720 м). Все они, кроме Иркутного, малые – отверстием одна или две сажени (2,13 и 4,27 м), «на рамных или свайных основаниях», большей частью балочной системы, некоторые – подкосные. Все мостовые конструкции первого пути ИБЖВ, включая мостовые опоры, были деревянные, т. е. временные (рис. 5). «Невыгодно было бы сразу строить постоянные мосты – устройство каменных искусственных сооружений представлялось в начале постройки рискованным, потому что проект Кругобайкальской железной дороги в то время ещё не был утверждён, так что не было известно, что Иркутск-Байкальская ветвь войдет в магистральную линию дороги…». Средняя стоимость устройства всех малых мостов совокупностью 674,51 погонных сажен

[7] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 3, 6.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. Pp. 3, 6.

[8] Там же. С. 2.

Рис. 4. Завершённый второй деревянный железнодорожный мост через реку Иркут, 0 верста ИБЖВ. Вид от Глазково. Почтовая открытка начала 1890-х. (Медведев, Куренков, 2016. С. 468)
Fig. 4. Completed second wooden railway bridge across the Irkut River, zero versta (Russian mile) of IBRW. View from Glazkovo. Postcard from the early 1890s. (Medvedev, Kurenkov, 2016, p. 468)

Рис. 5. Типовой малый железнодорожный деревянный мост на сваях ЗЖД. Бригада строителей моста. Фото 1890-х из альбома, подаренного А.Н. Пушечникову (Инженеру А.Н. Пушечникову в память постройки Забайкальской ж.д. 6 участка от И.С. Самойлова. 1895–1900 год. Альбом фото. Библиотека ЗЖД. Б/н. Ф. 20)
Fig. 5. Typical small railway wooden bridge on stilts TBRW. The team of builders of the bridge. Photos of the 1890s from the album donated by A.N. Pushechnikov (To engineer A.N. Pushechnikov in memory of the construction of the 6th section of the Trans-Baikal railway from I.S. Samoilov. 1895–1900. Photo album. TBRW Library. No number. F. 20)

(1 км 440 м) составила 322,6 рубля за одну сажень, общая же стоимость определилась в 361 тыс. 936,3 руб. (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 4)[9].

При прокладке второго пути участка Иркутск – Байкал в 1908–1912 годы, согласно утвержденному проекту, все временные малые однопутные деревянные мосты были заменены на капитальные сооружения – железные мосты на каменных устоях, реже на каменные трубы и лотки, все также однопролётные, но уже под два пути. В основном мосты были тоже отверстием 1 и 2 сажени, но при этом появились и с большими пролётами. Например, из сохранившихся на незатопленных начальном и конечном отрезках дороги нам известны 3-х, 4-х, и 8-саженные (6,4, 8,54 и 17,1 м). Трубы и лотки устанавливались отверстием 0,5 сажени (1,0 м) и меньше.

Станции и разъезды. Гражданские постройки

Процитируем документ 1901 года: «В районе Иркутск-Байкальской ветви, кроме большого города Иркутска,… на первых 26 верстах имеется несколько деревень; на остальном протяжении местность очень гористая и неудобная для заселения и потому безлюдная» (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 4)[10]. На этой первой трети планируемой трассы по левому берегу Ангары существовало, без учёта предместья Глазково, шесть населённых пунктов (удаляясь от Иркутска): деревня Титово (Титова, 6 дворов), селение Кузьмихинское (Кузьмиха, 80 дворов), деревни Ершова (33 двора) и Грудинина, и крайнее селение – Михалёво (Михалёва, «442 души обоего пола») (РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 134. Л. 1–3; РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 272. Л. 1; Карта части бассейна, 1907. Л. 1[11]). В Кузьмихе и Михалёво существовали церкви.

Согласно проекту 1896 года (РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 134. Л. 1–3; Проект железнодорожной ветви…, 1897. С. 2[12]) на линии ИБЖВ всего построили три станции: на 3 версте – крупную Иркутск III класса, всего одну промежуточную IV класса – на 26 версте рядом с Михалёво, и на 64 версте конечную – Байкал V класса (рис. 6). Поначалу организовали всего один разъезд, на перегоне между Михалёво и Байкалом. После сооружения второго пути разъездов было уже шесть – два до Михалёво и четыре – после, все безымянные (под номерами) (Сжатый продольный профиль…, 1902. Л. 5[13]; Карта Забайкалья…, 1902[14]; Специальная карта, 1925 и 1930. Л. 4[15]).

[9] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 4.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 4.

[10] Там же.

[11] Карта части бассейна р. Ангары и побережья Байкала с обозначением направления линии Кругобайкальской железной дороги. 1906 г. Масштаб в Английском дюйме 10 вёрст / Альбом типовых и исполнительных чертежей Кругобайкальской железной дороги 1900–1905 г. СПб, 1907. Л. 1.
Map of the part of basin Angara River and the coast of Baikal Lake with the designation of the direction of the Circum-Baikal railway line. 1906. Scale: in the English inch 10 – versts / Album of typical and as-built drawings of the Circum-Baikal Railway 1900–1905 SPb, 1907. P. 1.

[12] Проект железнодорожной ветви от ст. Иркутск к Байкальскому озеру, составлен на основании изысканий, произведённых в 1896 году. СПб., 1897. 2 л.
The project of the railway line from station Irkutsk to Lake Baikal, compiled on the basis of surveys conducted in 1896. SPb., 1897. 2 p.

[13] Сжатый продольный профиль [ИБЖВ] // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб., 1902. Л. 5.
Compressed longitudinal profile [IBRW] // Album of as-built drawings for the construction of the Trans-Baikal railway... 1895–1901. SPb., 1902. P. 5.

[14] Карта Забайкалья с показанием направления Забайкальской жел. дор. и ветвей Иркутск – Байкал и Китайский раз. – Китайская гр. 1901 г. // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб, 1902. Л. 1.
Map of Transbaikalia with an indication of the direction of the Trans-Baikal railway and lines Irkutsk – Baikal and Chinese station – Chinese gr. 1901 // Album of the executive drawings for the construction of the Trans-Baikal Railway... 1895–1901. St. Petersburg, 1902. P. 1.

[15] Специальная карта Восточно-Азиатской части СССР с прилегающими к нему государствами. Масштаб 10 вёрст в дюйме. 1925 и 1930 гг. / Управление военных топографов. Р. VI. Л. 4.
Special map of the East-Asian part of the USSR with the adjacent states. Scale 10 versts in inch. 1925 and 1930 / Office of Military Topographers. L. VI. P. 4.

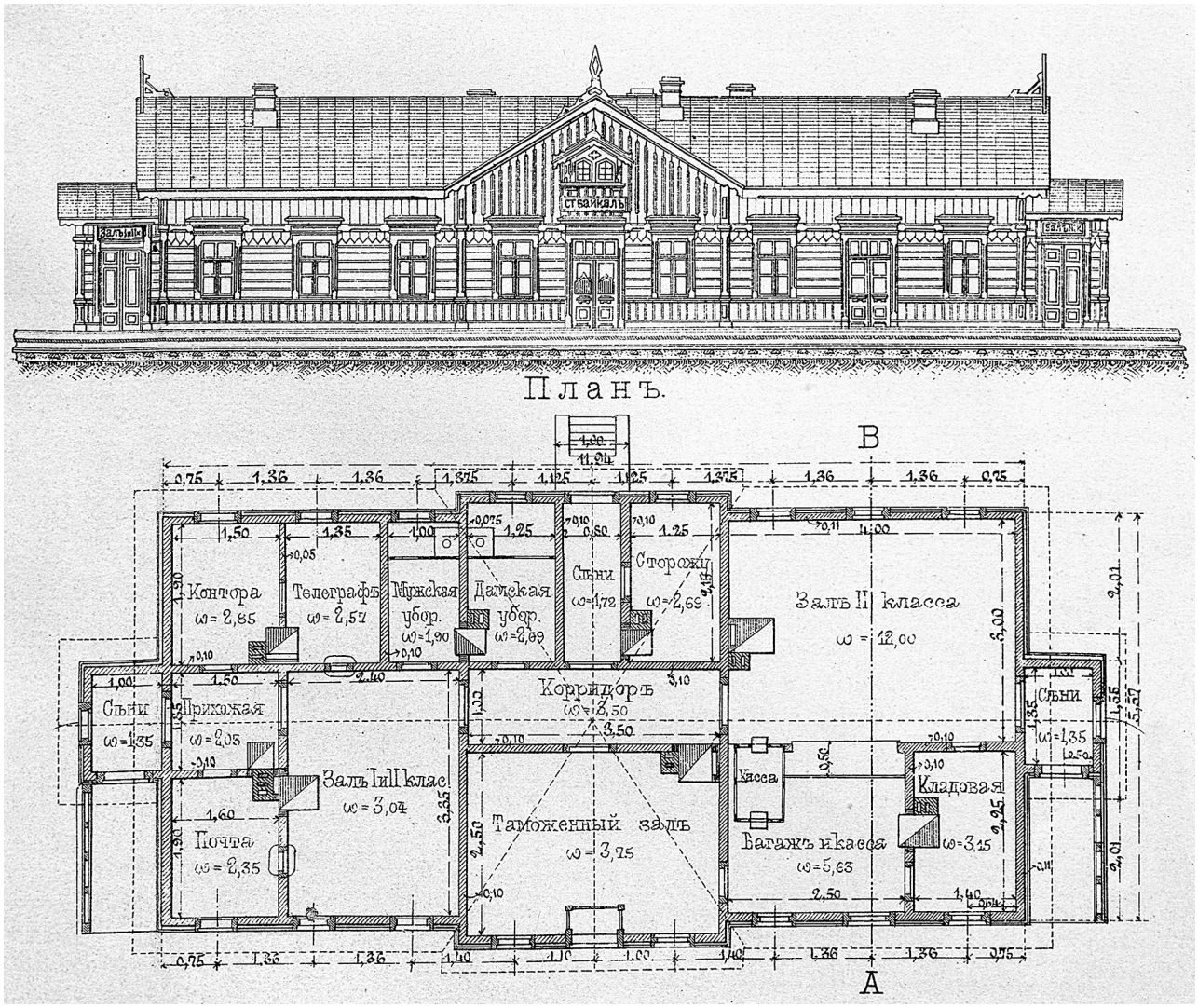


Рис. 6. Пассажирское здание конечной станции ИБЖВ Байкал V класса, 64 верста. Исполнительный чертёж Фасад со стороны пути. План. (Пассажирское здание конечной станции ИБЖВ Байкал V класса, 64 верста Исполнительный чертёж. Фасад со стороны пути. План // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб., 1902. Л. 58)

Fig. 6. Passenger building of the final station of the IBRW Baikal Class V, 64th versta (Russian mile). Executive drawing. Facade on the side of the road. Plan. (Passenger building of the end station of IBRW Baikal V class, 64th versta (Russian miles). Executive drawing. Facade on the side of the road. Plan // Album of executive drawings for the construction of the Trans-Baikal Railway... 1895–1901. SPb., 1902. P. 58)

Пассажирских зданий возведено всего два, в Иркутске – кирпичный вокзал площадью 100,0 квадратных сажен (455,2 кв. м) и деревянное на станции Байкал (1899–1900), 63,07 кв. саж. (287,1 кв. м) (Пассажирское здание…, 1902. Л. 58)[16]. Оба здания крыты железом, стены внутри и потолки, как и снаружи вокзал, оштукатурены, второе

[16] Пассажирское здание конечной станции ИБЖВ Байкал V класса, 64 верста. Исполнительный чертёж. Фасад со стороны пути. План // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб., 1902. Л. 58.

Passenger building of the end station of IBRW Baikal V class, 64th versta (Russian miles). Executive drawing. Facade on the side of the road. Plan // Album of executive drawings for the construction of the Trans-Baikal Railway... 1895–1901. SPb., 1902. P. 58.

обшито калёванной доской и окрашено масляною краской (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 5)[17]. Вокзал в Иркутске строился по типу Красноярского с одним изменением – для почтово-телеграфного ведомства его расширили, пристроив дополнительное помещение. Также были внесены какие-то изменения и в проект пассажирского здания конечной станции (Байкальская паромная железнодорожная переправа, 2000. С. 31). Одноэтажный каменный вокзал заложен 15 июня 1897 и в августе 1898 сдан «строительной комиссии». В 1906–1907 годы, ещё до прокладки второго пути ИБЖВ, рядом построено второе каменное здание, двухэтажное. В 1936-м между ними сделали соединительную вставку, также 2-этажную, тогда же надстроили здание первого вокзала.

В Михалёво обошлись без пассажирского здания, необходимые помещения для пассажиров и служащих разместили в жилом доме. «Службы при пассажирских зданиях, состоящие из отапливаемого отхожего места, помойной ямы, пожарного сарая, ледника и погребов для керосина построены только на станции Иркутск» (План расположения путей…, 1902. Л. 93[18]; Отчёт с приложениями…, 1904. С. 4[19]). Дорога имела большое военное значение как на общероссийском (Ушаков, 1928; Гречищев, 2005; Овчаров, 2017), так и локальном уровне, поскольку под Михалево располагались летние лагеря 7-й (Восточно-Сибирской) Сибирской и 35-й Сибирской стрелковых дивизий, квартировавших в Иркутске в 1906–1914 гг. и 1920–1936 гг. соответственно (Солдатов, 1912; Потанин, 2017).

На всех станциях наладили водоснабжение, поставив три водоёмных двухъярусных здания с пристроенными к ним одноэтажными водоподъёмными зданиями. Одно каменно-деревянное – в Иркутске и по одному деревянному – на промежуточной и конечной станциях (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 5[20]; Деревянное водоёмное… здание, 1902. Л. 68[21]). При организации новой станции Байкал, уже начальной на кругобайкальской линии, поставили раздельно два здания – водоподъёмное и водоёмное. Первое – капитальное из природного камня и кирпича с пристроенным к нему деревянным «домом машиниста», на 61 версте на берегу Ангары (сегодня 71 км 10 пк), сохранилось. Второе – деревянное, «будка над каменным водоёмным баком», ближе к вокзалу на 62 версте (72 км 6 пк), вырубив специально для него возвышенную полку в склоне мыса, утрачено.

Также в устье Ангары, под мысом Баранчук, поставили деревянное под железой крышей паровозное здание на одно стойло (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 5)[22]. Проектом развития путей на станции Байкал 1913 года планировалось переместить его на новое место, напротив пассажирского здания (РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 636. Л. 1. 1913), но в итоге не тронули.

На всех станциях устроены пассажирские платформы «низкого типа» общей длиной 98,6 по-

[17] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 5.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 5.

[18] План расположения путей и зданий на станции Иркутск III класса… // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб, 1902. Л. 93.
Plan the location of the tracks and buildings at the station of Irkutsk III class... // Album of executive drawings for the construction of the Trans-Baikal railway... 1895-1901. St. Petersburg, 1902. P. 93.

[19] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 4.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 4.

[20] Там же. С. 5.

[21] Деревянное водоёмное с баком на 4 куб. с водоподъёмным здание. (На ст. Михалёво и ст. Байкал Иркутск-Байкальской ветви) // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб., 1902. Л. 68.
Wooden cistern with a tank of 4 m^3 with a water-lifting construction. (At the Mikhalevo station and the Baikal station of the Irkutsk – Baikal line) // Album of the as-built drawings for the construction of the Trans-Baikal railway... 1895–1901. SPb., 1902. P. 68.

[22] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 5.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 5.

гонных сажен (210,5 кв. м). В Иркутске также возвели крытую товарную платформу 70 кв. саж. (149,4 кв. м) и товарный сарай 50 кв. саж. (106,7 кв. м) (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 3)[23].

Кроме того, для нужд переправы на станции порт Байкал появились различные временные деревянные здания и сооружения: пристань для причала пароходов, жилые дома для пассажиров и грузчиков, наклонные спуски для грузов с пристани на озерный лёд, складские платформы для грузов (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 6)[24]. Здесь же организовали таможню, рядом с пассажирским зданием, в которое её позже, с 1905(?) года, и перевели(?). Первое пассажирское здание периода ИБЖВ на станции Байкал простояло до 1918 года. Тогда, в июле, во время Гражданской войны, оно было разрушено до основания мощным взрывом, который произошёл от обстрела при наступлении белых на станцию со стороны Иркутска – от прямого попадания сдетонировали груженые динамитом вагоны, находившиеся совсем радом (Новиков, 2003. С. 37). Вместе с ним разрушило и паровозное здание.

При станциях было построено по типовым проектам всего четыре жилых дома общей площадью 201,45 квадратных сажен (917,0 кв. м), два – в Иркутске и по одному – в Михалёво и Байкале. Все деревянные, без капитальных фундаментов (на деревянных стульях), с дощатыми крышами. Дворы с обязательными… службами обнесены решетчатой оградой (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 4)[25]. Камень применили лишь в фундаментах под кирпичными стенами – вокзала и водоёмно-подъёмного здания на станции Иркутск, как и в фундаментах печей, также им заполняли ряжи в основаниях Иркутного моста и пристани для ледокола на Байкале. Кирпич и известь закупались в Иркутске (Хобта, 2004. С. 32).

Землемерным планом зоны отчуждения ЗЖД 1912 года (План полосы отчуждения…, 1912)[26], то есть после прокладки второго пути, только в Иркутске, в восточной части Глазково, зафиксировано уже значительно больше жилых (и служебных) зданий периода строительства ИБЖВ. Примерно две трети из них – около 20 – располагалось на повороте железной дороги недалеко от Иркутного моста (сегодня это район улиц Джамбула и Фурманова, некоторые существуют и поныне). Остальные, всего 7–8, стояли непосредственно на станции Иркутск, четыре – напротив второго вокзала, в вырубленной для них в склоне Глазковской горы полке, сохранились, принадлежат ВСЖД, сегодня это улица Челнокова (современные № 1, 1-А, 4, 6, над подпорной стенкой). Другие – за прижелезнодорожным почтамтом, также в нагорной выемке (№ 28, 30, 32 и 34). До недавнего времени существовало крупное двухэтажное добротное и красивое каменное производственно-техническое здание начала XX столетия, сложенное из песчаника и кирпича, располагавшееся под рощей (дачей) Звездочка, зачем-то разобрано.

Для железнодорожных служащих – дорожных мастеров, старших рабочих и ремонтных артелей, линейной охраны – в первый строительный период были возведены путевые здания: 7 сторожевых домов площадью по 5,06 квадратных сажен каждый (23,03 кв. м); 4 полуказармы по 16,10 кв. саж. (73,29 кв. м); 4 казармы по 22,97 кв. саж. (103,87 кв. м). Итого линейных зданий построено общей площадью 191,70 кв. саж. (869,86 кв. м) (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 4[27]; Забайкальская железная

[23] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 3.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 3.

[24] Там же.С. 6.

[25] Там же. С. 4.

[26] План полосы отчуждения под Забайкальскую железную дороги в районе земель города Иркутска составленный по данным съёмки 1912 года… Архив Управления архитектуры г. Иркутска. Л. 1.
The plan of the alienation the land for the Trans-Baikal Railway in the area of the lands of the city of Irkutsk drawn up according to the data of the 1912 survey... Archive of the Department of Architecture of the city of Irkutsk. P. 1.

[27] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 4.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 4.

дорога, 1910. С. 177). В архивных документах есть расхождение, на «Продольных профилях» в Альбоме чертежей ЗЖД… и в ГАИО обозначено 5 сторожевых домов (Сжатый продольный профиль…, 1902. Л. 5[28]; ГАИО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 147. Л. 3).

Все путевые постройки деревянные, без каменных фундаментов (ставились по-сельски на деревянные стулья (вертикально вкопанные брёвна) с «земляными завалинами»), под дощатыми крышами, снаружи обшиты доской и окрашены масляной краской, внутри пазы срубов замазаны глиной, стены побелены. Службы при них – чуланы, сараи и отхожие места – тоже деревянные, все дворы обнесены плетневыми или решётчатыми оградами. Всего на эти линейные постройки было израсходовано 47 тыс. 289,57 руб. (Отчёт с приложениями…, 1904. С. 4, 6)[29].

На землемерном плане 1912 года в самом начале ветки, на правом берегу Иркута, обозначено два сторожевых дома, первый – периода 1-пути, у самого Иркутного моста, сохранился. Второй (мог быть полуказармой или казармой) – в удалении выше по склону за гужевой дорогой. Ещё один сторожевой дом стоял дальше, рядом с понтонным мостом через Ангару, и уже за вокзалом – «казарма со службами». Больше линейных построек до дачи «Звёздочка» не показано, ни до вокзала, ни после (План расположения путей…, 1902. Л. 93)[30].

Во время прокладки второго пути в 1908–1912 годах под линейные постройки, как и под жилые дома, могли подвести ленточные фундаменты из тёсаных блоков местного природного камня – песчаника.

Затопленная трасса

В результате завершения в июле 1956 года грандиозной послевоенной стройки – Иркутской ГЭС, после её пуска, полноводная, быстротечная красавица Ангара на участке от плотины в Иркутске до своего истока из Священного моря превратилась в утилитарное водохранилище. В связи с чем, участок железной дороги, построенный в конце 1890-х – начале XX века на левом её берегу, скрылся под водами этого самого «ВДХр» (так величественная, овеянная легендами река теперь неблагозвучно, по нашему мнению, обозначается на официальных картах) (рис. 7). К этому времени, в середине прошлого столетия был построен новый перевальный участок Транссиба по Олхинскому плоскогорью (Иркутск – Андриановская – Слюдянка-2), на который и было переключено все транзитное движение (Асеева, Хобта, 2014).

Незатопленными остались два отрезка Иркутск-Байкальской ветки – начальный, с иркутской стороны, и конечный, в истоке Ангары, вместе 13–14 км, то есть не более 20 % изначальной линии. Первый отрезок расположен в городской черте столицы Приангарья протяжённостью примерно девять километров между рекой Иркут и плотиной ГЭС. Второй четырёх-пятикилометровый отрезок начинается на 68 км от Иркутска и стыкуется со станцией Байкал КБЖД, доходя до станционного тупика на повороте в подножье мыса Баранчук на 10 пикете 71 км. Это трагическое для утопленной железнодорожной ветви событие круто повлияло и на судьбу Западного участка Кругобайкальской дороги – с того времени он до реки Култук превращен в тупиковый, выведен из магистрального сообщения.

По нашим данным, в 1960–1970-е в правительственных кругах вновь обсуждался вариант прокладки рельсового пути от Иркутска по левому берегу Ангары до станции Байкал с целью исклю-

[28] Сжатый продольный профиль [ИБЖВ] // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб., 1902. Л. 5.
Compressed longitudinal profile [IBRW] // Album of as-built drawings for the construction of the Trans-Baikal railway... 1895–1901. SPb., 1902. P. 5.

[29] Отчёт с приложениями по постройке ветви от г. Иркутска к озеру Байкалу. 1897–1901 гг. СПб., 1904. С. 4, 6.
Report with applications for the construction of a railway line from the city of Irkutsk to Lake Baikal. 1897–1901. SPb., 1904. P. 4, 6.

[30] План расположения путей и зданий на станции Иркутск III класса… // Альбом исполнительных чертежей по постройке Забайкальской железной дороги… 1895–1901. СПб, 1902. Л. 93.
Plan the location of the tracks and buildings at the station of Irkutsk III class... // Album of executive drawings for the construction of the Trans-Baikal railway... 1895–1901. St. Petersburg, 1902. P. 93.

Рис. 7. Иркутск-Байкальская ветка. Путь по берегу Ангары на 58 версте. Фото конца 1890-х из альбома «Забайкальская железная дорога» (Забайкальская железная дорога. 1895–1900 гг. Альбом фото. Чита, 1900. 131 л. Л. 8)

Fig. 7. Irkutsk-Baikal line. The path along the banks of the Angara River at 58th versta (Russian mile). Photos of the late 1890s from the album "Trans-Baikal Railway" (Trans-Baikal Railway. 1895–1900. Photo album. Chita, 1900. 131 p. P. 8)

чения перевального Олхинского участка с затяжными и предельными, а поэтому проблемными уклонами, и обеспечения железнодорожного движения опять по берегу озера. Тем самым планировалось продублировать затопленную ветку, вырубив новую полку полотна в горных склонах выше. Другими словами, рассматривался вопрос о превращении Кругобайкальской дороги на всём протяжении вновь в транзитный участок Транссиба. Это бы повлекло неизбежную глобальную модернизацию участка КБЖД Байкал – Култук с переустройством его на электрическую тягу, с выполнением большого объёма работ, а значит, появились бы новые протяжённые бетонные защитные галереи, подпорные стенки и прочее.

Осуществление задуманного привело бы к значительному изменению первоначального, ценного облика Старой дороги, практически к её уничтожению как памятника истории и инженерного искусства, заповедного места, и исключило бы возможность в дальнейшем туристического использования и организации здесь природно-культурного музея-заповедника «Кругобайкальская железная дорога». И сегодня не стоял бы вопрос об объявлении этого уникального инженерно-ландшафтного ансамбля объектом Всемирного наследия.

Современное состояние

Незатопленный фрагмент с иркутской стороны бывшей железнодорожной байкальской ветки можно условно разделить на три отрезка. Первый – два с лишним начальных километра от моста через Иркут до Иркутского вокзала, которые полностью реконструированы, в настоящее время это современная магистральная часть ВСЖД. Следующие два отрезка до плотины Иркутской ГЭС – тупиковый фрагмент. Второй отрезок – от вокзала до разветвления дороги на две колеи между ручьями Малая и Большая Кузьмиха. В настоящее время, как и было на рубеже прошлых веков, это действующая заброшенная (резервная?) одноколейка, нечётный

путь, со стороны реки, на чётном пути рельсы и мостовые металлические пролётные строения сняты. С начала, до поворота в Мельниково, историческая дорога идёт рядом с действующим Транссибом, после чего они расходятся, магистраль уходит к Олхинскому плато, а старая ветка продолжает тянуться вдоль берега Ангары параллельно улицам Старо-Кузьмихинская и Овражная. Третий отрезок – после развилки, здесь старый путь разобран, полотно лежит в подножье Кузьмихинской террасы, примыкая к ней. Вторая, новая одноколейная дорога периода строительства гидростанции в 1950-е, проходит по Тёплым озёрам и ведёт на заводские, промышленные площадки.

Таким образом, со стороны плотины до ручья Б. Кузьмиха старая ветка практически не существует. Поэтому на сегодня можно говорить о сохранившемся действующем, но практически неэксплуатируемом, фрагменте ИБЖВ лишь в пределах не более 5–5,5 км – от Иркутского вокзала до развилки путей между кузьмихинскими ручьями. Состояние насыпи и искусственных сооружений в целом можно назвать удовлетворительным.

Здесь существуют малые водопропускные сооружения: шесть однопролётных мостов на каменных устоях отверстием 2,0, 3,0, 4,0 и 8,0 сажен, пересекающие ручьи Звёздочка, Титово, Малая и Большая Кузьмиха, другие. И одна каменная труба отверстием 0,5 сажени через безымянный ручей сразу за новым Ангарским («Академическим») автомобильным мостом. Мостовые устои и труба выполнены из местного песчаника, большая часть металлических ферм начала XX столетия сохранилась (Чертилов, 2005. Л. 1–3)[31].

На незатопленном отрезке 68–72 км бывшей ветки Иркутск – Байкал в истоке Ангары сохранилась полка железнодорожного полотна с разобранными в 1950-е годы путями, которая с тех пор используется местными жителями как тупиковая поселковая дорога, ведущая к сенокосам. Водопропускных сооружений, установленных в 1890-е годы – начале XX века через ручьи и лога, незатопленными существует всего 10: восемь односаженных мостов (крайний № 88, рядом со станционным тупиком засыпан вровень с полотном) и два целиком каменных объекта – труба отверстием 0,5 сажени и лоток отв. 0,2 (0,25?) саж. (0,43 м, также засыпан). Металлические пролёты мостов сняты, но устои, облицованные тёсаным природным камнем, или остовы от них, сохранились. Ближайший от озера в сторону Иркутска более крупный мост (4,0 саж.= 8,54 м) расположен в затопленной зоне, на 5 пикете 66 км (Чертилов, 2002. Л. 1–6)[32].

В посёлке Байкал на полотне внизу пади Дёмина, кроме каменного водоподъёмного здания на берегу Ангары, с нагорной стороны сохранилось четыре жилых постройки периода строительства ИБЖВ, сегодня это улица, по понятной причине, названа «Ангарская». Одна из них – типовая полуказарма первого пути, современный номер «7». Другие – рядом поставленные, похоже, не по железнодорожным проектам, имеют № 5, 9 и 9-А (рис. 8).

Рекомендации

1. На настоящий момент из всего бывшего комплекса незатопленного отрезка с иркутской стороны железнодорожной ветки Иркутск – Байкал – памятником истории и культуры – является только Иркутский вокзал (федерального значения). Железнодорожные дома и водопропускные сооружения (малые металлические мосты (шесть) и каменная труба) периода строительства ветки конца

[31] Чертилов А.К. Материалы натурного обследования, выполненного в феврале 2005 на участке от станции Иркутск-Пассажирский до плотины Иркутской ГЭС. Пеший маршрут. Архив автора. 4 л.
Chertilov A.K. Materials of the field survey carried out in February 2005 at the site from the station Irkutsk-Passenger to the dam of the Irkutsk Hydroelectric Power Station. Walking route. Archive of author. 4 p.

[32] Чертилов А.К. Схема натурного обследования КБЖД. Исток реки Ангара – устье реки Култук. М 1:2000. (Материалы к Историко-архитектурному опорному плану, дежурный план). Ч.1: 66–115 км. – 1988–2018; исток Ангары – обследование 2002 г. Архив автора. Л. 1–6.
Chertilov A.K. Scheme of field survey of the Circum-Baikal railway. The source of the Angara River – the mouth of the Kultuk River. M 1: 2000. (Materials to the Historical and Architectural Basic Plan, Duty Plan). Part 1: 66–115 km. – 1988–2018; Angara source – 2002 survey. Author's archive. P. 1–6.

1890-х – начала XX столетия, расположенные на территории Свердловского района в Иркутске, не числятся в списках объектов культурного наследия, хотя историческая, инженерная, архитектурная ценность их очевидна. Поэтому необходимо выполнить, как положено по закону, историко-культурную экспертизу этих объектов для внесения их в Государственный реестр памятников истории и культуры регионального значения.

2. Сам фрагмент старой заброшенной ветки от вокзала станции Иркутск-Пассажирский до кузьмихинских падей, на наш взгляд, можно опять превратить в действующую железную дорогу, но уже не индустриального, а рекреационного характера. Стоит её реконструировать, пустив по ней ретропоезд, превратив в местную популярную достопримечательность – экскурсионную тупиковую ветку до тех самых Тёплых озёр, любимого иркутянами места отдыха. Эту идею высказывали уже не единожды. Как вариант, после реанимирования «новой-старой» дороги, хорошо было бы передать её в эксплуатацию Детской Восточно-Сибирской железной дороге. Для этого потребуется возвести давно задуманный и очень нужный, особенно для молодёжи, пешеходно-велосипедный мост через Ангару с острова Юность, но уже, также и железнодорожный.

3. Конечный фрагмент ветки от Иркутска до Байкала в устье Ангары является неотъемлемой составной частью памятника федерального значения «Кругобайкальская железная дорога». Её жилые и служебные постройки, расположенные на 72 км (64 строительной версте) внизу пади Дёмина на полотне дороги и появившиеся ещё до сооружения КБЖД, при строительстве новой, начальной станции Байкал, вошли в состав этого станционного комплекса. Постройки, вместе с дачной застройкой в этой пади и в соседней Молчанова, территориально и административно относятся к посёлку Байкал. При проектировании реконструкции и разви-

Рис. 8. Общий вид станции Байкал – Иркутск-Байкальской ветки и ледокольной пристани. Фото конца 1890-х из альбома «Забайкальская железная дорога» (Забайкальская железная дорога. 1895–1900 гг. Альбом фото. Чита, 1900. 131 л. Л. 10)

Fig. 8. General view of the station of Baikal – Irkutsk-Baikal line and icebreaking pier. Photos of the late 1890s from the album "Trans-Baikal Railway" (Trans-Baikal Railway. 1895–1900. Photo album. Chita, 1900. 131 p. L. 10)

тия посёлка необходимо предусмотреть сохранение следующих зданий в устьевой части пади Дёмина на улице Ангарская, учитывая их историко-архитектурную ценность и охранный статус как объектов культурного наследия: жилые дома ИБЖВ № 7, 9, 9-а и водоподъёмное здание первого пути КБЖД, № 9-б.

Кроме этого, в пади Молчанова на улице Первомайская есть как минимум два примечательных объекта: 1. Двойной сторожевой дом 2-го пути КБЖД, № 17 (перенесён с 95 или 99 км в 1970-е, в настоящее время пансионат «Надежда») и № 19 (жилой дом С. Патолицина постройки 1925 года), об этом доме стоит сказать особо. Он выявлен нами в ходе обследования застройки посёлка в 2002 году. Со слов местного жителя, хозяина дома на тот момент, А.П. Тютикова, и иркутского писателя Г.И. Пакулова, ближайшего друга всемирно известного драматурга А.В. Вампилова, в нём последний отдыхал и создавал свои литературные произведения. Здесь бывал в гостях также советский, русский писатель В.Г. Распутин, другие известные представители творческой интеллигенции. Со слов Г.И. Пакулова, именно в этот дом они с А.В. Вампиловым 17 августа 1972 возвращались на моторной лодке из Листвянки, когда произошла трагедия – лодка налетела у мыса Рогатка на топляк, перевернулась, в результате чего драматург погиб. При более детальном обследовании возможны другие выявления исторически ценных объектов.

Библиографический список

Асеева А.С., Хобта А.В. Проектно-изыскательские работы по новому направлению железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка в 1938–1940 гг. // Извести Лаборатории древних технологий, 2014. № 1 (10). С. 100–107.

Байкальская паромная железнодорожная переправа: К 100-летию строительства и эксплуатации / В.Г. Третьяков и др. Иркутск, 2000. 335 с.

Бушин А.В, Васянович В.И., Игумнов Б.А. Памятники инженерного искусства // Железнодорожный транспорт, 1991. № 5. С. 69–74.

Восточно-Сибирская электрическая. К 75-летию железной дороги / В.Т. Агалаков и др. Иркутск, 1972. 351 с.

Гречищев Е.К. Кругобайкальская железная дорога в сполохах войны. Новосибирск, 2005. 69 с.

Железнодорожный транспорт Восточной Сибири из XIX в XXI век / Третьяков В.Г. и др. Иркутск, 2001. Т. 1. 1837–1941 гг. 416 с.

Забайкальская железная дорога. Иркутск, 1910. 518 с.

Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. 848 с.

Медведев С.И., Куренков В.В. Иркутск на иллюстрированных открытых письмах 1898–1920. Историко-библиографический альбом-каталог. Иркутск, 2016. 688 с.

Новиков П.А. Боевые действия на южном берегу Байкала (июль – август 1918 г.) // Земля Иркутская, 2003. № 2–3 (22–23). С. 36–41.

Овчаров В.В. Очерки по истории военных сообщений Приенисейской Сибири. Красноярск, 2017. 338 с.

References

Aseeva A.S., Khobta A.V. 2014. Design and exploration work on the new direction of the railway line Irkutsk – Slyudyanka in 1938–1940. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of the Laboratory of Ancient Technologies]. No. 1 (10). Pp. 100–107. (In Russ.)

Tret'yakov V.G. 2000. Baikal ferry railway crossing: To the 100th anniversary of construction and operation. Irkutsk. 335 p. (In Russ.)

Bushin A.V, Vasyanovich V.I., Igumnov B.A. 1991. Sites of engineering art. *Zheleznodorozhnyi transport* [Railway Transportation]. No. 5. Pp. 69–74. (In Russ.)

Agalakov V.T. 1972. East Siberian Electric. To the 75th anniversary of the railway. Irkutsk. 351 p. (In Russ.)

Grechishchev E.K. 2005. Circum-Baikal Railway in the Sparks of War. Novosibirsk. 69 p. (In Russ.)

Tret'yakov V.G. 2001 Railway transport in Eastern Siberia from XIX to XXI centure. Irkutsk. Vol. 1. 1837–1941. 416 p. (In Russ.)

1910. Trans-Baikal Railway. Irkutsk. 518 p. (In Russ.)

Kolmakov Yu.P. 2003. Irkutsk Chronicle 1661–1940. Irkutsk. 848 p. (In Russ.)

Medvedev S.I., Kurenkov V.V. 2016. Irkutsk on illustrated post cards, 1898–1920. *Istoriko-bibliograficheskii al'bom-katalog* [Historical bibliographic album catalog]. Irkutsk. 688 p. (In Russ.)

Novikov P.A. 2003. The fighting on the southern shore of Lake Baikal (July – August 1918). *Zemlya Irkutskaya* [Irkutsk Land]. No. 2–3 (22–23). Pp. 36–41. (In Russ.)

Ovcharov V.V. 2017. Essays on the history of military communications in Yenisei Siberia. Krasnoyarsk. 338 p. (In Russ.)

Потанин Д.А. Михалевские лагерные сборы 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии в мае 1910 г. // Известия Лаборатории древних технологий, 2017. Т. 13. № 3. С. 99–108.

Саблер С.В., Сосновский М.В. Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем: К десятилетию Комитета Сибирской железной дороги (1893–1903). Исторический очерк. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1903. [2], VIII, II, 451, [12] с.

Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 г. Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 2. Т. 5. Ч. 2. 380 с.

Третьяков В.Г., Хобта А.В. Из истории подготовительных работ при сооружении Транссибирской магистрали // Культура. Наука. Образования. 2017a. № 2 (43). С. 122–144.

Третьяков В.Г., Хобта А.В. Из истории организации строительных работ при сооружении Транссибирской магистрали // Культура. Наука. Образования. 2017b. № 3 (44). С. 26–50.

Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к Мировой войне. М.-Л.: Гос. изд-во. Отдел воен. литры, 1928. 200 с.

Хобта А.В., Гордиенко Т.Н. Александр Николаевич Пушечников (1850–1916): К столетию окончания строительства Транссиба. – 2-е изд., доп. и прераб. Иркутск: ВСЦНТИБ, 2016. 84 с.

Хобта А.В. Дорога длиною в век: Альбом-путеводитель по Кругобайкальской железной дороге. Иркутск, 2004. 251 с.

Хобта А.В., Никифорова Н.В. Забайкальская железная дорога. 1920–1930-е гг. Тверь: Тверская фабрика печати, 2017. 120 с.

Хобта А.В. Мост через Иркут // Земля Иркутская. 2006. № 1 (29). С. 66–71.

Хобта А.В., Третьяков В.Г. История Кругобайкальской железной дороги 1905–2005 (К 100-летию сдачи КБЖД в постоянную эксплуатацию). Иркутск: Издатель А.Н. Гаращенко, 2005. 240 с.

Сведения об авторе

Чертилов Алексей Константинович,
архитектор, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: chertilov_ak@mail.ru

Potanin D.A. 2017. Mikhalev camps of the 7th East-Siberian rifle division in May 1910. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 13. No. 3. Pp. 99–108. (In Russ.)

Sabler S.V., Sosnovskii M.V. 1903. Siberian Railway in its past and present: To the tenth anniversary of the Siberian Railway Committee (1893–1903). Historical essay. St. Petersburg: Gos. tip. Publ. [2], VIII, II, 451, [12] p. (In Russ.)

Soldatov V. 1912. Railway settlements along the Transbaikal line. Statistical description and materials of the 1910 census.*Trudy Amurskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Amur Expedition]. St. Petersburg. Iss. 2. Vol. 5. Pt. 2. 380 p. (In Russ.)

Tret'yakov V.G., Khobta A.V. 2017a. From the history of the preparatory work at the construction of the Trans-Siberian Railway. *Kul'tura. Nauka. Obrazovaniya* [Culture. Science. Education]. No. 2 (43). Pp. 122–144. (In Russ.)

Tret'yakov V.G., Khobta A.V. 2017b. On the history of the organization of construction work at the construction of the Trans-Siberian Railway. *Kul'tura. Nauka. Obrazovaniya* [Culture. Science. Education]. No. 3 (44). Pp. 26–50. (In Russ.)

Ushakov K. 1928. Preparation of military communications of Russia for the World War. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo Publ. Otdel voennoi literatury. 200 p. (In Russ.)

Khobta A.V., Gordienko T.N. 2016. Alexander Nikolaevich Pushechnikov (1850–1916): Towards the centenary of the end of the construction of the Trans-Siberian Railway]. Irkutsk: VSTsNTIB Publ. 84 p. (In Russ.)

Khobta A.V. 2004. The road to the century: Guidebook album on the Circum-Baikal Railway. Irkutsk. 251 p. (In Russ.)

Khobta A.V., Nikiforova N.V. 2017. Trans-Baikal Railway. 1920–1930s. Tver': Tverskaya fabrika pechati Publ. 120 p. (In Russ.)

Khobta A.V. 2006. Bridge across Irkut River. *Zemlya Irkutskaya* [Irkutsk Land]. No. 1 (29). Pp. 66–71. (In Russ.)

Khobta A.V., Tret'yakov V.G. 2005. History of the Circum-Baikal Railway 1905–2005 (To the 100th anniversary of the commissioning of the Circum-Baikal Railway in permanent operation). Irkutsk: Izdatel' A.N. Garashchenko Publ. 240 p. (In Russ.)

Information about the author

Aleksei K. Chertilov,
Architect, Associate Professor, Department of History of Architecture and Design Basics,
Irkutsk National Researching Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: chertilov_ak@mail.ru

Критерии авторства

А.К. Чертилов выполнил научно-исследовательскую работу, на основании изученных архивных и библиографических источников, их анализа, сделал обобщение, подготовил рукопись к печати, подобрал исторические фотоиллюстрации с аннотациями. Имеет на статью авторские права и несёт полную ответственность за её оригинальность.

Attribution criteria

Chertilov A.K. made the research work based on the studied archival and bibliographic sources, their analysis, made a synthesis, prepared manuscript for publishing, picked up historical photos with annotations. Author has copyright to the article and is solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 355/359
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-158-170

О потерях вооруженных сил Германского блока на Русском (Восточном) фронте Первой мировой войны

© А.В. Олейников

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация: Статья посвящена обзору общих потерь армий стран Германского блока на Русском фронте Первой мировой войны в 1914–1917 гг. Рассмотрены потери германской, австро-венгерской и турецкой армий в кампаниях 1914–1917 гг., сформулированы интересные выводы применительно к закономерностям относительно потерь войск противника в вышеуказанных кампаниях. Так, к исходу 1917 г. общие потери немецких войск на Русском фронте составили свыше 37 %, австро-венгерских войск – свыше 71 % и турецких войск – 40 % общих потерь этих армий в 1914–1917 гг. К концу 1916 г. соответствующие цифры составили: свыше 39 %, до 79 % и 50 %. Самым убийственным на Русском фронте для австро-германцев оказался 1915 год (44,5 % всех австро-венгерских и 50 % всех германских потерь на данном фронте), а для турок – 1916 год (до 35 % их общих потерь на данном фронте). Важнейший фронт России – Юго-Западный (для Австро-Венгрии также главный – Русский фронт). В итоге потери австро-венгерских войск составили 55 % от общих потерь всего Германского блока на Русском фронте (лишь в кампании 1917 г. по уровню потерь на Русском фронте немцы превзошли австрийцев). В среднем, за 3,5 года боевых действий Русский фронт наносил армиям Германского блока общие потери – от 29 % (1917 г.) (нижняя планка) до 67 % (1915 г.) (верхняя планка) сравнительно с потерями на других фронтах. В статье показано, что на конец 1917 г. общие потери войск Германского блока в боях с русской армией составили свыше 50 % их общих потерь, что позволяет сделать вывод о том, насколько убийственным для Германского блока был Русский фронт Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, общие потери, Германский блок, вооруженные силы, австро-венгерская армия, германская армия, турецкая армия, Русский фронт, статистика

Информация о статье: Дата поступления 5 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 6 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Олейников А.В. О потерях вооруженных сил Германского блока на Русском (Восточном) фронте Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 158–170. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-158-170

On the losses of the armed forces of the German bloc on the Russian (Eastern) front of the First World War

© Aleksey V. Oleinikov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the review of the total losses of the armies of the countries of the German bloc on the Russian front of the First World War in 1914–1917. The losses of the German, Austro-Hungarian and Turkish armies in the campaigns of 1914–1917 are considered, interesting conclusions are formulated regarding to the specifics of the losses of the enemy troops in the above campaigns. So, by the end of 1917, the total losses of the German troops on the Russian front were over 37 %, of the Austro-Hungarian troops – over 71 %, and of the Turkish troops – 40 % of the total losses of these armies in 1914–1917. By the end of 1916, the corresponding figures were: over 39 %, up to 79 % and 50 %. 1915 was the most deadly on the Russian front for Austro-Germans (44,5 % of all Austro-Hungarian and 50% of all German losses on this front), and for Turks

1916 (up to 35% of their total losses on this front). The most important front of Russia is the South-Western (for Austria-Hungary also the main one is the Russian Front). As a result, the losses of the Austro-Hungarian troops amounted to 55 % of the total losses of the entire German bloc on the Russian front (only in the campaign of 1917 the Germans had surpassed the Austrians in terms of the losses on the Russian front). On average, in 3,5 years of hostilities, the Russian front inflicted a total loss on the armies of the German bloc – from 29 % (1917) (lower bar) to 67 % (1915) (upper bar) compared to losses on other fronts. The article shows that at the end of 1917, the total losses of the troops of the German bloc in battles with the Russian army accounted for over 50 % of their total losses – which makes it possible to conclude that the Russian front of the First World War was deadly for the German bloc.

Keywords: World War I, general losses, German bloc, armed forces, Austro-Hungarian army, German army, Turkish army, Russian front, statistics

Article info: Received April 5, 2019; accepted for publication May 6, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Oleinikov A.V. On the losses of the armed forces of the German bloc on the Russian (Eastern) front of the First World War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 158–170. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-158-170

Вопрос о потерях армий Германского блока на Русском фронте в 1914–1917 гг. весьма не прост и многогранен. Наука и статистика предлагают достаточно противоречивые данные, причем это касается даже общих потерь, включающих в себя как безвозвратные, так и санитарные потери. Еще больше вопросов присутствует при рассмотрении отдельных категорий (убитые, раненые, пропавшие без вести и др.) военных потерь.

Так, известный специалист Б.Ц. Урланис называл следующую цифру убитых германских военнослужащих на Русском фронте – 300 тыс. человек (Урланис, 1994. С. 150). С Б.Ц. Урланисом солидарны Мак Рэндел и Куирк (McRandle, Quirk, 2006. Pp. 684–685), оценивающие общие потери германских войск на Русском фронте примерно в 1,5 млн человек, в том числе более 300 тыс. убитыми.

Мак Рэндл, Куирк воспроизводят ежемесячные потери войск Германской империи на всех фронтах Первой мировой, основываясь на санитарных отчетах времен войны. Но здесь мы и видим расхождение с данными первостепенного источника – германского Рейхсархива. Ведь как общие потери германцев на Русском фронте за август – сентябрь 1914 г. могут быть 32,9 тыс. человек (McRandle, Quirk, 2006. P. 684), когда Рейхсархив дает потери лишь за август в 37 тыс. человек (Reichsarchiv, Band 2. 1925. P. 317, 346)?

И как могут потери германской армии убитыми в октябре – декабре 1914 г. (время тяжелейших боев в Польше) быть равными около 16 тыс. человек (McRandle, Quirk, 2006. P. 684), когда материалы Рейхсархива определяют количество убитых солдат и офицеров лишь германской 9-й армии (причем не за 12 недель октября, ноября и декабря, как Мак Рэндл, Куирк, а лишь за 7 недель) в 36 тыс. человек (Reichsarchiv, Band 6. 1929. S. 360)?

Ранее мы многократно обращались к данной теме (Олейников, 2011a; 2011b; 2001c; 2011d; 2013a; 2013b; 2014), а в настоящей статье хотелось бы привести дополнительные данные и подчеркнуть главные выводы.

Временно, в силу отсутствия достоверных (т. е. архивных) данных о потерях частей и соединений войск Германского блока на Русском фронте, уйдем от подробного анализа абсолютных цифр соответствующих категорий (числа убитых, раненых, пленных) в структуре общих потерь. Считаем важным посмотреть именно на общие потери и источниковая база позволяет увидеть их уже сейчас.

Реконструировать в комплексе общую картину потерь армий Германского блока – противников русских войск – позволяют статистические материалы, обработанные французскими военными специалистами, переводной вариант которых опубликован в информационно-аналитическом органе при Военной Академии Красной Армии (Лярше, 1934). Материал отличает не только скрупулезность подхода французских специалистов и широкий охват информации – в их руках после

окончания войны оказались и статистические материалы побежденных – Австро-Венгрии и Германии (рис. 1, 2).

Важнейшие источники – документальные материалы бывших врагов России: германский Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918 и австрийский Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918. Фактически это данные, так сказать, «из первых рук», а информация носит официальный характер. Но данные этих материалов все же фрагментарны – освещая потери австрийских и германских войск применительно к тем или иным боевым операциям и (или) периодам (рис. 3, 4, 5, 6).

Попробуем взглянуть на общий урон армий всех держав Германского блока, сражавшихся в 1914–1917 гг. на Русском фронте.

В кампании 1914 г. общие потери германских войск определены в 223 тыс. человек, австровенгерских войск – в 723 тыс. человек и турецких войск – в 90 тыс. человек. Всего, таким образом, 1 млн 36 тыс. человек. В этом солидарны и подполковник Ляршe (Ляршe, 1934. С. 125, 127, 129) и советский специалист В.А. Емец (Емец, 1965. С. 83).

Охарактеризуем самые важные в структуре германских потерь (костяк германских сил в кам-

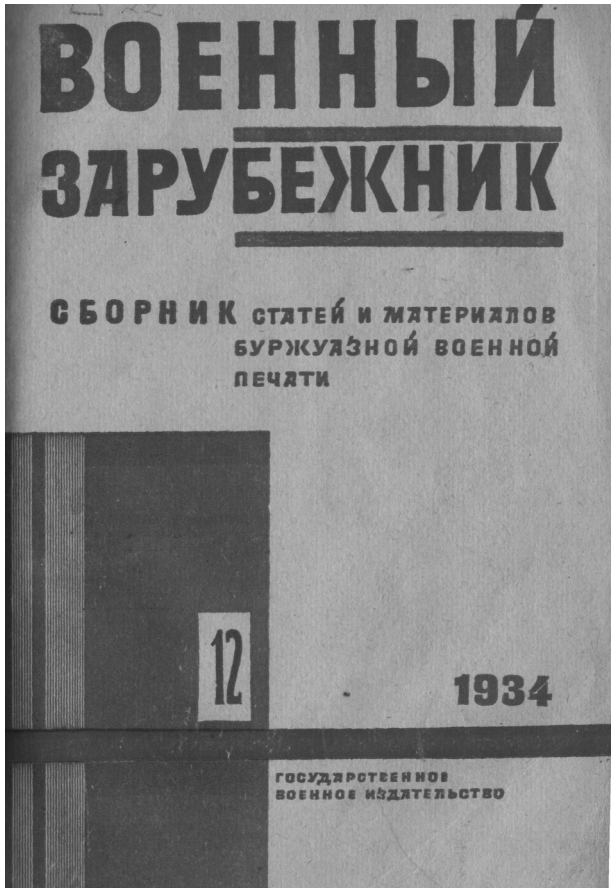
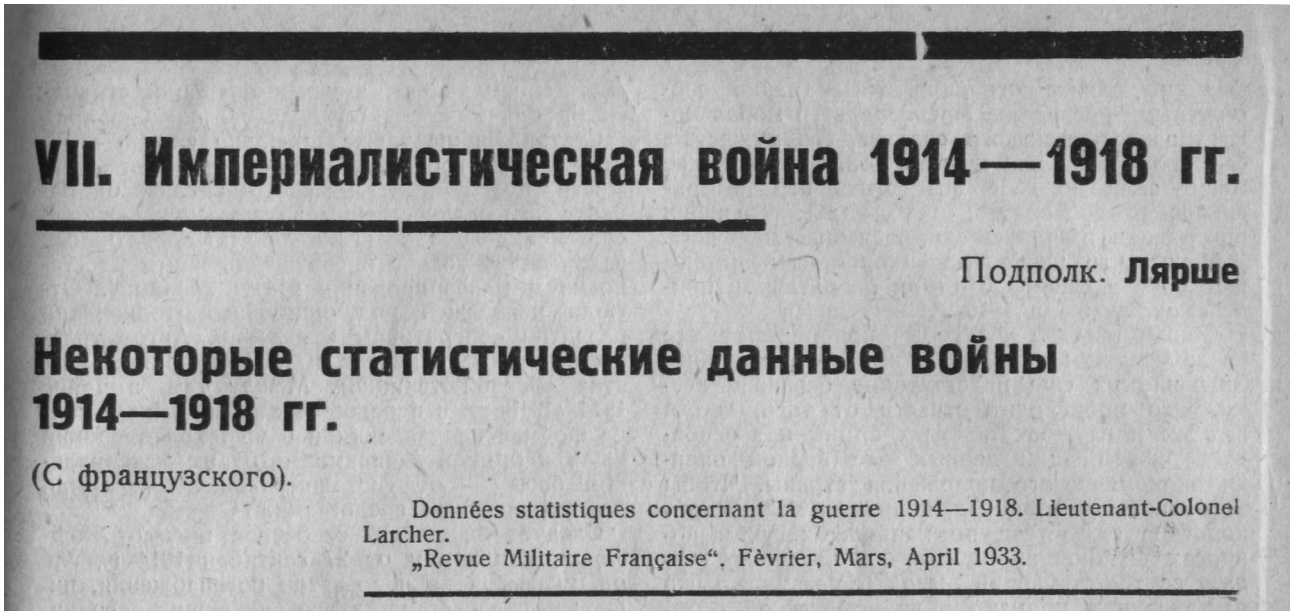


Рис. 1. Военный зарубежник и заголовок материалов подполковника Ляршe
Fig. 1. Military foreigner and headline of materials of the Lieutenant Colonel Larshe


VII. Империалистическая война 1914—1918 гг.

Подполк. **Ляршe**

Некоторые статистические данные войны 1914—1918 гг.

(С французского).

Données statistiques concernant la guerre 1914—1918. Lieutenant-Colonel Larcher.
„Revue Militaire Française". Fèvrier, Mars, April 1933.

Рис. 2. Военный зарубежник и заголовок материалов подполковника Ляршe
Fig. 2. Military overseas and headline of materials of the Lieutenant Colonel Larshe

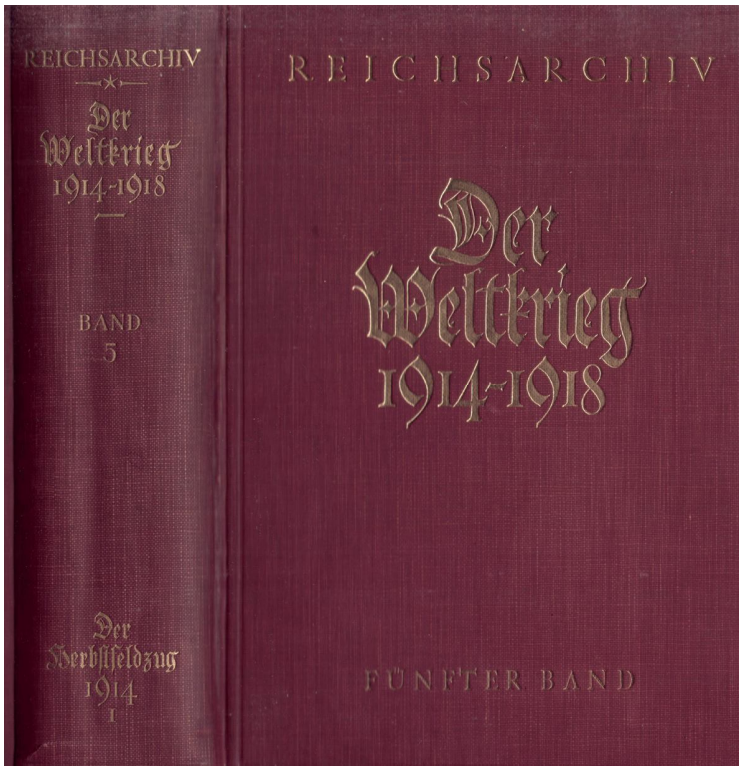


Рис. 3. Обложка 5 тома Рейхсархива, Берлин, 1929 г.
Fig. 3. Cover of the 5th volume of the Reichsarchive, Berlin, 1929

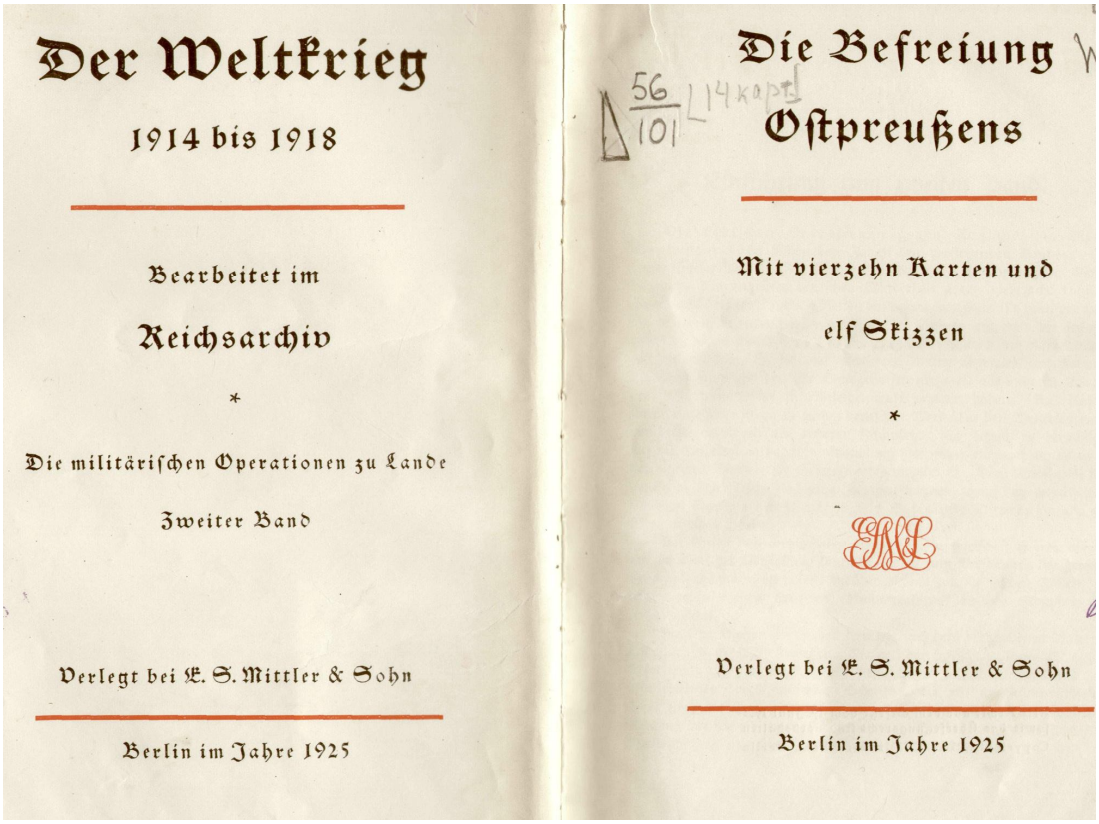


Рис. 4. Разворот 2 тома Рейхсархива, Берлин, 1925 г.
Fig. 4. Opening of the 2nd volume of the Reichsarchive, Berlin, 1925

Рис. 5. Обложка 1 тома Кригсархива, Вена, 1931 г.
Fig. 5. Cover of the 1st volume of the Kriegsarkhive, Vienna, 1931

Рис. 6. Разворот 1 тома Кригсархива, Вена, 1931 г.
Fig. 6. Opening of the 1st volume of the Kriegsarkhive, Vienna, 1931

пании 1914 г. на Русском фронте – 8-я и 9-я армии и Силезский ландверный корпус) периоды – как их увидел германский источник.

8-я армия – ветеран борьбы в Восточной Пруссии и боев на территории Сувалкской губернии. Оперативное объединение действовало в Восточно-Прусской операции, Первом сражении у Мазурских озер и Первой Августовской операции в августе – сентябре 1914 г., обороняло регион во время Второго похода в Восточную Пруссию войск русского Северо-Западного фронта в октябре – ноябре 1914 г. В августе (к началу сентября) 1914 г. армия потеряла 37 тыс. человек (Reichsarchiv, Band 2. 1925. S. 317, 346).

В сентябре – 1-й половине октября армия потеряла еще до 20 тыс. человек (Reichsarchiv, Band 5. 1929. S. 548).

Германский источник оставил за скобкой потери 8-й армии за достаточно долгий период времени – вторую половину октября – декабрь 1914 г. (рис. 7).

Значительно более крупными были потери 9-й армии – ветерана битвы в Польше: участницы Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций, сражения на Бзуре.

Общие потери оперативного объединения в октябре 1914 г. – 15 тыс. человек (Reichsarchiv, Band 5. 1929. S. 500).

За 7 недель ноября – декабря 1914 г. армия потеряла 100 тыс. солдат и офицеров (в т. ч. 36 тыс. убитых) (Reichsarchiv, Band 6. 1929. S. 360). Это самые тяжелые германские потери в кампании 1914 г. на Русском фронте и одна из крупнейших потерь германской армии в Первой мировой войне (рис. 8).

Нес крупные потери и 2-дивизионный Силезский ландверный корпус.

Самые тяжелые потери в 1914 г. корпус понес в период взаимодействия с австрийцами во время Галицийской битвы – за 2 дня боев у Тарнавки они составили 100 офицеров и 8 тыс. солдат (в т. ч. до 7 тыс. в 4-й ландверной дивизии – соединение фактически было уничтожено) (Reichsarchiv, Band 2. 1925. S. 334).

Рис. 7. Утром после ночного боя. Трупы германцев. Восточная Пруссия. Осень 1914 г. В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце (на Восточно-прусском фронте). Пг., 1915
Fig. 7. In the morning after a night fight. The corpses of the Germans. East Prussia. Autumn 1914. V.V. Muizhel. With iron in hand, with a cross in the heart (on the East Prussian front). Pg., 1915

Рис. 8. Пленные германцы в Польше. Великая война в образах и картинах. Вып. 6. М., 1915
Fig. 8. Captured Germans in Poland. The great war in the images and paintings. Issue 6. M., 1915

Самыми тяжелыми потерями австро-венгров был, разумеется, урон в Галицийской битве – 322 тыс. человек потеряли 4 армии, прошедшие сквозь горнило этой, одной из важнейших операций мировой войны (наиболее крупные потери – до 109 тыс. человек – понесла 3-я армия, 1-я и 4-я армии потеряли по 90 тыс. человек, а 2-я армия, которая перебрасывалась по частям с Балканского фронта и вступила в Галицийскую битву лишь на ее втором этапе – потеряла около 33 тыс. человек). Сократившись на 45 %, австрийская группировка в Галиции включала лишь около 400 тыс. человек (125, 100, 70 и 100 тыс. человек для 1-й, 2-й, 3-й и 4-й армий соответственно) (Conrad von Hötzendorf, Band IV, 1923. S. 805, 903).

Командующий 4-й австро-венгерской армией генерал-полковник М. Ауффенберг, отмечая тяжелые потери австро-венгров, также писал об утрате половины личного состава (Auffenberg-Komarow, 1920. S. 284).

Очень тяжелыми были австро-венгерские потери в Варшавско-Ивангородской операции 15.09. – 26.10. 1914 г. – особенно 1-й армии. Уже к 14 октября их исчисляли примерно в 50 тыс. человек (Reichsarchiv, Band 5. 1929. S. 484).

Лишь за первую неделю ноября 1914 г. австро-венгерские потери составили до 80 тыс. человек (Reichsarchiv, Band 6. 1929. S. 248). Таким образом, австрийцы платили за свое участие на 1-м этапе Ченстохово-Краковской операции.

Несли тяжелые потери австро-венгерские войска в Лодзинской операции, боях в предгорьях Карпат, в ходе своего лимановского контрудара.

Основная масса турок выбыла из строя во время Сарыкамышской операции. Известно, что весной 1915 г. лишь в окрестностях г. Сарыкамыш похоронили 28 тыс. турок.

Интересно, что если в первой кампании Первой мировой войны русским войскам удалось вывести из строя 223 тыс. немцев, 723 тыс. австрийцев и 90 тыс. турок, то союзники России вывели из строя 757 тыс. немцев (Западный или Французский фронт) и 226 тыс. австрийцев (Балканский или Сербский фронт) (Ляршe, 1934. С. 125, 127). Большинство германцев (до 700 тыс. человек) на Французском фронте выбыли из строя в период август – ноябрь – в ходе Приграничного сражения, Битвы на Марне, Бега к морю (Первое сражение в Артуа и битва на Изере) и в Первом Сражении у Ипра (Мировая война в цифрах, 1934. С. 23). На Балканском фронте австрийцы были выведены из строя сербской и черногорской армиями.

Таким образом, в кампании 1914 г. русская армия вывела из строя свыше миллиона (1 млн 36 тыс.) вражеских военнослужащих, тогда как ее союзники – до миллиона (983 тыс.). Причем русская армия не только нанесла Центральному блоку более тяжкие потери, чем в совокупности он понес на других фронтах. Эти 223 тыс. немцев и 723 тыс. австрийцев количественно составили первоначальный состав армий, развернутых к началу кампании 1914 г. на Русском фронте – германской 8-й армии (с первоначальным составом 210 тыс. человек) и 4 австро-венгерских армий в Галиции. То есть противник потерял всю свою группировку, развернутую на Русском фронте в начале войны.

Одним из устоявшихся штампов кампании 1915 г. был следующий: русская армия позорно и постоянно отступает, а одерживающие вереницу побед австро-германцы наступают – пока человеческие возможности и коммуникационные проблемы не кладут предел продвижению (Вест, 2005. С. 85).

Но именно уровень потерь австро-германцев на Русском фронте в ходе этой кампании убедительно опровергает данное клише – 1915 год стал для них наиболее кровавым за войну. Учитывая, что на Французском фронте значительный отрезок 1915 года наблюдалось относительное затишье, этот результат был достигнут за счет Русского фронта.

Германский фронтовой офицер В. Бекман, проанализировав боевые потери ряда пехотных полков Германии (из числа перебрасывавшихся реже других или совсем не перебрасывавшихся) на обоих главных фронтах, отмечал более значительный уровень германских потерь именно для полков на Русском фронте.

Так, если, например, 24-й пехотный полк (Французский фронт) потерял в ходе войны 2825

человек убитыми, то 1-й гренадерский полк (Русский фронт) – 5479 человек убитыми; 92-й пехотный полк (один из самых пострадавших полков на Французском фронте) – 4750 человек убитыми, а 41-й пехотный полк (Русский фронт) – 6815 человек убитыми (Бекман, 1939. С. 35) и т. д.

Воевавший в Галиции германский 91-й пехотный полк только в период май – сентябрь 1915 г. полностью сменил состав, потеряв около 4500 человек, а германская 48-я резервная дивизия Южной германской армии в период август – октябрь 1915 г. теряет 70 офицеров и 4712 нижних чинов (в т. ч. 3100 человек – без вести пропавшие) (Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions, 1919. P. 296, 480). Один из полков последней (224-й резервный) несколько раз восстанавливался.

Цифры потерь объединений Германского блока (причем лишь в некоторых боевых операциях) также служат яркой иллюстрацией сказанному. Так, во время битв зимой – летом 1915 г. в Восточной Пруссии и Польше большие потери понесли 4 германские армии – 8-я, 9-я, 10-я и 12-я. Наносившая отвлекающий удар у Боржимова и Воли Шидловской (центральный участок польского фронта) 19–23 января 9-я армия понесла тяжелейшие потери – только за 3 дня германцы показали их для 8 ударных дивизий равными 40 тыс. человек (пострадали 1-й, 25-й резервные и 17-й армейские корпуса – особенно большие потери понесли 4-я и 36-я пехотные и 1-я и 49-я резервные дивизии) (Reichsarchiv. Band 7. 1931. S. 167).

Во Второй Августовской и Второй Праснышской операциях (январь – март 1915 г.) германские 10-я армия и армейская группа генерала артиллерии М.-К.-В. фон Гальвица (в составе 8-й и 12-й армий) понесли общие потери в 80 тыс. человек, в том числе 13 тыс. человек только в боях в г. Прасныш (Reichsarchiv. Band 7. 1931. S. 257) (рис. 9).

Третья Праснышская операция (30 июня – 5 июля) обошлась германцам (армейская группа Гальвица) более чем в 40 тыс. человек. Рейхсархив показывает общие потери армейской группы – до 10 тыс. человек (только за 1 июля – 2700) (Reichsarchiv. Band 8. 1932. S. 291). Но по подсчетам советского историка Г.К. Королькова немецкие потери в этой операции достигают 25 % от состава группировки М.-К.-В. Гальвица – то есть более 40 тыс. человек (Корольков, 1928. С. 138).

Рис. 9. Германцы, убитые в Восточной Пруссии. Зима 1915. http://www.stahlgewitter.com/
Fig. 9. Germans killed in East Prussia. Winter 1915 http://www.stahlgewitter.com/

Боевые действия в Галиции стоили германцам также очень дорого – и одними из самых тяжелых в кампании стали потери в Горлицкой операции: для германской 11-й армии за немногим более чем 1,5 месяца (19 апреля – 9 июня) – они составили 87 тыс. человек, в т. ч. 12 тыс. убитыми (Reichsarchiv. Band 8. 1932. S. 236).

Южная германская армия только в июне 1915 г. теряет 25 тыс. человек (Reichsarchiv. Band 8. 1932. S. 252).

Операции в Прибалтике привели также к крупным потерям германских войск. Только 12-я армия в июле – августе потеряла около 82 тыс. человек. Относительно спокойный октябрь стоил Неманской армии 15 тыс. человек (Reichsarchiv. Band 8. 1932. S. 509, 546).

Конечно, ключевое значение для потерь австро-германцев в кампании 1915 г. принадлежит Карпатской операции. В ходе последней (январь – март) потери (в разные период их понесли германская Южная, австрийские 3-я, 4-я, 5-я армии, австрийская армейская группа Пфланцер-Балтина и германский Бескидский корпус) составили до 800 тыс. человек (Österreich-Ungarns Letzter Krieg, Band 2, 1931. S. 270). Одна лишь германская 1-я

пехотная дивизия в этот период оставила в Карпатах 10 тыс. человек – полностью сменив состав.

О тяжести потерь австро-германцев в Галиции и на днестровском фронте летом – осенью 1915 г. нам говорят следующие цифры.

В ходе победы русской 11-й армии над Южной германской армией в Журавненском сражении 27 мая – 2 июня в русский плен попали до 18 тыс. австро-германских солдат и офицеров. А во время боев 17–30 августа (Збараж – Серет) русскими было захвачено еще свыше 40 тыс. пленных (Бои в Рижском заливе и на Серете, 1915. С. 10). Наконец, в Луцкой операции (сентябрь 1915 г.) русская 8-я армия пленила до 70 тыс. человек (Свечин, 1918. С. 76–77).

Южная германская армия и германские дивизии армейской группы Э. Бем-Эрмоли лишь 8–18 октября потеряли до 10 тыс. человек (2000 убитых, 4500 раненых и 3200 пропавших без вести) (Reichsarchiv. Band 8. 1932. S. 591).

Всего в кампании 1915 г. на Русском фронте германские войска теряют 1 млн человек (на Французском фронте в этот период – 721 тыс. человек), австро-венгерские войска – 1 млн 252 тыс. человек (на Балканском и Итальянском фронтах в этот период – соответственно 29 и около 182 тыс. человек), турецкие войска – до 100 тыс. человек (Ляршe, 1934. С. 125, 127).

От общих боевых потерь года эти цифры составили: 58 % для германских войск, до 86 % для австрийских войск, до 30 % для турецких войск. Усредненно на Русском фронте Германский блок потерял свыше 67 % людей этой кампании.

То есть в 1915 г. русская армия нанесла войскам противника общие потери в 2 млн 350 тыс. человек – и урон этого года стал самым тяжелым для вражеской коалиции за всю войну. Один из авторов особо подчеркивал, что потеря немцами миллиона человек на Русском фронте свидетельствует о высоком качестве русской армии (Ляршe, 1934. С. 124).

В кампаниях 1916–1917 гг. австро-германские войска также несли на Русском фронте крупные потери. В 1916 г. для немцев – более 400 тыс. человек (на Французском фронте – 983 тыс. человек, до 60 тыс. человек на прочих фронтах) – или до 28 % общих потерь в кампании (Ляршe, 1934. С. 125).

Австро-венгерская армия потеряла в 1916 г. на Русско-румынском фронте до 700 тыс. человек (на Итальянском и Балканском фронтах – соответственно около 293 и 7 тыс. человек) – до 70 % потерь года (Ляршe, 1934. С. 127).

Самые крупные потери австро-германцы понесли, противодействуя наступлению Юго-Западного фронта – лишь пленными около 417 тыс. человек (Стратегический очерк… Ч. 5., 1920. С. 108). Уже на июль австрийцы оценили свои потери цифрой 475 тыс. человек (в т. ч. 226 тыс. пленными) (Wagner, 1993. S. 194).

Германские же войска также понесли серьезные потери и во время Нарочской и Барановичской операций – по 40 тыс. человек в каждой.

На Кавказском фронте в кампании 1916 г. турецкие войска потеряли более 100 тыс. человек (свыше 50 % потерь года). Например, лишь в Эрзерумской и Эрзинджанской операциях русские войска захватили в плен более 20 тыс. и 17 тыс. турок соответственно. Общие потери турок в ходе Огнотской операции – около 60 тыс. человек.

Всего в кампании 1916 г. войска Германского блока потеряли на Русском фронте (без болгарских потерь) более 1 млн 200 тыс. человек – 45 % общих потерь года.

В кампании 1917 г. германцы теряют на Русско-румынском фронте около 350 тыс. человек (при 900 тыс. на других фронтах) – 28 % общих потерь года.

В этой же кампании австро-венгры теряют на Русско-румынском фронте до 150 тыс. человек (316 тыс. на других фронтах) – 32 % общих потерь года.

Например, отражая Июньское наступление Юго-Западного фронта австро-германцы потеряли 82 тыс. человек (вкл. 37 тыс. пленных) (Российский гос. военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 618. Л. 180). Южная германская армия 16–23 июня потеряла свыше 12,5 тыс. человек (5444 немца, 4556 австрийцев, 2526 турок) (Österreich-Ungarns Letzter Krieg, Band 6. 1936. S. 258).

Общие потери войск Германского блока в кампаниях 1914–1917 гг. на Восточном (Русском) фронте составили (в графе, где указаны потери государства – в скобках процент потерь армии данного государства на Русском фронте от общих потерь этой армии на всех ее фронтах в ходе соответствующей кампании; итоговая графа потерь блока на Русском фронте в соответствующей кампании содержит в скобках процент потерь, приходящихся на Русский фронт, от общих потерь блока в данной кампании):

Кампания 1914 – Германия – 223 тыс. (около 23 %); Австро-Венгрия – 723 тыс. (76 %); Турция – 90 тыс. (100 %); всего за кампанию – 1 млн 36 тыс. (51 %).

Кампания 1915 – Германия 1 млн (58 %); Австро-Венгрия – 1 млн 252 тыс. (85,5 %); Турция – около 100 тыс. (30 %); всего за кампанию – 2 млн 350 тыс. (67 %).

Кампания 1916 – Германия 400 тыс. (до 28 %); Австро-Венгрия – до 700 тыс. (до 70 %); Турция – более 100 тыс. (свыше 50 %); всего за кампанию – более 1 млн 200 тыс. (45 %).

Кампания 1917 – Германия до 350 тыс. (28 %); Австро-Венгрия – около 150 тыс. (32 %); Турция – незначительно; всего за кампанию – свыше 500 тыс. (29 %).

Таким образом, к концу 1917 г. общие потери армий держав Германского блока на Русском фронте составили:

германские войска – до 2 млн человек;

австро-венгерские войска – 2 млн 825 тыс. человек;

турецкие войска – 300 тыс. человек.

Всего – более 5 миллионов 100 тысяч человек.

А теперь – для сравнения.

В кампаниях 1914–1917 гг. войска Германского блока на других фронтах потеряли: германцы на Французском фронте – 3 млн 340 тыс. человек; австрийцы на Итальянском и Балканском фронтах – 1 млн 130 тыс. человек; турки на иных (кроме Кавказского) фронтах – до 450 тыс. человек (Ляршe, 1934. С. 125, 127, 129).

Таким образом, все союзники России, взятые вместе, нанесли войскам Германского блока в рассматриваемый период потери в 4 млн 920 тыс. человек – т. е. меньше 5 млн человек (и, соответственно, меньше чем русская армия).

К исходу 1917 г. общие потери войск Германского блока в боях с русской армией составили свыше 50 % от их общих потерь.

Впрочем, учтя факт, что в 1917 г. русская армия находилась на стадии «углубления революции» и сражалась вполсилы, сравним потери войск Германского блока на конец 1916 г. Картина еще более впечатляющая. К концу 1916 г. потери составили: для германских войск на Русском фронте – более 1 млн 600 тыс. человек (на Французском – 2 млн 460 тыс.), для австрийских войск – около 2 млн 700 тыс. человек (на Балканском и Итальянском фронтах – около 730 тыс. человек), для турецких войск – до 300 тыс. человек (столько же на других фронтах). Мы видим, что от общих потерь армий Германского блока к концу 1916 г., составивших 8 млн 90 тыс. человек, – 4 млн 600 тыс. (57 %) выведены из строя русскими войсками.

Сразу тогда понятен смысл слов Г. Блюментрита – что присутствует малоизвестный, но знаменательный факт: «наши потери» на Восточном фронте Первой мировой войны значительно превышали потери, понесенные на Западном фронте (Блюментрит, 1958. С. 73). Так как Г. Блюментрит имеет в виду не только потери германской армии, но всего возглавляемого Германией блока – он абсолютно прав.

Каждый из противников России пострадал достаточно сильно.

К исходу 1917 г. общие потери немецких войск на Русском фронте составили свыше 37 %, австро-венгерских войск – свыше 71 % и турецких войск – 40 % общих потерь этих армий в 1914–1917 гг. К концу 1916 г. соответствующие цифры составили: свыше 39 %, до 79 % и 50 %.

Самым убийственным на Русском фронте для австро-германцев оказался 1915 год (44,5 % всех австро-венгерских и 50 % всех германских потерь на данном фронте), тогда как для турок – 1916 год (до 35 % их общих потерь на данном фронте). Важнейший фронт России – Юго-Западный (для Австро-Венгрии также главный – Русский фронт). В итоге,

Рис. 10. Убитые германцы. Великая война в образах и картинах. Вып. 5. М., 1915
Fig. 10. The killed Germans. The Great War in the images and paintings. Issue 5. M., 1915

потери австро-венгерских войск составили 55 % от общих потерь всего Германского блока на Русском фронте (лишь в кампании 1917 г. по уровню потерь на Русском фронте немцы превзошли австрийцев).

В среднем, за 3,5 года боевых действий Русский фронт наносил армиям Германского блока общие потери – от 29 % (1917 г.) (нижняя планка) до 67 % (1915 г.) (верхняя планка) сравнительно с потерями на других фронтах.

Все знают «Верденскую мясорубку» 1916 г., в которой за год германцы потеряли до полумиллиона солдат. Почему же Русский фронт 1915 года, отнявший лишь у германцев в два раза больше людей, не называют «Русской мясорубкой 1915-го года»? Сопоставимы с верденскими и германские потери на Русском фронте в 1916 году. Это очередное доказательство устоявшихся в военной истории клише, и яркий пример применявшейся во все времена к военным усилиям нашей страны западной политики двойных стандартов (рис. 10).

Библиографический список

Бекман В. Немцы о русской армии. Прага, 1939. 45 с.

Блюментрит Г. и др. Роковые решения. М.: Воениздат, 1958. 318 с.

Бои в Рижском заливе и на Серете. М., 1915. 16 с.

Вест Э. Иллюстрированная история. Первая мировая война. М., 2005. 255 с.

References

Bekman V. 1939. Germans about the Russian Army. Praga. 45 p. (In Russ.)

Blyumentrit G. 1958. Fatal decisions. Moscow: Voenizdat Publ. 318 p. (In Russ.)

1915. Fighting in the Gulf of Riga and Seryet. Moscow. 16 p. (In Russ.)

Vest E. 2005. Illustrated story. World War I. Moscow. 255 p. (In Russ.)

Емец В.А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914–1918 гг. // Исторические записки. Вып. 77. М., 1965. С. 57–84.

Корольков Г.К. Праснышское сражение. Июль 1915 г. Тактическое исследование. М.-Л., 1928. 154 с.

Ляршe (подполковник). Некоторые статистические данные войны 1914–1918 гг. // Военный зарубежник. 1934. № 12. С. 109–133.

Мировая война в цифрах. М., 1934. 127 с.

Олейников А.В. Потери противников в осенних операциях в Польше – Варшавско-Ивангородской 15 сентября – 26 октября и Лодзинской 29 октября – 6 декабря 1914 г. на Русском фронте Первой мировой войны // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2011a. № 51. С. 166–171.

Олейников А.В. Потери русской и германской армий в Восточно-Прусской операции 1914 г. // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2011b. № 52. С. 201–219.

Олейников А.В. В. Бекман: «Летнее преследование 1915 года было для германских частей временем наиболее тяжелых потерь за всю войну». Боевые потери русской, германской и австрийской армий в кампании 1915 г. на Русском фронте Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2011c. № 11. С. 3–7.

Олейников А.В. Боевые потери русской и германской армий в Горлицкой операции 19.04. – 10.06. 1915 г. Первой мировой войны на Русском фронте // Религия, религиозность, философия и гуманитаристика в современном информационном пространстве: национальный и интернациональный аспекты: материалы III Международной научно-практической конференции 27–29 декабря. 2011d. С. 134–137.

Олейников А.В. Исчисление боевых потерь на Русском фронте Первой мировой войны 1914–1917 гг.: Проблемы и противоречия // Русский исторический сборник. М., 2013a. С. 96–115.

Олейников А.В. 1914-й год на Русском фронте: осенние операции в Польше с точки зрения боевых потерь русской, германской и австрийской армий // Российская государственность и освободительные войны: материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. Т. 2. М., 2013b. С. 35–40.

Олейников А.В. Потери неприятельских армий на Русском фронте // Россия в Первой мировой войне. Энциклопедия. М.: РОССПЭН., 2014. Т. 2. С. 805–820.

Emets V.A. 1965. On the role of the Russian Army in the first period of the World War of 1914–1918. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow. Iss. 77. Pp. 57–84. (In Russ.)

Korol'kov G.K. 1928. Prasnysh's battle. July 1915. Tactical research]. Moscow-Leningrad. 154 p. (In Russ.)

Lyarshe (lieutenant colonel). 1934. Some statistics of the War of 1914–1918]. *Voennyi zarubezhnik* [Military foreigner]. No. 12. Pp. 109–133. (In Russ.)

1934. World War in numbers. Moscow. 127 p. (In Russ.)

Oleinikov A.V. 2011a. Losses of opponents in the autumn operations in Poland – Warsaw – Ivangorod, September 15 – October 26, and Lodz, October 29 – December 6, 1914 on the Russian front of the First World War]. *Reitar. Voenno-istoricheskii zhurnal* [Reiter. Military History Journal]. No. 51. Pp. 166–171. (In Russ.)

Oleinikov A.V. 2011b. Losses of the Russian and German Armies in the East Prussian operation of 1914. *Reitar. Voenno-istoricheskii zhurnal* [Reiter. Military History Journal]. No. 52. Pp. 201–219. (In Russ.)

Oleinikov A.V. 2011c. V. Beckman: "The summer pursuit of 1915 was for the German units the time of the most severe losses during the entire war." Combat losses of the Russian, German and Austrian Armies in the campaign of 1915 on the Russian front of the First World War. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal]. No. 11. Pp. 3–7. (In Russ.)

Oleinikov A.V. 2011d. Combat losses of the Russian and German Armies in the Gorlitsky operation 19.04. – 10.06. 1915 of the First World War on the Russian front. *Religiya, religioznost', filosofiya i gumanitaristika v sovremennom informatsionnom prostranstve: natsional'nyi i internatsional'nyi aspekty. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 27–29 dekabrya* [Religion, religiosity, philosophy and humanities in the modern information space: national and international aspects: proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, December, 27–29]. Pp. 134–137. (In Russ.)

Oleinikov A.V. 2013a. Calculation of combat losses on the Russian front of the First World War, 1914–1917: Problems and contradictions. *Russkii istoricheskii sbornik* [Russian Historical collection]. Moscow. C. 96–115. (In Russ.)

Oleinikov A.V. 2013b. 1914 year on the Russian front: autumn operations in Poland in terms of combat losses of the Russian, German and Austrian armies. *Rossiiskaya gosudarstvennost' i osvoboditel'nye voiny: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Russian statehood and liberation wars. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Collection of scientific papers]. Moscow. Vol. 2. Pp. 35–40. (In Russ.)

Oleinikov A.V. 2014. Losses of enemy armies on the Russian front. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine. Entsiklopediya* [Russia in the First World War. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN Publ. Vol. 2. Pp. 805–820. (In Russ.)

Свечин А.А. Общий обзор сухопутных операций // Энциклопедический Словарь Русского Библиографического Института Гранат. Вып. 1 и 2. Т. 46. М., 1918. С. 1–142.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Период с октября 1915 по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. М., 1920. Ч. 5. 124 с.

Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994. 558 с.

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreich-Ungarns Teilnahme am Weltkriege. Berlin und Wien, 1920. 391 s.

Conrad von Hötzendorf (feldmarchal). Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Band I-IV. Bicola Verlag – Wien-Berlin. 1921–1923.

Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914–1918). Chaumont, France. 1919. 748 p.

McRandle J.H., Quirk J. The Blood Test Revisited: A New Look at German Casualty Counts in World War I // The Journal of Military History. Volume 70. Number 3. July 2006. P. 667–703.

Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914 –1918. Band. I–VI. Wien, 1930–1936.

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 2, Band 5, Band 6, Band 7, Band 8. Berlin, 1925–1932.

Wagner A. Der Erste Weltkrieg. Wien, 1993. 420 s.

Сведения об авторе

Олейников Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Истории России,
Астраханский государственный университет,
Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20А,
e-mail: stratig00@mail.ru

Критерии авторства

А.В. Олейников выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Svechin A.A. 1918. General overview of land operations. *Entsiklopedicheskii Slovar' Russkogo Bibliograficheskogo Instituta Granat* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat]. Iss. 1, 2. Vol. 46. Moscow. Pp. 1–142. (In Russ.)

1920. Strategic essay on the war of 1914–1918. The period from October 1915 to September 1916. The positional war and the breakthrough of the Austrians by the South-Western Front. Moscow. Pt. 5. 124 p. (In Russ.)

Urlanis B.Ts. 1994. History of war casualties. War and population of Europe. Loss of armed forces of European countries in the wars of the XVII–XX centuries (historical and statistical research). St. Petersburg. 558 p. (In Russ.)

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreich-Ungarns Teilnahme am Weltkriege. Berlin und Wien, 1920. 391 s.

Conrad von Hötzendorf (feldmarchal). Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Band I-IV. Bicola Verlag – Wien-Berlin. 1921–1923. (In Russ.)

Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914–1918). Chaumont, France. 1919. 748 p.

McRandle J.H., Quirk J. The Blood Test Revisited: A New Look at German Casualty Counts in World War I // The Journal of Military History. Volume 70. Number 3. July 2006. P. 667–703.

Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914 –1918. Band. I–VI. Wien, 1930–1936.

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 2, Band 5, Band 6, Band 7, Band 8. Berlin, 1925–1932.

Wagner A. Der Erste Weltkrieg. Wien, 1993. 420 s.

Information about the author

Aleksey V. Oleinikov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia,
Astrakhan State University,
20A Tatischeva Str., Astrakhan 414056, Russian Federation,
e-mail: stratig00@mail.ru

Attribution criteria

Oleinikov A.V. performed research work, based on the results obtained, made a synthesis, prepared a manuscript for publication, has copyrights to the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-171-185

«Академия… отправилась в Екатеринбург с целью при первом же удобном случае перейти на сторону белых»

Показания бывшего подполковника П.Н. Соколова по делу «Весна». 1931 год

© А.В. Ганин

Институт славяноведения РАН, г. Москва, Россия

Аннотация: Материалы архивно-следственных дел содержат массу ценнейших деталей, которые невозможно обнаружить непосредственно в документации сторон Гражданской войны. Ценнейшим документальным комплексом в этом отношении являются материалы дела Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» 1930–1931 гг. Обусловлено это тем, что по этому делу проходило большое количество бывших офицеров русской армии, участвовавших в Гражданской войне на различных фронтах, в том числе служивших в антибольшевистских армиях. Кроме того, в период проведения этой репрессивной кампании следствие подробно опрашивало фигурантов. Публикуемые показания представляют собой уникальный, хотя и специфический, источник по истории Гражданской войны в России. Публикация показаний бывшего подполковника Павла Николаевича Соколова (1884–1931) по делу «Весна» освещает малоизвестные события истории Гражданской войны на Урале, а также положение бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. П.Н. Соколов в период Гражданской войны дважды оказывался на службе в Красной армии и один раз в рядах белых на Восточном антибольшевистском фронте. Впервые вводимый в научный оборот исторический источник позволяет подкрепить ранее сделанные наблюдения и выводы о настроениях постоянного и переменного состава Военной академии в Гражданскую войну.

Ключевые слова: Гражданская война на Урале, Белое движение, архивно-следственное дело, дело «Весна», репрессии, П.Н. Соколов, ОГПУ, офицер, Красная армия, бывшие белые, допрос, Военная академия

Благодарности: Выражаю благодарность кандидату исторических наук М.А. Ковальчуку за помощь в подготовке публикации.

Информация о статье: Дата поступления 13 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Ганин А.В. «Академия… отправилась в Екатеринбург с целью при первом же удобном случае перейти на сторону белых». Показания бывшего подполковника П.Н. Соколова по делу «Весна». 1931 год // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 171–185. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-171-185

“The academy... went to Ekaterinburg with a purpose to transcend to the Whites at the first convenient case”

The testimony of the former lieutenant colonel P.N. Sokolov on the case “Spring”. 1931

© Andrei V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract: The materials of archival and investigative cases contain a lot of valuable details that can not be found directly in the documentation of the parties to the Civil War. The most valuable documentary complex in this regard are the materials of the case of the all-Union military officer counter-revolutionary organization “Spring” of 1930–1931. This is due to the fact that this

case took place a large number of former officers of the Russian Army who participated in the Civil War on various fronts, including those who served in the anti-Bolshevik armies. In addition, during this repressive campaign, the investigation interviewed the defendants in detail. The published evidence is a unique albeit specific source on the history of the Civil War in Russia. The publication of the testimony of the former lieutenant colonel Pavel Nikolaevich Sokolov (1884–1931) in the case of "Spring" sheds the light on the little-known events in the history of the Civil War in the Uralsas well as the position of former White officers in Soviet Russia and the Soviet Union in the 1920s. P.N. Sokolov during the Civil War had served twice in the Red Army and once in the ranks of the White Army on the Eastern anti-Bolshevik front. For the first time introduced into scientific circulation a historical source allows to reinforce the previously made observations and conclusions about the attitudes of permanent and variable composition of the Military Academy during the Civil War.

Keywords: the Civil War in the Urals, the White movement, archival investigation case, the case of "Spring", repression, P.N. Sokolov, OGPU, the officer, the Red Army, former Whites, interrogation, Military Academy

Acknowledgements: I express my gratitude to Candidate of Science (History) M.A. Kovalchuk for his help in preparing the publication.

Article info: Received December 13, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Ganin A.V. "The academy... went to Ekaterinburg with a purpose to transcend to the Whites at the first convenient case". The testimony of the former lieutenant colonel P.N. Sokolov on the case "Spring". 1931. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 171–185. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-171-185

На сегодняшний день уже не подлежит никакому сомнению высокая ценность показаний репрессированных в 1930-е гг. как уникального, хотя и специфического, источника по истории Гражданской войны в России. Материалы архивно-следственных дел порой содержат массу ценнейших деталей, которые невозможно обнаружить непосредственно в документации сторон Гражданской войны. В определенной степени эти свидетельства близки к мемуарным (подробнее о специфике этих документов (Публикация документов…, 2008)[1].

Ценнейшим документальным комплексом в этом отношении являются материалы дела Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» 1930–1931 гг., хранящиеся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Обусловлено это тем, что по этому делу проходило большое количество бывших офицеров русской армии, участвовавших в Гражданской войне на различных фронтах. Кроме того, в период проведения этой репрессивной кампании следствие подробно опрашивало фигурантов дела обо всей их жизни, причем, насколько можно судить, мало интересовавшая следователей информация о ранней биографии фигурантов до 1920-х гг. искажениям не подвергалась (подробнее см.)[2] (Тинченко, 2000). Архивно-следственные дела периода «большого террора» 1937–1938 гг., когда репрессивный конвейер заработал на полную мощность и потребовалось максимально упростить и ускорить все следственные процедуры, менее информативны (Илькевич, 2013).

Среди материалов дела «Весна» интересны свидетельства П.Н. Соколова, дополняющие сведения о событиях Гражданской войны и последующем положении бывших офицеров в Советской

[1] Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.) : методическое пособие. М., 2008.
Publication of documents of investigative and court cases of a political nature (1920–1950): a methodological guide. M., 2008.

[2] Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18)-2 (19).
Case of the All-Union Military-Official Counter-Revolutionary Organization (case "Spring", 1930-1931) under the documents of the State Archive of the Security Service of Ukraine // From the archives of the VUCHK-GPU-NKVD-KGB (Kiev). 2002. No. 1 (18)-2 (19)

России и СССР важными акцентами и существенными подробностями.

Павел Николаевич Соколов родился 6 сентября 1884 г. в Санкт-Петербурге в семье отставного генерал-майора, происходил из потомственных дворян Московской губернии. Окончил кадетский корпус (1901), Константиновское артиллерийское училище (1904), ускоренные курсы 3-й очереди Военной академии (1918). На службе с 1901 г. Свободно владел немецким языком. Участвовал в Первой мировой войне. Командовал 2-й батареей 3-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона «А», а также был старшим адъютантом штаба дивизии. В старой армии дослужился до капитана (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 544. Оп. 1. Д. 1620. Л. 193). С 28 февраля по 10 марта 1918 г. командирован в распоряжение начальника управления артиллерии Ставки военрука (бывшего генерала) К.Ф. Зейца.

Гражданская война застала Соколова в академии, что, в какой-то степени, предопределило его участие в последующих событиях. Вместе с академией Соколов эвакуировался весной 1918 г. из Петрограда в Екатеринбург. Летом 1918 г. он по распределению попал на фронт, став начальником

Рис. 1. Павел Николаевич Соколов (1884 г.)
Fig. 1. Pavel Nikolaevich Sokolov (1884)

оперативной части штаба Красноуфимской дивизии Красной армии. Через десять дней вместе с другим офицером Соколов перешел на сторону противника.

13 августа в белом Екатеринбурге Соколов написал заявление на имя председателя суда чести академии о недостойном офицера поведении своего однокурсника, слушателя П.А. Федорова, отметив, что тот «неоднократно роняя офицерское достоинство поступками, недопустимыми в офицерской среде, совершенно потерял понятие об офицерской доблести и не может служить ни примером, ни, тем более, руководителем исстрадавшегося офицерства, от достоинства которого всецело зависит мощь будущей армии» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1627. Л. 1; Ганин, 2014. С. 625–626). В заявлении Соколов поделился и личными впечатлениями в связи с недавним распределением по советским штабам: «При командировании офицеров-слушателей в штабы красных, где они во имя спасения академии жертвовали своей жизнью (кап[итан] Кондаков, убитый на уфалейском направлении) в это же время кап[итан] Федоров был личным адъютантом какого-то проходимца Анучина! Каким же это образом? Не по жребию же?» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1627. Л. 2–2 об.). Речь шла о военном комиссаре Уральского военного округа, бывшем подпоручике, большевике С.А. Анучине.

Данные о службе Соколова в антибольшевистских силах Востока России отрывочны. Известно, что в Екатеринбурге, по данным на 8 августа 1918 г., он исполнял обязанности дежурного генерала по формированию народной армии (Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3040 (3657). Лист не нумерован (Л. 41)). По имеющимся сведениям, 20 августа 1918 г. Соколов получил назначение в следственную комиссию Екатеринбурга, а на следующий день – в штаб Степного корпуса (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 286, 287 об.; Ганин, 2014. С. 249). В документах указан без инициалов в чине подполковника. По всей видимости, этот чин Соколов получил уже летом 1918 г. В старшем классе 3-й очереди ускоренных курсов академии учились трое Соколовых: капитаны Андрей Иванович (гвар-

дейский стрелок), Николай Васильевич (финляндский стрелок) и Павел Николаевич (артиллерист). Подполковниками стали только двое последних, причем Н.В. Соколов на февраль 1919 г. еще находился в чине капитана. По всей видимости, уже тогда Соколов был произведен в подполковники со старшинством с 19 июля 1917 г. (Ганин., 2009. С. 574).

Служил в штабе V Приамурского армейского корпуса. С 19 февраля по 6 мая 1919 г. временно исполнял должность начальника штаба 7-й Уральской горных стрелков дивизии. Командовал дивизией генерал-майор С.М. Торейкин. Дивизия была сформирована белыми после занятия Екатеринбурга летом 1918 г., участвовала в весеннем наступлении колчаковских войск в 1919 г., дошла до района к западу от Бугуруслана, после чего была вынуждена отступить за реку Белая. В ноябре 1919 г. Соколов был причислен к Генеральному штабу и переведен в него.

Попал в плен к красным, содержался в лагере военнопленных при Канском уездном военном комиссариате (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 303 об.). С 3 апреля 1920 г., по официальной формулировке, «добровольно» (насколько может быть добровольным переход из лагеря военнопленных на службу) поступил в Красную армию на должность для поручений при Енисейском губернском военном руководителе. С 7 мая 1920 г. служил начальником мобилизационно-оперативного отдела штаба, а с 1 ноября 1920 г. – помощником начальника штаба Восточно-Сибирского военного округа.

Начальник штаба Восточно-Сибирского военного округа бывший подполковник А.Х. Андерсон (однокашник Соколова по ускоренным курсам академии) в приказе по штабу округа № 103 от 24 октября 1920 г. писал: «Приступая во исполнение приказа Р[ев]в[оен]с[овета] р[еспублики] № 1952365 к реорганизации, считаю долгом отметить те условия, в которых начал работу штаб округа.

Еще полгода тому назад в необорудованных вагонах за неимением помещений, без всяких технических средств и пособий, с группой сотрудников, приехавших из Москвы для формирования окр[ужного] военкомата, штаб начал свое формирование 1-го мая, немедленно приступив к текущей работе самого разнообразного характера. Объединение деятельности подведомственных учреждений, руководящие указания к предстоящему призыву и мобилизация молодых 1901 г., учет лошадей, принудительные закупки, формирование новых частей и трудовая мобилизация пленных империалистической войны легли на шта[б] окр[уга] как бы непосильным бременем. В результате штаб, если и получал иногда справедливые упреки за недостаточную организованность и некоторую медлительность в ответах в высшие штабы, что вызывалось целым рядом причин, не всегда зависящих от штаба, тем не менее, все крупные задания центра, штасиба [Штаб помощника главкома по Сибири] и окровенкома [Окружного военного комиссариата] были выполнены.

С большим удовольствием отмечаю прекрасное и добросовестное отношение к службе всех сотрудников штаба округа, понимавших ту великую ответственность, которая лежала на нас. Некоторые из сотрудников из числа служивших в армии Колчака не смогли сразу взять правильный курс работы, будучи излишне осторожны, но в ближайшее же время проявили большую серьезность и добросовестность в работе и огромное желание принести пользу республике, дабы искупить свои старые ошибки службы в армии врагов.

От лица службы приношу благодарность моему помощнику Павлу Николаевичу Соколову, начальнику мобилизационно-оперативного отдела Савченко и комиссару Чечурину, начальнику строевого отдела тов. Отрыганьеву и комиссару тов. Пушкареву, начальнику административно-хозяйственного отдела тов. Суморокому и комиссару тов. Эйдеман, проявившим примерную исполнительность, всем сотрудникам и красноармейцам штаба округа за прекрасное исполнение своего долга» (РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 164–164 об.).

С декабря (по другим данным, с 22 ноября) 1920 г. Соколов занимал должность начальника строевого отдела штаба 5-й армии, а затем пере-

шел на преподавательскую работу. С 12 января 1921 г. он служил преподавателем, а с 9 марта – заведующим учебной частью 6-х пехотных Иркутских курсов, с 7 мая занимал пост заведующего учебной частью 9-х пехотных Иркутских курсов. 1 августа 1922 г. Соколов стал начальником учебного отдела, а в сентябре – заместителем начальника управления военно-учебных заведений Сибирского военного округа. В октябре того же года он уже инспектор главной инспекции военно-учебных заведений Сибирского военного округа. В начале 1923 г. военспец перевелся в Москву, став с 18 января преподавателем 2-й Московской пехотной школы им. М.Ю. Ашенбреннера. На новом месте он прослужил до осени 1925 г.

С 10 сентября 1925 г. Соколов служил преподавателем, с 1 октября 1926 г. – временно исполняющим должность руководителя, затем с 11 декабря 1926 г. – временно исполняющим должность начальника учебной части и, наконец, со 2 февраля 1927 г. – исполняющим должность руководителя Московской артиллерийской школы (Коллекция учетно-послужных карт РГВА).

На октябрь 1917 г. Соколов был женат на вдове штабс-капитана Анне-Каролине Марцевне Маслаковец, имел сына Николая, родившегося 8 ноября 1909 г. В документах, составленных при аресте в 1931 г., указана другая супруга – Ганания Александровна Ромашова (ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3040 (3657). Л. 7), работавшая машинисткой.

В артиллерийской школе Соколов преподавал военные дисциплины до ареста 17 января 1931 г. по делу «Весна». Арестован военспец был у себя на квартире (Там же. Л. 1). Содержался в Бутырской тюрьме. Соколова обвиняли в членстве в контрреволюционной организации бывших офицеров, ставившей целью свержение Советской власти, а также во вредительстве посредством завышения оценок слушателям (Там же. Л. 30). Соколов признал себя виновным и, в свою очередь, дал показания на целый ряд других военспецов. Никаких доказательств, подтверждавших вину Соколова, дело, разумеется, не содержало.

Позднее он отказался от своих показаний, поскольку на предварительном следствии подвергался незаконным методам дознания и был вынужден оговорить себя. Однако эти дополнительные показания Соколова к делу не были приобщены и хранились в архиве. Тройка при полномочном представительстве ОГПУ по Московской области 9 мая 1931 г. приговорила его к расстрелу, решение было подтверждено постановлением коллегии ОГПУ от 30 мая 1931 г., после чего 4 июня 1931 г. Соколова расстреляли. Похоронен он на Ваганьковском кладбище[3]. 15 ноября 1960 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР Соколов реабилитирован за отсутствием состава преступления. Старшего брата Соколова, Василия, бывшего полковника, расстреляли несколько ранее, 9 апреля 1931 г. Он также похоронен на Ваганьковском кладбище[4].

Публикуемое «дополнительное показание» Соколова от 24 января 1931 г. касается событий 1917 г. и Гражданской войны, в которых фигуранту дела довелось принимать участие. Насколько можно судить, эти свидетельства соответствуют ходу событий и вполне достоверны. Тем более, что сам Соколов достаточно объективно характеризует свое поведение в Гражданскую войну.

Основная часть показаний Соколова относится к событиям Гражданской войны на Урале и, прежде всего, касается судьбы Военной академии. Обстоятельства перехода академии от красных к белым, в целом, подробно реконструированы (Ганин, 2014; Иностранцев, 2017). Кратко суть произошедшего следующая. После октябрьского переворота в Петрограде Военная академия, как и другие столичные военно-учебные заведения, оказалась под контролем новой власти вместе с преподавателями, слушателями ускоренных курсов военного времени, служителями, а также со всей материально-технической базой. Учебный процесс на ускоренных курсах 2-й очереди продолжался своим чередом и после 25 октября 1917 г.

[3] Расстрельные списки. М., 1995. Вып. 2. Ваганьковское кладбище 1926–1936. С. 159.
Shooting lists. M., 1995. Issue 2. Vagankovo cemetery 1926–1936. P. 159.
[4] Там же. С. 140, 142.

Понимание того, что академия теперь служит новой власти, пришло к руководству этого военно-учебного заведения не сразу, а после проведения в жизнь таких непопулярных в глазах офицерства мер, как отмена погон, привлечение преподавателей и администрации академии к мирным переговорам в Брест-Литовске, а также назначения слушателей и преподавателей на службу в Красную армию. Идеологию большевистской партии ни преподаватели, ни слушатели ускоренных курсов – кадровые офицеры, разумеется, не разделяли. Шел процесс замыкания академии в себе, ее автономизации от внешнего мира, тем более, что имелась солидная материальная база, позволявшая определенное обособление.

В связи с угрозой захвата Петрограда немцами академия эвакуировалась весной 1918 г. в Екатеринбург (планы эвакуации разрабатывались с 1917 г.). Однако летом 1918 г. Урал из глубокого тыла превратился в прифронтовой район начавшейся Гражданской войны.

Преподаватели и многие слушатели были настроены антибольшевистски, что нашло свое выражение в постоянном саботаже инициатив новой власти, в нежелании даже контактировать с большевиками. Фактически все контакты с представителями власти осуществлял лично начальник академии, бывший генерал А.И. Андогский, сохранивший свой пост и в советских условиях. Внутри академии существовали группы офицеров, участвовавшие в подпольной антибольшевистской работе. Руководство академии предпринимало попытки установить контакты с лидерами Белого движения и представителями союзников. Кроме того, среди имущества академии в Екатеринбург была привезена небольшая партия оружия, включая разобранные пулеметы. Наиболее сильной была группа бывшего капитана К.Ю. Румши, которая объединяла антибольшевистски настроенных бывших офицеров в академии. С ней были связаны группы слушателей, направленных в советские штабы. Прежде всего, в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта, откуда подпольщики в академии получали информацию, оружие и организационную поддержку. Одним из ее руководителей был слушатель академии начальник разведывательного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, бывший штабс-капитан А.А. Буров, другим руководящим работником являлся соратник Андогского, один из лидеров выпуска курсов 2-й очереди академии бывший капитан А.Л. Симонов, занимавший пост начальника штаба фронта. Несколько слушателей – выходцев из гвардейских частей и выпускников Пажеского корпуса разрабатывали различные планы помощи содержавшейся в Екатеринбурге семье бывшего императора Николая II. Среди планов был и замысел освобождения Романовых.

С содержавшимися в Екатеринбурге Романовыми оказалась связана судьба упоминаемого в документе офицера – 30-летнего слушателя курсов академии, бывшего полковника лейб-гвардии Волынского полка, кавалера Георгиевского оружия А.Г. Слефогта (Слефохта) 1-го. В годы Первой мировой войны этот офицер лишился ноги. В Екатеринбурге 2 мая 1918 г. он решил навестить и поздравить с Пасхой бывшую императрицу, ухаживавшую за ним в 1915–1916 гг. в царскосельском госпитале № 3 в качестве сестры милосердия. Явившись за пропуском в Уральскую облЧК, Слефогт не только не добился желаемого, а, наоборот, оказался арестован[5] (Семчевский, 1978. С. 6). На допросе в тот же день бывшему офицеру пришлось объяснять цель, с которой он собирался посетить Александру Федоровну Романову, а также пояснять, что переписки с бывшей императрицей он не вел и вести не собирался. Слефогту тогда удалось освободиться. На следующий день после инцидента начальник академии собрал слушателей и выступил перед ними о недопустимости поведения слушателя Слефогта, которое могло создать угрозу существованию академии (Архив Гуверовского института. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3).

[5] Протокол допроса Слефогта см.: Скорбный путь Романовых 1917–1918 гг. Гибель Царской семьи: сб. док. и мат. М., 2001. С. 200.

Protocol of the Slevogt's interrogation see: The mournful way of the Romanovs 1917–1918. The death of the royal family: Collection of documents and materials. M., 2001. P. 200.

Осторожный А.И. Андогский опасался нежелательных для академии последствий небезосновательно. В конце мая 1918 г. Слефогта вновь арестовали как заложника и содержали в тюрьме № 1 вместе с другими заложниками, подробнее см.: (Ганин, 2014. С. 218–219). Ходатайства об освобождении не помогали, Слефогта продолжали держать в заключении на протяжении июня (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 109 об.).

Сохранилось свидетельство современника об этом случае, опубликованное уже после выхода нашей монографии об академии: «Был молодой полковник, кажется Л[ейб-]г[вардии] Литовского полка, раненый на войне, кажется, с деревянной ногой; он был последнее время прикомандирован к Сводному полку в Ц[арском] Селе. Взят он был как слушатель академии Ген[ерального] штаба, заложником от нее. Иначе говоря, если бы по приходе чехов академики стали им помогать, ему грозил расстрел. Это раненому георгиевскому кавалеру. В пути он ухитрился потом прислать в вагон княгине (Елене Петровне Романовой – супруге князя Иоанна Константиновича. – *А.Г.*) записку с заверением, что офицеры – монархисты и что он всей душой скорбит о ее участи. Все хлопоты нач[альника] академии генерала Андогского добиться его оставления в Екатеринбурге ни к чему не привели» (Смирнов, 2016. С. 47).

Академическое начальство из предосторожности самоустранилось от помощи слушателю, а возможно, и не могло ничем помочь. В результате, когда вся академия в июле – августе 1918 г. перешла к противникам большевиков, разделив участь белых армий, Слефогт, несмотря на явные монархические симпатии и антибольшевистские взгляды, остался в Красной армии, где и прослужил всю Гражданскую войну вплоть до 1921 г. Известно, что дожил он в СССР, по крайней мере, до 1936 г., проживал в ссылке в Твери. Дальнейшая его судьба пока неизвестна. Младший брат Слефогта, Иван Густавович, также оказавшийся летом 1918 г. в Екатеринбурге среди слушателей нового набора академии (младший ускоренный курс) (Ганин, 2014. С. 623), по-видимому, брата тогда не оставил. Служил в Красной армии и впоследствии принял участие в Великой Отечественной войне, причем в 1943 г. даже стал генерал-майором войск связи Красной армии. Умер в 1970 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

Из-за военной угрозы Екатеринбургу со стороны восставших чехословаков и белых в июле 1918 г. большевистское руководство добилось эвакуации части академии в Казань, однако сохранить академию красным не удалось. 25 июля Екатеринбург был занят антибольшевистскими силами, Казань красные оставили 7 августа. На сторону антибольшевистских сил практически в полном составе и со всем имуществом перешли обе части академии как в Екатеринбурге, так и в Казани и большинство слушателей, которые пополнили штабы антибольшевистских сил Востока России. С тех пор академия разделила судьбу Восточного антибольшевистского фронта. Переход в антибольшевистский лагерь, в целом, соответствовал настроениям преподавателей и большинства слушателей. Подтверждается это идентичностью произошедшего в Екатеринбурге и Казани. Однако те, кто хотел эвакуироваться из этих пунктов с красными, в основном смогли это сделать. Наиболее активная группа из 37 слушателей академии во главе с К.Ю. Румшей 21 июля выступила походным порядком из Екатеринбурга навстречу чехословакам, 24 июля присоединилась к ним и участвовала во взятии города.

Публикуемый документ позволяет подкрепить ранее сделанные наблюдения и выводы, прежде всего, о настроениях постоянного и переменного состава академии. Интересна и вторая часть показаний, в которой Соколов характеризует положение бывших белых офицеров (в основном, своих однокашников по ускоренным курсам Военной академии) в Советской России и СССР в 1920-е гг. Сведения о знакомых Соколову бывших белых офицерах с указанием обстоятельств их жизни после Гражданской войны представляются (в сопоставлении с другими источниками), в целом, достоверными. Критически следует воспринимать показания только в отношении вопроса о контрреволюционной деятельности тех или иных лиц в 1920-е гг., поскольку в такой информации было заинтересовано следствие, и она могла фальсифи-

цироваться. В публикуемом документе режут слух начинавшаяся отрабатываться стилистика обвинений, «шаблоны» признаний: «завербовал», «пообещал завербовать», «организовать офицерство» и т. д.

Документ публикуется по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнительное показание Соколова Павла Николаевича от 24го января 1931 года[6]

Февральская революция 1917 года застала меня на фронте в районе гор[ода] Тарнополя в 5й тяжелой батарее, коей я в то время командовал, имея чин капитана, вернее подполковника.

К Февральской революции, я отнесся растерянно, т. е. сначала не понял ее, а потом примирился.

В средних числах апреля месяца 1917 г. я был откомандирован командиром арт[иллерийского] дивизиона в Царское село для формирования тяжелой артиллерии и по прибытии вступил в командование второй тяжелой батареей. Там же вскорости был избран солдатами председателем дивизионного суда и вступил в командование 3м отдельным артдивизионом. На этой должности я пробыл до августа месяца 1917 г., и затем сдал дивизион, выехал в Ленинград[7] и поступил в военную академию на младший курс. В академии меня застала Октябрьская революция, к которой я и вообще вся академия отнеслась враждебно. Возглавлял в то время академию генерал-майор Андогский[8], с внешней стороны старался показать себя преданным большевикам, на самом деле имел тенденцию придвинуть академию поближе к белым с тем, чтобы в первый же удобный момент перейти на их сторону и повести активную борьбу против Сов[етской] власти. С его ведома группа украинцев-самостийников вскорости после октябрьского переворота выехала на Украину к Скоропадскому[9]. Им же был командирован на Дон полковник – барон[10], который обратно в Ленинград[11] не вернулся, но прислал извещения, насколько мне помнится о том, чтобы академия следовала на юг. Помню, что после этого состоялось нелегальное совещание в здании академии, на котором было принято решение ехать в Екатеринбург. Совещание проводилось генералом Андогским. Лично я на этом совещании не присутствовал, и знаю об этом от своих товарищей по академии, в частности от капитана Симонова[12] и полковника Слефохт[13], ныне проживающего в гор[оде] Твери, брат его тоже по фамилии Слефохт служит где-то в Красной армии[14]. С ним я встречался в Москве в июле месяце 1930 года, во 2м доме РВСР[15]. Братьев Слефохт я знаю с 1917–18 года по академии, оба они служили в армии Колчака[16].

Спустя примерно месяца полтора после нелегального совещания, точно не помню, но, кажется, в марте месяце уже 1918 г. академия погрузилась в

[6] Резолюция синим карандашом: Полетаеву. Объединить [слово неразборчиво] с Волковым. 27.I. [подпись неразборчива].

[7] Правильно – Петроград.

[8] Андогский Александр Иванович (1876–1931) – генерал-майор, начальник Военной академии.

[9] Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – гетман Украины (1918).

[10] В документе фамилия пропущена. Речь идет о командировке в ноябре 1917 г. от конференции академии в Кубанскую область и Ставропольскую губернию для выяснения возможности эвакуации туда академии полковника Р.К. Дрейлинга, связавшегося с генералом М.В. Алексеевым, атаманами А.М. Калединым и А.П. Филимоновым (подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии. С. 157).

[11] Правильно – Петроград.

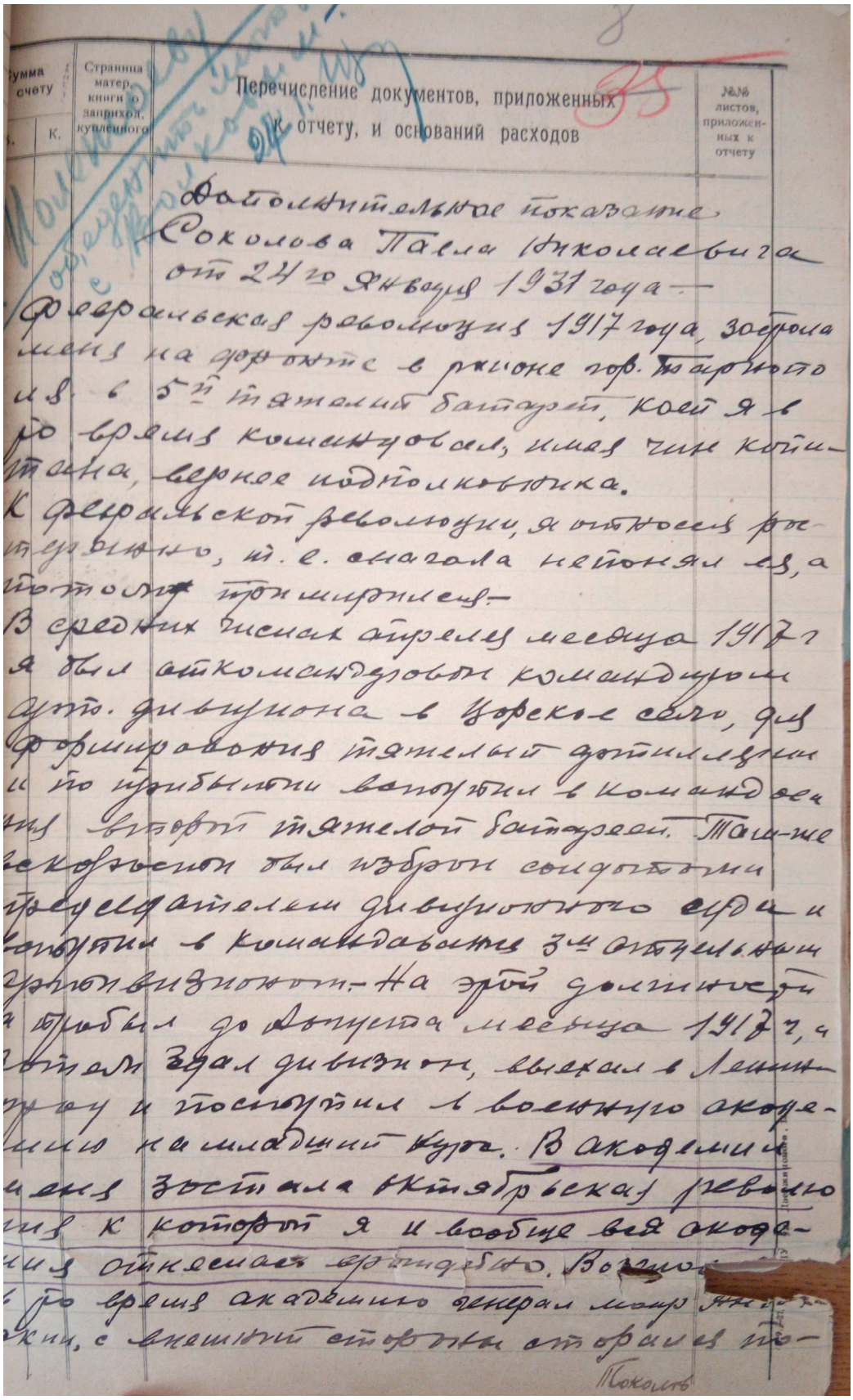
[12] Симонов Андрей Леонидович (1887–?) – капитан (позднее – подполковник), один из лидеров выпуска ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии (1918).

[13] Слефохт (Слефогт) 1-й Александр Густавович (1888–?) – полковник, слушатель ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии (1918).

[14] Слефохт (Слефогт) 2-й Иван Густавович (1891–1970) – подпоручик, впоследствии – генерал-майор Красной армии.

[15] Реввоенсовета Республики. Правильно – РВС СССР. 2-й дом РВС СССР – средние торговые ряды на Красной площади.

[16] Эти данные неверны.



Сумма счету | Страница матер. книги о заприход. купленного | Перечисление документов, приложенных к отчету, и оснований расходов | №№ листов, приложенных к отчету

Дополнительное показание
Соколова Павла Николаевича
от 24-го января 1931 года.

Февральская революция 1917 года, застала меня на фронте в районе гор. Тарнополя в 5-й тяжелый батарей, коей я в то время командовал, имея чин капитана, вернее подполковника.
К февральской революции, я относился растерянно, т. е. сначала непонял ея, а потом примирился.
В средних числах апреля месяца 1917 г я был откомандирован командиром арт. дивизиона в Царское село, для формирования тяжелый артиллерии и по прибытии вступил в командования второй тяжелой батареей. Там-же вскорости был избран солдатами председателем дивизионного суда и вступил в командования 3-м отдельным артдивизионом. На этой должности я пробыл до Августа месяца 1917 г, а потом здал дивизион, выехал в Ленинград и поступил в военную академию на младший курс. В академии меня застала Октябрьская революция к которой я и вообще вся академия отнеслась враждебно. Возглавлявшись в то время академию генерал-маор Ян[illegible]кин, с внешней стороны старался по-

Соколов

Рис. 2. Показания П.Н. Соколова (ГАСБУ)
Fig. 2. Indications of P.N. Sokolov (GASBU)

теплушки и отправилась в Екатеринбург с целью при первом же удобном случае перейти на сторону белых. По прибытии в Екатеринбург академия расположилась в здании училища – монастыря[17] – и начались регулярные занятия. В конце мая того же года старший класс академии закончил выпускные экзамены. К этому времени распространился слух о формировании чешских частей, во главе которых стал полковник Войцеховский[18], в районе Челябинска. В начале июля 1918 года я был командирован правителем дел академии полковником Смеловым[19] в распоряжение начальника Красноуфимского отряда Красной армии Угрюмова Н.Н.[20], ныне находящегося в Ленинграде на должности пом[ощника] командующего конвойными войсками[21]. По прибытии туда я был назначен начальником оперативной части штаба Красноуфимской дивизии. В Красноуфимске я пробыл 10 дней, и в связи с тем, что командир дивизии Угрюмов, желая восстановить нарушенную связь со штабом фронта, стоявшим в то время в Екатеринбурге, дал мне предписание выехать на легковой машине в Екатеринбург, одновременно дал мне секретный пакет на имя командующего фронтом тов. Подвойского[22] и требовательные ведомости на получение денег для нужд формировавшейся дивизии. Не желая продолжать службу в рядах Красной армии, я решил перейти на сторону белых, что и сделал, не доезжая Екатеринбурга в районе дер[евни] Гробова. Вместе со мной перешел на сторону белых штабс-капитан Церьковский. Автомобиль был сдан чехам. Я же с Церьковским был направлен на ст. Дружинино в штаб полковника Войцеховского, но так [как] последний, выехал на ст. Кузино, то нас передали в распоряжение командира 12го Оренбургского казачьего полка подполковника Овчинникова[23], который приказал своему адъютанту сотнику Панкову произвести у нас обыск и попросить в теплушку, что он и сделал. Подполковник Овчинников не поверил, что мы добровольно перешли на службу белых и в связи с этим у нас был произведен личный обыск.

Из теплушки в 2 часа ночи мы были направлены на ст. Кузино в распоряжение полковника бел[ой] армии Войцеховского, с которым встретились на следующий день утром в его кабинете – он заранее знал, что мы перешли от красных, и у него на столе лежали требовательные ведомости. Обращаясь к нам, он спросил наши чины и, возмутившись, сказал, как русский подполковник может служить в Красной армии. Обращаясь лично ко мне, он спросил: «У Вас есть старший брат полковник Соколов». Я ответил, что он убит в Империали-

[17] В Екатеринбурге академия разместилась в Епархиальном женском училище.

[18] Войцеховский Сергей Николаевич (1883–1951) – полковник (позднее – генерал-майор), командующий Челябинской (Западной) группой войск Чехословацкого корпуса (1918).

[19] Смелов Иван Иванович (1884–?) – подполковник (позднее – генерал-майор), правитель дел Военной академии.

[20] В литературе имеет место путаница относительно личности Угрюмова. По всей видимости, правильно – Угрюмов Леонтий Яковлевич (1887–1937) – матрос Балтийского флота, командующий Красноуфимским фронтом (1918). См.: (Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА: (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М., 2012. С. 116–118). Встречающиеся в литературе указания на то, что фронтом командовал Г.А. Угрюмов, вероятно, ошибочны (Дубленных В.В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. С. 24, 31, 173, 375; Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург, 2005. С. 8, 53; Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 143, и др.).

[21] Л.Я. Угрюмов в 1926–1927 гг. занимал должность помощника начальника войск конвойной стражи СССР по строевой части.

[22] Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – советский партийный и государственный деятель, один из организаторов Красной армии на Восточном фронте, председатель Высшей военной инспекции.

[23] Овчинников Петр Леонтьевич (1885–1920) – войсковой старшина, командир 4-го Исетско-Ставропольского полка (1918). Впоследствии – командир 12-го Оренбургского казачьего полка. Подробнее см.: (Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 417).

стической войне[24]. После этого Войцеховский заявил: «Мне очень жаль, что брат моего друга служил в Красной армии». Тут же он порвал требовательные ведомости и приказал нам отправиться в гор[од] Челябинск.

По прибытии в Челябинск, мы явились в штаб 1го корпуса[25] к начальнику штаба полковнику Нарышкину[26], который зачислил нас в резерв чинов.

Спустя примерно две недели после этого я один был отправлен в гор[од] Омск в распоряжение главнокомандующего бел[ой] армией. В Омске я пробыл около 3х месяцев в резерве, а затем Колчаком[27] был сформирован специальный штаб, для корпуса атамана Семенова[28], стоявшего в то время в Чите. В штабе Семенова, я занял должность оберквартирмейстера. Это было в конце декабря 1918 года. На этой должности я пробыл около трех недель, и, поскольку атаман Семенов не хотел подчиняться Колчаку, он распорядился весь штаб, в том числе и меня, арестовать и направить обратно в Омск, что и было сделано.

С прибытием обратно в Омск я вскоре получил назначение на должность начальника штаба 7й дивизии, с которой в марте 1919 года выступил из Байков[29] по направлению на Бугуруслан. В этой дивизии я пробыл месяца два, заболел и уехал в Уфу, откуда был отправлен в Челябинск на должность инспектора классов военного училища, где и находился до момента окончательного разгрома армии Колчака. В начале января 1920 года в районе Канска попал в плен к партизанам, причем раздраженные крестьяне повели меня топить в проруби реки Кан, но начальник партизанского отряда не разрешил этого делать, и я был отправлен в гор. Канск в тюрьму, где я просидел около трех недель, а затем был переведен в кон[цен]трационный лагерь, где просидел около месяца, прошел через Особый отдел стр[елковой] дивизии и после был освобожден.

Находясь в Челябинске летом 1918 года, узнал, что академия в полном составе добровольно перешла на сторону белых в Казани и приняла активное участие в борьбе с большевиками.

Находясь в армии Колчака, я встречался там со следующими своими товарищами по академии и после с ними же в Москве:

1) Масягиным[30], служившим в Омске при ставке в чине капитана. Он в то время был начальником наградного отделения, кажется так, но это неточно. В конце 1919 года во время отступления я его видел уже в чине полковника. Где он находится в настоящее время, не знаю. С ним не встречался с конца 1920 года[31].

2) Москаленко Митрофаном Ивановичем[32], служившим в то время начальником Челябинской военной школы. В то время он был в чине полковника. С ним я очень часто встречался, так как служили в одной школе в Челябинске. И после плена красными в Красноярске. Кроме того, я с ним служил в Московской пехотной школе в 1926–1927 годах я с ним был в хороших отношениях. Знаю его как отъявленного монархиста, ненавидящего Сов[етскую] власть. О нем я расскажу более подробно ниже.

[24] По всей видимости, речь идет о В.Н. Соколове, которого С.Н. Войцеховский мог знать по Императорской Николаевской военной академии. Соколов окончил академию в 1911 г., а Войцеховский – в 1912 г. Соколов Василий Николаевич (1882–1931) – полковник, в 1918 г. служил в РККА, в 1919–1920 гг. – в азербайджанской армии, с 1920 г. – вновь в РККА.

[25] Точное название – Уральский армейский корпус.

[26] Нарышкин Алексей Яковлевич – капитан, впоследствии – полковник, вр. и. д. начальника штаба Уральского армейского корпуса (1918).

[27] Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – адмирал, Верховный правитель России.

[28] Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – полковник (позднее – генерал-лейтенант), вр. и. д. атамана Забайкальского казачьего войска, командир V Приамурского армейского корпуса.

[29] Речь идет о селе Байки Бирского уезда Уфимской губернии.

[30] Масягин Николай Осипович (Иосифович) – капитан (впоследствии – полковник), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

[31] Так в документе. Видимо, с конца 1919 г. Н.О. Масягин после Гражданской войны жил в эмиграции.

[32] Москаленко Митрофан Иванович (1877–?) – гвардии капитан (впоследствии – полковник), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

3) Мирошниковым Александром Андреевичем[33], служившим, кажется, в чине капитана. С ним я виделся у белых в конце 1919 года в гор. Омске. В 1923 году встречался с ним в Москве, где он имел свое дело – артель «Трубочист». Где он находится в настоящее время, я не знаю. Последний раз я с ним встречался в 1925 году в Москве на улице.

4) Семеновым Петром Константиновичем[34], служившим у Колчака – подполковником в Омске. С ним я вместе жил в одной гостинице. Связь с ним поддерживал до 1928 года. Вместе с ним в 1928 году летом был на курорте в Кисловодске. В настоящее время он служит преподавателем в Воздушной академии. До 1927 года бывали друг у друга.

5) Волковым Василием Ильичом[35], служившим в ставке Колчака в Омске начальником отделения. Знаю, что в академии он имел чин штабс-капитана, а уже при Колчаке он получил чин подполковника. Изредка встречался с ним еще в Омске, а затем в 1925 году встретился с ним на улице около курсов «Выстрел». Друг у друга не бывали, и с 1925 года я его не видал. В то время, когда он был еще в академии в Ленинграде[36], к Советской власти относился враждебно, что и заставило его вместе с другими своими товарищами по академии перейти добровольно на сторону белых.

6) Каплинским В.В.[37], служившим у Колчака при ставке и был личным адъютантом генерал-майора Андогского. Впоследствии он был начальником штаба кав[алерийской] дивизии колчаковской армии. В то время он был подполковником. Этот чин он получил уже у белых. В академии он был в чине штабс-ротмистра. Изредка встречался с ним в Омске. В 1921 году вместе с ним служил в Иркутске, бывали друг у друга. Находясь в Москве, я с ним поддерживал связь до 1928 года. В то время он служил в химической школе. С ним я находился в хороших отношениях. Знаю его как враждебно настроенного к Советской власти.

7) Сыромятниковым Александром Дмитриевичем[38], служившим у Колчака генерал-квартирмейстером[39] штаба Верховного главнокомандующего. Сам он в то время был в чине полковника. Изредка виделись с ним в ставке в Омске. В 1924 году он служил в [Военной] академии РККА преподавателем тактики артиллерии. Виделся с ним в том же году на улице в Москве. С тех пор я его не видел и не знаю, где он находится, но как будто в Коммунистическом институте преподавателем.

8) Отрыганьевым Владимиром Николаевичем[40], служившим у Колчака при ставке в чине подполковника и занимал должность н[ачальни]ка какого-то отделения. Изредка встречался с ним в Омске. После Гражданской войны встречался с ним в Иркутске и позже в Москве в школе «Выстрел», где он служил начальником учебной части. Последний раз виделся с ним в 1927 году на улице, причем в это [время] он уже служил в погран[ичной] школе ОГПУ преподавателем.

---

[33] Мирошников Александр Андреевич (1893–?) штабс-капитан (впоследствии – полковник), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

[34] Семенов Петр Константинович – ротмистр (впоследствии – подполковник), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

[35] Волков Василий Ильич (1886–?) штабс-капитан (впоследствии – полковник), выпускник ускоренного младшего класса 4-й очереди Военной академии (Томск), участник Белого движения на Востоке России.

[36] Правильно – Петрограде.

[37] Каплинский (Каплинский-Буткевич) Владимир Викторович (1892–1931) – штабс-ротмистр (впоследствии – ротмистр), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

[38] Сыромятников Александр Дмитриевич (1886–1938) – полковник, участник Белого движения на Востоке России. Подробнее см.: Ганин А.В. Тактика полковника А.Д. Сыромятникова: русский офицер на следствии Политцентра и НКВД // Русский сборник. Исследования по истории России. 2018. Т. 25. 1937 год. С. 321–343.

[39] В документе – генералом-квартирмейстером.

[40] Отрыганьев Владимир Николаевич (1888–1930) – капитан, выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

9) Войдаковым Алексеем Андреевичем[41], служившим у Колчака при ставке в чине капитана, а затем вместе со мной в Челябинской военной школе в должности начальника строевой части. С ним я хорошо знаком. Поддерживал с ним связь до 1924 года. В 1921 году он служил преподавателем в школе «Выстрел». Затем демобилизовался и служил в каком-то гражданском учреждении. С 1924 года с ним не встречался.

10) Буровым Александром Андреевичем[42], служившим у Колчака и выполнявшим[43] наиболее сложные поручения Ставки. С ним я встречался в Омске при белых. Виделся с ним в 1924 году в здании Московской арт[иллерийской] школы, где он был по делам службы. С тех пор с ним не встречался.

11) Крестьяновым имя-отчество забыл[44], – служившим у Колчака одно время вместе со мной при штабе Семенова, в качестве для поручений у начальника штаба полковника Сабельникова[45]. После встречался с ним в Омске еще при белых и в 1928 году в Москве, где он служил и сейчас служит в Воздушной академии. За польскую кампанию, находясь в Красной армии, он получил орден Красного Знамени. Виделся я с ним в Чернышевских казармах на военной игре. Больше с ним не встречался.

Больше пока не могу припомнить тех своих товарищей по академии, которые служили у Колчака и с которыми бы я после встречался в Москве.

После разгрома белой армии Колчака все белое офицерство, в том числе и я получили удостоверения с подписью быв[ший] белый, которое являлось постоянным напоминанием своей бесправности, позора, ограничивало место пребывания, пренебрежение со стороны товарищей, не служивших у белых, недоверие, лишения права голоса, постоянная явка в ОГПУ для регистрации. Все это создало моральный гнет на меня и других моих товарищей, сослуживцев по белой армии и невольно всплыла мысль об освобождении от большевистского гнета путем создания контрреволюционной организации. Впервые на эту тему я имел разговор в 1923 году с Москаленко Митрофаном Ивановичем в Москве в помещении пехотной школы. Он вполне разделял мои взгляды, дал согласие принять участие в контрреволюционной организации. Никаких поручений Москаленко я не давал.

Кроме Москаленко я в том же году на эту же тему имел разговор с Мирошниковым, который на мое предложение вступить в контрреволюционную организацию, возглавляемую мною, дал согласие принять активное участие и помочь мне в этой работе. Разговаривал я с ним на эту тему около его конторы «Трубочист», у него на квартире по Газетному п[е]р. в доме № 7. Он также был недоволен сов. властью и стремился к ее низвержению.

В том же году я пытался завербовать в организацию Каплинского. Был у него на квартире по Мертвому п[е]р. в доме № 7. Я рассказал ему, что думаю создать контрреволюционную организацию из быв[ших] офицеров белой армии для борьбы с Советской властью. Выслушав меня, он отнесся вполне сочувственно к моим мероприятиям. На мое же предложение принять активное участие в организации он категорически отказался.

На эту же тему я имел разговор с Волковым в 1924 году на улице около «Выстрела». В разговоре я сначала задал вопрос Волкову, хочет ли он бороться за свои права. На это он ответил, что подумает. После этого я ему рассказал о своем намерении организовать белое офицерство против Сов[етской] власти. Волков сказал, что он подумает, а потом даст ответ.

[41] Войдаков (Войдоков) Алексей Андреевич – штабс-капитан (впоследствии – капитан), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

[42] Буров Александр Андреевич (1893–1931) – штабс-капитан (впоследствии – полковник), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

[43] В документе несогласованно – выполнял.

[44] Крестьянов Георгий Павлович (1894–1938) – штабс-капитан (впоследствии – капитан), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

[45] Сабельников Николай Григорьевич (1886–1919) – подполковник (впоследствии – полковник), выпускник ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии, участник Белого движения на Востоке России.

О создании контрреволюционной организации я говорил также с Отрыганьевым Владимиром Николаевичем. Разговаривал я с ним об том у него же на квартире в здании курсов «Выстрел». Это было осенью в 1924 году. На мое предложение вступить в организацию и бороться с Советской властью, он ответил отказом, заявив, что он на это не пойдет.

Спустя дней пять я с ним вторично говорил на эту же тему у него же на квартире. Он не дал согласия участвовать в организации, однако категорически и не возражал.

О создании контрреволюционной организации я также говорил с Семеновым Петром Константиновичем, служившим как уже мною выше указано, в Воздушной академии. Разговор происходил в 1925 году у него на квартире. Зная его хорошо по белой армии, я, не стесняясь, рассказал ему о создании контрреволюционной организации из быв[ших] белых офицеров. Он внимательно выслушал меня и на мой вопрос, желает ли он принять участие – ответил: «Всегда готов». Когда я ему сказал, что мое предложение несет серьезный характер, он тогда же сказал, что «я тоже не шучу».

Брат мой, Василий Николаевич Соколов, знал, что я являюсь противником советской власти и создаю контрреволюционную организацию из быв[ших] белых офицеров, для борьбы с советской властью. Он говорил мне, что из этого ничего не получится. У брата Василия, я встречался два раза в 1925 году с быв[шим] преподавателем КУВНАСа[45] Трофимовым[46]. С ним я был знаком с 1923 года. Был у него на даче в Серебряном бору. Он быв[ший] офицер в чине ротмистра. Сначала я прощупывал его политические взгляды, подходил осторожно, но когда убедился, что он является таким же противником Сов[етской] власти как и я[47]. После этого я поставил пред ним открыто вопрос о вхождении его в офицерскую организацию. Он выслушал меня и дал полное согласие помогать мне в этом деле. Пообещал завербовать Стасевича[48], имя его не помню точно, но кажется Николай Ефимович, быв[ший] офицер, служащий в то время в Москве в школе связи преподавателем. Он говорил, что Стасевич вполне надежный человек и на него можно положиться. После этого в том же году я лично имел разговор со Стасевичем на заседании преподавателей связи, но он категорически отказался принять участие в организации.

Записано с моих слов все верно, и мне прочитано, в чем и расписуюсь П. Соколов

Все свои показания читал лично, все записано с моих слов верно П. Соколов

Допросил: нач[альник] 2-го отд[ела] [подпись неразборчива]

ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3040 (3657). Л. 8–15. Подлинник. Автограф.

---

[45] КУВНАС – Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава.

[46] Трофимов Вадим Владимирович (1887–1930) – бывший ротмистр (впоследствии – капитан), выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии. Расстрелян 28.10.1930 вместе с В.Е. Стасевичем по приговору Коллегии ОГПУ от 23.10.1930 по обвинению в организации контрреволюционных преступлений. Реабилитирован. Подробнее см.: (Ганин А.В. Дело генштабиста Трофимова // Клио (Санкт-Петербург). 2011. № 9 (60). С. 95–98; Расстрельные списки. М., 1995. Вып. 2. Ваганьковское кладбище 1926–1936. С. 102–103).

[47] Так в документе.

[48] Стасевич Владимир Ефимович (1887–1930) – бывший капитан, выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии. Расстрелян вместе с В.В. Трофимовым по приговору Коллегии ОГПУ от 23.10.1930 по обвинению в организации контрреволюционных преступлений. Реабилитирован.

Библиографический список

Ганин А.В. Дело генштабиста Трофимова // Клио. Санкт-Петербург. 2011. № 9 (60). С. 95–98.

Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 786 с.

Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 1046 с.

References

Ganin A.V. 2011. The case of the General Staffer Trofimov. *Klio* [Clea]. St. Petersburg. No. 9 (60). 95–98. (In Russ.)

Ganin A.V. 2014. Sunset of the Nicholas Military Academy 1914–1922. Moscow: Knizhnitsa Publ. 786 p. (In Russ.)

Ganin A.V. 2009. The corps of officers of the General Staff during the years of the Civil War in Russia, 1917–1922. Moscow: Russkii put' Publ. 1046 p. (In Russ.)

Ганин А.В. Тактика полковника А.Д. Сыромятникова: русский офицер на следствии Политцентра и НКВД // Русский сборник. Исследования по истории России. 2018. Т. 25. 1937 год. С. 321–343.

Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: биографический справочник. М.: Русский путь, 2007. 676 с.

Дубленных В.В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. 396 с.

Илькевич Н.Н. Фальсификация следствия органами госбезопасности в 1937–1938 гг.: Методы и приемы. Документы. Палачи и их жертвы. Смоленск: Край смоленский, 2013. 256 с.

Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина. М., 2017. 928 с.

Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург, 2005. 197 с.

Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.) // Энциклопедия и библиография. Екатеринбург, 2007. Т. 2.

Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести. Сан-Франциско. 1978. Июль – август. № 371 (2672). С. 5–6.

Смирнов С.Н. В плену у цареубийц. Белград: Логос, 2016. 388 с.

Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. 496 с.

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА: (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941 : биографический словарь. М.: Кучково поле, 2012. 495.

Ganin A.V. 2018. Tactics of Colonel A.D. Syromyatnikov: a Russian officer during the investigation of the Political Center and the NKVD. *Russkii sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection. Studies on the history of Russia]. Vol. 25. 1937 year. Pp. 321–343. (In Russ.)

Ganin A.V., Semenov V.G. 2007. Officer corps of the Orenburg Cossack Army 1891–1945. Biographical guide. Moscow: Russkii put' Publ. 676 p. (In Russ.)

Dublennykh V.V. 2002. Armed formations of the Urals during the Civil War. Historical background. Ekaterinburg. 396 p. (In Russ.)

Il'kevich N.N. 2013. Falsification of the investigation by state security services in 1937–1938: Methods and techniques. Documents. Executioners and their victims. Smolensk: Krai smolenskii Publ. 256 p. (In Russ.)

Inostrantsev M.A. 2017. Memories. The end of the Empire, the Revolution and the beginning of Bolshevism. Moscow. 928 p. (In Russ.)

Kruchinin A.M. 2005. The fall of the Red Yekaterinburg. Military history essay on the events in the Middle Urals and in the Trans-Urals from July 13 to August 12, 1918. Ekaterinburg. 197 p. (In Russ.)

Plotnikov I.F. 2007. Civil War in the Urals (1917–1922). *Entsiklopediya i bibliografiya* [Encyclopedia and Bibliography]. Ekaterinburg. Vol. 2. (In Russ.)

Semchevskii K.V. 1978. At the Academy of the General Staff in 1918. *Nashi vesti* [Our news]. San-Frantsisko. July – August. No. 371 (2672). Pp. 5–6. (In Russ.)

Smirnov S.N. 2016. Captive of the regicides. Belgrad: Logos Publ. 388 p. (In Russ.)

Tinchenko Ya.Yu. 2000. Golgotha of the Russian officers in the USSR. 1930–1931. Moscow. 496 p. (In Russ.)

Cherushev N.S., Cherushev Yu.N. 2012. RKKA elite executed: (commanders of the 1st and 2nd ranks, com-corps, divisional commanders and their equal): 1937–1941. Biographical dictionary. Moscow: Kuchkovo pole Publ. 495 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А,
e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Information about the author

Andrei V. Ganin,
Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
32-A Leninskii Ave., Moscow 119991, Russian Federation,
e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Критерии авторства

А.В. Ганин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Ganin A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94:355.42=450(571.5) «1918/1919»
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-186-195

Итальянский гарнизон в Красноярске. Из истории Гражданской войны в Сибири

© В.Г. Дацышен

Сибирский федеральный университет, Красноярский государственный педагогический университет, г. Красноярск, Россия

Аннотация: Статья посвящена мало изученной странице истории Гражданской войны в Сибири – пребыванию итальянских войск в Красноярске в 1918–1919 гг. Отряд итальянских экспедиционных войск был размещен в Красноярске в конце 1918 г. Командующим Итальянскими войсками и представителем Итальянского правительства в Красноярске был полковник барон Фасини-Камисси. Он охранял тюрьму, нес гарнизонную службу в городе, а в мае – июне 1919 г. совместно с чехословацкими и русскими войсками участвовал в боях против красных партизан на территории Красноярского и Канского уездов. В боях итальянский отряд понес потери ранеными и убитыми. Итальянские войска были в числе наиболее дисциплинированных и верных Колчаковскому правительству иностранных контингентов. Пребывание итальянцев в Красноярске стало интересной страницей местной истории. Отдельной страницей истории пребывания итальянцев в Енисейской губернии стали футбольные турниры с участием итальянской команды. Покидая Красноярск, итальянцы передали безвозмездно или продали местному гарнизону свою артиллерию и часть военного и медицинского имущества. Итальянский отряд покинул Енисейскую губернию в августе 1919 г. После ухода итальянских экспедиционных войск в Енисейской губернии осталось некоторое число итальянцев, в том числе военнопленных Первой мировой войны.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, Красноярск, Енисейск, Минусинск, Итальянский экспедиционный корпус, иностранцы в Енисейской губернии, Чехословацкие легионеры, Россини (Фасини), «Итальянские казармы», иностранная военная интервенция, Антанта, красные партизаны

Информация о статье: Дата поступления 14 марта 2019 г.; дата принятия к печати 22 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Дацышен В.Г. Итальянский гарнизон в Красноярске. Из истории Гражданской войны в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 186–195. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-186-195

Italian garrison in Krasnoyarsk. From the history of the Civil War in Siberia

© Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal University; Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to a little studied page of the history of the Civil War in Siberia – the stay of the Italian troops in Krasnoyarsk in 1918–1919. A detachment of Italian expeditionary troops was situated in Krasnoyarsk at the end of 1918. Colonel Baron Fassini-Camissi, the commander of the Italian troops and the representative of the Italian government in Krasnoyarsk, guarded the prison, carried garrison service in the city, and in May – June 1919, together with the Czechoslovak and Russian troops, participated in battles against the Red partisans in Krasnoyarsk and Kansk districts. Some Italian soldiers were injured and killed in these battles. Italian troops were among the most disciplined and loyal to the Kolchak government foreign contingents. The Italians' stay in Krasnoyarsk was an interesting page in local history. Another page in the history of the stay of the Italians in the Yenisei province became football tournaments with the participation of the Italian team. Leaving Krasnoyarsk, the Italians donated or sold their artillery and part of military and medical property to the local garrison. The Italian detachment left the Yenisei province in August 1919. After the departure of the Italian expeditionary forces, a number of Italians remained in the Yenisei province including those persons who were the prisoners of war of the First World War.

Keywords: Civil War in Siberia, Krasnoyarsk, Yeniseisk, Minusinsk, Italian Expeditionary Force, Foreigners in the Yenisei province, Czechoslovak Legion, Fossini (Fasini), "The Italian Barracks", Foreign military intervention, Entente, Red partisans

Article info: Received March 14, 2019; accepted for publication April 22, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Datsyshen V.G. Italian garrison in Krasnoyarsk. From the history of the Civil War in Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 186–195. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-186-195

Одним из самых ярких и противоречивых периодов в истории Енисейской Сибири были годы Гражданской войны. Начавшаяся с борьбы между различными политическими силами в 1917 г. в столице Российской республики, Гражданская война в России, в том числе и на территории Енисейской губернии, продолжалась до 1922 г. В мемуарах участников ярко освещена общая картина событий (Гинс, 1921; Иванов, 1921; Колосов, 1923; Пишон, 1925; Романов, 1994). Она же рассмотрена многочисленными исследователями (Красноярск в трёх революциях, 1974; Гражданская война в Сибири, 1999; Историческая энциклопедия Сибири, 2010[1]; Ганин, 2018). Предметно проанализированы и отдельные ключевые аспекты как ее предыстории (Гергилева, 2007; Кузьменко, 2009; Дударева, 2017), так и самого драматичного периода (Коновалова, 1999; Симонов, 2011; Тарасов, 2011; Шишкин, 2011; Карпухин, 2012; Кокоулин, 2017).

В событиях Гражданской войны особое место занимал административный центр Енисейской губернии – город Красноярск. Чаще всего город на Енисее вспоминают в связи с тем, что именно здесь большевики в Сибири в 1917 г. имели наиболее прочные позиции и победили первыми. Реже отмечается, что большинство членов министров первого состава Сибирского временного правительства были красноярцами. Но и в части иностранной военной интервенции в годы Гражданской войны в России Красноярск представляет особый случай, когда основу иностранного гарнизона составлял итальянский контингент, расположенный в центре губернской столицы и несший гарнизонную службу на протяжении почти года. Не случайно один из лидеров красноярских эсеров в опубликованных сразу после окончания Гражданской войны своих воспоминаниях, в разделе «Что представляли собою чехи», сначала описал итальянцев (Колосов, 1923).

В Красноярске история пребывании итальянцев в годы Гражданской войны мало известна, хотя любители местной истории могут указать на квартал «Итальянские казармы». Красноярские исследователи в своих работах приводят интересные факты, связанные с итальянцами во время Гражданской войны. Например, Е.А. Иванова пишет: «В феврале 1919 г. во Всехсвятской церкви Красноярска состоялось венчание итальянского подданного Джиованни Паиес с томичкой Екатериной Бормотовой… Вышла замуж за итальянского подданного и Мария Токаревич… проживавшая в Красноярске… Позже Мария стала солисткой Миланской оперы» (Иванова, 2012. С. 86).

Вообще же, в силу слабости региональных исторических исследований в Красноярском крае, об итальянских войсках в Сибири писали мало. Если авторы уделяли им внимание, то, по большей части, ограничивались выдержками из работы упоминаемого выше Е.Е. Колосова (Мармышев, Елисеенко, 2008. С. 78).

Итальянцы постоянно проживали и работали на территории Енисейской губернии,в качестве ссыльных или приглашенных на строительство железной дороги уже во второй половине XIX в. В начале XX в. число приехавших на работу итальянцев увеличилось, а во время Первой мировой войны в Красноярске появились и военнопленные итальянцы из Австро-Венгерской армии.

[1] Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А-И. Новосибирск: Наука, 2010. 715 с.
Historical encyclopedia of Siberia. T.I. A-I. Novosibirsk: Nauka, 2010. 715 p.

После подписания Советским правительством Брестского мира с Германией и начала чехословацкого восстания, страны Антанты, включая Италию, направили свои войска и официальных представителей в районы, находившиеся под властью антисоветских правительств, в том числе и в Сибирь. В «Декларации итальянского правительства по поводу выступления в Сибири» от 3 декабря 1918 г. говорилось: «Повинуясь… голосу справедливости и гуманности, Италия послала в Сибирь отряд в 2 батальона своих войск, готовых выступить на защиту чехо-словаков ныне же, совместно с союзниками» (Пишон, 1925. С. 74).

Активное посещение итальянскими представителями и миссиями Сибири фиксируется в 1919 г. В «Летописи города Иркутска» в 1919 г. Н.С. Романов записал: «19. VII. Прибыла итальянская военная миссия, члены которой будут иметь пребывание в различных городах Сибири. Представителем в Иркутске остается поручик Симизи» (Романов, 1994. С. 356). В изданной Представительством ВЧК по Сибири «Сводке материалов из белогвардейских архивов по Сибири», разделе «Иностранные консульства в период Колчаковщины… Переч. по Красноярску», указано: «9 Врем. уполном. Итальянского консульства Цертори…» (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 1. Л. 75).

Если говорить об иностранцах, то в Центральной Сибири значительную помощь местным гарнизонам в борьбе с большевиками из всех стран Антанты оказали лишь одни итальянцы. Активный участник тех событий Е.Е. Колосов писал: «Чехословаки были не единственной иностранной армией в Сибири…. В Сибири за все это время встречались отряды румын, сербов, поляков, латышские отряды, а из европейских государств – итальянцы. Одно время, зимою 1918 г., промелькнули канадцы, но вскоре скрылись. Так же быстро продефилировали и так же быстро исчезли французы…» (Колосов, 1923. С. 148).

Итальянский гарнизон был размещен в Красноярске в конце 1918 г. Нам не удалось установить точное время прибытия итальянцев в Енисейскую губернию. В работе А.В. Мармышева и А.Г. Елисеенко говорится: «Итальянцы прибыли в Красноярск 19–21 ноября…» (Мармышев, Елисеенко, 2008. С. 78). Однако эта информация дана без ссылок на источники, без указания стиля даты, и без каких-либо деталей. Тем не менее итальянцы действительно прибыли в столицу Енисейской губернии в конце ноября – начале декабря 1918 г., что подтверждается выявленным красноярским исследователем В.В. Овчаровым документом из фондов Российского государственного военного архива (РГВА). В приказе по Красноярскому гарнизону от 7 декабря за подписью начальника гарнизона генерал-майора Федоровича и начальника штаба гарнизона подполковника Ясенского говорится: «Считаю своим приятным долгом отметить энергичную деятельность командира Итальянского батальона Савойя капитана Кампотанджелло, всегда готового прийти навстречу в смысле содействия и помощи местным военным властям. Глубоко уверен, что как сам капитан Кампотанджелло, так и офицеры, и отличные солдаты своим симпатичным и лояльным отношением к местным гражданам, в самом непродолжительном времени приобретут общие симпатии и признательность всего населения» (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2348. Л. 89).

Итальянский гарнизон оставался в Красноярске на протяжении зимы, весны и лета 1919 гг. В документах указывается, что «Командующим Итальянскими войсками и представителем Итальянского правительства в Красноярске» был полковник барон Фасини-Камисси (ГАНО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 1. Л. 148). Об «итальянском батальоне» вспоминал проживавший летом 1919 г. В Красноярске венгерский военнопленный Мате Залка, утверждавший: «В Красноярске итальянцев было в большом количестве» (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1427. Л. 3).

В апреле 1919 г. красноярская газета «Свободная Сибирь» познакомила красноярцев с жизнью итальянского гарнизона. В опубликованной под инициалами Н.А. статье «В гостях у итальянцев» говорилось: «Благодаря любезному разрешению Начальника итальянского отряда, полковника Фассини-Камоссии, мне удалось осмотреть итальянский уголок нашего города. Моим путеводите-

лем был итальянский офицер, прекрасно говорящий по русски. Он заехал за мной на мотоцикле, чтобы в один миг домчать до казарм на Плац-парадной площади, где разместились итальянские части» (Свободная Сибирь. 1919. 13 апреля).

Автор статьи так представил красноярцам итальянских солдат: «…здесь были небольшого роста, но гордые жители жаркой Сицилии, борцы острова Сардинии, сыновья Венеции – «королевы» лазурной Адриатики, страстные, сильные духом уроженцы Неаполя, молчаливые, ушедшие в себя жители Альп, смелые артиллеристы Пьемонта, храбрые юноши из Романьи, солдаты промышленных областей Милана… Они любили свою родину и победили там, далеко от нас, в Европе. И теперь, когда их братья, гордые победой, разошлись по своим домам, они здесь, в Сибири, вдали от Италии, чтобы помогать нам, русским, после утомительной и тяжелой войны» (Свободная Сибирь. 1919. 13 апреля).

В статье об итальянцах были представлены такие сюжеты: «На полу стояли велосипеды. Я, конечно, попробовал одну машину на вес – тяжела, но прочна. Шины из сплошной резины. Все велосипеды складные, для того, чтобы в походах можно было навьючить на плечи… Рядом конюха играли в футбол. У гола, сделанного из деревянных шестов, стоял высокий голкипер и в том, как он отражал мячи, был виден настоящий спортсмен. Среди играющих был мальчуган, конечно, русский. Он долго нацеливался, потом ударил мяч сапогом с отставшей подошвой… Глазенки его блестели» (Свободная Сибирь. 1919. 13 апреля). Кроме того, в статье сообщалось, что подарки в Красноярск присылает итальянская колония Шанхая. В итальянских казармах были своя хлебопекарня, свой госпиталь. В числе получаемых итальянскими солдатами в Сибири продуктов были сыр из Италии и мандарины из Китая.

Позднее, в начале 1920-х гг., один из лидеров антибольшевистской борьбы в Красноярске, получивший возможность за свое революционное прошлое несколько лет после Гражданской войны спокойно пожить в Москве, так описал итальянцев: «Из осколков – или, быть может, вернее, из отбросов – больших европейских армий дольше других задержались итальянцы. Они перезимовали в Красноярске, одарили всех местных красавиц шоколадом и очаровали их галантерейным обращением, несмотря на полное незнание русского языка. Один из итальянских офицеров издал даже сборник стихотворений о Красноярске на итальянском языке, очень поверхностный и мало интересный, но типичный для этих приезжих гостей. Итальянцы представляли собою настоящую колониальную армию, со всеми свойственными ей недостатками. К нам их привозили из Китая, и на сибиряков они смотрели, как на китайских «кули»… Ходили до смешного укутанные в меха и зимой не знали, куда девать время от праздности и скуки. Летом скучать им было некогда, но стало для них еще хуже: на «манском» фронте их жестоко побили повстанцы. Среди итальянцев было много спекулянтов, не терявших даром времени. Их полковник был настоящий колониальный бурбон…» (Колосов, 1923. С. 149).

Итальянцы в составе иностранных войск в Сибири считались одними из наиболее благонадежных сторонников Колчаковского правительства. Находившийся в 1919 г. в Военном городке Красноярска венгерский военнопленный, сторонник большевиков, Мате Залка передавал услышанное от венгерских словаков: «что среди сербов, находящихся в Красноярске, очень неуравновешенное настроение, что сербы очень заражены большевистским настроением, что сербов изо дня в день, по всей вероятности, итальянский батальон, который тоже находится в Красноярске, разоружит» (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1427. Л. 3). Даже эсер Е.Е. Колосов, писавший об итальянцах в уничижительном тоне, указывал на преимущества итальянцев перед другими иностранными военными: «Несколько в ином роде были румыны и сербы. В массе они были еще менее культурны, чем итальянцы, и просто грубы, в политическом отношении – не надежны» (Колосов, 1923. С. 149).

Главной задачей итальянских войск в Енисейской Сибири было несение гарнизонной службы в городе Красноярске. Итальянский гарнизон охранял Красноярскую губернскую тюрьму. В воспоми-

наниях бывших заключенных этой тюрьмы говорится: «В дни дикой реакции Колчака и атаманщины я прибыл с этапом из Челябинска в Красноярскую тюрьму... Охрану тюрьмы несли итальянцы. Некоторые из них стояли у ворот тюрьмы и с любопытством рассматривали нас…» (Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 923. Л. 238).

Кроме гарнизонной службы итальянцы принимали активное участие в борьбе с красными партизанами на территории Красноярского и Канского уездов. В конце мая – начале июня 1919 г. совместные силы чехословаков, итальянцев и русских белых войск перешли в наступление против Баджейской республики. Два батальона чехов и рота итальянцев при поддержке артиллерии под командованием полковника Петри наступали в районе села Маганское. Газеты в Енисейской губернии сообщали: «15 мая с целью прекращения непрерывных нападений большевицких банд на поезда с беззащитными пассажирами и насилий и грабежей, чинимых над мирным населением Енисейской и части Иркутской губерний, по повелению верховного главнокомандующего была начата решительная операция против главных сил бунтовщиков. В операции приняли участие русские, чехословацкие и итальянские войска под общим командованием генерала Розанова. Банды красных тщетно пытались воспрепятствовать этому… Русские, чехо-словацкие и итальянские войска действуют выше всяческих похвал при полном воодушевлении. Нападения на поезда и порча ж. д. и телеграфа на участке Красноярск – Канск прекратились» (Минусинский край. 1990. 24 мая).

О боях с итальянцами в мае 1919 г. в верховьях речки Базаихи написал в своих воспоминаниях партизанский командир П.Е. Щетинкин: «…около 13 мая, противник соединенными силами чехов, итальянцев, и других союзников повел наступление на село Верхней Урки в районе Савицкаго. Последний запросил в Армсовета и штаба подкрепление, каковое и было послано ему в количестве одного батальона С. Ачинцев» (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 829. Л. 15); «числа 20, Уланов с несколькими партизанами отправился из Унгута, где мы стояли, в Мокро-Базайское за табаком, который весь вышел. По дороге, не доезжая до Базайского, они увидели колонну бело-итальянцев, идущую в Унгут… Бой начался часов с 11 утра, итальянцы без шинелей, налегке, почти бегом подошли к нашему расположению и здесь были встречены огнем. После 4-х часового боя, я получил от Кравченко распоряжение отойти к реке… Итальянцы не преследовали нас…» (ГАНО.Ф. П-5. Оп. 2. Д. 829. Л. 18).

Другой лидер красных партизан, А.Д. Кравченко, писал об итальянцах следующим образом: «Из иностранной рвани, учувствовавшей в завоевании Степно-Баджейской республики, особенной дикой бессмысленной жестокостью отличались итальянцы. В волостях – Кияйской, Шалинской и Вершино-Рыбинской, налетая, на деревни как свора бешеных волков, накидывались они на всё живое, что попадалось на глаза, стреляли кур, свиней, овец, телят, выкрикивая бессмысленно по-русски – «польшевик», и всё тащили к себе в телеги. Прятавшиеся люди в подпольях и подвалах, напуганные стрельбой, вытаскивались с криками «польшевик» или убивались, или истязались до потери сознания, и в растерзанном виде раздетые оставлялись на улице, а жёны и дочери насиловались на глазах мужей и отцов. Чехи, по отзывам населения, занимая селения, вели себя сравнительно прилично, даже нередко вмешивались в дела русских и предотвращали грабежи и насилие…» (ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 234. Л. 26).

Итальянские войска несли потери не только в прямых боестолкновениях с партизанами, но и в результате диверсий последних. В газетной публикации под названием «Несчастье с итальянскими войсками» говорилось: «С негодованием и скорбью ген. Розанов сообщает начальнику итальянских войск барону Фоссини Каиосси о крушении близ Красноярска поезда с итальянскими войсками, ехавшими для выступления против большевиков, и говорит, что Россия никогда не забудет жертв Италии, понесенных ею для возрождения страны. Крушение произошло вследствие испорченного большевиками пути» (Минусинский край. 1990. 24 мая).

Итальянские войска, возможно, принимали участие в подавлении восстания в Военном городке в ночь на 30 июля 1919 г. На это указывают воспоминания находившегося в городке в качестве военнопленного известного венгерского большевика Мате Залка: «…те которые наступали в направлении города, заняли участок между загибом железно дорожной линии и почти до реки… Поезда шли во все направления. Это были поезда интервентов: Чехи уехали… три эшелона, итальянцы двинулись в направлении Ачинска и там попали под очень большой пулеметный огонь восставших» (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1427. Л. 5). Правда, в обращении управляющего Енисейской губернией П.С. Троицкого к населению Красноярска об этом восстании итальянцы не упоминались: «Не поддержанные остальной частью гарнизона мятежники были окружены и обезоружены высланными правительственными войсками» (Минусинский край. 1919. 6 августа (24 июля)).

Итальянские войска, во главе с командованием отряда, приняли участие в церемонии похорон погибших 30 июля в Военном городке. В заметке «Похороны жертв возстания», опубликованной в красноярской газете «Свободная Сибирь», говорилось: «1 августа происходили торжественные похороны пор. Веретенникова, пор. Орлова и солдата Кондратьева, павших при исполнении долга во время возстания 30 июля в военном городке. В похоронной процессии участвовали части русских войск и итальянские стрелки…» (Свободная Сибирь. 1919. 2 августа (20 июля)). Минусинская газета писала: «В траурном шествии приняли участие русские войска, итальянские стрелки и большая толпа народа. На похоронах присутствовали уполномоченный верховного правителя по Енисейской губ., начальник военного района, чины итальянского штаба» (Минусинский край. 1919. 6 августа (24 июля)).

Итальянские войска в 1919 г. создавали проблемы русским властям. Уполномоченный по охране государственного порядка и спокойствия в Енисейской и части Иркутской губерний генерал-лейтенант С.Н. Розанов запрашивал вышестоящее командование: «Укажите, как поступать с союзниками (итальянцами), нарушающими русские законы и постановления властей? Они претендуют на подсудность по своим законам; считаю это унизительным для нашего суверенитета» (Партизанское движение в Сибири, 1925. С. 118–119). Однако в опубликованном в газетах приказе генерал-лейтенанта С.Н. Розанова от 26 июля 1919 г. говорилось: «Отъезжая к месту нового служения, я считаю своим нравственным долгом принести глубокую благодарность и выражения самой сердечной признательности представителям наших союзников – Итальянским и Чешским войскам и их доблестным вождям за ту братскую помощь, которую они оказали…» (Свободная Сибирь. 1919. 5 августа (23 июля)).

Представители итальянского военного контингента в 1919 г. принимали участие во всех общественно-политических мероприятиях, проводимых в Красноярске. В описании на страницах газеты «Енисейский вестник» торжеств, когда «5 мая с. г. на Всехсвятской площади состоялся смотр чехословацким войскам 3-й дивизии и раздача английским генералом Боверсом военных великобританских наград отличившимся чехо-словацким офицерам и солдатам, за услуги, оказанные чешскими солдатами союзникам в 1918 г.», отмечалось: «На параде присутствовал… итальянский полковник барон Фассини-Комосси…» (Енисейский вестник. 1919. (23) 6 мая). Другой пример, газета «Свободная Сибирь» сообщала: «4 августа торгово-промышленниками был устроен в садике Общественного Собрания банкет в честь уходящих на фронт войск. В качестве гостей присутствовали Управляющий Губернией, Войск. Старшина Розанов, (командир части, уходящей на фронт)... Из иностранцев присутствовали: представители чешских и итальянских войск…» (Свободная Сибирь. 1919. 6 августа (24 июля)).

Отдельной страницей истории пребывания итальянцев в Енисейской губернии стали футбольные турниры с участием итальянской команды. Например, 20 июля 1919 г. в Красноярске состоялся «международный футбольный матч», на Сокольской площадке г. Красноярска встретились футбольная команда итальянских военнослужащих и

сборная команда по футболу 10-го чехословацкого полка. Газеты сообщали, что во время матча играл оркестр чехословаков, а сбор от матча пошёл в пользу раненых и больных чехословаков (Енисейский вестник. 1919. 17 июля). Тот матч итальянцы, вероятно, проиграли. На это указывают сообщения о следующем матче-реванше. Красноярская газета «Свободная Сибирь» сообщала: «Футбольный матч – реванш. В воскресенье 3 августа состоится на Сокольской площадке футбольн. матч реванш между 1-ой командой 10-го Чехо-словацкого стрелков. полка и 1-й командой итальянских экспедиционных войск. Форма итальянской команды, подвергнувшейся в последнее время строгой тренировке, значительно возвысилась, и поэтому чехи встретят в ней серьезного противника. Команда 10-го Чешского полка играет в полном составе, и до сих пор здесь побеждена не была. Матч обещает быть крайне интересным и будет наверно самым выдающимся в этом спортивном сезоне. Во время матча играет военный оркестр 10 полка. Начало ровно в 6 час. веч.» (Свободная Сибирь. 1919. 1 августа (19 июля)). В воскресном номере «Свободной Сибири» красноярским болельщикам напоминали: «Сегодня на площадке за Радайкиным мостом два футбольных матча реванша. С 4 часов дня играет команда 12 чешского полка со сборной командой города Красноярска и в 6 часов вечера команда 10 чешского полка с итальянской командой гарнизона» (Свободная Сибирь. 1919. 3 августа (21 июля)).

В 1919 г. планировалось решить вопрос о возвращении на родину итальянцев, военнопленных из состава австро-венгерской армии. Для этого военнопленные итальянцы должны были обратиться к капитану Королевских карабинеров в Красноярске, который был уполномочен собрать всех желающих итальянцев и отправить во Владивосток для дальнейшего следования в Европу. Однако вопрос о возвращении военнопленных итальянцев в Европу в 1920 г. уже решался советскими властями. В частности, в 1920 г. в Енисейске проживали два попавших в 1914 г. в качестве военнопленных австро-венгерской армии итальянца. 29-летний сапожник с 6-ю классами образования Сильверье Иосиф Минопаче заведовал «домом лишения свободы» в Енисейске (Енисейский районный архив (ЕРА). Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 9. Л. 256), а 28-летний плотник Рудольф Иван Питурадзе служил кучером в городской больнице (ЕРА. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 9. Л. 288). Как военнопленные, они обязаны были еженедельно отмечаться в местной милиции и не имели права без особого распоряжения Губчека покидать места жительства. Итальянцы так же указаны в составленных в мае – июне 1920 г. списках иностранных подданных, проживавших на территории Минусинского уезда. В разных местах уезда проживали итальянские подданные – итальянцы Ларенцане Виктор, Джиллк Иозеер и Жио Патто Францис. Кроме того, в качестве «итальянских подданных» пять человек «католиков» с польскими и немецкими именами (Архив города Минусинска (АГМ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 77. Л. 18–38).

В конце лета 1919 г. итальянские войска покинули Красноярск. И для местных обывателей это произошло как-то неожиданно. Красноярские газеты сообщали: «Красноярск 7 августа. Сегодня Красноярск покидают итальянские войска. Они были у нас в тяжелое время. Они видели нашу Родину в дни ее мучительной болезни, разложившей нравственный облик русского общества… Грустные впечатления должны вынести о русских наши верные союзники…» (Свободная Сибирь. 1919. 7 августа (25 июля)). Известный иркутский краевед Н.С. Романов в своей «Летописи города Иркутска» в 1919 г. записал: «20 августа… Чрез Иркутск проследовало несколько эшелонов итальянских войск, оперировавших в Красноярском районе и по Сибирской железнодорожной магистрали, отправляемых чрез Владивосток на родину» (Романов, 1994. С. 363).

Красноярский эсер Е.Е. Колосов в написанных в Москве воспоминаниях с сарказмом писал: «После летних боев на «манском» фронте итальянцы эвакуировались, распродав не без выгоды свое военное имущество» (Колосов, 1923. С. 149). Но эвакуация итальянцев, очевидно, напрямую не была связана с успешными для них боями против партизан. Что касается «выгоды» от продажи имущества, то здесь так же возможны преувеличения.

Газеты писали: «Как сообщают, итальянский отряд, квартировавший в Красноярске и уехавший на Восток, подарил военному госпиталю 25 кроватей с сетками и, кроме того, продал со значительной уступкой часть оставшихся перевязочных материалов» (Свободная Сибирь. 1919. 15 (2) августа).

Уходившие войска бесплатно передали русским свою горную артиллерию. Позднее, через месяц, красноярская газета в заметке «Дар итальянцев», опровергая озвученную иркутскими газетами картину событий о якобы спонтанной передаче итальянцами своего артиллерийского имущества по просьбе русских командиров, писала, что на самом деле «горная артиллерия была передана итальянцами русскому гарнизону Красноярска по распоряжению генерала Жанена, а мулы проданы военному ведомству» (Свободная Сибирь. 1919. 5 сентября (23 августа)). Согласно квартирному расписанию частей, войск, штабов, управлений, учреждений и заведений Иркутского военного округа по состоянию на 1 ноября 1919 г. на территории Енисейской губернии в числе воинских частей и подразделении была отдельная горная батарея 65-мм итальянских пушек под командованием капитана Дитятьева.

Провожали итальянцев торжественно. В опубликованном «От Уполномоченного Верховного Правителя» адресе на имя «Начальника итальянских экспедиционных войск в Сибири – полковника Фоссини-Комосси» говорилось: «Господин полковник. Все офицеры и солдаты вверенных мне войск прочтут с чувством глубокой признательности сердечные дружеские пожелания и привет переданый Вами от лица храбрых итальянских офицеров и солдат. Прошу Вас и всех Ваших офицеров и солдат принять от лица вверенных мне русских войск, расположенных в Енисейской и части Иркутской губерний, безграничную благодарность за самоотверженную боевую помощь, оказанную Вами и Вашими доблестными офицерами и солдатами в деле возрождения России… Россия никогда не забудет кровь, пролитую здесь итальянскими войсками за ее будущее…» (Свободная Сибирь. 1919. 7 августа (25 июля)).

История пребывания итальянских войск в Красноярске во время Гражданской войны является не только важной составляющей истории Гражданской войны в Сибири, но интересной страницей местной истории повседневности.

Библиографический список

Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Изд-во «Пятый Рим» («Бестселлер»), 2018. 864 с.

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: февраль 1917–1920 гг. Красноярск, 2007. 124 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. 606 с.

Гражданская война в Сибири // Сборник докладов и статей научной конференции / под ред. М.Д. Северьянова. Красноярск: Издательский центр Красноярского госуниверситета, 1999.

Дударева Т.А. Память, сохраненная через годы. Чешский легионер в Сибири – Ярослав Коудельный // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск: Лаборатория развития, 2017. С. 195–197.

References

Ganin A.V. 2018. Seven “why” of the Russian Civil War. Moscow: “Pyatyi Rim” (“Bestseller”) Publ. 864 p. (In Russ.)

Gergileva A.I. 2007. Prisoners of war of the First World War on the territory of Siberia: February 1917–1920. Krasnoyarsk. 124 p. (In Russ.)

Gins G.K. 1921. Siberia, the Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government). Pekin. 606 p. (In Russ.)

Sever'yanov M.D. 1999. Civil war in Siberia. Collection of reports and articles of a scientific conference. Krasnoyarsk: Izdatel’skii tsentr Krasnoyarskogo gosuniversiteta Publ. (In Russ.)

Dudareva T.A. 2017. Memory saved through the years. Czech legionary in Siberia – Jaroslav Koudelny. *Revolyutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzglyad iz Sibiri. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma* [The 1917 revolution: 100 years later. A look from Siberia. Proceedings of the Siberian Historical Forum]. Krasnoyarsk: Laboratoriya razvitiya Publ. Pp. 195–197. (In Russ.)

Иванов В. В Гражданской войне. (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921. 137 с.

Иванова Е.А. Итальянцы в Енисейской губернии // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск: ГУНБ, 2012. С. 82–87.

Карпухин К. Дневник прапорщика Чащина / Константин Карпухин // Русское поле: научно-публицистический альманах. 2012. № 2. С. 169–181.

Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). Новосибирск: Офсет-ТМ, 2017. 528 с.

Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. М.: Былое, 1923. 190 с.

Коновалова О.В. Программно-тактические установки центра эсеровской партии в годы Гражданской войны // Гражданская война в Сибири: сборник докладов и статей научной конференции. Красноярск: Издательский центр Красноярского госуниверситета, 1999. С. 175–181.

Красноярск в трёх революциях: Хроника революционных событий в Енисейской губернии 1895–1920 гг. / сост. Г.Н. Кожевников, И.А. Прядько, А.П. Сливина. Красноярск: Кн. Изд-во, 1974. 119 с.

Кузьменко А.С. Демографические характеристики «недобровольного» миграционного потока в Приенисейский край в годы Первой мировой войны // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной конференции. Т. 1. Красноярск: Красноярский гос. пед. университет им. В.П. Астафьева, 2009. С. 97–99.

Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: Версо, 2008. 416 с.

Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край / под. к печати А.Н. Туруновым, под ред. и с пред. В.В. Максакова. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. 295 с.

Пишон. Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири / пер. П. Ивангородского. М.-Л.: Государственное изд-во, 1925. 93 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. Изд-во, 1994. 560 с.

Симонов Д.Г. Система управления антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России: реформы генерала М.К. Дитерихса (лето – осень 1919 г.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всероссийской научной конференции. Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 149–154.

Ivanov V. 1921. In the Civil War (From the notes of the Omsk journalist). Harbin. 137 p. (In Russ.)

Ivanova E.A. 2012. Italians in the Yenisei Province. The Yenisei Province – Krasnoyarsk Territory: 190 years of history: VII Local History Readings. Krasnoyarsk: GUNB Publ. Pp. 82–87. (In Russ.)

Karpukhin K. 2012. Diary of Ensign Chashin. *Russkoe pole: nauchno-publitsisticheskii al'manakh* [Russian field: scientific and journalistic almanac]. No. 2. Pp. 169–181. (In Russ.)

Kokoulin V.G. 2017. White Siberia: the struggle of political parties and groups (November 1918 – December 1919)]. Novosibirsk: Ofset-TM Publ. 528 p. (In Russ.)

Kolosov E.E. 1923. Siberia under Kolchak. Memories, materials, documents. Moscow: Byloe Publ. Pp. 190 (In Russ.)

Konovalova O.V. 1999. Program-tactical installations of the center of the Socialist-Revolutionary party during the Civil War. *Grazhdanskaya voina v Sibiri. Sbornik dokladov i statei nauchnoi konferentsii* [Civil War in Siberia: proceedings of reports and articles of a scientific conference]. Krasnoyarsk: Izdatel'skii tsentr Krasnoyarskogo gosuniversiteta Publ. Pp. 175–181. (In Russ.)

Kozhevnikov G.N., Pryad'ko I.A., Slivina A.P. 1974. Krasnoyarsk in three revolutions: Chronicle of revolutionary events in the Yenisei province of 1895–1920. Krasnoyarsk: Kn. Izd-vo Publ. 119 p. (In Russ.)

Kuz'menko A.S. 2009. Demographic characteristics of the "involuntary" migration flow to the Yenisey region during the First World War. *Krasnoyarskii krai: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Krasnoyarsk region: past, present, future: proceedings of an international conference]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii Gos. Ped. Un-t. Publ. Vol. 1. Pp. 97–99. (In Russ.)

Marmyshev A.V., Eliseenko A.G. 2008. The civil war in the Yenisei province. Krasnoyarsk: Verso Publ. 416 p. (In Russ.)

Turunov A.N., Maksakov V.V. 1925. Guerrilla movement in Siberia. Prieniseysky region. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. Vol. 1. 295 p. (In Russ.)

Pishon. 1925. Allied intervention in the Far East and Siberia. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo Publ. 93 p. (In Russ.)

Romanov N.S. 1994. Annals of the city of Irkutsk for 1902–1924. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. Izd-vo Publ. 560 p. (In Russ.)

Simonov D.G. 2011. The control system of anti-Bolshevik armed forces in the east of Russia: reforms of General M.K. Diterikhs (summer – autumn 1919). *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v. Materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Problems of the history of state administration and local self-government of Siberia

Тарасов М.Г. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и годы Гражданской войны. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. 157 с.

Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всероссийской научной конференции. Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 103–119.

at the end of the XVI – beginning of the XXI century: Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk: Nonparel' Publ. Pp. 149–154. (In Russ.)

Tarasov M.G. 2011. The Yenisei Cossacks during the revolutionary events of 1917 and the years of the Civil War. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi un-t Publ. 157 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. 2011. West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government: controversial issues of organization and activity. *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v. Materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Problems of the history of state administration and local self-government of Siberia at the end of the XVI – the beginning of the XXI century: Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk: Nonparel' Publ. Pp. 103–119. (In Russ.)

Сведения об авторе

Дацышен Владимир Григорьевич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории,
Сибирский федеральный университет,
Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79,
Красноярский государственный педагогический университет,
Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89,
e-mail: dazishen@mail.ru

Information about the author

Vladimir G. Datsyshen,
Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Department of the World History,
Siberian Federal University,
79 Svobodny ave., Krasnoyarsk 660041, Russian Federation,
Krasnoyarsk State Pedagogical University,
89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation,
e-mail: dazishen@mail.ru

Критерии авторства

В.Г. Дацышен выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Datsyshen V.G. carried out research work, summarized obtained data and prepared the manuscript for printing, has an author's right to the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 37(092)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-196-209

Леонид Полевой (1919–2018). Материалы к биографии

© О.А. Горощенова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Данная работа вводит в научный оборот и дополняет материалы к биографии известного представителя американской династии рода Полевых – мецената, библиофила Леонида Сергеевича Полевого (1919–2018). Он являлся сыном русского эмигранта в Китай профессора С.А. Полевого – внучатого племянника широко известного литератора и издателя первой половины XIX века Н.А. Полевого. Блестящий выпускник Гарварда – Л.С. Полевой работал в лучших университетах и колледжах Америки, но в расцвет «холодной войны» был вынужден оставить преподавательскую и научную деятельность и заняться растениеводством. Жизнь и деятельность Л.С. Полевого тесно связана с популяризацией наследия рода Полевых в России, благотворительностью. Полевой подарил уникальную личную библиотеку городу Иркутску, в результате чего в 1997 г. был открыт Гуманитарный центр-библиотека им. семьи Полевых. Он много сделал для укрепления русско-американских культурных связей; сотрудничал с ротарианским движением; занимался переводами; писал стихи. Леонид Полевой прожил долгую и насыщенную событиями жизнь, заслужил благодарную память потомков. Статья написана с использованием различных библиографических источников, в том числе переписки, мемуаров, а также многолетнего личного общения автора с Л.С. Полевым.

Ключевые слова: история, культура, генеалогия, life story, Россия, Китай, США, Гуманитарный центр-библиотека им. семьи Полевых в Иркутске, Л.С. Полевой, С.А. Полевой, Н.А. Полевой

Информация о статье: Дата поступления 10 октября 2018 г.; дата принятия к печати 12 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Горощенова О.А. Леонид Полевой (1919–2018). Материалы к биографии // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 196–209. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-196-209

Leonid Polevoy (1919–2018). Materials to biography

© Olga A. Goroshchenova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: This work introduces into scientific circulation, reveals and complements the biography of the well-known representative of the American dynasty of the Polevoy – Patron of Arts, the bibliophile Leonid Sergeevich Polevoy (1919-2018). He was the son of a Russian emigrant to China, prof. S.A. Polevoy – grand-nephew of the well-known writer and publisher of the first half of the XIX century N.A. Polevoy. A brilliant graduate of Harvard – LS. Polevoy worked in the best universities and colleges in America, but in the heyday of the "cold war" was forced to leave the teaching, active scientific work and engage in plant growing. Life and work of LS. Polevoy is closely associated with the popularization of the legacy of the Polevoy in Russia, as well as charity. Polevoy presented a unique personal library to the city of Irkutsk, which resulted in the opening of the Humanitarian Center-Library named family Polevoy. He did much to strengthen Russian-American cultural ties; cooperated with the Rotarian movement; was engaged in translations; wrote poetry. Leonid Polevoy lived a long and eventful life, deserved the grateful memory of his descendants. The article is written using various bibliographic sources, including correspondence, memoirs, as well as many years of personal communication between the author and L.S. Polevoy.

Keywords: history, culture, genealogy, life story, Russia, China, USA, Humanitarian Center-Library them. Family Polevoy in Irkutsk, L.S. Polevoy, S.A. Polevoy, N.A. Polevoy

Article info: Received October 10, 2018; accepted for publication November 12, 2018; available online June 25, 2019.

For citation: Goroshchenova O.A. Leonid Polevoy (1919–2018). Materials to biography. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 196–209. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-196-209

О жизни и деятельности Леонида Полевого мы знаем в основном из «первых рук». В 1997 г. в Иркутске был открыт Гуманитарный центр-библиотека им. семьи Полевых. Культурное учреждение нового типа было создано по инициативе писателя и общественного деятеля М.Д. Сергеева и потомка иркутской генеалогической ветки семьи Полевых Л.С. Полевого. В своем завещании от 10 января 1996 г. Полевой писал: «*Я, Леонид С. Полевой, завещаю свою библиотеку городу Иркутску. Мой отец и я, будучи большими книголюбами, собирали эту библиотеку в течение многих лет. В библиотеку вошли великие труды людей со всего мира. И я завещаю ее Иркутску в память о семье Полевых – среди них Николай Алексеевич, мой двоюродный прадед; его брат Ксенофонт; его старшая сестра Екатерина, сын Николая – Петр и мой отец, Сергей Александрович, так много сделавший для культурного возрождения и демократизации в Китае*».

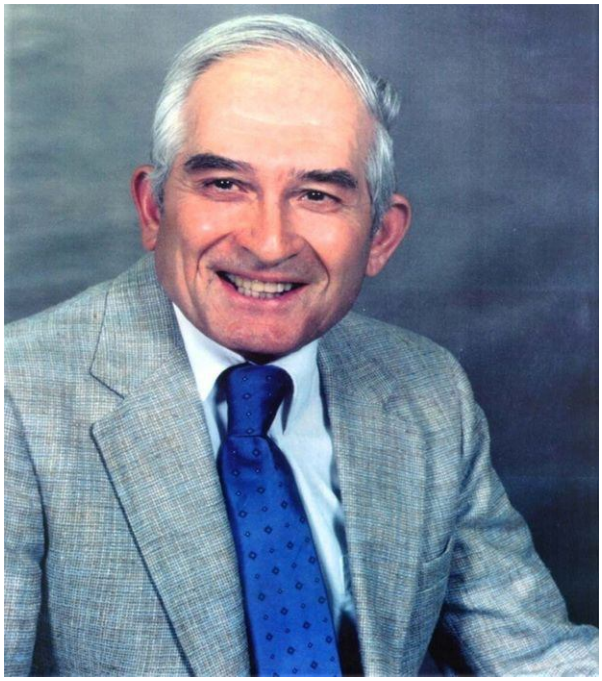


Рис. 1. Леонид Сергеевич Полевой, 1985 г.
Fig.1. Leonid S. Polevoy, 1985

По завещанию библиотека включала около 15000 книг, из них 8500 книг и 3000 брошюр на русском языке, 3000 книг на английском языке, 500 книг на французском, немецком, испанском, португальском, итальянском, чешском, польском, сербском и хорватском языках; около 25 000 художественных и научных журналов и газет и т. д. Условиями дарения было присвоение имени Полевых библиотеке, в которой будут хранится книги, а также транспортировка за счет российской стороны. Все эти условия были выполнены, за исключением отправки последней партии библиотеки из Солт-Лейк-Сити в Иркутск в 2014 г. за счет средств семьи Полевых. В настоящее время коллекция Л.С. Полевого в Гуманитарном центре-библиотеке составляет 16 187 книг и 62 817 экземпляров периодических изданий.

Помимо библиотеки в центре планировалось создание музея семьи Полевых. Но для экспозиции музея нужны личные вещи, фотографии, биографические сведения. Все эти материалы были запрошены у Леонида Полевого, и он прислал свою магистерскую работу «Николай Полевой и его Московский телеграф» (1948), отправил семейные фотографии, биографию отца – профессора С.А. Полевого, а также описание своей жизни на английском языке (Полевой, 2003. 193 с.)[1]. Неточности перевода сказались на интерпретации биографии. Были искажены некоторые фамилии, имена, понятия и др., что привело к ошибкам, которые затем пришлось устранять. К примеру, фамилия матери Леонида Полевого была переведена как «Коху», а на самом деле – Кочу (Kochu); Нанькайский университет в Таньцзине был перепутан с Нанкинским (Нанкин), в результате возникло совершенно другая интерпретация событий. Таким образом, англий-

[1] Полевой Л.С. Автобиография : рукопись Солт-Лейк-Сити, 2003. 193 с.
Polevoy L.S. Autobiography: Manuscript. Salt Lake City, 2003. 193 p.

ская версия автобиографии Л.С. Полевого многократно уточнялась и дополнялась.

Важным источником биографии Полевого послужил очерк Л.Н. Князева «Трезвый город Солт-Лейк-Сити», который был написан в 1994–1995 гг. Лев Князев (1926–2012) – лауреат премии Союза писателей России, заслуженный работник культуры, член Союза писателей России, Почетный гражданин г. Владивостока, ветеран ВОВ. Он сыграл значительную роль в жизни семьи Полевых. Именно Лев Князев 20 апреля 1988 г. выполнил просьбу родителей Леонида Полевого – Веры Степановны и Сергея Александровича о том, чтобы их прах был развеян на родине (Украина, Молдова). Семьи Полевых и Князевых много лет активно общались, Князевы побывали в гостях в Солт-Лейк-Сити, благодаря чему очерк о жизни Полевых оказался насыщенным личностным отношением и интересными бытовыми подробностями (Князев, 1995. С. 313).

Много сил и труда созданию Гуманитарного центра-библиотеки им. семьи Полевых посвятил иркутский писатель и общественный деятель Марк Сергеев (1926–1997). Он посещал Л.С. Полевого в США, проводил экспертизу ценности библиотеки. В своих статьях, книгах, телевизионных передачах М.Д. Сергеев популяризировал жизнь и деятельность Екатерины, Ксенофонта, Николая Полевых, много рассказывал о Леониде Полевом и его библиотеке (Сергеев, 1994; Сергеев, 1991. С. 559).

Многолетний опыт дружеского общения с Леонидом Полевым и его семьей имелся у вице-президента клуба «Ротари» Л.А. Склоччини. Она неоднократно бывала у Полевых, созванивалась, передавала самые первые материалы и книги для Гуманитарного центра-библиотеки. Лидия Склоччини – частый гость на мероприятиях, посвященных памятным датам семьи Полевых. Ее впечатления и воспоминания о Леониде Полевом являются ценным источником по теме (Склоччини, 2001. С. 330).

В библиографию жизненной истории Леонида Полевого, популяризацию семьи Полевых внесли вклад заведующие отделом редких книг Л.М. Бронникова и Л.В. Педранова. Их публикации и выступления на мероприятиях рассказывают о жизни и деятельности семьи Полевых, они учитывают опыт не только личного общения с Л.С. Полевым (переписка, телефон), но также доступность архивных сведений из редкого фонда (Бронникова, 1999. С. 10; Педранова, 2008a. С. 75; Педранова, 2008b. С. 145[2]; Педранова, 2007. С. 56).

В 2007 г. автор статьи по приглашению семьи Полевых была в гостях в Солт-Лейк-Сити, проживала в их доме, работала в архиве[3] и библиотеке семьи, брала интервью у Леонида, Аделин, Ника, Теодора Полевых. Эти личные впечатления, а также многолетний поиск тематических материалов легли в основу монографии «Династия Полевых: сеять разумное, доброе, вечное…», которая переиздавалась несколько раз, а также научно-популярного многосерийного фильма на учебно-образовательном канале ИРНИТУ «Династия Полевых» (Горощенова, 2010; 2012; 2015a).

Данная статья обобщает имеющиеся сведения о Леониде Полевом, дополняет биографию личностным видением и авторскими материалами по теме исследования. В том числе некоторые фотографии, представленные здесь, публикуются впервые[4]. Методика работы над статьей предполагала

[2] Педранова Л.В. Архив семьи Полевых в фонде Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых // Сибирский архив: Архивные документы, публикации, факты, комментарии : Научно-популярный историко-краеведческий сборник / под ред. Н.К. Шестаковой. Иркутск: Оттиск, 2008b. Вып. 4. С. 145–147.

Pedranova L.V. The Archive of the Field Family in the Fund of the Humanitarian Center Library named after the Field Family. Siberian Archive. Archival documents, publications, facts, comments: Scientific-popular local history collection. Irkutsk: Reprint, 2008b, iss. 4, pp. 145–147.

[3] Личная переписка семьи Полевых, фотографии, записи, документы (архив семьи Полевых, США), 1917–2007. ГЦ-библиотека им. семьи Полевых, фонд редких книг.

Personal correspondence of the Polevoy family, photographs, records, documents (archive of the Field Family, USA), 1917–2007. GC-library. Family Polevoy, a fund of rare books.

[4] Личные записи, выписки из архивов, переписка, комментарии, интервью, аудиозаписи, видеозаписи, фотографии О.А. Горощеновой, 2002–2018.

Personal notes, extracts from archives, correspondence, comments, interviews, audio recordings, video recordings, photographs of O.A. Goroschenova, 2002–2018.

сбор материала (опубликованных и неопубликованных источников, воспоминаний, интервью, переписки, телефонных разговоров и проч.), анализ кругов общения, систематизацию и интерпретацию имеющегося материала, выявление причинно-следственных связей, генеалогии, культурно-генетического кода, а также приведение соответствующих выводов.

15 апреля 2018 г. из США от Ника Полевого мне пришло сообщение, что ушел из жизни его отец – Леонид Сергеевич Полевой – «последний из Могикан» знаменитой династии. Свое тело Леонид завещал медицинской школе при университете штата Юта.

Леонид прожил долгую и счастливую жизнь, посвященную служению книге и популяризации рода Полевых. Благодаря его подарку – семейной библиотеке в Иркутске в 1997 г. был открыт Гуманитарный центр-библиотека им. семьи Полевых. Причем, как метко заметили в американском посольстве в Москве – это было единственное культурное учреждение, которое появилось в России в 90-е г. XX в.

Леонид Полевой родился 3 октября 1919 г. в г. Тяньцзине (Китай) в интеллигентной семье. Его отец – профессор Пекинского национального университета Сергей Александрович Полевой был внучатым племянником литературного деятеля золотого века русской культуры – Николая Алексеевича Полевого (1796–1846). Последний родился в Иркутске, был сыном купца А.Е. Полевого, работавшего на И.И. Голикова и Г.И. Шелихова – создателей российско-американской компании (РАК). Н.А. Полевой был широко известен своей издательской, журналисткой, писательской, переводческой, театрально-драматической деятельностью (Белинский, 1982; Полевой Кс., 1888; Горощенова, 2002. С. 77; Ларионова, 2007. С. 30).

Филолог В.Н. Орлов в своей книге о Н.А. Полевом написал: *«Двадцатые и тридцатые годы, так называемая пушкинская эпоха, – именем Пушкина отнюдь не покрывается. Имя Полевого имеет для этой эпохи объективно столь же крупное значение, как и имя Пушкина…»*, – так громко звучало имя Николая Алексеевича в литературных кругах Москвы и Петербурга (Орлов, 1934. С. 5).

Помимо Николая Полевого, значительный вклад в русскую культуру внесла его старшая сестра Екатерина Авдеева-Полевая – сказочница и фольклористка, давшая миру сказки «Колобок», «Волк и лиса», «Сказка о злой мачехе» и др. Авдеева-Полевая первая написала и издала «Поваренную книгу русской опытной хозяйки», ставшую за короткий промежуток времени бестселлером своего времени (Горощенова, 2014. С. 152; Горощенова, 2015 b. С. 153; Козлов, 2016. С. 117).

Ксенофонт Полевой, младший брат Николая и Екатерины создал новый литературный жанр – мемуарную беллетристику, и сегодня его считают основателем серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) (Березина, 1990. С. 362).

Петр Николаевич Полевой – сын издателя «Московского телеграфа», написал историю русской словесности, множество научных статей по истории, филологии и литературоведению (Пырков, 2015. С. 19).

Семейную историю еще маленькому Леониду рассказывал отец – Сергей Александрович. Общение отца и сына было очень личностным и доверительным. Поэтому будучи еще молодым, Леонид Сергеевич умел ценить вклад предков в развитие русской культуры. *«Еще очень молодым я захотел отправиться в путешествие, чтобы искать истоки души, культуры и образа жизни народа, который дал мне русских предков»*, – вспоминал Л. Полевой.

Генеалогическая линия американской династии Полевых идет от уроженца Иркутска, купца Евсевия Алексеевича Полевого – сына А.Е. Полевого, брата Екатерины, Николая и Ксенофонта Полевых. Его сын – Александр Евсевиевич служил почтмейстером в почтовом управлении г. Пирятина (Украина). В семье было четверо детей: Николай, Михаил, Галина и Сергей – будущий отец Леонида. Александр и Мария Полевые рано ушли из жизни, поэтому младшим детям пришлось много трудиться, чтобы не только прожить, но и получить образование. Сергею Полевому досталась непростая судьба, отмеченная суровыми испытаниями. В трех

Рис. 2. Сергей Александрович Полевой
Fig. 2. Sergey Aleksandrovich Polevoy

государствах он жил в эпоху перемен. Преодолел недостаток, голод, разруху, репрессии и пытки. Сергей Полевой был совершенно необыкновенной личностью, высокообразованным, интеллигентным человеком, знал многие европейские и восточные языки, владел эсперанто. Он общался со многими выдающимися деятелями Китая того времени. Например, учил русскому языку Мао-Цзедуна, помогал делать переводы Лу Синю – китайскому Горькому, общался со знаменитым политическим китайским деятелем Сунь Ятсеном, а также будущим премьером государственного административного совета КНР Чжоу Эньлаем, «христианским генералом» Фэн Юйсяном и мн. др. (Полевой, 1997. С. 14).

Леонид Полевой называл отца Учителем всей своей жизни, а его большой фотопортрет находился в библиотеке на самом видном месте. Он говорил: «*Я все еще ощущаю его присутствие, его воздействие на мой духовный и умственный рост… Он вселил в меня страсть к вечному поиску знаний, глубокую любовь к книгам*».

Жизнь Леонида во многом определили его родители – Сергей и Вера Полевые. Они познакомились в дореволюционном Петербурге, оба работали в цензурном комитете почтового ведомства. Вера была из Бессарабии, г. Леово, училась на высших Бестужевских курсах; а у Сергея к тому времени за плечами была мужская гимназия (Москва), Институт Восточных языков (Владивосток), Петербургский университет (магистратура). С.А. Полевой мечтал заниматься наукой, изучать язык и культуру Китая.

Обвенчавшись в Исаакиевском соборе в Петербурге 3 сентября 1917 г., молодые решили поехать в свадебное путешествие в Японию, а затем отправиться в Китай, так как правительство А.Ф. Керенского выделило на научную командировку Сергея Александровича 3000 руб. Полевые обосновались в Тяньцзине, там Сергей преподавал в местном Нанькайском университете русский язык и литературу. Зарекомендовав себя как прекрасный педагог и знаток предмета, Сергей получил работу профессора в Пекинском национальном университете.

События в России 1917 г. показали, что семье не суждено было вернуться на Родину. Их деньги оказались обесцененными, они жили в Китае по нансеновским паспортам (для людей без гражданства – временное удостоверение личности). Да и в самом Китае было неспокойно. Противоборство республиканцев и буржуазного правительства, Гоминьдан и Коммунистической партии Китая (КПК). Прояпонская политика властей вела страну ко все нарастающим национальным противоречиям.

4 мая 1919 г. Сергей Полевой выступил на площади Тяньаньмэнь, участвуя вместе со студентами Бэйда (Пекинский национальный университет) и другими преподавателями в демонстрации протеста. Он был взят на особый учет в полиции. Это обстоятельство негативно отразилось на всей последующей жизни семьи Полевых. Профессор Сергей Полевой стал политически неблагонадежным. Начались проблемы с работой, деньгами. Полевые стали проводить занятия по обучению русскому языку в своем пекинском доме. Сергей стал представителем в Китае московской компании «Международная книга», занимался переводами, давал частные уроки, продолжал работать над составлением «Большого русско-китайского словаря». Кроме того, Вера открыла ателье, чтобы хоть как-то поправить материальное состояние семьи.

Леонид Полевой, вспоминая свое детство рассказывал, что несмотря на сложную политическую ситуацию в Китае, безденежье, его семья жила очень счастливо. В 1923 г. Полевым удалось снять хороший дом в Пекине у доктора Дж. С. Фергюсона в переулке «Сорочьем». Дом, в котором прошло детство Леонида был большим и просторным, с красивой верандой, хорошим садом. В нем росли цветы (портулак, вербения, хризантемы, салвия, душистый горошек, пионы), кустарники и деревья (тополя, айва, дикая яблоня и др). Вера научила своих детей ухаживать за растениями – это им впоследствии пригодилось как полезный трудовой навык.

В пекинском доме Полевых еще проживали сестра Веры Степановны – Раиса с сыновьями Петром и Юрием, а также оставшаяся без жилья и средств к существованию русская художница Лидия Лужская. Полевые, предложили ей работу по обучению детей лепке и живописи, полностью обеспечив ее материально.

В настоящее время ни этого дома, ни улицы в Пекине не существует. Леонид и его жена Аделин в этом убедились лично, побывав в туристической поездке по Китаю.

В Китае Леонид и его младшая сестра Тамара учились в английской школе. Первый язык, который узнал Леонид – это китайский, на нем говорили все вокруг, затем был русский, а в школе – английский. Свободное владение английским языком помогло Леониду впоследствии легко адаптироваться в США. А русскую культуру Полевой познавал через сказки, межличностное общение с родителями и другими русскими эмигрантами. Маленький Ленечка очень любил «Сивку-бурку», эта сказка вызывала у него особенные эмоции. В детстве Лене нравились разноцветные переливы на разбитом стекле, его восхищали красный и зеленый цвета, за что родители шутливо называли его специалистом по красно-зеленому. Ленечка носил очки, потому что плохо видел. Из-за этого он часто ходил, опустив голову. Отец как-то сделал ему вну-

Рис. 3. Семья Полевых в Китае, 20-30-е гг. XX в. Слева-направо: Леонид, Вера, Тамара, Сергей
Fig. 3. Family Polevoy in China, 20-30s. Twentieth century. From left to right: Leonid, Vera, Tamara, Sergey

шение, которое он запомнил на всю жизнь. Смысл его заключался в том, что человек должен ходить с высоко поднятой головой, потому что он – существо одухотворенное, в отличие от животных, и видит дальше Солнца и горизонта.

Леонид был близок отцу, много времени проводил в его библиотеке. Отец и сын вместе занимались фотографией, много разговаривали о политике, жизненных ценностях, литературе. Леонид рассказывал, что в Китае к отцу часто приходил американский журналист Эдгар Сноу и они, запершись в кабинете, подолгу беседовали. В один из дней Сноу опять пришел, но Сергея не оказалось дома. Эдгар и Леня быстро нашли общий язык, разговорились. На прощание журналист отметил, что выпускники американских вузов знают о политике намного меньше, чем школьник Леонид Полевой.

В декабре 1937 г., когда Пекин захватили японские войска, Сергея арестовали как советского шпиона. Вера последовала в тюрьму за мужем добровольно. Леонид и Тамара были глубоко потрясены случившимся. Они остались одни без средств к существованию и под домашним арестом японской полиции. Даже обучение школьным предметам происходило на дому.

Леонид, будучи уже достаточно взрослым, сообщил об аресте знакомым и друзьям, которые незамедлительно обратились в различные международные организации. Возможно, только это и спасло жизнь Сергею Александровичу, потому что многие политические деятели, попавшие в плен к японцам, были сразу же казнены без всяких разбирательств.

Необходимо отметить, что из дома, по воспоминаниям Леонида Сергеевича, было вывезено несколько грузовиков ценных вещей и книг, которые так и не были возвращены. Где они находятся в настоящее время – неизвестно, возможно когда-нибудь в японских (китайских) архивах будут обнаружены, а затем и обнародованы материалы из семейной библиотеки Полевых. Так, например, мне Леонид неоднократно цитировал на память письмо Николая Полевого своему брату Ксенофонту, которое хранилось до ареста в библиотеке профессора С.А. Полевого.

Просидев в тюрьме более полгода, Вера, измученная и опустошенная, вернулась к детям. Сергея же освободили только через 17 месяцев. В японской тюрьме он подвергался нечеловеческим пыткам и допросам. Профессор был освобожден 9 мая 1939 г. при условии, что покинет Китай. Благодаря другу С.А. Полевого – профессору Гарвардского университета С.Г. Елисееву, удалось изыскать три квоты на депортацию Сергея, Веры и Тамары в США. Профессор Елисеев предложил Сергею работу лексикографа в Гарварде, чтобы издать в Америке новый англо-китайский словарь.

Не нашлось лишь студенческой квоты для Леонида, и он остался в Китае. Три месяца Леонид жил самостоятельно, зарабатывал на жизнь своим трудом. Его пригласил к себе секретарем немецкий изобретатель Г. Вернер, живший в Пекине. За это время Леонид сумел подготовить к отправке в Америку семейную библиотеку.

Говоря о Китае, который стал для Леонида Полевого настоящей Родиной, можно добавить, что свою первую любовь – китайскую девушку Эмили он повстречал там же. Светлое чувство к ней Леонид пронес через всю свою жизнь, огорчаясь, что судьба «играет людьми, а не делает так, как того они хотят сами».

С момента депортации, с 1939 г. Леонид Полевой проживал в США. Первое, что он сделал – попытался поступить в Гарвард, но испытания были серьезными. Полевому прошлось заниматься с репетитором, прежде чем переступить порог одного из самых знаменитых университетов мира. В 1941 г. он поступил в Гарвард на отделение славянских языков. Проучившись семестр, Леонид понял, что плата за обучения слишком высока для него. По закону, бесплатно могли обучаться те, кто отслужил в армии. Леонид решил пройти военную службу. С 1942 по 1945 гг. Леонид служил в военно-воздушном корпусе США. Он мне рассказывал, что очень болел за русских, радовался, когда приходили вести о новых победах Красной армии. Многие сослуживцы его не понимали.

Во время войны на танцах Леонид познакомился с хрупкой красивой девушкой по имени Аделин. В молодости она была похожа на актрису

Рис. 4. Квоты на депортацию семьи Полевых в США, 1939 г.
Fig. 4. Quotas for deportation of the Polevoy family to the USA, 1939

Лоретту Янг. Молодой человек Аделин умер от заражения крови, тогда еще не было антибиотиков в широком применении. Она была морально раздавлена этим событием. Но, по ее словам, когда встретила Леонида, то жизнь заиграла новыми красками. Русский парень был необыкновенно начитан, умен, к тому же хорош собой. Он сильно отличался от среднего американца. Завязались отношения, а 24 декабря 1945 г. молодые поженились. Они нашли съемную квартиру в Кембридже, недалеко от своих родителей. Это обстоятельство очень помогало им, так как дедушка и бабушка с удовольствием водились с маленьким первенцем Ники.

Леонид, после службы восстановился на своем отделении в Гарварде, где учился теперь за государственный счет. Аделин подрабатывала в Артгалерее, была секретарем. Ее школьное образование помогало в этой деятельности, так как она занималась рисованием. Аделин с удовольствием показывала мне в 2007 г. свои художественные работы, которых оказалось довольно много, а Леонид удивлялся, что никогда не видел их ранее. Аделин скромно ответила, что стеснялась показывать, потому что считает себя не такой уж и талантливой художницей.

В 1948 г. Леонид получил степень магистра в области русского и славянских языков и литературы, его выпускная работа была посвящена Николаю Полевому. Университетское образование в США дает возможность получить широкую специализацию. Именно благодаря этому Леонид, окончив Гарвард, преподавал историю, географию, литературу и русский язык в колледжах и университетах США. Он продолжал учиться. В 1950 г. Полевой успешно защитил магистерскую диссертацию по своему профилю и ему предложили работу в университете штата Юта. Семья переехала в г. Солт-Лейк-Сити.

Послевоенное время в США – это время маккартизма (1950–1956), когда все коммунистическое, советское воспринималось враждебно. Многие эмигранты из России меняли фамилии. Леонид Полевой в отличие от них гордился своими корнями, своей фамилией. Даже детей они с Аделин назвали русскими именами Николай (Ник, 1949 г.) и Федор (Теодор, Тед, 1958 г.).

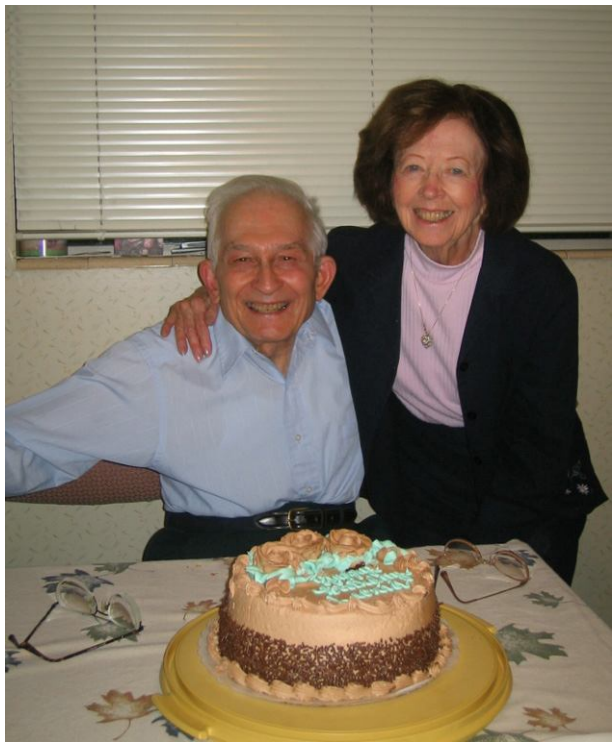


Рис. 5. Леонид и Аделин
Fig. 5. Leonid and Adelin

Ник и Тэд в интервью рассказали мне, что сверстники их часто дразнили и даже угрожали из-за того, что отец – русский. Аделин, как все нормальные матери боялась за своих детей. Поэтому запретила Леониду обучать их русскому языку. Именно поэтому, когда пришла пора подумать, а что же делать с библиотекой, Леонид, оценив ее культурный код как преимущественно русский, решил передать собрание одному из российских городов, который был связан с родословной Полевых. Первый город, о котором подумал Леонид – это Владивосток, там учился его отец. Но Владивосток не проявил интереса. А вот Иркутск, откуда родом Николай, Ксенофонт и прямой предок Леонида – Евсевий, сделал все возможное и невозможное, чтобы библиотека вернулась на историческую Родину. Во Владивосток Леонид отдал черновик русско-китайского словаря с надеждой на его последующую публикацию, некоторые документы и фотографии – все это сегодня находится в фондах

музея Дальневосточного федерального университета.

Мечта о докторской диссертации и работа преподавателем вуза утонула в реальности американской жизни. Все русское было враждебным, ненавистным, не нужным. Со своим менталитетом Леонид не мог найти работу. Даже в учебных заведениях ему говорили о том, что советской литературы не существует, вопрос исчерпан – работы нет.

Уже в январе 1952 г. Леонид получил извещение из университета о сокращении штата. Так, блестящий выпускник Гарварда с семьей остался без средств к существованию. Леонид два года проработал на почте, но, будучи русским, попал под подозрение и был уволен.

В конце-концов выручило умение выращивать растения и ухаживать за ними. В 1958 г. Леонид стал представителем торговой компании питомников братьев Старк. Необходим был участок земли, на котором нужно было выращивать кустарники, деревья, цветы. Леонид занялся садоводством. Много сил и времени тратил на разведение сортов, продажу растений. В этом ему в меру сил помогали сыновья. Позднее, когда дело пошло, Леонид отделился от компании братьев Старк, стал самостоятельно вести бизнес. Четыре гектара земли были засажены нектаринами, яблонями, черешней, грушой, ананасами, розами и т. д. Когда достаток Полевых стал стабильным, Леонид ушел на пенсию и продал участок. Деньги положил в банк. Но в 2008/2009 гг. случился кризис, младший сын Тэд потерял работу менеджера в автомобильной компании, нужно было платить налоги, сохранить дом (ипотека), обеспечивать семью (4 детей). Полевые решают использовать эти средства для помощи сыну. Через некоторое время и Нику понадобилась забота родителей – необходима была сложная операция на сердце, которая стоила очень дорого. Так, семейный участок, и нелегкий труд Леонида по выращиванию саженцев, помог семье выжить в сложное время.

У семьи Леонида и Аделин, возможно, не было бы и своего дома, но отец, умирая, завещал сыну дом во Флориде вместе с семейной библиотекой. Дом продали, чтобы приобрести новый в Солт-Лейк-Сити. Младшая сестра Тамара (1921–2000) забрала себе лишь китайскую коллекцию книг, альбомов.

Полевые купили дом в ближайшем пригородном районе Солт-Лейк-Сити, напротив высокой горы Олимпус. На придомовом участке, примерно в 3–4 сотки растут яблоня, груша, черешня, виноград. В феврале из-под снега выглядывают примулы, даже клубника и ежевика проклевывается сквозь снег. Климат в Солт-Лейк-Сити довольно мягкий, зимой можно ходить в демисезонном пальто и без головного убора, несмотря на наличие снега кругом. Город со всех сторон окружен горами. Там множество туристических баз, на которых мне удалось побывать вместе с Аделин и Ником.

Еще один важный аспект мировоззрения Леонида Полевого хотелось бы отразить – его особый менталитет. Леонид, как истинно русский человек, всегда тяготел к высокой духовности. В Солт-Лейк-Сити огромное влияние имеет мормонская церковь, которую он совершенно не принимал, хотя невестки – Мери и Шаста – мормонки.

В 1980–1981 гг. Леонид Полевой стоял у истоков создания нового отделения Унитарианской церкви в близлежащем районе. Вместе с пастором Диком Хендриком он добился открытия второй унитарианской церкви в сентябре 1981 г. Сегодня это красивое здание, а прихожан насчитывается более 160 человек. На протяжении многих лет Леонид и Аделин участвовали в жизни этой церкви, девиз которой «Дела – важнее молитвы». Унитарианцы много сил, времени, средств отдают на помощь нуждающимся (благотворительные обеды, продукты, вещи, для учеников приобретают учебники и т. д.). Это особый образ жизни, близкий нам, россиянам.

Леонид Полевой, перевел на английский язык пьесы «Из Америки с любовью» Н. Матхановой и «Вечер» А. Дударева. Кроме того, помог организовать гастроли Иркутского драматического театра в США.

Важно отметить, что семья Полевых любила путешествовать. Они несколько раз приезжали в Россию, были в Китае, объездили всю Европу, много путешествовали по разным штатам США.

Леонид Полевой писал стихи, одно из наиболее значимых – «Начало начал» – «Размышления о Матери-Природе» (1987), в котором проявляется взгляд автора на мироустройство. Он атеист и считает, что Природа управляет всем течением жизни (Горощенова, 2012. С. 103).

Биография складывается из разных составляющих: хронологии, событий, фактов, поступков, воспоминаний, влияния родителей, которые заложили основы на будущее, семьи, детей, любимых, друзей, коллег и знакомых, которые непосредственно имели отношение к жизни конкретного человека. Разные аспекты позволяют глубже и целостнее понять личность, кто и что повлияло на ее формирование, в каких культурных традициях вырос человек, какие ценности в нем заложены, что он оставит после себя…

Леонид Сергеевич Полевой воспитывался в совершенно уникальной семье, где родители не только заботились о разностороннем образовании, но и моральном климате в семье. Родители транслировали в своих детей особый русский культурный код. С детства Леонид знал, что русская культура – это великая культура.

Собственная семья, брак и дети тоже оказались удачными. У Леонида и Аделин двое сыновей, шесть внуков и шесть правнуков. Трагические события в жизни отца наложили свой отпечаток на восприятие жизни. Русскость, особый менталитет сделали Л.С. Полевого человеком не просто просвещенным и начитанным, а духовно развитым, целостным. Леонида Полевого можно было с полной уверенностью назвать гуру литературы. Он не просто много знал, но и умел интерпретировать произведения. Язык Леонида Сергеевича – это язык старой русской эмиграции, в которой просто не существует слов, которые сегодня в России считаются нормой. Это, касается, прежде всего, слов-паразитов и упрощений. Язык Полевого, словно классическая музыка, с первых слов завораживал и

Рис. 6. Семья Полевых
Fig. 6. Polevoy Family

привлекал внимание.

Главной судьбоносной задачей Леонида стало следовать зову своих предков, популяризировать династию Полевых, вернуть из небытия давно забытые имена. Но главным и самым важным делом в жизни Л.С. Полевого оказалось дарение библиотеки, которую он называл «второй кожей», говорил, что и дня не может прожить без нее. Если бы не ограничения в сроках жизни, библиотека могла остаться при нем, и он бы читал, читал и читал… Но сделать над собой усилие и вернуться к своим корням, подарить в Россию библиотеку, собиравшуюся не одним поколением; отдать свое тело на медицинские цели после смерти, преодолев страх и мнение окружающих, – это подвиг и безусловная победа духовного над материальным.

Библиографический список

Белинский В. Г. Николай Алексеевич Полевой: собр. соч. в 9 т. М., 1982. Т. 8.

Березина В. Ксенофонт Полевой в «Московском телеграфе» // Полевой Н.А., Полевой Кс. А. Литературная критика: Статьи и рецензии (1825–1842). Л., 1990. С. 362–370.

Бронникова Л.М. Книжное наследие семьи Полевых // Традиции сибирской интеллигенции: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 7–8 октября 1998 г.). 1999. С. 10–12.

Горощенова О. «Такие люди не часто являются…» // Земля Иркутская. 2002. № 2. С. 66–70.

Горощенова О.А. Династия Полевых: «Сеять разумное, доброе, вечное...»: монография / Министерство образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, ИрГТУ. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2010. 116 с.

Горощенова О.А. Династия Полевых: сеять разумное, доброе, вечное: монография / Министерство образования и науки РФ, Изд-во Иркутского государственного технического университета (2-е изд., исп. и доп.). Иркутск, 2012. 128 с.

Горощенова О.А. Династия Полевых: сеять разумное, доброе, вечное… Монография. Иркутск: Издательство ИРНИТУ, 2015а. 128 с.

Горощенова О.А. Первая сибирская писательница Е.А. Авдеева-Полевая // Культура. Наука. Образование. Иркутск, 2014. № 4 (33). С. 152–159.

Горощенова О.А. Сибирская писательница Е.А. Авдеева-Полевая // Вопросы истории. 2015 b. № 3. С. 153–156.

Князев Л. Трезвый город Солт-Лейк-Сити: Очерк. Публицистика: (В гостях у Аделин и Леонида Полевых) // Дальний Восток. 1995. № 3–4. С. 154–207.

Козлов С.А. Е.А. Авдеева (1788–1865): Экономические и социокультурные взгляды // Северо-Запад в аграрной истории России. 2016. № 22. С. 117–132.

References

Belinskii V.G. 1982. Nikolay Alekseevich Polevoy. Collected works In 9 vol. Moscow. Vol. 8. (In Russ.)

Berezina V. 1990. Xenophon Polevoy in the Moscow Telegraph. *Polevoi N.A., Polevoi Ks. A. Literaturnaya kritika: Stat'i i retsenzii (1825–1842)* [Polevoy N.A., Polevoy Ks.A. Literary criticism: Articles and Reviews (1825–1842)]. Leningrad. Pp. 362–370. (In Russ.)

Bronnikova L.M. 1999. The Book Heritage of the Polevoy Family. *Traditsii sibirskoi intelligentsia. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Irkutsk, 7–8 oktyabrya 1998 g.)* [Traditions of the Siberian intelligentsia: proceedings of the international scientific-practical conference (Irkutsk, October 7–8, 1998)]. Pp. 10–12. (In Russ.)

Goroshchenova O. 2002. “Such people are not often...”. *Zemlya Irkutskaya* [Irkutsk Land]. No. 2. Pp. 66–70. (In Russ.)

Goroshchenova O.A. 2010. The Dynasty of the Polevoy: “Sow reasonable, kind, eternal...”. Monograph. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ. 116 p. (In Russ.)

Goroshchenova O.A. 2012. The Dynasty of the Polevoy: Sow reasonable, kind, eternal. Monograph. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ. 128 p. (In Russ.)

Goroshchenova O.A. 2015a. The Dynasty of the Polevoy: “Sow reasonable, kind, eternal...”. Monograph. Irkutsk: IRNITU Publ. 128 p. (In Russ.)

Goroshchenova O.A. 2014. The first Siberian writer E.A. Avdeeva-Polevaya. *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie* [Culture The science. Education]. Irkutsk. No. 4 (33). Pp. 152–159. (In Russ.)

Goroshchenova O.A. 2015 b. Siberian writer E.A. Avdeeva-Polevaya. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No 3. Pp. 153–156. (In Russ.)

Knyazev L. 1995. Sober city of Salt Lake City: Essay. Publicism: (Visiting Adeline and Leonid Polevoy). *Dal'nii Vostok* [Far East]. No. 3–4. Pp. 154–207. (In Russ.)

Kozlov S.A. 2016. E.A. Avdeeva (1788–1865). Economic and Socio-Cultural Views. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii* [Northwest in the agrarian history of Russia].

Ларионова Е.О. Полевой Николай Алексеевич. В сборнике: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Москва, 2007. С. 30–38.

Орлов В.Н. Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 540 с.

Педранова Л.В. Волею судьбы… // Земля иркутская. 2008а. № 1 (34). С. 75–79.

Педранова Л.В. Династия Полевых: возвращение имен // Страницы истории русской журналистики от Николая Полевого до наших дней: материалы международной научной конференции к 210-летию Николая Полевого (Иркутск, 4 октября 2006 года). Иркутск, 2007. С. 56–60.

Полевой Кс. А. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб.: А.С. Суворин, 1888. 588 с.

Полевой Л.С. Потомки Евсея Полевого – переводчики и просветители // Вклад семьи Полевых в культуру России: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 5–6 июня 1997 г.). Иркутск, 1997. С. 14–18.

Пырков И.В. Памяти Береста. «История русской словесности» П.Н.Полевого: в помощь школьному учителю // Литература в школе. 2015. № 1. С. 19–21.

Сергеев М.Д. Иркутский отец «Московского телеграфа» // Послесловие в книге Полевой Н.А. Мешок с золотом: Повести, рассказы, очерки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. (Литературные памятники Сибири). С. 559–607.

Сергеев М.Д. История одной семьи // Восточно-Сибирская правда. 1994. 30 июля.

Склоччини Л. Объединенные сердца // «Он между нами жил...»: Вспоминая Марка Сергеева. Иркутск, 2001. С. 330–333.

No. 22. Pp. 117–132. (In Russ.)

Larionova E.O. 2007. Polevoy Nikolai Alekseevich. In the collection: Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary. Moscow. Pp. 30–38. (In Russ.)

Orlov V.N. 1934. Nikolay Polevoy. Materials on the history of Russian literature and journalism of the thirties. Leningrad: Izd-vo pisatelei v Leningrade Publ. 540 p. (In Russ.)

Pedranova L.V. 2008a. By the will of fate.... *Zemlya Irkutskaya* [Irkutsk Land]. No. 1 (34). Pp. 75–79. (In Russ.)

Pedranova L.V. 2007. Polevoy Dynasty: Returning Names. *Stranitsy istorii russkoi zhurnalistiki ot Nikolaya Polevogo do nashikh dnei. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 210-letiyu Nikolaya Polevogo (Irkutsk, 4 oktyabrya 2006 goda)* [Pages of the History of Russian Journalism from Nikolai Polevoy to the Present: Proceedings of the International Scientific Conference on the 210th Anniversary of Nikolai Polevoy (Irkutsk, October 4, 2006)]. Irkutsk. Pp. 56–60. (In Russ.)

Polevoi Ks. A. 1888. Notes by Ksenofon Alekseevich Polevoy. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ. 588 p. (In Russ.)

Polevoi L.S. 1997. Descendants of Yevsey Polevoy – translators and enlighteners. *Vklad sem'i Polevykh v kul'turu Rossii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Irkutsk, 5–6 iyunya 1997 g.)* [Contribution of the Polevoy family to the culture of Russia. Proceedings of the international scientific-practical conference (Irkutsk, June 5–6, 1997)]. Irkutsk. Pp. 14–18. (In Russ.)

Pyrkov I.V. 2015. In memory of Berest. “History of Russian Literature” P.N.Polevogo. *Literatura v shkole* [Literature at school]. No. 1. Pp. 19–21. (In Russ.)

Sergeev M.D. 1991. Irkutsk father of “Moscow Telegraph”. *Posleslovie v knige Polevoi N.A. Meshok s zolotom. Povesti, rasskazy, ocherki* [Epilogue in the book Polevoi N.A. Bag of gold. Stories, short stories, essays]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ. *Literaturnye pamyatniki Sibiri* [Literary monuments of Siberia]. Pp. 559–607. (In Russ.)

Sergeev M.D. 1994. The history of one family. *Vostochno-Sibirskaya Pravda* [East Siberian truth]. 30 July. (In Russ.)

Sklochchini L. 2001. United Hearts. *“On mezhdu nami zhil...”. Vspominaya Marka Sergeeva* [“He lived between us...”. Remembering Mark Sergeev]. Irkutsk. Pp. 330–333. (In Russ.)

Сведения об авторе

Горощенова Ольга Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Information about the author

Olga A. Goroshchenova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Критерии авторства

О.А. Горощенова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Attribution criteria

Goroshchenova O.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-210-218

Особенность деятельности командования Киевского военного округа в период массовых политических репрессий 1937–1938 гг.

© Н.В. Негода

Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Во второй половине 1930-х г. Рабоче-Крестьянская Красная армия (РККА) начала стремительно расти как в количественном, так и в качественном отношении. Были сформированы новые стрелковые, танковые, авиационные и механизированные соединения, на вооружение армии стали поступать современные танки, самолеты, артиллерия, средства артиллерийской разведки и ПВО, разрабатывались новые уставы, наставления, курсы стрельб. Однако система подготовки войск находилась не на высоком уровне. Здесь имели место объективные и субъективные причины. К ним можно отнести: быстро меняющиеся формы и методы ведения боевых действий; совершенствование старой и поступление в войска новой, не известной ранее техники и вооружения; отсутствие должного военного образования у основной массы командно-начальствующего состава и практически всего состава красноармейцев. К субъективным причинам можно отнести притяжение многих командиров и начальников к старым формам и методам ведения боевых действий; не желание и боязнь внедрять новое, прогрессивное; слабая воспитательная работа среди военнослужащих, низкая воинская дисциплина и правопорядок. Борьба по выкорчевыванию «врагов народа» заняла особое место в деятельности командно-начальствующего состава, а ее последствия также отрицательно повлияли на состояние боеспособности войск.

Ключевые слова: РККА, подготовка войск, «враги народа», выкорчевывание, командно-начальствующий состав, Советская Украина, И.Э. Якир, командование военного округа, историография, аресты, увольнения

Информация о статье: Дата поступления 27 марта 2019 г.; дата принятия к печати 22 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Негода Н.В. Особенность деятельности командования Киевского военного округа в период массовых политических репрессий 1937–1938 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 210–218. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-210-218

The peculiarity of the activities of the command of the Kiev Military District in the period of mass political repression of 1937–1938

© Nikolay V. Negoda

Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract: In the second half of the 1930s, the Workers' and Peasants' Red Army (RKKA) began to grow rapidly in both quantitative and qualitative terms. New rifle, tank, aviation and mechanized formations were formed, modern tanks, aircraft, artillery, artillery reconnaissance and air defense systems began to be supplied to the army, new regulations, manuals, and shooting courses were developed. However, the system of training troops was not at a high level. There were objective and subjective reasons. These include rapidly changing forms and methods of warfare, the improvement of the old and the entry into the troops of new, previously unknown equipment and weapons, the lack of proper military education in the majority of the command and commanding personnel and practically the entire composition of the Red Army. The subjective reasons include the

attraction of many commanders and superiors to the old forms and methods of warfare; reluctance and fear to introduce progressive innovations, poor educational work among military personnel, low military discipline and law and order. The struggle to uproot the "enemies of the people" took a special place in the activities of the command and commanding personnel, and its consequences also had a negative effect on the combat readiness of the troops.

Keywords: Red Army, training of troops, "enemies of the people", uprooting, command and commanding personnel, Soviet Ukraine, I.E. Yakir, commanding personnel of the military district, historiography, arrests, dismissals

Article info: Received March 27, 2019; accepted for publication April 22, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Negoda N.V. The peculiarity of the activities of the command of the Kiev Military District in the period of mass political repression of 1937–1938. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 210–218. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-210-218

И.В. Сталин был крайне невысокого мнения о политико-государственной элите страны, полагая, что старые кадры «утратили свои революционные качества и склонялись к спокойной, мещанской жизни». Реальным способом укрепления своей власти для него стала масштабная кадровая революция. Благодаря ей старая элита была заменена новой, лучше образованной, энергичной, свободной от комплекса революционных заслуг и ответственности за преступления и насилия 1920-х годов. Их жизненный опыт и быстрая карьера становились главной гарантией преданности вождю. Благодаря И.В. Сталину они получили свои высокие должности, а потому с ним связывали свои надежды на дальнейшее продвижение по служебной лестнице (Хлевнюк, 2010. С. 305–306). Отметим, что аналогичные подходы советское руководство демонстрировало и к творческой, и научной верхушке, в т. ч. на региональном уровне (Лисицина, Лисицин, 2019).

Конец 1935 г. В Киевском военном округе (КВО) окончились грандиозные по тем временам экспериментальные учения, на которых присутствовали представители дружественных иностранных государств. Группы командиров РККА отправлялись в иностранные армии на учения, для обмена опытом, по итогам которых военно-политическое руководство, командование РККА видело и понимало, что Красная армия к ведению военных действий на данный момент не готова.

Вызывает интерес доклад командующего войсками КВО командарма 1 ранга И.Э. Якира секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину в сентябре 1936 г., в котором И.Э. Якир отчитывается о поездке группы командиров Красной армии на маневры во Францию. По итогам учений И.Э. Якир довел до сведения И.В. Сталина ряд проблемных вопросов, которые необходимо было срочно вводить в РККА. Это необходимость:

– в моторизации всех средств разведки пехоты (пулеметов, мелкокалиберной артиллерии), всех средств связи, всех штабов и всей артиллерии;

– в наличии механизированных дивизий и их примерный штат;

– в форсированном строительстве укрепленных районов;

– организации связи постов связи и наблюдения в системе ПВО, располагающимися в пограничной полосе с центрами сбора донесений, информирующими о полетах противника;

– в наличии современных зенитных пушек;

– в управлении авиацией, работе авиационных штабов и связи;

– в наличии самолетов командования, хорошо оборудованных радиосвязью (РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 3. Л. 135–147).

Одновременно были высказаны предложения по организационно-штатной структуре механизированных корпусов, стрелково-пулеметных бригад, артиллерийских полков (РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 3. Л. 439–443).

Во второй половине 1930-х годов войсками Киевского военного округа командовали: Иона Эммануилович Якир (17 мая 1935 г. – 31 мая 1937 г.), Иван Федорович Федько (30 мая 1937 г. – 21 января 1938 г.), Семен Константинович Тимошенко (21 января 1938 г. – сентябрь 1939 г.), Геор-

гий Константинович Жуков (7 мая 1940 г. – январь 1941 г.) (Негода, 2018. С. 173–179).

Членами Военного совета КВО в тот же период являлись: Михаил Петрович Амелин (май 1937 г.), Ефим Афанасьевич Щаденко (30 мая 1937 г. – 23 ноября 1937 г.), Илья Корнилович Смирнов (7 января 1938 г. – март 1938 г.), Михаил Николаевич Поляков (с марта – декабрь 1938 г.), Андрей Семенович Николаев (11 декабря 1938 г. – 11 июля 1939 г.).

Заместителями командующего КВО являлись: Дмитрий Семенович Фесенко (май 1935 г. – 18 июля 1937 г.), Елисей Иванович Горячев (18 июля 1937 г. – 26 июля 1938 г.), Федор Семенович Иванов (1939 г. – январь 1941 г.), Всеволод Федорович Яковлев (январь 1941 г. – август 1941 г.).

Начальниками штаба КВО были: Дмитрий Александрович Кучинский (август 1935 г. – 11 мая 1936 г.), Василий Петрович Бутырский (14 мая 1936 г. – 25 апреля 1937 г.), Николай Иванович Подчуфаров (25 апреля 1937 г. – 23 июля 1937 г.), Иван Григорьевич Захаркин (23 июля 1937 г. – 3 июля 1938 г.), Иван Васильевич Смородинов (3 июня 1938 г. – 20 октября 1938 г.), Николай Федорович Ватутин (29 октября 1938 г. – 26 июля 1940 г.) (РГВА. Ф. 25880. Оп. 1. Упр. КВО. Л. 1–11).

Анализ сроков пребывания руководящего состава КВО в должностях в 1937–1938 гг. позволяет обнаружить частую их смену. Объяснить целесообразность нахождение командиров (начальников) на столь высоких должностях в течение нескольких месяцев или дней достаточно трудно. Перемещения военачальников были вызваны развернувшимися в стране и в армии массовыми политическими репрессиями.

Названные в конце 1980-х гг. цифры политических репрессий оставили несмываемое черное пятно в истории нашего Отечества и в немалой степени скомпрометировали Советское государство в глазах мировой общественности (Михалев, 2000. С. 56).

Командование округом пыталось всеми силами искоренить негативные моменты, имеющие место в войсках, повысить их боевую готовность. Об этом свидетельствуют приказы командующего войсками округа, так в приказе № 002 от 19 февраля 1937 г. командующий войсками КВО командарм 1 ранга И.Э. Якир анализировал состояние мобилизационной готовности и мобилизационной подготовки, ставил задачи по устранению недостатков, выявленных в ходе инспекторских проверок частей округа в 4-м квартале 1936 г.; в приказе № 007 от 3 мая 1937 г. оцениваются тыловые подразделения. Одновременно идет формирование подразделений и частей, особенно авиационных, принимаются действенные меры по фактам вредительства в отношении материальной части (приказ № 009 от 21 мая 1937 г.) (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 201. Л. 7–26).

После февральско-мартовского пленума партии, на основании приказа НКО № 0011 от 10 марта 1937 г., в РККА была развернута работа и по персональной проверке технического и обслуживающего персонала из числа вольнонаемных. Приказом командующего войсками КВО № 004 от 19 марта 1937 г. были образованы соответствующие комиссии в составе: а) в штабах корпусов дивизий и полков – начальник штаба, комиссар или помощник по политической части (корпуса, дивизии, полка), представителя НКВД; б) в органах местного военного управления – начальника управления мобокруга или районного военного комиссара, представителя НКВД с задачей провести персональную проверку всего писарского состава и технических работников: «Всех лиц невнушающих доверия, состоящих на службе по вольному найму и сверхсрочников немедленно уволить распоряжением командиров частей (начальников учреждений), писарский состав срочной службы откомандировать в строевые подразделения. На лиц начсостава представить по 6-му отделу исчерпывающий материал» (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 201. Л. 16–17). По итогам работы комиссий в период с 13 июня по 10 августа 1937 г. в КВО было уволено из рядов РККА 218 человек (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 209. Л. 1–324) писарского и технического состава.

29 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение № 47/102, в первом пункте которого говорилось: «Предложить НКО уволить из рядов РККА всех лиц командно-начальствующего состава,

исключенных из ВКП(б) по политическим мотивам» (Романенко, 2011. С. 177), что стало точкой отсчета в масштабных репрессиях комсостава в рядах РККА. Вопросы боевой готовности отошли на второй план.

Именно с апреля 1937 г. широкомасштабные репрессии затронули командно-начальствующий состав Киевского военного округа. 28 мая 1937 г. был арестован органами НКВД командующий войсками округа командарм 1 ранга И.Э. Якир. К началу июля 1937 г. в руки НКВД попали и в последующем были приговорены к высшей мере наказания за участие в военно-фашистском заговоре: заместитель командующего КВО комкор А.С. Фесенко, начальник политуправления округа армейский комиссар 2 ранга М.П. Амелин, его заместитель корпусной комиссар Н.О. Орлов, начальник штаба округа комбриг Н.И. Подчуфаров, его заместитель комбриг А.Г. Лабас (Сувениров, 1998. С. 90). Физическое уничтожение командующего войсками, его заместителей и соратников означало, по мнению военно-политического руководства, поражение «заговора» в КВО, но не его ликвидацию. В дальнейшем работа по очищению от социально-чуждых элементов проводилась под руководством вновь назначенного командующего войсками округа И.Ф. Федько (Черушев Н.С., Черушев Ю.Н., 2012. С. 17) и члена Военного совета округа Е.А. Щаденко, а так же вовлеченными Военным советом КВО к участию в репрессиях новыми военнослужащими.

Получив право называть «врагами народа» своих бывших командиров, подчиненные вмиг забыли об их прежних заслугах, а ошибки, допущенные ими в ходе выполнения своих служебных обязанностей, старались видоизменить и преподносить как действия врагов и шпионов. Так, в рапорте от 10 июня 1937 г. на имя нового командующего войсками округа и члена Военного совета округа, командир 60-й стрелковой дивизии комдив В.Н. Львов докладывал: «…Я, вместе со многими другими, слепо веря врагу Якиру, его приспешникам и агентам, добросовестно и со всей старательностью проводил в жизнь их приказы и их вредительские установки, не допускал мысли о критике или обжалованию их». Далее комдив В.Н. Львов сообщил, что вредительство в вопросах боевой подготовки проводилось главным образом по линии очковтирательства в крупном масштабе; что касается дислокации дивизии, то она разорвана на три части и разбросана на сотни километров; неправильный выбор места дислокации 87-й скоростной авиаэскадрильи в г. Овруч (75 км от границы); неправильно обстоит вопрос с комплектованием частей конским составом, еще хуже с комплектованием автотранспортом. Вредительство на стройке проводилось систематически и совершенно открыто, подбор и расстановка кадров начальствующего состава был вредительский. Этот доклад был сделан «в новом свете чудовищных преступлений и предательства, раскрытых… докладом [Федько] и выступлением т. Щаденко» (РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 3. Л. 182–195) и содержал компромат на многих командиров округа.

Чтобы возвысить себя в глазах нового командования округом, в июне 1937 г. командир 133-й механизированной бригады комбриг Я.К. Евдокимов (Черушев Н.С., Черушев Ю.Н., 2014. С. 81) прислал материал, обвиняющий заместителя начальника штаба округа комбрига А.А. Лабас в организации вредительского пробега группы машин 133-й механизированной бригады. Пробег был организован по прямому приказанию И.Э. Якира и с согласия начальника АБТВ РККА с целью проверки множества технических вопросов, связанных с выносливостью материальной части танков, рации, ремонта, питания горючим, эвакуации; санитарных вопросов, связанных с проверкой выносливости экипажей при длительных маршах. В пробеге активное участие принимало начальство АБТВ РККА, командиры, инженеры из Москвы, бригады инженеров и рабочих с заводов (РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 3. Л. 179–180).

Армейская среда непосредственно реагировала на сообщения о раскрытии так называемого военно-фашистского заговора. Характерно, что чем выше пост занимал тот или иной командир, тем больше поводов для беспокойства у него имелось, так как многие высокопоставленные командиры РККА некогда были близки с арестованными, знали

их по совместной службе. Формально осуждая «заговорщиков», основная масса командно-начальствующего состава находилась в растерянности и беспокойстве о дальнейшем развитии событий и о своей личной судьбе (Мильбах, 2005. С. 191).

В июне 1937 г. Военный совет округа получил право увольнять и давать санкции на арест командно-начальствующего состава до командира полка и ему соответствующих (Военный совет при народном комиссаре обороны СССР, 2008, С. 543)[1]. Анализ содержания приказов из дел Российского Государственного Военного архива показывает, что увольнение командно-начальствующего состава из рядов РККА осуществлялось коллегиальным решением. Приказы об увольнении подписывали: командующий военным округом командарм 2 ранга И.Ф. Федько или его заместитель, член Военного совета округа корпусной комиссар Е.А. Щаденко и начальник штаба округа И.Г. Захаркин. Необходимо отметить, что Е.А. Щаденко в должности члена Военного совета округа пробыл недолго, но оставил весомый след в истории округа как один из активных проводников политики репрессий. Служивший тогда в КВО командиром 2-й кавалерийской дивизии А.В. Горбатов вспоминал: «Щаденко с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба. Приглядывался, даже не скрывая этого, к людям, а вскоре развернул весьма активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров» (Горбатов, 1989. С. 117). Анализируя издаваемые приказы, можно установить в увольнении скольких командиров или начальников участвовал тот или иной представитель командования округом. В июне – июле 1937 г. основная формулировка увольнения командно-начальствующего состава из рядов РККА была: «освобождается от занимаемой должности и увольняется из рядов РККА по статье 43 п. «б» Положения о прохождении службы командного и начальствующего состава РККА» (в аттестационном порядке по служебному несоответствию). Помимо воинской должности, звания и фамилии, имени и отчества на подлежащего увольнению указывалось: партийность, национальность, год рождения, образование, с какого времени в РККА и участие в Гражданской войне. Приказы по личному составу подписывались ежедневно.

Например, приказом по КВО № 0011 от 18 июля 1937 г. были уволены 23 человека командно-начальствующего состава, а приказом № 0013 от 20 июля 1937 г. увольнению подлежали 12 человек из разных частей округа (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 202. Л. 33–46). В некоторых приказах рукой командующего или члена Военного совета отдельные фамилии командно-начальствующего состава вычеркнуты, а напротив некоторых наложена резолюция «Перевести», «Проверить». Благодаря этому часть командиров (начальников), на чьих фамилиях была наложена соответствующая резолюция, не подвергались репрессиям и продолжали служить в рядах Красной армии. Решения по этим военнослужащим свидетельствуют о том, что командующий и его заместители пытались вникнуть в суть проблемы и провести разбирательство для принятия объективного решения. Всего за три месяца (июнь, июль, август 1937 г.) были уволены 298 человек командно-начальствующего состава (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 202. Л. 1–65).

Приказы об отстранении, освобождении от занимаемых должностей издавались значительно реже, как правило, на старший командно-начальствующий состав. Так, за указанный период были отстранены от занимаемых должностей исполняющий должность военного комиссара 6-го стрелкового корпуса бригадный комиссар Н.И. Бородин и исполняющий должность военного комиссара 8-го стрелкового корпуса корпусной комиссар Л.Я. Грубер. Формулировка в приказе звучит следующим образом: «Отстранить от занимаемой должности как исключенный из членов ВКП(б)» (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 202. Л. 6). Приказом

[1] Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 624 с.

Military Council of the People's Commissar of Defense of the USSR. 1–4 June 1937: Documents and Materials. M. 2008. 624 p.

№ 092 от 11 июля 1937 г. одновременно были освобождены от занимаемых должностей 10 специалистов Строительного отдела КВО с формулировкой «За невозможностью дальнейшего использования в Строительном отделе КВО, освобождаю от занимаемых должностей» (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 209. Л. 154). Освобожденные от должностей начальники, занимавшиеся военным строительством в КВО впоследствии были уволены из рядов РККА: заместитель начальника СКО военинженер 2 ранга М.А. Волков, исполняющий должность помощника начальника отдела по авиастроительству военинженер 3 ранга Н.П. Каплинский, начальник 1-го отделения СКО военинженер 3 ранга В.А. Лившиц, начальник 4-го отделения СКО интендант 2 ранга И.М. Завгородний, начальник 6-го отделения СКО старший политрук Я.Г. Карасев, инженер-инспектор военинженер 3 ранга И.С. Зверев, главный бухгалтер А.Я. Березницкий, старший инженер группы авиастроительства С.С. Яворский, старший инженер-инспектор А.С. Абросимов, помощник начальника 4-го отделения И.П. Стешенко. Заместитель начальника СКО военинженер 2 ранга М.А. Волков и начальник 6-го отделения СКО старший политрук Я.Г. Карасев были арестованы органами НКВД по обвинению во вредительстве и осуждены по политическим статьям к расстрелу.

Ходатайство перед Народным Комиссаром Обороны СССР на изъятие из Красной армии и аресте за контрреволюционную и вредительскую деятельность командно-начальствующего состава оформлялось постановлениями Военного совета округа. Так, в постановлении Военного совета Киевского военного округа от 10 июня 1937 г. в повестке дня значилось возбуждение ходатайства перед Народным Комиссаром Обороны СССР об изъятии из Красной армии и «аресте за контрреволюционную и вредительскую деятельность следующих лиц: комдива Бахрушина, комбрига Дроздовского, инженера Упр. ВВС округа Иртюгу, полковника Родионова, комбрига Лабаса, полковника Боричевского, бригадного комиссара Левушкина, дивизионного комиссара Коновалова, полкового комиссара Бордаха, бригадного комиссара Прокшица, старшего политрука Гитеса» (РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 2. Л. 1). По каждому должностному лицу Военный совет округа представлял краткую характеристику. Например, заместитель командующего КВО по ВВС комдив А.М. Бахрушин, был охарактеризован как близкий личный друг Якира, вредительски разлагавший 81-ю авиабригаду, самую аварийную в округе ряд лет, во всем прикрывавшийся Якиром и Амелиным. Во вредительских целях Якир с упорством протащил Бахрушина на заместителя командующего войсками округа, неоднократно представлял его к наградам, добивался высшего звания. Бахрушин исключительно доверенный человек шпиона Якира и до конца ему преданный исполнитель в его шпионско-вредительских делах (РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 2. Л. 1).

Подобное отмечено в отношении полковника Родионова: «Начальник 2-го отдела Штаба КВО – ставленник и выдвиженец Якиром, исключительно тесно связанный с шпионами Гермониусом, Гудковым. Родионов заискивающий подхалим. Преданный Якиру человек. Жена полька устроилась работать в Штабе округа» (РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 2. Л. 2).

По всем 11 командирам Военный совет округа постановил: Просить Народного Комиссара Обороны СССР об изъятии из рядов РККА и аресте. Со 2 июля по 19 августа 1937 г. указанные выше лица были арестованы органами НКВД по обвинению в контрреволюционной и вредительской деятельности и в сентябре – декабре 1937 г. осуждены по политическим статьям.

С сентября 1937 г. в приказах командующего войсками КВО все чаще стала применяться формулировка об увольнении командно-начальствующего состава из рядов РККА: «Освобождается от занимаемой должности и увольняется из рядов РККА по статье 44 п. «в» (арест судебными или следственными органами), реже «Освобождается от занимаемой должности и увольняется из рядов РККА по статье 44 п. «б» (приговор суда).

Если ранее в приказах командующего войсками округа значился командно-начальствующий состав различных частей, то с августа 1937 г. приказы издавались по отдельно взятой воинской части.

Например, приказом командующего военного округа по личному составу от 5 августа 1937 г. № 0160 были уволены 19 человек командно-начальствующего состава 100-й стрелковой дивизии, приказом командующего военного округа по личному составу от 10 августа 1937 г. № 0176 были уволены 12 человек командно-начальствующего состава 7-й стрелковой дивизии, приказом № 0178 были уволены 6 человек командно-начальствующего состава 95-й стрелковой дивизии, а приказом № 0179 от 20 августа 1937 г. были уволены 12 человек командно-начальствующего состава 46-й стрелковой дивизии (РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 209. Л. 337–341, 403–415).

В приказах об отстранении от занимаемых должностей все чаще звучала фраза «как скомпрометировавший себя перед парторганизацией» и «как привлеченный к партийной ответственности». Спустя три месяца, на заседании Военного совета при НКО СССР в конце ноября 1937 г., командующий войсками округа командарм 2 ранга И.Ф. Федько и член Военного совета Е.А. Щаденко докладывали, что общее количество уволенных и арестованных (по политическим мотивам) военнослужащих КВО составляет 1894 и 861 человек соответственно (Негода, 2018а, С. 165).

О масштабе политической чистки можно судить по следующим цифрам: среди вновь назначаемых вместо уволенных или арестованных командиров в КВО было (по должностям): командиров корпусов – 90 %; командиров дивизий – 84 %; комендантов укрепленных районов – 100 %; командиров бригад – 50 %; командиров полков – 37 %; начальников штабов корпусов – 60 %; начальников штабов дивизий – 40 %. С июня по ноябрь 1937 г. в округе на выдвижение пошли более 3 тысяч новых командиров (Черушев, 2003. С. 25).

Таким образом, репрессии, начатые в 1937 г., не были стихийными. Заблаговременно была подготовлена база личных дел и кандидатов на увольнение из рядов РККА. Командование округом в какой-то степени знало о предстоящих чистках и на начальном этапе пыталось управлять процессом репрессий, решая определенные кадровые задачи, стремилось поддержать боевую готовность войск округа, не допустить оттока квалифицированных командных кадров, сохранить организованность и дисциплину (Смирнов, 2011. С. 476). Деятельность командующего войсками и Военного совета КВО была направлена на решение внутриполитических задач и способствовала расширению политических репрессий в среде командно-начальствующего состава. Общая кадровая картина была типичной для Красной армии, что подтверждают исследования документальных материалов других округов и флотов (Мильбах, Сапожников, Чураков, 2014; Горохов, 2017; Фомичев, 2017; Мильбах, Фомичев, Чураков, 2018; Мильбах, Павлович, Чураков, 2019).

Репрессии против командно-начальствующего состава КВО в 1938 г. также отличались масштабностью. По данным 6-го отдела УКНС РККА, в 1937 г. в КВО были уволены 2080 командиров (начальников), из них арестованы 848 чел.; в 1938 г. были уволены 2013 командиров (начальников), из них арестованы 605 чел. (РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 3–4). Таким образом, за период массовых политических репрессий КВО потерял уволенными не менее 4093 чел., из которых 1453 чел. были арестованы. Эти потери соответствуют общему количеству командно-начальствующего состава, которым можно было укомплектовать стрелковый корпус.

В период массовых политических репрессий 1937–1938 гг. командующий войсками КВО оказался не способным встать на защиту прав подчиненных, не смог препятствовать процессу расширения политической чистки командно-начальствующего состава. Это оказывало отрицательное влияние на систему боевой способности войск военного округа, решение задач мобилизационного развертывания, на деятельность органов военного управления по организации повседневной деятельности и боевой учебы войск.

Спустя год переломить ситуацию коренным образом не удалось. Поэтому в докладе принявшего в мае 1940 г. должность народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко было отмечено, что пехота РККА подготовлена слабее всех других родов войск. В акте

приема дел в разделе «Боевая подготовка войск» указывалось:

«1. Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота – взвод и особенно слабая подготовка начальствующего состава.

2. Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки…

3. Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

4. Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя; пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками» (Зюзин, 1992. С. 10).

Библиографический список

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. 366 с.

Горохов В.В. Особенности процесса политических репрессий командно-начальствующего состава Черноморского флота в 1937–1938 гг. и уточненные количественные и качественные показатели масштаба политической чистки // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 192–198.

Зюзин Е.И. Готовил ли СССР превентивный удар? // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 7–29.

Лисицина Я.Ю., Лисицин В.Г. «Моя вредительская работа…» (О судьбах иркутских интеллигентов, 1930-е гг.). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 233–245.

Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Особой Дальневосточной армии (1936–1938 гг.). Санкт-Петербург: Изд-во МВАА, 2005. 362 с.

Мильбах В.С., Павлович С.Л., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. Санкт-Петербург: Гангут, 2019. 340 с.

Мильбах В.С., Сапожников А.Г., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. Северный флот. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. 216 с.

Мильбах В.С., Фомичев С.О., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. Санкт-Петербург: Гангут, 2018. 290 с.

Михалев С.Н. Стратегическое руководство. Россия/СССР в двух мировых войнах XX столетия. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 464 с.

Негода Н.В. Состав, выполнение поставленных задач войсками КВО в условиях развития массовых политических репрессий в конце 1936 – начале 1937 гг. // Актуальные проблемы истории РККА 1918–1945: от основания до триумфа победы в ВОВ (к 100-летию РККА и РККФ): Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: Изд-во МВАА, 2018а. С. 161–168.

References

Gorbatov A.V. 1989. Years and wars. Moscow: Military Publishing. 366 p. (In Russ.)

Gorokhov V.V. 2017. Features of process of political repressions of the command personnel of the Black Sea Fleet in 1937–1938 and refined quantitative and qualitative indicators of scale of political cleaning. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 13. No. 4. Pp. 192–198. (In Russ.)

Zyuzin E.I. 1992. Did the USSR prepare a preemptive strike? *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal]. No. 1. Pp. 7–29. (In Russ.)

Lisitsina Ya.Y., Lisitsin V.G. 2019. “My sabotaging work…” (the fate of provincial creative intelligentsia (1930s). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of Ancient Technology Laboratory. Vol. 15. No. 1. Pp. 233–245. (In Russ.)

Milbakh V.S. 2005. Political repressions of the commanding personnel of the Special Far Eastern Army (1936–1938). St. Petersburg: MVAA Publishing House. 362 p. (In Russ.)

Mil’bakh V.S., Pavlovich S.L., Churakov D.R. 2019. Political repressions of the commanding officers of 1937–1938. Central Asian Military District. St. Peterburg: Gangut Publ. 340 p. (In Russ.)

Milbach V.S., Sapozhnikov, A.G., Churakov D.R. 2014. Political repression of the command officers in 1937–1938 on the Northern fleet. St. Petersburg: St. Peterburgskogo universiteta Publ. 214 p. (In Russ.)

Mil’bakh V.S., Fomichev S.O., Churakov D.R. 2018. Political repressions of the commanding officers, 1937–1938. Ural Military District. St. Peterburg: Gangut Publ. 290 p. (In Russ.)

Mikhalev S.N. 2000. Strategic management. Russia / USSR in two world wars of the twentieth century. Krasnoyarsk: RIO KGPU Publ. 464 p. (In Russ.)

Negoda N.V. 2018. Composition, fulfillment of the tasks assigned by the KVO troops in the conditions of the development of mass political repressions at the end of 1936 and the beginning of 1937. *Aktual'nye problemy istorii RKKA 1918–1945: ot osnovaniya do triumfa pobedy v VOV (k 100-letiyu RKKA i RKKF). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Actual problems of the history of the Red Army 1918–1945: from the foundation to the triumph of the vic-

Негода Н.В. Якир Иона Эммануилович – путь в бессмертие // Известия Лаборатория древних технологий. 2018b Т. 14. №1. С. 173–179.

Романенко К.К. Почему ненавидят Сталина? Враги России против Вождя. М.: Яуза-Пресс. 2011. 448 с.

Смирнов А.А. Крах 1941 – репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? Москва, 2011. 480 с.

Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕТРА. 1998. 528 с.

Фомичев С.О. Влияние массовых политических репрессий командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. на боеспособность войск Уральского военного округа // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3. С. 131–139.

Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 479 с.

Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на Голгофе. М.: Вече, 2003. 544 с.

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегаполис, 2012. 496 с.

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс – Хистори, 2014. 528 с.

Сведения об авторе

Негода Николай Васильевич,
заместитель начальника факультета (артиллерийского),
Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации,
Россия, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 22,
e-mail: NNehoda66@mail.ru

Критерии авторства

Н.В. Негода выполнил исследовательскую работу. На основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

tory in the Great Patriotic War (to the 100th anniversary of the Red Army and the Worker and Peasant Red Fleet): Proceedings of the international conference]. St. Petersburg: MVAA publishing house. Pp. 161–168. (In Russ.)

Negoda N.V. 2018. Yakir Iona Emmanuilovich – the path to immortality. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 14. No.1. Pp. 173–179. (In Russ.)

Romanenko K.K. 2011. Why hate Stalin? The enemies of Russia are against the Leader. Moscow: Yauza Press Publ. 448 p. (In Russ.)

Smirnov A.A. 2011. The collapse of 1941 – not because of repression! Did Stalin “decapitate” the Red Army? Moscow. 480 p. (In Russ.)

Souvenirov O.F. 1998.The tragedy of the Red Army 1937–1938. Moscow: TETRA Publ. 528 p. (In Russ.)

Fomichev S.O. 2017. Influence of mass political repressions of command-personnel of Red Army in 1937–1938 on the state of the combat capability of the troops of the Ural Military District. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 13. No. 3. Pp. 131–139. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. 2010. Master. Stalin and the approval of the Stalinist dictatorship. Moscow: ROSSPEN Publ. 479 p. (In Russ.)

Cherushev N.S. 2003.1937: Red Army Elite at Calvary. Moscow: Veche Publ. 544 p. (In Russ.)

Cherushev N.S., Cherushev Yu.N. 2012. The shot elite of the Red Army (commanders of the 1st and 2nd ranks, com-corps, divisional commanders and their equal): 1937–1941. Biographical dictionary. Moscow: Kuchkovo field; Megapolis Publ. 496 p. (In Russ.)

Cherushev N.S., Cherushev Yu.N. 2014.The shot elite of the Red Army. 1937–1941. Com-brigs and their equal. Moscow: Kuchkovo field Publ.; X. – Histori Publ. 528 p. (In Russ.)

Information about the author

Nikolay V. Negoda,
Deputy Head of the Faculty (Artillery),
Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
22 Komsomol Str., St. Petersburg 195009, Russian Federation,
e-mail: NNehoda66@mail.ru

Attribution criteria

Negoda N.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 32:342(091)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-219-229

О работе государственных органов Бурятии в 1941–1942 годах

© Е.Т. Протасов

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Отражены вопросы деятельности государственных, партийных и хозяйственных органов власти Бурят-Монгольской АССР в период Великой Отечественной войны. С первых дней военного периода развернулась форсированная перестройка управления всех сторон экономической и общественно-политической жизни. Права и полномочия автономной республики в самостоятельном решении крупных социально-экономических и политических вопросов были значительно ограничены, ее деятельность была подчинена задачам оказания всемерной помощи фронту. С изменением управленческой структуры экономики была осуществлена перестройка партийных и государственных органов с возрастанием полномочий и жесткой централизацией. Республиканские власти, хозяйственные организации добились оперативного перевода ряда предприятий на производство военной продукции, мобилизации использования местных ресурсов и возможностей, создания новых производственных связей. Была установлена строгая централизация в распределении сырья и материалов для обеспечения отраслей, работающих для фронта, увеличена продолжительность рабочего времени, произведена мобилизация финансов и средств населения, введена карточная система распределения продуктов и товаров, повсеместно повысилась ответственность и трудовая дисциплина.

Ключевые слова: Государственные органы власти, партийные структуры, хозяйственные организации, военное положение, мобилизация, народное хозяйство, предприятия, оборонная продукция, сбор вещей, продукты питания, массово-политическая работа

Информация о статье: Дата поступления 29 марта 2019 г.; дата принятия к печати 22 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Протасов Е.Т. О работе государственных органов Бурятии в 1941–1942 годах // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 219–229. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-219-229

On the work of State authorities of the Republic of Buryatia in 1941–1942

© Evgenii T. Protasov

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: The article devotes to activities of the state, party and economy-governmental authorities the Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War. From the first days of the war period, a forced restructuring of the management of all the aspects to the economic and socio-political life was started. The rights and powers of the Autonomus Republic of-independent addressing the major socio-economic and political issues were significantly limited, and its activities were subordinated to the objectives of providing full assistance to the front. Together with this change of management structure of the economy a reforming of the Party and State authorities in order to increased powers and rigid centralization was conducted. Republican authorities, business organizations have made rapid transfer of a number of enterprises on production of military products, the mobilization of local resources and opportunities, create new productive relationships. Strict centralization was installed in the distribution of raw materials and materials to ensure industries working for the front, increasing duration of labor time, mobilizing finance and public funds, introducing card system distribution of products and goods, increasing responsibility everywhere and work discipline.

Keywords: Public authorities of the power, party structures, economic organizations, martial law, mobilization, national economy, enterprises, defensive products, collecting things, food, mass and political work

Article info: Received March 29, 2019; accepted for publication April 22, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Protasov E.T. On the work of State authorities of the Republic of Buryatia in 1941–1942. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 219–229. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-219-229

22 июня 1941 года началась новая эпоха в отечественной истории – Великая Отечественной война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. По инициативе органов власти Бурят-Монгольской АССР 23 июня на центральной площади перед Домом Советов города Улан-Удэ состоялся огромный митинг с участием более 60 тысяч человек после обращения к гражданам СССР заместителя Председателя Совнаркома Союза ССР и Наркома иностранных дел В.М. Молотова. На митинге выступили первый секретарь Бурятского обкома и Улан-Удэнского горкома ВКП(б) С.Д. Игнатьев, а также представители рабочих, колхозников, интеллигенции, Красной армии. Они заверили руководство Советского государства в том, что отдадут все силы и средства для отпора вероломному агрессору (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3427. Л. 29–33). Также была принята соответствующая резолюция. Повсеместное проведение антивоенных митингов стало одной из активных форм протеста и борьбы тружеников республики в сложившейся обстановке. В тот же день газета «Правда» напечатала Обращение к советскому народу, которое заканчивалось словами, ставшими девизом борьбы против врага на фронте и в тылу: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» (Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 2000. С. 9). Были также опубликованы четыре первых Указа Президиума Верховного Совета СССР военного периода: о мобилизации военнообязанных в четырнадцати военных округах, военном положении в стране, объявлении в отдельных местностях военного положения (в семи республиках, шестнадцати областях, Москве и Ленинграде) и об утверждении положения о военных трибуналах.

29 июня была принята Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям (Очерки истории Бурятской организации КПСС, 1970. С. 361). 3 июля И.В. Сталин в своей знаменитой речи по Всесоюзному радио представил и разъяснил программу мероприятий, намеченных руководством страны, а также призвал «… быстро мобилизоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом» (Коммунистическая партия в период…, 1961. С. 87).

В период военного времени наряду с обычными конституционными органами были образованы временные чрезвычайные органы управления. 23 июня была создана Ставка Главного (затем – Верховного) Главнокомандования, 30 июня был создан Государственный Комитет Обороны СССР (далее – ГКО) совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР (Коммунистическая партия Советского Союза, 1988. С. 17–19). Это был коллективный орган и вся его деятельность направлялась Политбюро ЦК партии. Постановления ГКО имели силу законов (Вдовин, 2018. С. 267). Он возглавлял все государственное, военное и хозяйственное руководство в стране, его компетенции были чрезвычайно обширны. ГКО назначал и смещал высшее военное командование, занимался подготовкой резервов для действующей армии, решал все военно-стратегические вопросы. Налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжение населения и армии, занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по производственным объектам, обеспечивал государственную безопасность страны (Коржихина, 1974. С. 169). Был также создан Совет по эвакуации, в котором образовано управление по эвакуации населения, а также Комитет по учету и распределению рабочей силы, Главное управление материальных ресурсов, Комитет по разгрузке транзитных грузов. Несмотря на то, что общего

плана эвакуации не было, она носила организованный и планомерный характер (Кузнецов, 1974. С. 87). Этому способствовало постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 27 июня 1941 года «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» (История Великой Отечественной войны, 1961. С. 148). Наркоматы и другие центральные ведомства и организации исполнительной власти перешли на военный режим работы. Их решения, задания также подлежали неукоснительному выполнению (Вознесенский, 1947. С. 34).

После первых тяжелейших недель катастрофически складывавшейся ситуации на фронте общими усилиями членов ГКО, его комитетов и комиссий быстро удалось преодолеть паралич власти и растерянность. Почти все важнейшие решения, санкционированные тем же ГКО, принимались одновременно и от ЦК партии. Саму необходимость образования столь бепрецедентного государственного органа, а также полное огосударствление высшего партийного аппарата вряд ли можно поставить под сомнение, не разобравшись в реальном контексте происходивших событий. Но методы создания ГКО с позиций правовых положений и партийных уставных норм были избраны не лучшие (Базаржапов, 2000. С. 122–123). С первых дней Великой Отечественной войны государственные и партийные органы республики развернули активную и настойчивую работу. Они прилагали все усилия для консолидации возможностей предприятий и организаций, всех категорий граждан на оказание помощи фронту. Бурят-Монгольский обком ВКП(б), Совет Министров, Президиум Верховного Совета, органы военного управления определили основные направления и предстоящие задачи для промышленных предприятий, учреждений и организаций в условиях военного времени. Усиленными полномочиями стали обладать партийные и советские органы различных уровней (Палхаева, Протасов, 2009. С. 114). По мнению Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, война не только затруднила деятельность местных Советов, но и поставила перед ними ряд новых задач (Калинин, 1975. С. 282–283). Региональные, городские, районные органы власти приблизили свою работу к производству, повысили ответственность партийных организаций, трудовых коллективов за выполнение плана и состояние хозяйственной деятельности. В целях обеспечения оперативного и конкретного руководства отраслями региональной экономики в областном комитете партии создавали отраслевые отделы во главе с секретарями обкома. Были организованы новые отделы: военный, лесной, рыбной, местной промышленности, транспорта, торговли, животноводства, каждый из которых возглавлял секретарь обкома партии (Очерки истории Бурятской организации КПСС, 1970. С. 362). Был расширен и укреплен кадрами институт парторгов ЦК ВКП(б), а также парторгов обкома на важнейших предприятиях оборонного значения. Так, в республике они действовали на Паровозовагонном, Авиационном, Судостроительном, Стекольном заводах, а также Мясоконсервном и Джидинском вольфрамовом комбинатах. В повестках дня заседаний органов власти стали преобладать вопросы перестройки производства, освоения военной продукции, усиления оборонно-массовой работы, мобилизации трудящихся на досрочное выполнение производстственных заданий. Постоянное внимание в их работе отводилось замене уходивших в армию ответственных советских, партийных, комсомольских и хозяйственных работников, подготовке и выдвижению новых кадров, патриотической и массово-политической работе.

Для усиления партийного руководства сельским хозяйством Центральным комитетом партии в ноябре 1941 года было принято решение о создании чрезвычайных органов – политотделов МТС и совхозов. Учитывая то, что более 70 % населения региона являлись сельскими жителями, они вели широкую работу, мобилизовывали тружеников села на бесперебойное снабжение фронта и промышленности продовольствием и сырьем. Вот как были сформулированы задачи работников политотделов МТС в докладе первого секретаря Бурят-Монгольского обкома партии С.Д. Игнатьева: «Мы теперь обязаны, не считаясь ни с какими трудностями, дать стране столько продуктов сельского

хозяйства, сколько требуется. Эту задачу мы должны решить и решим положительно, ибо от этого во многом зависят жизненно важные экономические, политические и военные дела нашего государства» (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 598. Л. 2). Был направлен 31 начальник политотделов МТС, 3 начальника политотделов совхозов, 28 их заместителей и 30 помощников по комсомолу. Политотделы, опираясь на сельский актив, повседневно занимались подбром и воспитанием кадров, проводили большую оранизаторскую и политическую работу среди колхозников республики. Они вникали во все основные вопросы производства, боролись за укрепление дисциплины и порядка в сельскохозяйственных предприятиях и сельских населенных пунктах.

Огромный патриотический подъем людей позволил республиканской власти в сжатые сроки практически решить военно-мобилизационные задачи. В военкоматы, райкомы партии и райисполкомы, сельсоветы, комитеты ВЛКСМ, редакции газет поступали тысячи заявлений от добровольцев, причем многие из них коллективные (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 232. Л. 279). Целенаправленная работа в Бурятии проводилась по массовой мобилизации военнообязанных различных возрастов и призывников 1922–1923 годов рождения, объявленной 10 августа 1941 года. Мобилизация военнослужащих еще раз подтвердила правильность ленинской национальной политики. Плечом к плечу на защиту страны поднялись представители всех наций и народностей. Свыше 80 дивизий были сформированы в национальных республиках. В одном ряду со всеми мужественно сражались более 120 тысяч призванных из Бурят-Монголии, непосредственно в боевых действиях участвовало более 93 тысяч человек, из них не вернулось 34,2 тыс. человек, а также 6,5 тыс. военнослужащих стали инвалидами войны (Книга памяти, 2005. С. 18) Так, шесть братьев Полоновых ушли на фронт, двое погибли, а в семье Бояновых из четырех участников войны сложили свои головы трое.

Для укрепления руководства действующей армии и повышения партийного влияния среди личного состава в конце июня 1941 года ЦК партии утвердил постановление о мобилизации коммунистов на фронт в качестве политбойцов. Из состава Бурятской областной парторганизации за неполные два года до марта 1943 года ушли на фронт 5128 коммунистов или 49 %, из-за этого перестали существовать 94 первичные парторганизации. Это отмечал и военком республики, кавалер многих боевых наград Ф.Т. Будажабэ. Он также подчеркивал, что из Бичурской и Джидинской организаций сражались на советско-германском фронте 69 и 68 % коммунистов, из Заиграевского и Селенгинского районов 54 и 51 % членов (Будажабэ, 1985. С. 175).

25 октября того же года был проведен первый в условиях войны пленум обкома, который наметил переход всей организационной и партийно-политической работы на военный режим. Было решено в ноябре – декабре 1941 года увеличить выпуск продукции для нужд фронта на Паровозовагонном заводе на 40 %, Авиационном – на 20 %, Мясоконсервном комбинате – на 30 %, освоить новые виды продукции на Судоремонтном заводе и других предприятиях. Также региональный партийный комитет обязал партийные организации и руководителей предприятий обеспечить экономию сырья, материалов и энергии, изыскивать заменители дефицитных материалов, восстанавливать и использовать старогодные детали, ликвидировать простои рабочих и оборудования, брак в работе и прогулы, развивать творческую инициативу.

19 ноября обком партии по поручению ЦК ВКП(б) направил на руководящую партийно-политическую работу действующей армии группу из шестнадцати ответработников, в числе которых были нарком пищевой промышленности М.Г. Тюков, первый секретарь обкома ВЛКСМ В.А. Сахьянов, секретари райкомов партии Н.И. Зимин, Н.М. Писарев, П.Ш. Будажапов, Н.М. Мещенин, П.П. Морозов, Н.С. Шоболов, М.В. Юринский, заведующие военными отделами горкома и Пригородного райкома М.Л. Этингов, С.И. Наталин, прокурор города Улан-Удэ А.Г. Хмелев, начальник политотдела милиции БМАССР А.Н. Иволгин, начальник спецчасти Управления связи Я.В. Карпов, начальник Бурстройтреста В.Б. Носкин, парторг Селенгинского пароходства И.Е. Фомин и другие (ГАРБ.

Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3780. Л. 101–102). Следует отметить, что мобилизация проходила на высоком патриотическом уровне. Тогдашний секретарь обкома партии Б.С. Санжиев отмечал, что по решению ЦК ВКП(б) были также отправлены на фронт на руководящую политработу слушатель ленинских курсов, бывший второй секретарь обкома партии Д.Ц. Цыремпилон, слушатели ленинских курсов ВПШ при ЦК партии от Бурят-Монголии М.С. Багадаев, А.В. Башинов, Ч.Д. Доржиев, Б.Н. Новолоцкий, Ж.Д. Сампилон, М.М. Сыденов, И.И. Точилов, М.М. Черных (Санжиев, 1995. С. 57). Они отличились в боях на полях сражений, были награждены государственными наградами. Некоторые из них погибли на фронте.

Подхватывая инициативу коммунистов, рабочие Паровозовагонного завода с небывалым подъемом включились в борьбу за перевыполнение производственной программы завода. Они заявляли, что Красная армия героически защищала священные рубежи нашей родины, уничтожая коварного врага, а мы с таким же упорством будем работать на трудовом фронте, помогая укреплять хозяйственную и военную мощь страны Советов и тем самым ускорить победу (Бурят-Монгольская правда. 1941. 2 июля). По предложению Государственного комитета обороны на заводе было поставлено производство трех видов военной продукции. Это снаряды, мины и минометы. Наибольшее внимание придавалось цеху № 3, откуда производимая продукция направлялась сразу на фронт. За два месяца войны предприятие в 2,5 раза увеличило производство продукции специального назначения, что потребовало колоссального напряжения сил рабочих и служащих, трудившихся с многократным превышением норм времени. Задания ГКО в ноябре 1941 года было выполнено на 114 %, а в декабре – на 109 % (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3972. Л. 9–11). Труженики вагонопассажирского цеха поручение по выпуску санитарных вагонов выполнили к 15 декабря.

Исключительное значение придавалось ускорению строительства и пуску в эксплуатацию Авиационного завода, строительство которого продолжалось на окраине города Улан-Удэ. Республиканские и городские власти направили на помощь предприятию 400 человек. В четвертом квартале на завод прибыли 1000 рабочих и служащих Московского авиазавода и предприятие начало выпускать боевую продукцию для фронта. Был организован ремонт истребителей И-16, бомбардировщиков СБ конструкции Н.Н. Поликарпова и авационных двигателей. Продолжалось производство комплектов оперения бомбардировшиков ПЕ-2 и последующая их поставка головному Иркутскому авиазаводу (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3778. Л. 5–6). В августе 1942 года авиазавод № 99 по распоряжению Наркома авиационной промышленности СССР разработал серийный выпуск новых истребителей ЛА-5 конструкции С.А. Лавочкина, снабженный 14-цилиндровым двухрядным двигателем АШ-82 с воздушным охлаждением. Армейские летчики, в их числе трижды Герои Советского Союза И.И. Кожедуб и А.И. Покрышкин дали им высокую оценку.

Неоценимое значение в переводе народного хозяйства на жесткие условия оборонного режима имел железнодорожный транспорт. Уже 25 июня железнодорожники развернули социалистическое соревнование и начали стахановскую вахту за безусловное выполнение и перевыполнение государственных планов во всех отделениях, цехах и бригадах, на каждом станке и каждым рабочим по всем показателям. С первых дней боевых действий на фронте здесь был введен график продвижения военных маршрутов, установление очередности в приеме грузов, определенное уменьшение пассажирских перевозок. Был организован пропуск спаренных поездов, практиковались возможные меры по повышению скорости движения подвижного состава, сокращались интервалы движения между поездами. Передовые паровозные машинисты Москаленко, Кальник, Варламов водили поезда со скоростью свыше тысячи километров в сутки, а машинисты Стопник и Рязанцев ежемесячно экономили по 17 000 кг топлива, при этом средства от экономии передали в фонд обороны. Транспортники республики, являвшиеся четвертым отделением ВСЖД, активно боролись за отличное содержание дороги и бесперебойное движение железнодорожных составов. Накануне войны состояние

полотна железной дороги было неудовлетворительным, а некоторые ее дистанции являлись аварийными. За первые четыре месяца войны было отработано более двадцати тысяч человеко-смен на ремонте пути. За это время железнодорожники уложили 600 км пути, сменили 150 тыс. шпал и 102 км рельсов, отремонтировали 860 км пути (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3427. Л. 103–105, Л. 145–146).

С начала военного периода в тыловых регионах, как известно, не создавались комитеты обороны. Но вместе с тем партийные комитеты, соответствующие бюро и секретариаты, а также государственные органы с учетом их возросшей роли начали выполнять те же задачи и теми же формами и методами (Федоров, 2016. С. 67).

Они стали во многом не политическими, а главными координирующими и оперативными хозяйственно-экономическими и военно-оборонными органами, а местные Советы и комсомольские организации в значительной мере переключились на осуществление организационно-общественных и воспитательных функций (Цыкунов, 2014. С. 408). Фактически на местах сложилась как и в центре аналогичная система управления. Предельно жесткая, небывалая централизация явилась непосредственным продолжением реализованной еще довоенной тенденции к крайнему централизму. Но во многом оказавшейся вынужденной, она могла бы быть квалифицирована и как государственно-партийный тоталитаризм. Однако в складывающейся тогда неимоверно тяжелой обстановке при характеристике системы управления не принимать во внимание ее назначение было бы не совсем правильным и объективным (Базаржапов, 2000. С. 124).

Наркомат здравоохранения республики во главе с Н.А. Абыковым рассмотрел вопрос об ускоренной организации госпиталей для раненых бойцов. Был образован отдел эвакогоспиталей при наркомате по выполнению указаний ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР с руководителем В.Х. Берзиным и главным хирургом, кандидатом медицинских наук, Э. Р. Раднаевым. По согласованию с Наркомпросом часть учебных заведений, особенно в городе Улан-Удэ, была переоборудована под четырнадцать эвакогоспиталей, в которых за весь военный период прошли излечение 30,8 тыс. раненых (Женщины Бурятии, 2005. С. 5). Они разместились в средних школах № 1, 2, 3, 29, 42, гостинице «Байкал», курорте «Горячинск» и других местах. А в октябре решением региональных органов власти был образован республиканский комитет помощи по обслуживанию больных и раненных бойцов и командиров Красной армии во главе с секретарем обкома партии А.У. Хахаловым (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3779. Л. 8). Совнарком республики на своих заседаниях в 1942 и 1943 годах рассмотрел соответственно вопросы «О мероприятиях по улучшению работы эвакогоспиталей Наркомздрава БМАССР» (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 7. Д. 427. Л. 261–263) и «О медицинском обслуживании населения БМАССР» (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 7. Д. 406. Л. 200–201) с принятием развернутых постановлениий.

В связи с острой нехваткой рабочей силы в военные годы было мобилизовано для работы в промышленности, транспорте и строительстве 70,5 тыс. человек, это происходило поэтапно. На организованном руководством столичного города в Улан-Удэ 11 сентября 1941 года общегородском собрании женщин была принята резолюция, в которой они заверили, что отдадут все свои силы для работы тыла и общей победы (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3778. Л. 1–2). Бюро обкома приняло решение о выдвижении 1410 женщин на руководящую хозяйственную и производственную работу взамен ушедших на фронт мужчин. От начальников отделов кадров предприятий и организаций был потребован тщательный и серьезный подход к расстановке женщин при приеме на работу, создавая необходимые условия для закрепления их на производстве. Была намечена также подготовка машинистов паровозов и их помощников из числа женщин. За 10 месяцев с начала войны было выдвинуто на руководящую работу 667 женщин, в том числе на руководящую колхозную работу было направлено из городских организаций 84 человека и из районных центров 100 человек (Очерки истории Бурятской организации КПСС, 1970. С. 263). На 11 предприятиях республики было принято на ра-

боту 7500 женщин, подготовлено 1530 трактористок. Школы и училища трудовых резервов передали промышленным предприятиям и организациям 1684 учащихся, имеющих 3–4 разряды. В результате такого патриотического настроя в апреле 1942 года доля женщин в составе рабочих и служащих возросла до 51,1 % по сравнению с 28,4 % в 1939 году. На 30 декабря 1942 года удельный вес женщин из состава рабочих составлял на предприятиях мясной и молочной промышленности – 81,9 %, рыбной промышленности – 74,3 %, местной промышленности – 55,2 %, железнодорожном транспорте – 39 %, угольной промышленности – 14,8 %. Непрерывно повышался удельный вес женщин в сельскохозяйственном производстве (Докучаев, 1966. С. 22). Труженицы сельского хозяйства республики, преодолевая трудности, связанные с уходом в армию мужчин, мобилизацией в армию лошадей и техники, перестраивали работу колхозов, совхозов и МТС применительно к условиям военного времени. Они стали главной рабочей и руководящей силой в деревне. Председателями колхозов, бригадирами, звеньевыми, бухгалтерами, счетоводами становились женщины. Всего на этих ответственных участках трудились 12 тысяч женщин. Повсеместную поддержку получило письмо женской комсомольско-молодежной тракторной бригады Бимбы Дымбрыловой ко всем трактористкам Бурят-Монголии об организации женских тракторных бригад, вступлении во Всесоюзное социалистическое соревнование за высокие урожаи (Бурят-Монгольская правда. 1943. 26 февр.).

В республике накануне войны работали 504 колхоза, 5 совхозов, 30 машинно-тракторных станции. В условиях военного времени были внесены значительные изменения в структуру сельского хозяйства. Прежде всего, существенно увеличились посевные площади до 483 тыс. га (Зайцева, 1996. С. 98). Из-за изменений в структуре посевов в колхозах увеличились посевные площади проса при уменьшении ржи. Согласно установленных заданий озимый клин был увеличен в три раза. Повышенное внимание уделялось выращиванию сахарной свеклы, махорочного табака, подсолнечника, конопли, а площади занятые под картофель, увеличились на 29 %. Совнарком и бюро обкома партии 22 октября рассмотрели вопрос «О выполнении плана развития животноводства на 1941 год». Колхозам, не выполнившим государственный план по развитию животноводства, запретили забой и продажу скота. Наркомзему было поручено еженедекадно докладывать Совнаркому о ходе сдачи скота в колхозах (ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3780. Л. 76–84).

Решением Правительства БМАССР от 22 августа 1941 года на основании постановления Совнаркома СССР и решения Наркомата торговли СССР от 21 августа 1941 года № 1-953 в городе Улан-Удэ с 1 сентября, а в других городах и некоторых рабочих поселках республики с 10 ноября в качестве вынужденной меры были введены продовольственные карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия (Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 339. Л. 55–56). В связи с большой трудоемкостью этой работы при Совнаркоме и райисполкомах были созданы специальные бюро по выдаче продовольственных карточек с установленными штатами и фондами оплаты труда. Так, рабочим и ИТР второй группы (не основных предприятий и организаций), а также детям до 12 лет ежедневная норма хлеба составляла соответственно 600 и 400 граммов. С 9 ноября к первой категории по снабжению хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями были отнесены работники двадцати четырех организаций, в которые вошли государственные, партийные, профсоюзные, комсомольские, судебные органы, министерства и ведомства, а во вторую категорию вошли служащие еще девятнадцати учреждений и организаций. Тем самым даже в военное время персонал региональных и городских органов власти имел еще одну привилегию, что представляется не совсем справедливым. Вместе с тем соответствующими Указами Президиума Верховного Совета СССР в 1941–1943 годах были установлены местные налоги и сборы (Ведомости Президиума Верховного Совета СССР, 10 апреля 1942 г. № 13), подоходный налог с населения (Ведомости Президиума Верховного Совета СССР, 30 апреля 1943 г. № 17), а также налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан (Ве-

домости Президиума Верховного Совета СССР, 10 апреля 1941 г. № 42), которые несли дополнительные денежные нагрузки для скромных доходов граждан.

Важным фактором в пищевой промышленности, рыболовстве республики занимала добыча байкальского омуля. Одним из эвакуированных предприятий в поселок Нижнеангарск был Очаковский консервный завод Наркомрыбпрома из Николаевской области с оборудованием и персоналом, который был введен в эксплуатацию под наименованием Северобайкальский консервный завод (Тармаханов, 1979. С. 130). Он стал дополнительным предприятием Байкалрыбтреста наряду с действовавшими Баргузинским рыботоматным заводом, двумя рыбокоптильными предприятиями, одиннадцатью рыбоприемными пунктами и двумя сотнями рыболовецких лодок. С учетом этого в развернутом постановлении бюро обкома партии от 17 декабря 1941 года был утвержден план вылова рыбы на 1942 год для треста в количестве 150 тыс. центнеров и рыбных консервов до 5000 туб с принятием мер к полному освоению озер Байкала, Котокель, Еравнинских, Гусиного, а также рек Верхняя Ангара, Кичеры, Баргузина и Селенги со всеми прилегающими к ним озерами и притоками. В документе также содержались просьбы к Совнаркому СССР и Совнаркому РСФСР о переселении в 1942 году из центральных регионов страны 260 семей рыбаков-колхозников и 1300 рабочих для рыбзаводов, в том числе ловцов – 560, бондарей – 60, судоплотников – 100, рабочих по обработке рыбы – 250 и по поводу оснащения рыболовецкого флота, а также обращения к Наркорыбпрому СССР и Наркорыбпрому РСФСР, Центросоюзу по различным вопросам материально-технического обеспечения отрасли. Постановлением Совнаркома от 27 ноября 1941 года № 676 «Об увеличении рыбодобычи Буррыбтрестом» было поручено аймисполкомам до 10 декабря того же года выделить рабочую силу тресту в количестве 258 человек, Уполнаркомзагу СССР по БМАССР обеспечить гужевым транспортом (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 339. Л. 156–157). В ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» областной партийный орган 4 февраля принял дополнительные мероприятия по развитию рыбной промышленности БМАССР. На основе расширения рыбных промыслов, укрепления отрасли было решено довести добычу рыбы до 155 тыс. центнеров в год (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3986. Л. 6). В последующие военные годы принималось еще несколько конкретных решений региональных органов власти и управления. В связи с этим об интересном и характерном событии в начале июля 1942 года рассказал в своей книге «Годы и люди» А.У. Модогоев, работавший тогда первым секретарем обкома ВЛКСМ (Модогоев, 2004. С. 61–62). Во время его разговора у С.Д. Игнатьева поступил телефонный звонок от И.В. Сталина, который кратко поинтересовался помощью тыла фронту и настроением людей, а также выполнением плановых заданий по добыче омуля. Фронту требовалось мясо, два центнера рыбы заменяли один центнер мяса и требовалось увеличивать лов омуля. Сразу после этого С.Д. Игнатьев предложил обкому комсомола мобилизовать триста комсомольцев в сезон вылова рыбы, а также выехать к рыболовецким бригадам на берег Байкала. Там он рассказал рыбакам о разговоре со Сталиным, которые заверили об обязательном выполнении годового плана. По итогам 1942 года хозяйства республики обеспечили добычу 240 тыс. центнеров рыбы, в том числе 50 тыс. центнеров омуля, выполнив установленные задания на 154,8 %. При этом передовая бригада В.Я. Курбетьева с Еравнинского рыбзавода рапортовала о досрочном выполнении плана рыбодобычи и была премирована Совнаркомом республики (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 14. Д. 104. Л. 43). Работая фронтовыми темпами, борясь за каждый килограмм рыбы, бригада сдала к 15 декабря 1500 центнеров рыбы, что составляло 120 % годового плана.

История страны еще не знала такого исключительного героизма и массового самопожертвования на фронте и в тылу миллионов людей во имя Родины, выражения духа и творчества человеческих отношений, какими они проявились в годы войны. За боевые заслуги в борьбе с немецко-

фашистскими захватчиками 37 тысяч представителей республики были награждены орденами и медалями, тридцати девяти наиболее отличившимся воинам присвоено высокое звание Героя Советского Союза в годы войны. Одиннадцать человек удостоились высшими знаками солдатской доблести – ордена Славы трех степеней (История Бурятской АССР, 1959. С. 275). В республике более 100 млн рублей было сдано в Фонд обороны, 60 млн рублей облигациями, различных ценностей на сумму 2730 тысяч рублей, а также отправлено на фронт 322 тысячи теплых вещей. 83 200 человек были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Таким образом, в Бурят-Монгольской АССР с первых дней войны под руководством центральных государственных и партийных органов власти развернулась форсированная модернизация управления всех сторон экономической и общественно-политической жизни в соответствии с требованиями военного времени. Проявились огромные возможности управленческих структур, в том числе в республике. Централизованная система управления в труднейших условиях показала невиданный потенциал. В первые два года войны региональные органы власти, хозяйственные организации добились оперативного перевода ряда предприятий на производство военной продукции, мобилизации использования местных ресурсов и возможностей, создания новых производственных связей. Ведущие отрасли экономики региона повысили выпуск валовой продукции более чем на 10 %. Использовались различные формы связи фронта и тыла, армии и народа в условиях патриотического настроя, огромной помощи и жертвенности населения республики.

Библиографический список

Базаржапов В.Б. Трудовой подвиг тыла. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 2000. 160 с.

Будажабэ Ф.Т. Боевой подвиг воинов Бурятии // И в тылу ковалась победа. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1985. 196 с.

Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 2000. 322 с.

Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: Проспект, 2018. 866 с.

Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947. 192 с.

Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1966. 56 с.

Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и воспоминания (к 60-летию Победы). Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 316 с.

Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии (1930–1950-е гг.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. 280 с.

История Бурятской АССР: в 2 т. / ред. П.Т. Хаптаев [и др.]. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1959. Т. 2. 643 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 2. 458 с.

Калинин М.И. Статьи и речи (1941–1946 гг.). М.: Политиздат, 1975. 672 с.

References

Bazarzhapov V.B. 2000. Labor feat of the back. Ulan-Ude: Buryat. book publishing house Publ. 160 p. (In Russ.)

Будажабэ F.T. 1985. Fighting feat of soldiers of Buryatia. *I v tylu kovalas' pobeda* [And in the back the victory was forged]. Ulan-Ude: Buryat. book publishing house Publ. 196 p. (In Russ.)

2000. Buryatia in the Great Patriotic War, 1941–1945. Collection of documents. Ulan-Ude: Buryat book publishing house Publ. 322 p. (In Russ.)

Vdovin A.I. 2000. USSR. History of the great State (1922–1991). Moscow: Avenue Publ. 2018. 866 p. (In Russ.)

Voznesensky N.A. 1947. Military economy of the USSR in the period of Patriotic War. Moscow: Gospolitizdat Publ. 192 p. (In Russ.)

Dokuchayev G.A. 1966. Working class of Siberia in the Great Patriotic War. Novosibirsk. 56 p. (In Russ.)

2005. Women of Buryatia in days of the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and memoirs (to the 60 anniversary of the Victory). Ulan-Ude: JSC Republican Printing House publi-shing house Publ. 316 p. (In Russ.)

Zaytsevo L.A. 1996. Agriculture of Buryatia (1930–1950th). Ulan-Ude: BNTs Siberian Branch of the Russian Academy of Science publishing house Publ. 280 p. (In Russ.)

Haptayev P.T. 1959. History of Buryat ASSR. In 2 vol. Ulan-Ude: Buryat. book publishing house Publ. Vol. 2. 643 p. (In Russ.)

1961. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union of 1941–1945. Moscow: Gospolitizdat Publ. Vol. 2. 458 p. (In Russ.)

Kalinin M.I. 1975. Articles and speeches (1941–1946). Moscow: Politizdat Publ. 672 p. (In Russ.)

Книга памяти : в 8 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. Т. 8. 348 с.

Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 года – 1945 год). Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. 332 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 6. 431 с.

Коржихина Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917–1972. М.: Изд-во РГГУ, 1974. 310 с.

Кузнецов И.И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1974. 278 с.

Модогоев А.У. Годы и люди. 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. университета, 2004. 221 с.

Очерки истории Бурятской организации КПСС / под ред. А.У. Хахалова, Д.Д. Лубсанова, Б.М. Митупова, Ц.О. Очирова, Г.Л. Санжиева. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1970. 611 с.

Палхаева Е.Н., Протасов Е.Т. Законодательная власть Бурят-Монгольской АССР (1923–1937 гг.): историческое исследование. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 134 с.

Санжиев Б.С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и в годы Великой Отечественной войны (Странички воспоминаний: годы и события) / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Сибирь, 1995. 180 с.

Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии в 1938–1959 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 334 с.

Федоров А.Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 65–73.

Цыкунов Г.А. Советский опыт освоения Сибири // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 2. С. 401–410.

Сведения об авторе

Протасов Евгений Тарасович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова Министерства сельского хозяйства Российской Федерации,

Россия, 670024, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8,

e-mail: protasov-evg@mail.ru

2005. Book of memory. In 8 vol. Ulan-Ude: Republican printing house Publ. Vol. 8. 348 p. (In Russ.)

1961. The Communist Party in the period of the Great Patriotic War (June, 1941–1945). Documents and materials. Moscow: Gospolitizdat Publ. 332 p. (In Russ.)

1985. Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Moscow: Politizdat Publ. Vol. 6. 431 p. (In Russ.)

Korzhikhina T.P. 1974. History and modern organization of public institutions of the USSR. 1917–1972. Moscow: RGGU publishing house Publ. 310 p. (In Russ.)

Kuznetsov I.I. 1974. Eastern Siberia in days of the Great Patriotic War. 1941–1945. Irkutsk: East.-Sib. publishing house Publ. 278 p. (In Russ.)

Modogoyev A.U. 2004. Years and people. Ulan-Ude: Buryat publishing house. State University Publ. 221 p. (In Russ.)

Hakhalov A.U., Lubsanov D.D., Mitupov B.M. 1970. Sketches of history of the Buryat organization CPSU. Ulan-Ude: Buryat. book publishing house Publ. 611 p. (In Russ.)

Palkhayeva E.N., Protasov E.T. 2009. Legislature Buryat-Mongol ASSR (1923–1937): historical research. Ulan-Ude: Buryat publishing house State University Publ. 134 p. (In Russ.)

Sanzhiyev B.S. 1995. Social and political life and national and cultural construction of the Soviet Buryatia on the eve of and in days of the Great Patriotic War (A page of memoirs. Years and events). Irkutsk: Siberia Publ. 180 p. (In Russ.)

Tarmakhanov E.E. 1979. The industry and working class of the Soviet Buryatia in 1938–1959. Novosibirsk: Science Publ. 334 p. (In Russ.)

Fedorov A.N. 2016. “Chelyabinsk affair”. Replacement of the Party leaders of the Chelyabinsk region in 1949–1950. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 6. Pp. 65–73. (In Russ.)

Tsykunov G.A. 2014. Soviet experience of development of Siberia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Historical and economic researches]. Vol. 15. No. 2. Pp. 401–410. (In Russ.)

Information about the author

Evgenii T. Protasov,

Cand. Sci. (History), the associate professor of the Department of Management,

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, 8 Pushkin Str., Ulan-Ude 670024, Republic of Buryatia, Russian Federation,

e-mail: protasov-evg@mail.ru

Критерии авторства

Е.Т. Протасов самостоятельно выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Protasov E.T. independently performed research, on the basis of the received results carried out generalization, prepared the manuscript for publishing, has copyright of article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 355/359
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-230-238

«Мы – армия страны, мы – армия народа»: организационные мероприятия 1941–1947 гг. в Забайкалье и Монголии

© В.Н. Воронцов

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Опыт военного строительства, накопленный сторонами в условиях Второй мировой войны, не может игнорироваться. В статье рассматривается судьба стрелковых войск Забайкальского фронта, дан обзор развития воинских соединений в Забайкалье и Монголии в 1941–1947 гг. Последовательно прослеживаются четыре сюжета: организационные мероприятия в дивизиях довоенного формирования, развертывание других стрелковых соединений военного времени, участие в боевых действиях против Японии в августе 1945 г., послевоенные мероприятия в стрелковых войсках местной дислокации и переброшенных из Восточной Европы накануне Советско-японской войны. На основе впервые вводимых в научный оборот руководящих указаний и отчетных материалов предметно показан перевод воинских соединений с осени 1945 г. на мирное положение. Подробное рассмотрение архивных документов, их хронологии и содержания решает и вспомогательные источниковедческие задачи. Успешная демобилизация, являясь исключительно сложным и многоплановым общегосударственным мероприятием, продемонстрировала зрелость и эффективность сталинского режима. Интересна и поучительна панорама распоряжений по реорганизации всей армейской структуры на ее жестко-плановую адаптацию к мирным условиям. На конкретных примерах раскрыта практика расформирования отдельных дивизий. Проанализированный фактический материал раскрывает как общие тенденции, так и региональную специфику в развитии советских Вооруженных сил.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Советско-японская война 1945 г., Забайкальский фронт, Забайкальско-Амурский военный округ, стрелковые корпуса, стрелковые дивизии, расформирование, приказы, Советская армия, военное строительство, сталинский режим

Информация о статье: Дата поступления 15 января 2019 г.; дата принятия к печати 11 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Воронцов В.Н. «Мы – армия страны, мы – армия народа»: организационные мероприятия 1941–1947 гг. в Забайкалье и Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 230–238. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-230-238

“We are the army of the country, we are the army of the people”: organizational measures of 1941–1947 in Transbaikalia and Mongolia

© Vladislav N. Vorontsov

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The experience of military construction gained by the parties during the Second World War cannot be ignored. The article considers the history of infantry corps and divisions formed as part of the Zabaykalsky Front. An excursion into an overview of the deployment of military units in Transbaikalia and Mongolia in 1941–1947 is done. Four plots are consistently traced: organizational measures in the pre-war divisions, the deployment of other wartime rifle formations, participation in hostilities against Japan in August 1945, post-war activities in local rifle troops deployed from Eastern Europe on the eve of the Soviet-Japanese War. On the basis of the guidelines and reporting materials for the first time brought into scientific circulation the transfer of military units after autumn 1945 to a peaceful situation is shown in detail. Detailed consideration of archival

documents, their chronology and content solves the auxiliary source problems. Successful demobilization, an extremely complex and multifaceted national effort, has demonstrated the maturity and effectiveness of the Stalinist regime. Interesting and instructive panorama of the orders to reforming the entire army structure to rigidly-planned adaptation to peaceful conditions. Based on concrete examples, the worked out practice of disbandment of separate divisions as well as the direction of the released staff and transfer of military property are shown.

Keywords: the Great Patriotic War, the Soviet-Japanese War 1945, Zabaykalsky Front, the Trans-Baikal-Amur Military District, infantry corps, infantry division, disbandment, orders, Soviet Army, military building, Stalinist regime

Article info: Received January 15, 2019; accepted for publication February 11, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Vorontsov V.N. “We are the army of the country, we are the army of the people”: organizational measures of 1941–1947 in Transbaikalia and Mongolia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 230–238. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-230-238

В настоящее время период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. занимает центральное, определяющее место в российской национальной памяти. Победа над фашистской Германией в мае 1945 г., а затем и над милитаристской Японией в августе 1945 г. остается главным позитивным символом России, ценнейшим духовным ресурсом народа, главным звеном в преемственности исторического опыта и прочной основой формировании патриотизма.

Объектом постоянного интереса исторической науки и гражданского общества закономерно являются причины победы СССР. В советской историографии сформировалась стройная система канонизации и героизации военных событий, сложился целый комплекс догм и стереотипов. Вынужденно допущенные (под влиянием идеологического монополизма) советскими историками обширные лакуны были использованы западными, а затем и частью постсоветских российских авторов как повод для развернутой критики, а затем и огульного опровержения советской концепции.

«Распад СССР разрушил многие стереотипы, низверг ценностные ориентиры, обеспечил плюрализм мнений и породил острую дискуссионность в трактовках прошлого. К образу величайшей победы добавились самые разные трактовки ее «цены»: огромных людских и материальных потерь, предметный анализ влияния предвоенной внутренней и внешней политики СССР на ход войны, нелицеприятные оценки ответственности высшего руководства за неудачное начало войны»[1]. Реальностью стали многочисленные попытки подбором исключительно негативных фактов из советского военного прошлого и предвзятых интерпретаций политически и идеологически воздействовать на современную Россию, сформировать максимально выгодный для внешних сил «образ прошлого и будущего» нашего Отечества. Отсюда попытки постулировать вину коммунистического режима, утвердить тезис о его военной и экономической некомпетентности, несостоятельности. Недаром издателям даже лучших западных трудов, приходиться снабжать их постраничными полемизирующими примечаниями и уточняющими комментариями (Гланц, 2008).

В связи со всем этим перед российскими историками встает сложная и почетная задача проанализировать как события Великой Отечественной войны, так и широкий контекст предвоенных предпосылок и послевоенных тенденций – осознать комплекс последствий Великой Победы. Предметное изучение военно-организаторской деятельности власти, оценка ее действий – важная исследовательская задача. Особо подчеркнем, что целесообразным и продуктивным мы считаем рас-

[1] Суханов С.В. Вневойсковая военная подготовка населения Иркутской области накануне и в годы Великой Отечественной войны : дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2018. С. 3–4, 22–23.
Sukhanov S.V. Out-troops military training of population of the Irkutsk region on the eve and in the years of the Great Patriotic War): dis.... Cand. Sci. (History). St. Petersburg, 2018. Pp. 3–4, 22–23.

смотрение именно в региональном аспекте, позволяющем подробнее и глубже проследить как общие закономерности, так и специфику реализации решений центра на местах, и в итоге аргументировано показать глубоко интегрированный характер советского общественно-политического строя.

Отметим, что современные исследователи (А.В. Исаев, С.Б. Булдыгин и другие) все шире применяют возможности контрафактического моделирования. Еще во время войны прием ограниченно использовался в аргументации даже государственных лидеров (Сталин, 1947), а в современной России исключительно популярен и востребован в художественном жанре альтернативной истории. Яркая и образная картина большей или меньшей степени отличности от событий фактической реальности, «сказочности» позволяет авторам выйти на обобщения и умозаключения, которые трудно сформулировать и представить читателям традиционным путем. Например, романы С.В. Анисимова «Вариант «Бис»», А.Ф. Дроздова «Интендант третьего ранга», Р.В. Злотникова «Элита элит», О.А. Кожевникова «Будущее в тебе» (цикл), Г.И. Романов «Линия Сталина» и т. д.

В настоящей статье предметно рассматривается картина организационного строительства стрелковых воинских соединений в Забайкалье и Монголии в течение 1941–1947 гг. Ранее мы уже проанализировали судьбу 85-го и 86-го стрелковых корпусов и в самом общем виде формирований военного времени (Воронцов, 2018). Теперь нам предстоит последовательно проследить еще четыре сюжета: организационные мероприятия в дивизиях довоенного формирования, развертывание других стрелковых соединений военного времени, участие в боевых действиях против Японии в августе 1945 г. (с оценкой выявленных при этом ресурсных возможностей СССР), послевоенные мероприятия в стрелковых войсках местной дислокации и переброшенных из Восточной Европы накануне Советско-японской войны. Архивные документы стали доступны для исследования сравнительно недавно, будучи рассекречены в 2007 г.

Развитию танковых и кавалерийских соединений, укрепленных районов и оборонительного строительства Забайкальского фронта (округа) в будущем планируется посвятить три отдельные предметные публикации, поэтому в настоящей статье эти сюжеты не рассматриваются, кроме отдельных упоминаний. Общая картина развития Красной армии вполне раскрыта (Мельтюхов, 2000. С. 325–348; Феськов, Калашников, Голиков, 2004a; Феськов, Калашников, Голиков, 2004b), может быть оценена и степень ее теоретической обоснованности и адекватности (Свечин, 1927. С. 4, 110–149). Центральные понятия по А.А. Свечину: политическая основа армии, количество и качества, регулярная армия и партизаны, моральные силы, железнодорожный маневр, перманентность мобилизации, необходимость гибкости, подготовка пограничных театров (организационная, дорожная, фортификационная) и т. д. Определяющая роль перманентной мобилизации в Великой Отечественной войне оправданно подчеркивается самыми авторитетными авторами (Шапошников, 2006; Исаев, 2005). Специфика вынужденно различных подходов к формированию новых воинских соединений на разных этапах войны также предметно проанализирована (Колесник, 1988; Ростов, 2007). Развернуто рассмотрена деятельность советского транспорта (Ковалев, 1981. С. 384–423; Ростов, 2011) и экономики СССР в целом (Павлов, 1979). Есть понимание специфики Забайкальского фронта[2] (Ордена Ленина Забайкальский, 1980; Форпост на востоке, 1985; Очерки истории…, 1986; Воронцов, 2018). Но исключительный методологический и дидактический интерес представляют представления советских военных о японской армии (Свечин, 1937), а также планы наступления на сопредельные территории (Безугольный, 2003; Мармышев, Елисеенко, Новиков, 2016. С. 377).

Рассмотрим организационные мероприятия в Забайкалье на примере 94-й стрелковой дивизии.

[2]Габов С.А. Забайкальский военный округ в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941 – май 1945 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1975. 212 с.

Gabov S.A. Trans-Baikal Military District during the Great Patriotic War of the Soviet Union (June 1941 – May 1945): dis.... Cand. Sci. (History): 07.00.02. Irkutsk, 1975. 212 p.

К формированию этой дивизии по штатам военного времени штаб Сибирского военного округа приступил 10 июля 1939 г. в городе Красноярске и Ачинске. Формировал дивизию штаб Сибирского военного округа. Основой формирования дивизии явились: 9-й стрелковый полк, 259-й гаубичный артполк, 1-й дивизион 97-го артполка, отдельная танковая рота, отдельно-зенитно-пулеметная рота и приписной состав из запаса, призванный по Указу Верховного Совета СССР от 16 июля 1939 г. По окончании формирования 15 июля 1939 г. было присвоено наименование «94-я стрелковая дивизия» (Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

1 августа 1941 г. дивизия перешла на штат военного времени № 04/400. 25 сентября на Ленинградский фронт из 152-го стрелкового полка отправлена команда из 71 чел., 17 февраля 1942 г. на Советско-германский фронт отправлен маршевый батальон из 9-го стрелкового полка, затем из 64-го полка – 1500 бойцов, из 152-го – 2094. 10 января 1943 г. туда же – 2071 чел. из 9-го и 152-го полков, 19 ноября 418 чел. из 9-го. 26 мая 94-й стрелковая дивизия переведена на штат гвардейской дивизии № 04/500.

Какова же динамика численности и оснащения соединения? В период с 1 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 г. дивизия имела 12 гаубиц 122-мм калибра, 36 пушек 76-мм, 30–39 противотанковых пушек 45-мм. Минометное вооружение составляло 18 минометов 107-мм и 120-мм калибра, минометов калибра 82-мм и 50-мм сначала было 42 и 74, а затем 72 и 85 соответственно. Дивизия имела 112 противотанковых ружей. Личный состав менялся в интервале от 13600 до 14500 чел. Четко прослеживается существенное уменьшение мобильности: на 1 апреля 1942 г. 94-я стрелковая дивизия имела 305 автомашин и 2488 лошадей, на 1 мая – 236 и 2431, на 1 марта 1943 г. – 98 и 1930, что еще раз подчеркивает то, с каким напряжением страна концентрировала все силы против Германии.

Для полноты картины приведем данные о возрасте рядового состава на 1 января 1943 г. и 1 января 1944 г.: 1923–22 гг. рождения и моложе – 3061 и 4536 соответственно, 1921–1917 гг. – 2509 и 2469, 1916–1912 гг. – 1841 и 1487, 1911–1907 гг. – 1758 и 1113, 1906–1902 гг. – 847 и 528, 1901–1897 гг. – 171 и 198, 1896 г. и старше – 53 и 36, итого 10240 и 10338. Национальный состав на те же даты по убыванию: русские – 11148 и 8244, украинцы 736 и 509, татары – 578 и 488, буряты – 421 и 217, казахи – 237 и 206, чуваши – 171 и 124, мордвины – 142 и 136, белорусы – 82 и 58, евреи – 78 и 62, башкиры – 61 и 20, удмурты и марийцы – по 37 и по 14, армяне – 17 и 12, грузины – 7 и 9, киргизы – 9 и 9, азербайджанцы 7 и 4, узбеки – 12 и 6, таджики – 1 и 36, коми – 8 и 2, поляки – 7 и 0, туркмены 2 и 2, дагестанцы – 4 и 1,осетины – 3 и 4, чеченцы и ингуши – 3 и 0, карелы – 3 и 4, латыши и латгальцы – 4 и 0, эстонцы – 2 и 0, кабардинцы и балкарцы 2 и 0, калмыки – 1 и 0, остальные 179 и 147, всего 14019 и 10338 (ЦАМО. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1. Л. 85).

За отличные боевые действия по разгрому японского гарнизона в г. Хайлар и Хайларском укрепленном районе 94-я стрелковая дивизия была 12 октября 1945 г. награждена орденом Красного Знамени (ЦАМО, Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–48). С 15 декабря соединение перешло на штаты мирного времени, состав дивизии: 9-й, 64-й и 152-й стрелковые полки, 99-й отдельный батальон связи, 124-й отдельный саперный батальон, 118-й отдельный медико-санитарный батальон, отдельный учебный батальон, 158-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 1187-й отдельный зенитный дивизион, 83-я мотострелковая разведывательная рота, 95-я отдельная авторота подвоза, 89-я хлебопекарня. В составе дивизии: 673-я артиллерийская бригада из 97-го пушечного, 298-го гаубичного и 854-го минометного полков и отдельного учебного дивизиона. В июне 1946 г. соединение перешло на новые штаты.

Теперь проследим развертывание соединений военного времени в Забайкалье на примере управления 2-го стрелкового корпуса. Корпус с таким номером формировался дважды: впервые в сентябре 1922 г. в Москве, июнь 1941 г. он встретил в Белоруссии, а 16 августа управление корпуса обращено на формирование 50-й армии. Вторично управление 2-го стрелкового корпуса формирова-

лось со 2 июня 1942 г. на разъезде 79 Забайкальской железной дороги. Основание – Директива заместителя народного комиссара обороны СССР армейского комиссара 1 ранга Щаденко орг/2/2018 от 17.5.42 г. и Приказ войскам Забайкальского фронта от 23.5.42 г. № 00363. К 10 июня 1942 г. образовано управление 2-го отдельного стрелкового корпуса по штату № 04/1 численностью – 151 чел., 10-й отдельный батальон связи корпуса по штату № 04/890 численностью – 579 чел., военный трибунал корпуса по штату № 04/640, Военная прокуратура корпуса по штату № 04/641, 1999 ППС по штату 14/69-б, 1206 полевая касса по штату 04/16 (ЦАМО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 1). В тот же день в состав корпуса включены 399-я стрелковая дивизия (штат № 04/200-213), 51-я кавалерийская дивизия (штат № 06/230-241 с дислокацией – поселок Урулюнгуй), 44-я танковая бригада (штат № 010/313 с дислокацией – Адан-Челон), 176-й минометный полк (штат № 08/106 с дислокацией –Урулюнгуй). Кавалерия и танки переданы из состава 36-й армии. Судя по всему, включение в состав корпуса (четко отраженное в его историческом формуляре) 399-й стрелковой дивизии все же было номинальным, поскольку она уже 28 июля 1942 г. прибыла на подступы к Сталинграду, в большую излучину Дона и вошла в состав действующей армии. 51-я кавалерийская дивизия прибыла на Центральный фронт 19 февраля 1943 г., а уже 30 апреля она расформирована, а ее личный состав обращен на пополнение 8-й кавалерийской дивизии.

Но вернемся в Забайкалье. В июле – августе 1942 г. на разъезде 77 Забайкальской железной дороги сформирована (и в дальнейшем квартировала) 103-я стрелковая дивизия с последующим включением в состав 2-го отдельного стрелкового корпуса. Основание – Директива заместителя народного комиссара обороны СССР № орг/2/2153 от 18 июля 1942 г. и приказ войскам Забайкальского фронта № 00490 от 24 июля 1942 г. Это было соединение уже 3-го формирования, поскольку дивизия первого формирования (бывшая 103-я моторизированная) погибла в Вяземском окружении в октябре 1941 г., дивизия второго (бывшая 463-я стрелковая) погибла в Харьковском окружении в мае 1942 г. На создание 103-й дивизии в третий раз рядовой и сержантский состав прибыл по нарядам Забайкальского фронта из 35-й и 41-й запасных стрелковых бригад из числа необученного контингента (ЦАМО. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Соединение формировалось по штатам № 04/200-216, а 10 июля 1943 г. приказом войскам фронта № орг/00125 переведено на новые штаты 04/500 – 04/512, 04/563, 04/215, 04/96-В, 04/16. Движение личного состава: 2 декабря передано в другие части 1066 рядовых и сержантов, 16 декабря получено на доукомплектование 1305 призывников 1926 г. рождения из Алтайского окружного военного комиссариата, текущее пополнение (взамен убывающих в долгосрочный отпуск и направляемых в военные училища) прибывало из батальонов выздоравливающих 41-й запасной стрелковой бригады. За 1944 г. уволено по болезни 317 рядовых и сержантов. Численность на 1 января 1944 г. и 1 мая 1945 г. офицеров 877 и 824 соответственно, сержантов 2888 и 2758, рядовых 6654 и 5813, итого: 10419 и 9739.

В 1945 г. 2-й стрелковый корпус включал 103-ю, 275-ю и 292-ю стрелковые дивизии, которые в 22 часа 8 июля походным порядком выступили к границе Маньчжурии, покинув каждая свой район дислокации: разъезд 77, разъезд 74, Цугуловский дацан. Основание – Боевое распоряжение № 001/оп штаба 36-й армии. Марш на 230–260 км по труднопроходимым дорогам был совершен за 11 суток с суточными переходами по 35–40 км. Численность указанных дивизий составляла 5236, 6226 и 6796 чел. соответственно. Такой огромный некомплект объяснялся тем, что «части корпуса имели 40 % личного состава на хозяйственных работах по заготовкам в пределах Иркутской и Читинской областей. Личный состав с хозяйственных работ был снят и следовал отдельными колоннами по маршрутам дивизий с отставанием на 6–10 суток» (ЦАМО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11). Таким образом, архивные документы вскрывают потрясающую воображение реальность – нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве была такой, что ударные войска отвлекались от боевой подготовки перед самым началом войны. Буквальное и очень драма-

тичное подтверждение – тезисы о единстве армии и народа.

Общий ход Советско-японской войны предметно исследован (Внотченко, 1966), как и геополитические последствия быстрой и сравнительно легкой победы СССР (Базарсурэн, 2005; Гомбосурэн, 2005). Например, уже знакомая нам 103-я стрелковая дивизия углубилась в Маньчжурию на 990 км, потеряла 5 офицеров убитыми, 10 ранеными, 11 сержантов убитыми и 20 ранеными, 12 рядовых убитыми и 36 ранеными. Она пленила 8 японских генералов, 384 штаб-офицеров, 910 обер-офицеров, 6689 унтер-офицеров, 12876 солдат (ЦАМО. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2. Л. 7). 25 августа части дивизии (кроме обоза) вступили в г. Гунчжулин, где захватили следующие предприятия: электростанцию, водопровод, почту, телеграф, маслозавод, спиртоводочный завод, самолетостроительный завод, авторемонтный завод. В дальнейшем до 22 октября они отправляли военнопленных, охраняли железную дорогу, занимались демонтажными работами предприятий и отправкой их в СССР. 4 декабря 1945 г. 103-я стрелковая дивизия, по данным своего исторического формуляра, возвратилась на разъезд 77 (ЦАМО. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

Аналогичный документ 2-го стрелкового корпуса рисует иную картину: «10 сентября 1945 г. части 103-й и 275-й стрелковых дивизий переформировались в четыре полка конвойных войск НКВД, остатки этих дивизий – 10-й отдельный батальон связи и 967-й санитарный батальон 22 сентября отправлены в СССР. 20 сентября тылы обоих дивизий своим ходом из Талай выбыли к месту дислокации на 77 разъезд и 74 разъезд» (ЦАМО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 1. Л. 11). Основание – Распоряжение штаба 36-й армии № орг/0039 от 5 сентября 1945 г. – передать 4 полка: 583-й и 393-й стрелковые полки 103-й стрелковой дивизии, 428-й и 429-й стрелковые полки 275-й стрелковой дивизии в войска охраны НКВД. Таким образом, наглядно видно, что силовые структуры представляли собой «сообщающиеся сосуды», а рассматриваемые соединения оказались причастными к обширному самостоятельному сюжету японских военнопленных в Сибири (Карасев, 2003). Комментируя расхождения в описании организационных мероприятий, отметим большую вероятность версии дивизионного документа, поскольку в формуляре корпуса прямо сказано, что он заполнялся нерегулярно.

Несколько слов о дальнейшей короткой судьбе 2-го стрелкового корпуса, удостоенного за войну почетного наименования «Хинганский». В течение 1946 г. управление корпуса с подразделениями обслуживания дислоцировалось в г. Чойболсан (Монголия). Корпус включал 57-ю стрелковую Хинганскую (с 30 июля) и 61-ю танковую дивизии, 685-ю корпусную артбригаду, 32-й гвардейский минометный Хинганский полк и 30-й отдельный мотоциклетный Хинганский полк. Дивизии проходили инспекторские поверки весной и осенью 1946 г. В период с 9 декабря 1946 г. по 15 февраля 1947 г. управление корпуса расформировано. Основание – приказы войскам Забайкальско-Амурского военного округа орг/0034 от 2 декабря 1946 г. и войскам корпуса № 00268 (ЦАМО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

В завершение обратимся к другим мероприятиям по переводу войск на территории Забайкалья и Монголии на мирное положение. Активно расформировывались как соединения местной дислокации, так и ранее прошедшие Советско-германский фронт. В числе дивизий первой группы – 275-я стрелковая Хинганская и 278-я стрелковая Хинганская, второй – 6-я стрелковая Орловско-Хинганская дважды Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени, 52-я стрелковая Шумлинско-Венская дважды Краснознаменная ордена Суворова 3-й степени, 192-я стрелковая Оршанско-Хинганская Краснознаменная, 243-я стрелковая Никопольско-Хинганская Краснознаменная. Как известно, почетные наименования включали не более двух географических названий.

Сроки и пункт расформирования 278-й стрелковой дивизии – с 25 октября по 17 ноября 1945 г., г. Чойболсан. Основание – приказ Забайкальско-Амурского военного округа № орг/0067 от 4 октября 1945 г. Дивизия насчитывала 831-го офицера, 1939 сержантов и 4192 рядовых, из которых 543 –

демобилизованы, остальные 6401 чел. отправлены в другие части (ЦАМО. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 3. Л. 2).

Сроки и пункт расформирования 275-й дивизии – с 10 ноября по 20 декабря 1945 г., разъезд 74. Основание – приказ военного совета 36-й армии за № орг/0044 от 10 ноября 1945 г. Дивизия насчитывала 584-х офицеров, 1263 сержанта и 2556 рядовых, из которых 702 – демобилизованы, остальные 3701 чел. отправлены в другие части, в т. ч. 70 офицеров общевойскового учета – в 980-й стрелковый полк в г. Чаньчунь (ЦАМО. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–7). Вооружение, учебные пособия, медико-санитарное и так называемое «политпросвет» имущество переданы на укомплектование конвойных полков НКВД и артиллерийских частей 293-й стрелковой дивизии и 86-го стрелкового корпуса.

Основания для расформирования следующих дивизий общее – приказ войскам Забайкальского фронта № орг/0068 от 10 октября 1945 г. и приказ № 00214 войскам 53-й армии от 11 октября 1945 г. Пункт дислокации на момент составления ликвидационных актов также один – г. Чойболсан (Монголия).

17 сентября 1945 г. 52-я стрелковая дивизия «выступила из района г. Кайлу и совершила марш в еще более усложнившихся условиях в связи с наступившими холодами и ветрами и 6 октября 1945 г. раньше срока в полном составе сосредоточилась в районе г. Чойболсан» (ЦАМО. Ф. 911. Оп. 1. Д. 5. Л. 13), где с 11 по 30 октября и была расформирована. Личный состав – 736 офицеров, 873 сержанта и 2498 рядовых, из которых 1298 демобилизованы (на сопровождение эшелонов выделено 23 офицера), остальные отправлены в другие части (в т. ч. в 39-ю армию).

Сроки расформирования 243-й стрелковой дивизии – с 11 по 27 октября 1945 г. Личный состав – 730 офицеров, 923 строевых и 26 нестроевых сержантов, 2354 строевых рядовых и 28 нестроевых рядовых, из которых подлежало демобилизации 1163, остальные – отправке в другие части. К моменту ликвидации дивизия имела на вооружении: 20 пушек 76-мм ЗИС-2, 12 гаубиц 122-мм, 31 пушку 45-мм, 12 полковых пушек 76-мм, 55 противотанковых ружей (ЦАМО. Ф. 447. Оп. 10062. Д. 20. Л. 45, 61).

Сроки расформирования 6-й стрелковой дивизии – с 11 по 30 октября 1945 г. Личный состав насчитывал 706 офицеров, 1120 сержантов и 2652 рядовых, из которых 940 демобилизованы и отправлены к постоянному месту жительства, остальные 2628 отправлены в другие части, кроме того, передано и выбыло в составе артиллерийских частей и трех батарей 120-мм минометов – 179 офицеров, 459 сержантов и 685 рядовых (ЦАМО. Ф. 447. Оп. 10062. Д. 20. Л. 580–684).

Также в Чойболсане 11–27 октября 1945 г. расформировано управление 57-го стрелкового Хинганского корпуса (ЦАМО. Ф. 946. Оп. 1. Д. 2). Основание – приказ штаба 53-й армии за № 00214 от 11 октября 1945 г. А с 20 июня по 20 августа 1946 г. здесь же ликвидировалось полевое управление 17-й армии. Основание – приказ войскам Забайкальско-Амурского военного округа за № орг/0010 от 13 июня 1946 г. (ЦАМО. Ф. 369. Оп. 6731. Д. 155. Л. 1).

Сроки и пункт расформирования 192-й стрелковой дивизии – с 26 октября по 5 декабря 1945 г., станция Даурия Читинской области. Основание – приказ командующего Забайкальским военным округом маршала Р.Я. Малиновского за № 0094-оп от 5 октября 1945 г. Дивизия имела 438 офицеров, 793 сержанта, 1638 рядовых. Из них демобилизовано 625, отправлено в другие части для прохождения действительной военной службы 1960, отправлено по болезни в отпуска, в распоряжение командования Московского и Забайкальских военных округов, по другим причинам (в госпиталь, польские подданные) – 284 чел. Один офицер из 22 чел. политсостава убыл в 76-ю конвойную дивизию, «в сентябре 1945 г. из состава 192-й стрелковой Оршанско-Хинганской Краснознаменной дивизии» (ЦАМО. Ф. 1446. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3).

Сроки и пункт расформирования управления 97-го стрелкового Староконстантиновского корпуса – к 1 декабря 1945 г., Чита. Основание – приказ командующего войсками Забайкальского фронта № 0094/оп 5 октября 1945 г. (ЦАМО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

Успешная демобилизация, бывшая исключительно сложным и многоплановым общегосударственным мероприятием, продемонстрировала зрелость и эффективность сталинского режима. Интересна и поучительна панорама распоряжений командования Советской армии по адаптации военной структуры к мирным условиям. Проанализированный фактический материал раскрывает как общие тенденции, так и региональную специфику в развитии советских вооруженных сил.

Библиографический список

Базарсурэн Ж. Вторая мировая война и геополитика Монголии // Вторая мировая война и Монголия. Сборник статей / под ред. Н. Хишигта. Улан-Батор, 2005. С. 17–33.

Безугольный А.Ю. Ни войны, ни мира. Положение на советско-турецкой границе и меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив, 2003, № 5 (41). С. 53–76.

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действия советских войск в августе – сентябре 1945 г. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1966. 326 с.

Воронцов В.Н. «На штаты мирного времени»: послевоенная судьба сформированных на Забайкальском фронте в 1941–1943 гг. стрелковых корпусов и дивизий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018;14(4): С. 239–247.

Гланц Д. Колосс поверженный. Красная армия в 1941 годы / пер. с англ. В. Федорова. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 544 с.

Гомбосурэн Д. Участие Монголии в войне против Японии и политические итоги // Вторая мировая война и Монголия. Сборник статей / под ред. Н. Хишигта. Улан-Батор, 2005. С. 71–79.

Исаев А.В. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 382 с.

Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1949 гг.). Иркутск: ИрГТУ, 2003. 154 с.

Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1981. 480 с.

Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1988. 266 с.

Мармышев А.В., Елисеенко А.Г., Новиков П.А. Сибирский марш: Красноярские стрелки во Второй мировой войне. Красноярск: Изд-во Поликор, 2016. 416 с.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы и материалы). М.: Вече, 2000. 608 с.

Ордена Ленина Забайкальский. М.: Воениздат, 1980. 374 с.

Очерки истории Читинской областной организации КПСС / сост. Н.В. Гордеев. Иркутск: Восточно-Сибирское

References

Bazarsuren Zh. 2005. World War II and Mongolian geopolitics. *Vtoraya mirovaya voina i Mongoliya. Sbornik statei* [World War II and Mongolia. Coolection of articles]. Ulan-Bator. Pp. 17–33. (In Russ.)

Bezugol'nyi A.Yu. 2003. Neither war nor peace. The situation on the Soviet-Turkish border and the activities of the Soviet leadership to prevent the Turkish threat in the first period of the Great Patriotic War. *Voenno-istoricheskii arkhiv* [Military History Archive]. No. 5 (41). Pp. 53–76. (In Russ.)

Vnotchenko L.N. 1966. Victory in the Far East. Military history essay on the hostilities of the Soviet troops in August – September 1945. Moscow: Voen. izd-vo MO SSSR Publ. 326 p. (In Russ.)

Vorontsov V.N. 2018. “On peacetime states”: the post-war fate of those formed on the Trans-Baikal Front in 1941–1943. rifle corps and divisions. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 14. No. 4. Pp. 239–247. (In Russ.)

Glants D. 2008. Colossus defeated. The Red Army in 1941. Moscow: Yauza; Eksmo Publ. 544 p. (In Russ.)

Gombosuren D. 2005. Mongolia’s participation in the war against Japan and political results. *Vtoraya mirovaya voina i Mongoliya. Sbornik statei* [World War II and Mongolia. Collection of articles]. Ulan-Bator. Pp. 71–79. (In Russ.)

Isaev A.V. 2005. A short course in the history of the Great Patriotic War. Marshal Shaposhnikov Offensive. Moscow: Yauza, Eksmo Publ. 382 p. (In Russ.)

Karasev S.V. 2003. Japanese prisoners of war on the territory of the Chita region (1945–1949). Irkutsk: IrGTU Publ. 154 p. (In Russ.)

Kovalev I.V. 1981. Transport in the Great Patriotic War (1941–1945). Moscow: Nauka Publ. 480 p. (In Russ.)

Kolesnik A.D. 1988. The militia formation of the Russian Federation during the Great Patriotic War. Moscow: Nauka Publ. 266 p. (In Russ.)

Marmyshev A.V., Eliseenko A.G., Novikov P.A. 2016. Siberian march: Krasnoyarsk shooters in World War II. Krasnoyarsk: Izd-vo Polikor Publ. 416 p. (In Russ.)

Mel'tyukhov M.I. 2000. Lost chance of Stalin. Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941 (Documents and materials). Moscow: Veche Publ. 608 p. (In Russ.)

1980. Order of Lenin Zabaykalsky. Moscow: Voenizdat. Publ. 374 p. (In Russ.)

Gordeev N.V. 1986. Essays on the history of the Chita regional organization of the CPSU. Irkutsk: Vostochno-

кн. изд-во, 1986. 432 с.

Павлов Д.В. Стойкость. М.: Политиздат, 1979. 367 с.

Ростов Н.Д. Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. 191 с.

Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой… Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, 2007. 561 с.

Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. 263 с.

Свечин А.А. Основы современной японской стратегии и тактики // Военная мысль. 1937. № 1. С. 141–165.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1947. 208 с.

Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2004a. 620 с.

Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Советская армия в годы «холодной войны» (1946–1991). Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2004b. 246 с.

Форпост на востоке. Литературно-художественный и историко-публицистический сборник / ред. В.М. Ломов. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. 512 с.

Шапошников Б.М. Битва за Москву: Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г. М.: АСТ; Транзиткнига, 2006. 855 с.

Sibirskoe kn. Publ. 432 p. (In Russ.)

Pavlov D.V. 1979. Persistence. Moscow: Politizdat Publ. 367 p. (In Russ.)

Rostov N.D. 2011. Mobilization of transport resources of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945). Barnaul: Izd-vo AltGTU Publ. 191 p. (In Russ.)

Rostov N.D. 2007. We are going to a decisive battle... Preparation of reserves for the front in Siberia during the Great Patriotic War: a monograph. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ. 561 p. (In Russ.)

Svechin A.A. 1927. Strategy. Moscow: *Voennyi vestnik* [Military Bulletin]. 263 p. (In Russ.)

Svechin A.A. 1937. *Osnovy sovremennoi yaponskoi strategii i taktiki* [Basics of modern Japanese strategy and tactics]. *Voennaya mysl'* [Military Thought]. No. 1. Pp. 141–165. (In Russ.)

Stalin I.V. 1947. About the Great Patriotic War of the Soviet Union. Moscow: OGIZ Publ. 208 p. (In Russ.)

Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I. 2004a. The Red Army in victories and defeats of 1941–1945. Tomsk: Tomsk State University Publ. 620 p. (In Russ.)

Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I. 2004b. Soviet Army during the Cold War (1946–1991). Tomsk: Tomsk State University Publ. 246 p. (In Russ.)

Lomov V.M. 1985. Outpost in the East. Literary-artistic and historical-publicistic collection. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo Publ. 512 p. (In Russ.)

Shaposhnikov B.M. 2006. Battle for Moscow: Moscow Operation of the Western Front, November 16, 1941–January 31, 1942. Moscow: AST; Tranzitkniga Publ. 855 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Воронцов Владислав Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
e-mail: woronzow@mail.ru

Information about the author

Vladislav N. Vorontsov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: woronzow@mail.ru

Критерии авторства

В.Н. Воронцов выполнил научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Vorontsov V.N. performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 614.8(075.32)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-239-247

Наиболее крупные катастрофы и их последствия в истории Иркутской области

© В.В. Черных

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Наука реконструирует природные катастрофы, происходившие до возникновения человечества. С появлением человека количество происшествий, которые можно охарактеризовать как катастрофические выросло, они стали разнообразнее, чему способствовали развитие цивилизации, научно-технический прогресс и, в целом, антропогенный фактор. Статья призвана обзорно раскрыть наиболее крупные катастрофы каждого вида, отмеченные историей в Иркутской области. В статье даются общие представления о различных видах катастроф, их последствиях, и в то же время автор показывает позитивную сторону катастрофических проявлений, являвшихся толчком к совершенствованию строительных, противопожарных и экологических правил и норм при реконструкции разрушенных городов, предприятий и жилищных комплексов, укреплению берегов бурных рек, увеличению сейсмичности зданий и сооружений. Обращает внимание автор и на то, что в результате прогресса науки и техники были созданы новые разновидности опасных горючих материалов и сложных технологических процессов на производствах, что порождает новые виды аварий, требующих от ликвидаторов катастроф постоянного совершенствования научно-технических знаний, совершенствования способов и методов борьбы с ними.

Ключевые слова: землетрясения, пожары, наводнения, аварии, крушения и их классификация, Иркутская область, катастрофы, Тунгусский метеорит, убытки, здоровье населения

Информация о статье: Дата поступления 23 января 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Черных В.В. Наиболее крупные катастрофы и их последствия в истории Иркутской области // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 239–247. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-239-247

The largest accidents and their consequences (on the example of the Irkutsk region)

© Vladimir V. Chernykh

East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Science reconstructs natural disasters that occurred before the emergence of mankind. With the advent of man, the number of accidents that can be described as catastrophic has grown, they have become more diverse, helped by the development of civilization, scientific and technical progress and, in general, the anthropogenic factor. The article is intended to provide an overview of the largest catastrophes of each type, marked by history in the Irkutsk region. The author represents general ideas about various types of catastrophes, their consequences, and at the same time, the author shows the positive side of the catastrophic manifestations, which were the impetus to the improvement of building, fire prevention and environmental rules and standards in the reconstruction of destroyed cities, enterprises and housing complexes, strengthening of stormy rivers, increasing the seismicity of buildings and structures. The author also draws attention to the fact that as a result of the progress of science and technology, new types of hazardous combustible materials and complex technological processes have been created in industries, which gives rise to new types of accidents requiring the liquidators of catastrophes to constantly improve their scientific and technical knowledge, to improve methods and methods of combating with them.

Keywords: earthquakes, fires, floods, accidents, crashes and their classification, Irkutsk Region, accidents, Tunguska meteorite, material losses, public health

Article info: Received January 23, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Chernykh V.V. The largest accidents and their consequences (on the example of the Irkutsk region). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 239–247. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-239-247

Катастрофы можно условно разделить в основном на три вида: природные, техногенные и антропогенные. К катастрофам вообще относят: наводнения, землетрясения, пожары и извержения вулканов, падение на землю метеоритов, астероидов и комет, технологические аварии, которые имеют свою классификацию, в силу их разнородности и распространённости.

Расположение Иркутской области и её геологические особенности спасали её и от разрушительной силы вулканов, хотя 10 тысяч лет назад в Тункинской долине и рифтовой зоне Байкала ещё бушевали вулканы, о чём свидетельствуют следы былой вулканической активности. Не были разрушительными и землетрясения (наиболее мощное произошло 23 июля 1905 г. – магнитудой 8,3 – 11–12 баллов).

Чаще досаждали наводнения, самым крупным, из которых стало бедствие 6 августа 2001 года, когда в результате многодневных ливней значительная часть рек области разлились так, что подтопили 63 населенных пункта, включая 7 городов. Под водой оказалось около 5 тыс. домов и несколько предприятий. Особенно досталось от стихии городу Саянску, где под водой оказались целые улицы и погибли 11 человек. Материальный ущерб от этого разрушительного наводнения был оценен в 1,75 млрд рублей (Самые крупные наводнения Сибири, 2010)[1]. Порой наводнения кардинально преображали динамику культурного ландшафта, как, например, это случилось из-за мощного разлива реки Иркут в 1971 г., в результате которого образовалось новое русло и три острова (Восточно-Сибирская правда, 2013. 14 января).

Высока опасность в области, исходящая от землетрясений. Самой сейсмоопасной зоной считается дельта реки Лены – уровень сейсмики здесь оценивается в девять баллов. Также высокую опасность представляет северная оконечность озера Байкала – 8–9 баллов по 12 бальной шкале. Иркутск же находится в зоне между 7 и 8-балльными землетрясениями.

Для Иркутской области характерна высокая сейсмическая активность, что неопровержимо подтверждается многолетними наблюдениями Иркутского института земной коры. Самым крупным в истории Иркутской области считается Цаганское землетрясение, случившееся в январе 1862 г., интенсивность сотрясений которого оценивается по современной шкале Рихтера в 10 баллов. Последствия того землетрясения были значительны: вода затопила территорию площадью около 230 кв. километров и образовался залив, который был назван по ассоциации с исчезнувшей землей – Провал. Отмечено также появление скважины, из которой поступала вода, образовав озеро в диаметре около версты в районе села Инкино, что находится в Бурятии. Кстати, 300–400 лет назад это село было отмечено землетрясением около 10 баллов, в результате которого образовался оползень длиной 1,5 км и шириной 350–400 м, направленный в сторону Байкала. В деревне Красниковой образовался овраг диаметром 50 м и из него забил ключ. На Байкале в результате землетрясения возникли трещины, и хлынувшая через них вода затопила Цаганскую степь с пятью населенными сёлами. Было разрушено 310 домов и 357 деревянных юрт. Погибло 17276 голов домашних животных, огромные запасы зерна, муки, фуража на сумму 537 697 рублей. А масштабы затопленных посевов никакому подсчёты не подлежали, люди спасались бегством от быстро прибывавшей воды тысячами. Так,

[1] Самые крупные наводнения Сибири. Справка. URL: https://baikal24.ru/text/06-05-2010/samye/ (15.01.19).
The largest floods of Siberia. Available at: https://baikal24.ru/text/06-05-2010/samye/ (Accessed January 15, 2019).

землетрясение переросло в наводнение (Иркутские повествования… 2003. С. 30).

В Иркутске Цаганское землетрясение было оценено в 8 баллов. География этого землетрясения была значительна: вся Прибайкальская часть, запад и северо-запад Тункинской долины, Нижнеудинск, Илимск, Киренск и даже Александровский завод Нерчинского округа, заканчиваясь на просторах Монголии (Труды Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества, 1857–1880. С. 99).

Поблизости от Иркутской области произошло исключительно редкое и своеобразное катастрофическое происшествие – падение Тунгусского метеорита, случившееся 30 июня 1908 г. В 7 часов утра в воздухе над рекой Подкаменной Тунгусски взорвалось неведомое вещество, как тогда сообщили газеты, якобы мощностью около 50-ти мегатонн, что вполне соответствовало суммарной численности водородных бомб, сброшенных США на Японию. И только недавно ядерная Сандийская национальная лаборатория США опубликовала данные суперкомпьютеров, рассчитавших мощность этого взрыва и оценивших его в 3–5 мегатонн в тротиловом эквиваленте. Ошибка в расчётах учёных заключалась в неправильном понимании механизма взрыва метеорита. При взрыве ядерной бомбы энергия распространяется во все стороны равномерно, тогда как энергия метеорита направлена на землю лишь по направлению его движения (Тунгусский метеорит)[2]. Взрыв и последовавшая затем взрывная волна были зафиксированы обсерваториями во всём мире, огромные деревья на территории 2000 км от предполагаемого эпицентра оказались выворочены с корнем, а в домах жителей не осталось ни одного целого стекла. После этого в течение ещё нескольких дней небо и облака в этом районе светились, в том числе и ночью. Местные жители рассказывали, что незадолго до взрыва видели летящий по небу огромный огненный шар. Однако свидетелей падения метеорита не нашлось, никто не видел, как он упал, куда упал, и, несмотря на неординарность этого события, почему-то никто из профессиональных ученых не поторопился осмотреть место падения «по горячим следам».

Очевидцы, кочевники-тунгусы рассказывали, что видели огненный след небесного тела, пролетевшего по небу, да слышали громоподобные звуки, сопровождавшие падение. А оказавшиеся поблизости вспоминали, как испытали силу воздушной волны, распространившейся от места падения на сотни километров в окружности, – люди и скот были повалены на землю, много оленей при этом погибло, а в селе Кежма, на расстоянии 360 км от места падения, вылетали из окон стёкла (Струков, 1928). Посетившие непосредственно место падения катастрофы тунгусы увидели картину уничтожения огромного участка тайги, поваленные и сгоревшие деревья.

Для сибирских газет это событие стало настоящей сенсацией. Репортёры, домысливая это событие, писали о нём, как о землетрясении. Так, например, «Голос Томска» убеждённо повествовал, что в Канске Енисейской губернии утром 17 июня случилось землетрясение. Местный хроникёр комментировал происшедшее следующим образом: «Последовал подземный удар. Двери, окна, лампадки – всё закачалось. Был слышен гул, как от отдалённого пушечного выстрела. Минут через 5–7 последовал второй удар, сильнее первого, сопровождавшийся таким же гулом. Через минуту ещё удар, но слабее первых» (Голос Томска, 1908. 15 июля). Газета «Красноярец» более пространно, но с аналогичными ощущениями, повторяя уже изложенные факты, констатирует: «Село Кежемское. 17 июня в здешнем районе замечено было необычное атмосферическое явление. В 7 ч. 43 мин. утра пронёсся шум, как бы от сильного ветра. Непосредственно за этим раздался страшный удар, сопровождаемый подземным толчком, от которого буквально затряслись здания, причём получилось впечатление, как будто бы по зданию был нанесён сильный удар каким-нибудь огром-

[2] Тунгусский метеорит. URL: (http://spacegid.com/tungussky-meteor.html#ixzz5dD6uQ25z (16.01.19).
Tungus meteorite. Available at: http://spacegid.com/tungussky-meteor.html#ixzz5dD6uQ25z (Accessed January 16, 2019).

ным бревном или тяжёлым камнем. За первым ударом последовал другой, такой же силы, и третий. Затем – промежуток времени между первым и третьим ударами сопровождался необыкновенным подземным гулом, похожим на звук от рельса, по которым будто бы проходил одновременно десяток поездов. А потом в течение 5–6 минут происходила точь-в-точь артиллерийская стрельба: последовало 50–60 ударов через короткие и почти одинаковые промежутки времени» (Красноярец, 1908. 13 июля). Тунгусы после этого события сложили легенду о боге грома, спустившегося на землю и поселившегося в месте поваленной и сожжённой тайги и гневающегося, если кто-то пытался посетить это место.

Некоторые очевидцы настаивали, что видели пронесшийся по небу шар, что впоследствии породило версию об огромной шаровой молнии в результате эксперимента Н. Теслы. Однако никому не удалось сделать ни одного снимка этого якобы шара. А все последующие экспедиции в своих предположениях обходили гипотезу с шаром стороной. Ни одной из многочисленных исследовательских экспедиций не было обнаружено какого-либо небесного тела, могущего послужить основой для шара. К сожалению, организовать исследования сразу не удалось, и первая экспедиция под руководством минеролога Л.А. Кулика прибыла в район Тунгусски только в 1927-м году. К этому времени место падения метеорита заросло кустарником и молодым лесом, время уже поработало над этим местом, скрыв многие свидетельства катастрофы. Ни Кулику, ни другим учёным не удалось обнаружить обломков небесного тела или хотя бы оставшегося от его падения вещества. Удалось лишь зафиксировать скопление микроскопических силикатных и магнетитовых шариков, которые не могли возникнуть в этой области по естественным причинам, поэтому им приписывается космическое происхождение. И только в 1988 г. экспедицией во главе с член-корреспондентом Академии наук Юрием Лавбиным были обнаружены недалеко от села Варнавары, ближайшего населённого пункта от места падения метеорита, металлические стержни космического происхождения.

До сих пор точно неизвестно, что послужило причиной взрыва: общепризнанной версии не существует, но метеоритная природа явления всё же кажется наиболее вероятной. И тем не менее учёные утверждают, что вес небесного тела мог составлять 5 млн тонн, а размер 30 метров.

Исследования того периода не позволили выяснить однозначно природу взрыва. Количество гипотез природы этого явления в настоящее время достигло 100, но наиболее распространена в научном сообществе гипотеза о метеоритном происхождении. Но и она до сих пор спорна, так как не имеет явных тому подтверждений. Не выдерживает критики и версия о падении кометы по причине низкой высоты взрыва. Отсутствие следов радиации опровергает искусственное происхождение феномена. В последние годы была выдвинута экзотическая гипотеза и о неудавшемся эксперименте знаменитого учёного Николы Теслы по передачи энергии на расстоянии. Однако сам автор это опровергал.

Не обошли тему Тунгусского метеорита и писатели-фантасты. Например, фантаст А.П. Казанцев в рассказе «Взрыв», опубликованном ещё в 1946 г. в журнале «Вокруг света», описал гибель инопланетного корабля. Толчком к такому восприятию Казанцева подтолкнула схожесть ядерного взрыва в Хиросиме и взрыва метеорита, что, по его мнению, свидетельствовало об искусственной природе (Великая книга катастроф, 2006. С. 77–82; Величайшие катастрофы мира. Энциклопедический справочник, 2006. С. 10; Денисова, 2013[3]). Аналогичные трактовки высказали братья Стругацкие.

Но самым страшным бедствием для Иркутска и области были, конечно, пожары. Возведение крепостей и населённых пунктов на территории, состоящей из сплошного леса, причём из лучших для строительства пород (лиственницы и сосны) и одновременно самых горючих, производилось в

[3] Денисова П. Энциклопедия катастроф. 2013, 330 с. URL: https://www.romanbook.net/book/10097726/ (11.04.2019)
Denisova P. Encyclopedia of catastrophes. 2013, 330 p. Available at: https://www.romanbook.net/book/10097726/ (Accessed April 11, 2019).

течение всей истории Иркутской губернии. Не игнорируется возведение домов из лесных пород до настоящего времени. Иркутские летописи буквально пестрят описаниями пожаров, рассказывая, как выгорали целые улицы и даже кварталы городов, не говоря уже о селениях.

Особое место в ряду других пожарных бедствий занимает пожар, случившийся в Иркутске 22 и 24 июня 1879 г., в результате которого выгорела лучшая половина города, а точнее центральные районы. Тот факт, что город заполыхал сразу в нескольких местах, позволяет думать о поджоге, а может, виновата погода – засуха и сильный ветер. Серьёзные претензии выдвигались и городской пожарной команде, оказавшейся неспособной противодействовать серьёзному вызову стихии. Быстрому развитию пожара способствовало то, что город практически весь был деревянный (за исключением церквей) и то, что город был построен, как тогда говорили, «не по чертежам», т. е. практически каждая улица имела свой тупик и проехать пожарному обозу к месту пожара зачастую было проблематично. Сыграло свою роль и отсутствие водопровода, примитивная связь, в виде вывешивания шаров на каланчах, и плотная застройка города, и отсутствие основных начальников города, полиции и пожарной охраны, находившихся в отпусках. Пожар, начавшись 22 июня и почти затихнув на следующий день, возобновился 24-го с ещё большей силой. Потери материального характера составили: около 4 тыс. домов, причём сгорели все общественные и казенные учреждения, большинство религиозных зданий разных исповеданий, учебные заведения, музеи. Пожар пощадил 3157 домов, т. е. вдвое меньше, чем было несколькими днями ранее. Общий ущерб был оценён в 300 млн руб. Остались без крова тысячи его обитателей, погибли 11 человек, 14,9 тысячи человек стали погорельцами. В непострадавшей части города проживало 17 тысяч человек (Ларионов, 1880. С. 17; Романов, 1994. С. 388–389; Черных, 1998. С. 44; Черных, 2010. С. 536).

Катастрофы вообще, а пожары в большей степени, последствиями своими имели не только людские бедствия в виде бредущих погорельцев, материальные траты, остовы разрушенных зданий и нарушение жизнедеятельности налаженного быта и комфорта. Рано или поздно города восстанавливались, и при возведении новых зданий уже учитывался печальный опыт незащищённости сооружений от землетрясений, наводнений и пожаров (Майофис, 2009; Редкозубов, 2009). На месте разрушенных, простоявших зачастую десятки и даже столетия зданий, появлялись новые, современные, и более защищённые от стихийных бедствий. Так пожары преображали наши города, на смену деревянным постройкам приходили каменные с противопожарными разрывами, широкими улицами, утилизацией дождевой воды с целью использования её в противопожарных нуждах и наконец – водопроводной системой. Как это ни парадоксально, но стихийные бедствия способствовали архитектурно-дизайнерскому состоянию строительства и повышению безопасности городов (Черных, 2015).

Иркутск после страшных пожаров восстановился достаточно быстро и преобразился значительно. Именно пожары способствовали каменной застройке центра Иркутска. Строящийся Иркутск привлёк большое количество рабочих рук, а выделенные государством деньги способствовали восстановлению города. Так как большинство зданий было застраховано, владельцы их смогли использовать полученные деньги эффективно. Буржуазия за счет страховых выплат возводила исключительно каменные здания, получился своеобразный ребрендинг домов и заведений. Именно пожары 1879 г. подтолкнули к созданию в Иркутске водопровода (Жарников, Голенев, 1903), телефонной связи, слаженной городской пожарной охраны, увеличению количества пожарных депо и техническому его оснащению, развитию страхового дела, особенно страхового «Общества взаимного от огня страхования» (Пуляев, 1910). Так негативный опыт преображал наши города и активизировал творческий, архитектурный и технический потенциал.

Современные исследователи предметно исследовали эволюцию противопожарной деятельности и технологии борьбы с огнем (Картеничев и др., 2015; Сороковой, 2016; и др.). Отдельные перспективные направления изысканий – пожары как

природно-климатический фактор (Ваганов и др, 1996), пожары как часть сельскохозяйственной деятельности (Алейников, 2017).

Развитие научно-технической революции принесло ещё более страшные катастрофы, которые сейчас принято определять как техногенные. Но многие из них связаны с человеческим фактором.

Падение самолётов: самой крупной из 13 авиационных катастроф за всю историю Иркутской области является трагедия, случившаяся 4 июля 2001 года, когда в результате крушения Ту–154М, погибли 136 чел. Причиной крушения стал человеческий фактор – неправильные действия второго пилота. Всего же в авиационных катастрофах, происшедших в Иркутской области, погибли 520 человек (Авиакатастрофы в Иркутске, ИРКИПЕДИЯ)[4].

Крупнейшей технологической катастрофой в истории Иркутской области стал пожар, происшедший в г. Шелехово в 1992 г. на АО «Иркутсккабель».

Возгорание началось в тарно-сборочном цехе. Вскоре воспламенился склад сырья, где хранились пластификаты, горение которых представляет смерть для всего живого. Пожар развивался стремительно и в короткий срок охватил площадь в 16 тыс. квадратных метров. Пожар удалось локализовать на пятые сутки, полностью же справится с ним, удалось только на десятые. Горело около 1200 тонн пластификатов, активно в течение 10 дней выделявших токсичные вещества в воздух и заражая землю и водоёмы вокруг завода, наиболее ядовитыми из которых были хлористый водород, двуокись углерода, винилхлорид и особенно диоксины. Неимоверными усилиями, подвергая себя чудовищной опасности, пожарным удалось ограничить радиус огня впервые же часы. На случай неудачи уже готовилась эвакуация жителей Шелехова. Но благодаря самоотверженной борьбе огнеборцев самого худшего удалось избежать (Восточно-Сибирская правда, 2002. 24 декабря).

Нахождение в зоне горения пластификатов в течение 5–10 минут являются для человека смертельной дозой. Практически все 600 ликвидаторов аварии отравились токсичными веществами и главной причиной являлось незнание способов тушения такого пожара. Учёные химики-пожароведы из Москвы также не смогли дать эффективных советов по тушению данного пожара. Положение усугубило то, что пожарным запретили пользоваться противогазами, потому что кислород, вступая в контакт с испарениями горевших масел, мог взорваться.

По факту пожара возбуждено уголовное дело № 67049 от 24.12.92 г. по ст. 99 УК РФ; следствие вело следственное управление УВД АИО. Прямой материальный ущерб составил 200 398 400 рублей.

К тушению пожара было привлечено 35 единиц пожарной техники, 2 пожарных поезда, около 600 человек личного состава гарнизонов противопожарных служб городов Шелехова, Иркутска, Ангарска, Усолье-Сибирское.

Последствия отравления пожарных токсичными продуктами горения оказались чудовищными. Как потом выяснили учёные-химики, на пожаре Кабельного завода наиболее опасное воздействие на человека и природу из всех токсических продуктов горения оказали такие сильнодействующие яды как фосген и диоксины. Ликвидаторы к противодействию этим ядам и защите своего здоровья оказались не готовы. Хотя было широко известно, что американцы применяли диоксины как оружие во Вьетнамской войне и ими воздействие диоксинов достаточно изучено, также как и во Вьетнаме. Также известно, что эти яды обладают комбинированным нервнопаралитическим и мутагенным характером поражения и очень медленно выводятся из организма – их воздействие может растягиваться на многие годы, а накопление в окружающей среде грозит выходом из равновесного состояния целых биологических популяций, изменением давления отбора и темпов эволюции, влиянием на процессы наследственной изменчивости и представляется важной медико-генетической, экологи-

[4] Авиакатастрофы в Иркутске. URL: http://irkipedia.ru/node/2742/talk (12.01.19).
Plane crashes in Irkutsk. Available at: http://irkipedia.ru/node/2742/talk (Accessed January 12, 2019).

ческой проблемой человечества (Щеглов, Иванников, 1992. С. 18–21; Фёдоров, 1994. С. 22–26; История изучения диоксинов[5]).

Пожар на Шелеховском кабельном заводе был отнесён к катастрофам высшей категории сложности, потому что одновременного горения такого количества сырья никогда не было в истории пожаров страны. За медицинской помощью обратилось около 300 человек (60 %) ликвидаторов пожара. Около 50 человек из них уволились из ОВД по инвалидности. Компенсационные выплаты по выходу на пенсию по инвалидности составили около 1,2 миллиарда рублей (Черных, 2010. С. 537–538).

Уже в начале 1998 г. 17 ликвидаторов пожара, отравившиеся при тушении, ушли из жизни в полном расцвете сил, а к настоящему времени их численность превысила 200 человек.

Следует отметить, что количество выбросов вредных веществ в окружающую среду и экологический ущерб не подсчитывались, неизвестно воздействие токсичного дыма, сажи и попавших в снег, воду и почву диоксинов на жителей г. Шелехова. В землю просочились различные токсичные вещества и в целях восстановления экологического состояния в районе Шелехова, необходимо было снимать километровые залежи земли и вывозить их в безопасное место. К сожалению, это сделано не было (Номер один, 1996. 11 декабря; Шелеховский Вестник, 1993. 30 января).

Как видим, Иркутская область отмечена многими, но далеко не всеми видами катастроф, противодействие которым исторически оказывали специально подготовленные люди, относящиеся к системе органов внутренних дел, в настоящее время к Министерству по чрезвычайным ситуациям. Эффективное противодействие экстремальным происшествиям возможно только при наличии знаний природы каждого вида катастроф, понимания их физических процессов и выработки специфических способов борьбы с ними.

[5] История изучения диоксинов. URL: https://vuzlit.ru/1268427/istoriya_izucheniya_dioksinov/ (18.01.19).
History of the study of dioxins. Available at: https://vuzlit.ru/1268427/istoriya_izucheniya_dioksinov/ (Accessed January 18, 2019).

Библиографический список

Алейников А.А. Лесные пожары и их связь с традиционным природопользованием в верховьях реки Печоры // Антропогенная трансформация природной среды. 2017. № 3. С. 12–15.

Ваганов Е.А., Арбатская М.К., Шашкин А.В. История климата и частота пожаров в центральной части Красноярского края. 2. Дендрохронологический анализ связи изменчивости прироста деревьев, климата и частоты пожаров // Сибирский экологический журнал. 1996. Т. 3. № 1. С. 19–28.

Великая книга катастроф / авт.-сост. М. Курушин, Н. Непомнящий. М.: ОЛМА Медия Групп, 2006. 703 с.

Величайшие катастрофы мира. Энциклопедический справочник / Авт.-сост. Н. Непомнящий. М.: Вече, 2006. 496 с.

Жарников В., Голенев И. О сооружении в г. Иркутске хозяйственно-противопожарного водопровода. Иркутск: Типо-литография К.И. Витковской, 1903. 203 с.

Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. / авт.-сост. А.К. Чернигов. Иркутск: Оттиск, 2003. Т. 1. 463 с.

References

Aleinikov A.A. 2017. Forest fires and their relationship with traditional nature management in the upper reaches of the Pechora Rive. *Antropogennaya transformatsiya prirodnoi sredy* [Anthropogenic Transformation of the Natural Environment]. No. 3. Pp. 12–15. (In Russ.)

Vaganov E.A., Arbatskaya M.K., Shashkin A.V. 1996. Climate history and the frequency of fires in the central part of the Krasnoyarsk Territory. 2. Dendrochronological analysis of the relationship between variability of tree growth, climate and fire frequency. *Sibirskii ekologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Ecology]. Vol. 3. No. 1. Pp. 19–28. (In Russ.)

Kurushin M., Nepomnyashchii N. 2006. The great book of accidents Moscow: OLMA Mediya Grupp Publ. 703 p. (In Russ.)

Nepomnyashchii N. 2006. The greatest accidents of the world. Encyclopedic reference book. Moscow: Veche Publ. 496 p. (In Russ.)

Zharnikov V., Golenev I. 1903. On the construction in the city of Irkutsk economic-fire line. Irkutsk: Tipo-litografiya K.I. Vitkovskoi Publ. 203 p. (In Russ.)

Chernigov A.K. 2003. Irkutsk narrations. 1661–1917. In 2 vol. Irkutsk: Ottisk Publ. Vol. 1. 463 p. (In Russ.)

Картеничев А.Ю., Сукочев А.Ю., Васильева О.Э. Применение авиации для тушения пожаров: история и современность // Пожарная безопасность. 2015. № 2. С. 107–112.

Ларионов Д.Д. Губернский город Иркутск. (Пожары 22-го и 24 июня 1879 г.). Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1880. 4, 110, IV с.

Майофис М. Чему способствовал пожар? «Антикризисная» российская публицистика 1837–1838 годов как предмет истории эмоций // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 156–183.

Пуляев И.М. Очерк двадцатипятилетней деятельности иркутского общества взаимного страхования от огня. Иркутск, 1910. 162 с.

Редкозубов А.Д. Церковь и пожары – история и современность // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2009. № 4. С. 21–22.

Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 429 с.

Сороковой С.И. Из истории борьбы с лесными пожарами в Сибири // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 9–10 июня 2016 г. Иркутск, 2016. С. 48–53.

Струков Н.А. В тайгу за метеоритом // Журнал «Огонёк». 1928. № 49 (297). 30 ноября.

Труды Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Вып. 2. / сост. Н.С. Романов; под ред. И.И. Серебренникова // Иркутская летопись. 1857–1880. № 8. Иркутск: Паровая типография И.П. Казанцева, 1914. 442 с.

Файзуллин С.А. Из истории города Агрыза Татарской АССР: Разрушительный июньский пожар 1922 г. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 12. С. 42–45.

Фёдоров Л.А. Неизвестные диоксины: новая опасность // Химия и жизнь. 1994. № 10. С. 22–26.

Черных В.В. История борьбы с огнём в России: монография. Иркутск: Оттиск, 2010. 592 с.

Черных В.В. История пожарного дела Иркутской области (1800–1990-е гг.): монография. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 1998. 224 с.

Черных В.В. Разрушительная и созидательная сила пожаров на примере Иркутской губернии // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 2 т. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. С. 198–205.

Kartenichev A.Yu., Sukochev A.Yu., Vasil'eva O.E. 2015. The use of aviation to extinguish fires: history and modernity. *Pozharnaya bezopasnost'* [Fire Safety]. No. 2. Pp. 107–112. (In Russ.)

Larionov D.D. 1880. Provincial city of Irkutsk. (Fires on the June, 22 and 24, 1879). Irkutsk: Tip. N.N. Sinitsyna Publ. 4, 110, IV p. (In Russ.)

Maiofis M. 2009. What contributed to the fire? "Anti-crisis" Russian journalism of 1837–1838 as a subject of the history of emotions. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 6 (100). Pp. 156–183. (In Russ.)

Pulyaev I.M. 1910. Essay on the twenty-five year activity of the Irkutsk society of mutual insurance against fire. Irkutsk. 162 p. (In Russ.)

Redkozubov A.D. 2009. Church and fires – history and modernity. *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoi zashchity* [Scientific and Educational Issues of Civil Protection]. No. 4. Pp. 21–22. (In Russ.)

Romanov N.S. 1994. Irkutsk Chronicle 1857–1880. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 429 p. (In Russ.)

Sorokovoi S.I. 2016. From the history of fighting forest fires in Siberia. *Klimat, ekologiya, sel'skoe khozyaistvo Evrazii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 9–10 iyunya 2016* g. [Climate, ecology, agriculture of Eurasia: proceedings of the international scientific-practical conference, Irkutsk, June 9–10, 2016]. Irkutsk. Pp. 48–53. (In Russ.)

Strukov N.A. 1928. In a taiga behind a meteorite. *Zhurnal "Ogonek"* [Magazine "Ogonyok"]. No. 49 (297). (In Russ.)

Romanov N.S., Serebrennikov I.I. 1914. Proceedings of the East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Issue 2. *Irkutskaya letopis'. 1857–1880* [Irkutsk chronicle. 1857–1880]. Irkutsk: Parovaya tipografiya I.P. Kazantseva Publ. No. 8. 442 p. (In Russ.)

Faizullin S.A. 2017. From the history of the town of Agryz of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic: Destructive June fire of 1922. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University]. No. 12. Pp. 42–45. (In Russ.)

Fedorov L.A. 1994. Unknown dioxin: new danger. *Khimiya i zhizn'* [Chemistry and Life]. No. 10. Pp. 22–26. (In Russ.)

Chernykh V.V. 2010. History of fight against fire in Russia: Monograph. Irkutsk: Ottisk Publ. 592 p. (In Russ.)

Chernykh V.V. 1998. The history of the fire department of the Irkutsk region (1800–1990s): monograph. Irkutsk: VSI MVD RF Publ. 224 p. (In Russ.)

Chernykh V.V. 2015. The destructive and creative power of fires on the case of the Irkutsk Province. *Vos'mye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya. V 2 t.* [The eighth Baikal international social and humanitarian readings. In 2 vol.]. Irkutsk: *Irkutskii gosudarstvennyi universitet* [Irkutsk State University]. Pp. 198–

Щеглов П.П., Иванников В.Л. Пожароопасность полимерных материалов. М.: Стройиздат, 1992. 110 с.

205. (In Russ.)

Shcheglov P.P., Ivannikov V.L. 1992. Fire danger of polymeric materials. Moscow: Stroiizdat Publ. 110 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Черных Владимир Васильевич,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, заслуженный работник Высшей школы РФ,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
Россия, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110,
e-mail: tchernykhsa@mail.ru

Критерии авторства

В.В. Черных выполнил научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Vladimir V. Chernykh,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation,
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110 Lermontov Str., Irkutsk 664071, Russian Federation,
e-mail: tchernykhsa@mail.ru

Attribution criteria

Chernykh V.V. performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 004.832.22
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-248-258

История и перспективы развития творческих способностей искусственного интеллекта

© Е.А. Стрижаков, М.В. Чирикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: История искусственного интеллекта началась в древности с мифов и легенд об искусственных существах. Ни о каком теоретическом осмыслении создания подобных существ, а уж тем более их практическом воплощении, речь, безусловно, не шла. Это были мечты, воплощенные значительно позже. Искусство и наука тесно взаимосвязаны. Именно то, что когда-то было создано фантазией различных творцов, стимулировало к развитию науку и технику. Так, желание человека летать способствовало появлению самолёта, плавать под водой – скафандра и подводных аппаратов. Но вряд ли ещё 100 лет назад обыватель смог бы себе представить возможность создания искусственного интеллекта, не просто машины, производящей сложные вычисления, а аналог человеческого мозга. В 1940–50-е гг. исследователи осознали, что главным прорывом в этой сфере, могло бы стать создание творческого искусственного разума. Ведь творчество – фундаментальная черта человеческого интеллекта и вызов искусственному. В данной статье авторы предлагают рассмотреть историю и перспективы развития творческих способностей искусственного мозга, а также методы искусственного интеллекта, которые могут быть использованы для создания творческих идей: 1) путём создания новых комбинаций уже знакомых идей; 2) путём изучения одной из идей и, вследствие, изменения настроек её концептуального пространства; 3) путём осуществления преобразований, которые позволяют генерировать ранее невозможные идеи, не опирающиеся на уже существовавшие концепции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственный разум, искусственный мозг, история развития искусственного интеллекта, риторический вопрос, способности, AARON, SNARC, P-творчество, H-творчество, электронный мозг

Информация о статье: Дата поступления 5 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 6 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Стрижаков Е.А., Чирикова М.В. История и перспективы развития творческих способностей искусственного интеллекта // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 248–258. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-248-258

Artificial intelligence: history and perspectives of creativity development

© Evgeniy A. Strizhakov, Marina V. Chirikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Myths and legends about artificial creatures in antiquity gave birth to the history of artificial intelligence. People didn't try to make such creatures. Those ideas came true much later. Art and science are closely connected. The fantasy of various creators helped to develop science and technology. For example, the aircraft was created due to desire of a person to fly, a spacesuit and underwater vehicles appeared because people always dreamed to swim under the water. Creating artificial intelligence could hardly be imagined 100 years ago. It means that people couldn't imagine machine that performs complex calculations. Moreover, the idea of making an analogue of the human brain couldn't appear at all. The researchers realized in the 1940 – 1950s that making of creative artificial intelligence could be the main breakthrough in this area because creativity is a fundamental feature of human intelligence and a challenge to artificial one. The article deals with the history and prospects of the development of the creative abilities of the artificial brain, as well as the methods of artificial intelligence that can be used to produce creative ideas: 1) by creating new combinations of familiar ideas; 2) by studying one of the ideas and, as a

result, changing the settings of its conceptual space; 3) by making transformations that allow to generate previously thought impossible ideas that are not based on already knowing concepts.

Keywords: artificial intelligence, artificial intelligence, artificial brain, history of the development of artificial intelligence, rhetorical question, abilities, AARON, SNARC, P-creativity, H-creativity, electronic brain

Article info: Received April 5, 2019; accepted for publication May 6, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Strizhakov E.A., Chirikova M.V. Artificial intelligence: history and perspectives of creativity development. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 248–258. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-248-258

С момента начала познания Вселенной человечество устремилось на поиски абсолютных истин в разных направлениях бытия. Однако нередко главными сложностями в их достижении становились: недостаточный уровень знаний, ограниченные возможности, отсутствие необходимых средств и методов. По мере совершенствования навыков, погружения в суть вещей, приобретения новых методик познания, цели становились всё более сложными, труднодостижимыми, а порой, казалось, что просто нереальными. Но исследователи продолжали поиски ответов на эти заковыристые вопросы, бросались в омут непознанного, дабы найти искомое. Порой на реализацию данной задачи уходили не просто годы, а столетия… Нередко мыслители отказывались от идеи на долгое время, до тех пор, пока не появлялись новые пути её постижения. Многие философские вопросы так и остались без ответа, получив характеристику риторических, то есть условных, не требующих ответа. Но отчаянные оптимисты, а такие встречаются и в среде учёных, рассчитывают, что в будущем, хоть и отдаленном, эти загадки будут разгаданы.

Поиски искусственного интеллекта, несомненно, тоже относятся к самым смелым начинаниям, которые когда-либо предпринимало человечество. Особенно бесстрашно это выглядит в условиях отсутствия достоверных, а главное – полных знаний о человеческом интеллекте, по аналогии которого предполагается создать искусственный. До сих пор наука утверждает, что мозг человека реализуется им далеко не в полном объёме, другими словами, люди ещё не научились пользоваться данным им природой инструментом. Не говоря о том, что имеют крайне смутное представление, как он устроен, каким образом в нем происходит умственная работа. Следовательно, оба процесса – исследование человеческого мозга и создание искусственного интеллекта – идут параллельно. Бывает, что разработчики искусственного разума даже способствуют более оперативному познанию мыслительной деятельности человека.

Некоторое время разработки искусственного мозга, с одной стороны, не афишировались самими авторами, предположительно, из-за слабости и незрелости их суждений, с другой – не воспринимались обществом всерьёз в силу их фантазийности. Позже ситуация стала меняться: серьёзные научные центры мира активизировали работу в рамках исследований данной сферы и даже анонсировали первые успехи. Но свести воедино все достижения по созданию искусственного интеллекта было крайне проблематично, так как не было специалиста, который обобщил бы все данные и представил общественности историю создания искусственного разума. Только благодаря Нильсу Нильсону (рис. 1) – крупному специалисту в области искусственного разума, руководителю Стэнфордского исследовательского института – представители современного общества могут познакомиться с довольно полным историческим отчетом об исследованиях проблем искусственного интеллекта.

Вне всякого сомнения, своеобразным локомотивом, способствующим запуску работы по моделированию искусственного мозга, стали научные институты и лаборатории США. Ведь именно здесь были предприняты первые и, вероятно, самые важные шаги в его развитии, в то время как, специалисты разных научных профилей других стран

мира продвигались по проторенной американскими пионерами дороге познания. Именно поэтому отчёт руководителя Стэнфорда в основном сконцентрирован на достижениях соотечественников на работе в этой области, а удачам или неудачам коллег-конкурентов в других регионах мира не уделяется достаточного внимания (Нильсон, 1973).

Пытаясь компенсировать эту предвзятость, авторы данной статьи постарались раскрыть историю начала моделирования искусственного мозга и с точки зрения европейской науки, при этом мы принимаем книгу Нильсона и содержащиеся в ней сведения как должное.

История развития искусственного разума охватывает период с сороковых по восьмидесятые годы прошлого века. Самые ранние исследования в области машин, способных мыслить, были вдохновлены слиянием теорий в различных областях научного знания, получивших широкое распространение в конце 1930-х, в 1940-х и в начале 1950-х годов. Среди них особенно выделяются такие как: *кибернетика Норберта Винера*, описывавшая контроль и стабильность в электрических сетях; *информационная теория Клода Шеннона*, изучавшая цифровые сигналы (Binsted, 1996; Cope, 1991); *теория вычислений Алана Тьюринга* (рис. 2), показавшая, что любая форма вычислений может быть описана в цифровом виде. Выведенная специалистами тесная связь между этими идеями позволила предположить возможность создания электронного мозга.

Американские исследователи в области нейрологии Уолтер Питтс (рис. 3) и Уоррен Мак-Каллок (рис. 4) совместно проанализировали сети искусственных нейронов и продемонстрировали, как они могут выполнять простые логические функции. Учёные стали первыми, кто описал то, что позже специалисты назвали нейронной сетью. Марвин Мински (рис. 5), которому на тот момент было 24 года, являясь аспирантом одного из американских университетов, воодушевился этими идеями. Объединившись с Дином Эдмондсом, Мински построил первую машину нейронной сети, названную SNARC, в 1951 году. Благодаря данному достиже-

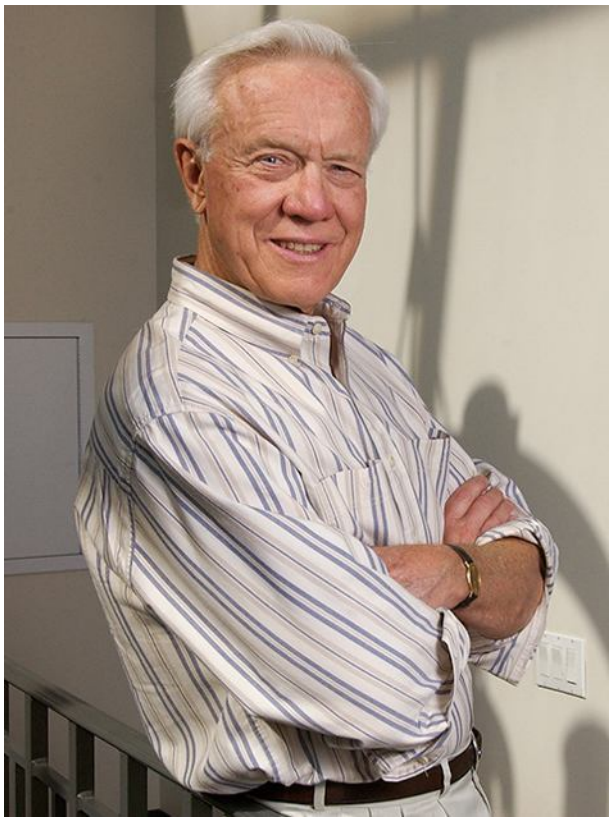


Рис. 1. Нильс Нильсон
Fig. 1. Nils Nilsson

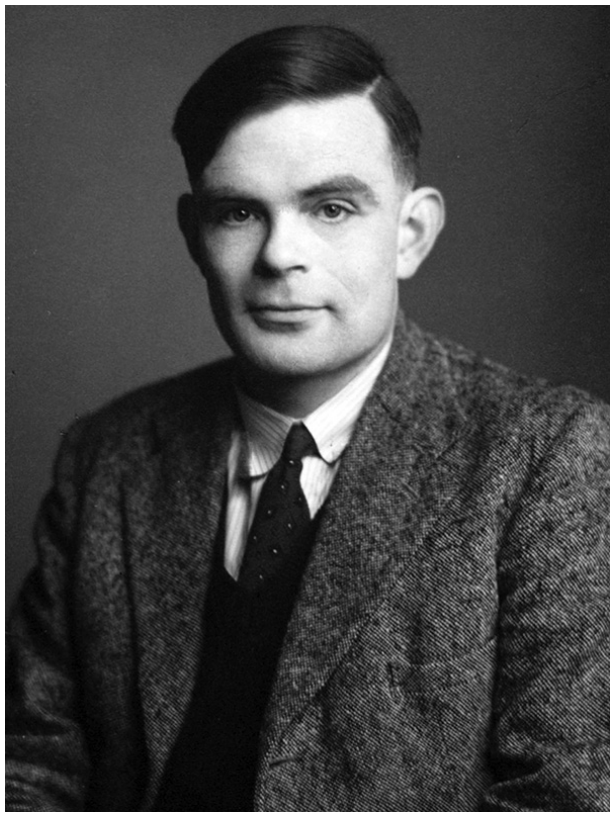


Рис. 2. Алан Тьюринг
Fig. 2. Alan Turing

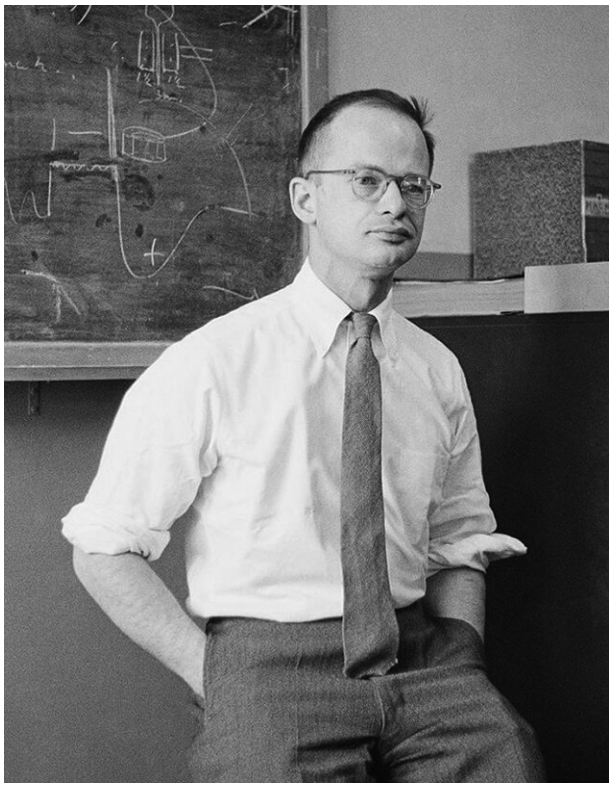


Рис. 3. Уолтер Питтс
Fig. 3. Walter Pitts

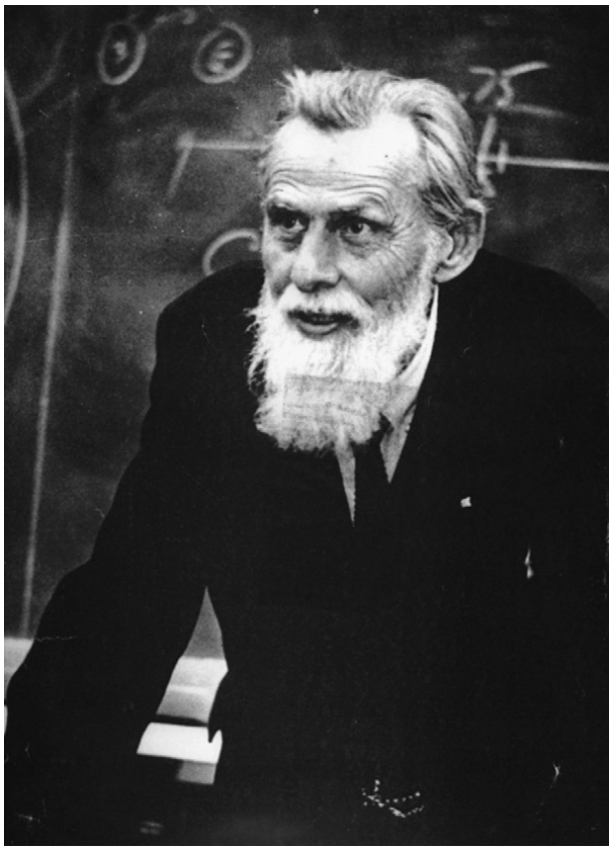


Рис. 4. Уоррен Мак-Каллок
Fig. 4. Warren McCulloch

Рис. 5. Марвин Мински
Fig. 5. Marvin Minsky

нию этот молодой первооткрыватель стал одним из самых уважаемых специалистов в области искусственного разума в течение последующих 50 лет (Cliff, Harvey, Husbands, 1993).

В середине пятидесятых годов XX века появился доступ к цифровым компьютерам. Это привело к тому, что ряд ученых интуитивно признали: если создана машина, которая может манипулировать числами, то, возможно, она также способна манипулировать и символами (эта операция схожа с процессом появления человеческой мысли), а значит – создание искусственного интеллекта возможно! Таким образом в середине прошлого века был найден новый подход к появлению разумных машин.

В 1955 году специалист в области когнитивной психологии Аллен Ньюэлл (рис. 6) и будущий нобелевский лауреат по экономике Герберт А. Саймон (рис. 7) создали программу «Логический теоретик» («Logic Theorist»). С её помощью были доказаны 38 из первых 52 теорем книги «Начала математики» («Principia Mathematica») Бертрана Рассела и Альфреда Н. Уайтхеда, а также найдены новые, более элегантные доказательства для некоторых из них (Boden, 1998). В одном из интервью Герберт А. Саймон сделал достаточно громкое заявление, что они «решили почтенную проблему ума/тела, объ-

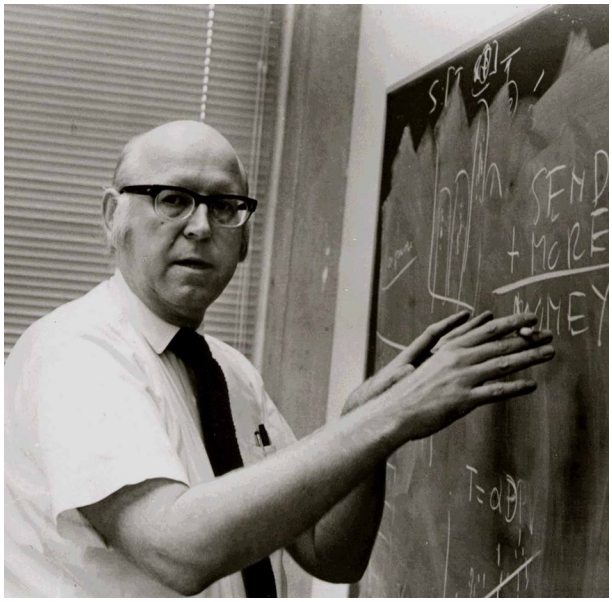


Рис. 6. Аллен Ньюэлл
Fig. 6. Allen Newell

Рис. 7. Герберт А. Саймон
Fig. 7. Herbert A. Simon

яснив, как система, состоящая из материи, может иметь свойства ума» (Mitchell, 1993). Безусловно, это было слишком поспешное утверждение философской позиции, которую позднее Джон Серл сформулировал как «сильный искусственный интеллект»: машины могут быть настолько же разумны, насколько разумен человеческий мозг.

Прошло какое-то время, и в 1956 году была проведена Дартмутская конференция в Ганновере, организованная Марвином Мински, Джоном Маккарти и двумя старшими учёными из IBM: Клодом Шенноном и Натаном Рочестером. По окончании конференции, её участники пришли к выводу, что каждый аспект обучения или любой другой признак интеллекта может быть настолько точно описан, что есть вероятность смоделировать машину, способную воспроизвести эту функцию. Кроме указанных выше исследователей среди участников данной конференции стоит назвать таких крупных учёных как: Рэй Соломонов (создатель концепции алгоритмической вероятности), Оливер Селфридж (автор теории нейронных сетей), Тренчард Мор (известный математик и компьютерщик IBM), Артур Сэмюэль (изобретатель первой самообучающейся компьютерной программы, ввел в научный оборот термин «машинное обучение».). В этой конференции приняли участие практически все исследователи, которые в дальнейшем напишут программы, имеющие фундаментальное значение для моделирования искусственного мозга (Schaffer, 1994; Sims, 1991; Hofstadter, 1995).

Дартмунская конференция стала своеобразной вехой или даже началом целой эры, как минимум потому, что именно здесь появилось понятие «искусственный интеллект». Кроме того, в рамках этой встречи сформировалась братство ученых, нацеленных на воплощение в жизнь электронного мозга, и были представлены первые достижения в данной области научных знаний. Поэтому многие интересующиеся проблемами искусственного интеллекта считают это мероприятие моментом начала рождения искусственного разума.

Последующие годы стали настоящей эпохой новых открытий и изобретений, способных, как казалось их авторам, принципиально ускорить

процесс появления искусственного разума. Программы, разработанные в тот отрезок времени, для большинства людей были просто удивительными, а порой казались и совершенно нереальными: компьютеры решали проблемы алгебры, доказывали теоремы в геометрии и учились говорить по-английски. Мало кто в то время мог поверить, что такое «умное» поведение машин вообще возможно. Исследователи источали колоссальный оптимизм и в частных беседах, и в интервью средствам массовой информации, делая прогнозы о том, что полностью интеллектуальная машина будет построена менее чем за 20 лет (Hodgson, 2006).

К сожалению, несмотря на очевидные успехи, агентства, от которых зависело материальное обеспечение исследований искусственного интеллекта (такие как британское правительство, Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) и Национальный научно-исследовательский совет (NRC)), были разочарованы отсутствием реального прогресса. И, в конечном итоге, прекратили финансирование программ искусственного мозга. Сокращение денежных вливаний началось еще в 1966 году, и было связано, как нам кажется, с появлением отчета специального комитета при Правительстве США (ALPAC), в котором раскритиковали результаты машинного переложения текстов (Gentner, Brem, Ferguson, Markman, Levidow, Wolff, Forbus, 1997; Lenat, 1983). Указанными структурами, вероятно, эти неудачи были восприняты как провал воспроизведения компьютером грамотного перевода информации, близкого к человеческому.

Учёные, которые оказались в «паутине преувеличений» своих успехов, были серьёзно озадачены возникшими проблемами не только в сфере финансирования, но и в области дальнейшей работы над искусственным интеллектом. Моделирование человеческих чувств и мышления, как выяснилось крайне сложная задача, требующая детальной оценки характеристик мозга, то есть, как тогда казалось, практически невыполнимая.

Безусловно, одним из главных прорывов в этой области, могло бы стать создание искусственно интеллектуальной модели, базирующейся на фундаментальной черте человеческого мозга – способности творить. Но что такое творчество?

Творчество – это не особый «факультет», не психологическое свойство, присущее отдельным представителям, так называемой социальной элите. Скорее, это особенность человеческого интеллекта в целом. Оно основано на повседневных способностях и умениях, таких как объединение мыслей, запоминание, восприятие, аналитическое мышление, поиск структурированного проблемного пространства и рефлексивная самокритика (McCorduck, 1991). Творчество включает в себя не только когнитивное измерение (генерацию новых понятий), но и мотивацию, эмоции, культурный контекст и личностный фактор. Современные модели искусственного интеллекта ориентированы, в первую очередь, именно на когнитивные измерения.

Творческая идея, прежде всего, это новый, удивительный и ценный образ представления информации. Способность производить новинки первого рода можно условно назвать «P-творчеством», последнего же – «H-творчеством». «P-творчество» является более фундаментальным понятием, а «H-творчество» представляет собой всего лишь его частный случай, его производную.

Именно поэтому, многие современные специалисты пришли к выводу, что искусственный разум должен сосредоточиться, в первую очередь, на «P-творчестве». И если ему удастся смоделировать это правильным образом, то дедуктивное умозаключение воспроизведёт образы второго рода, то есть «H-творчество». (В дальнейшем мы не будем использовать буквенные префиксы, так как речь будет обычно идти о «P-творчестве» (Bostrom, 2014).

Существует три основных типа творчества, предполагающих различные способы генерирования новых идей. Первый тип предполагает новые сочетания хорошо знакомых концепций, назовём это «комбинационным» творчеством. Примерами могут быть разнообразные поэтические образы, а также аналогии, в которых две новые связанные идеи разделяют некоторую присущую им концептуальную структуру. Аналогии иногда исследуются

и развиваются довольно долго, в целях риторики или решения проблем. Но даже простая оценка адекватной аналогии предполагает (не обязательно сознательное) разумное структурное отображение, при котором сходство структуры не только замечается, но и оценивается с точки зрения их силы и глубины.

Второй и третий типы тесно связаны и больше похожи друг на друга в сравнении с «комбинационным» типом. Их можно обозначить как «исследовательское» и «трансформационное» творчество соответственно (McCarthy, Hayes, 1981; Философская антропология[1], 2014. С. 157). Первое из них, «исследовательское» творчество, предполагает генерацию новых идей путём исследования структурированных концептуальных пространств. Это часто приводит к структурам, которые не только новы, но и крайне неожиданны. Однако сразу видно, что они удовлетворяют канонам соответствующего стиля мышления, сформировавшегося до момента создания идеи. Следующий тип, «трансформационное» творчество, предполагает трансформацию некоторого (одного или нескольких) измерения пространства с тем, чтобы можно было генерировать новые структуры, которые просто не могли возникнуть ранее. Чем фундаментальнее это изменение и чем мощнее трансформация, тем удивительнее будут новые структуры. Эти две формы творчества затеняют друг друга, так как исследования пространства может включать в себя минимальную «настройку» довольно поверхностных ограничений. Различие между настройкой и преобразованием в некоторой степени является вопросом суждения, но чем более чётко определено пространство, тем яснее это различие может быть.

Каждый из трех перечисленных выше типов приводит к неожиданностям, но только один (третий) может привести к тому, что мы называем «шоком», который включает в себя явно невозможную мысль. Все гениальные идеи включают в себя несколько примеров второго рода, но создатели прославленных в истории творений чаще ценятся за свои достижения в отношении последнего типа творчества.

Многие люди, в том числе, например, большинство профессиональных учёных, художников и музыкантов, по праву пользуются уважением, живя за счет исследовательского творчества (Рудаков, Сафонов, 2000). То есть они наследуют принятый стиль мышления от своей культуры, а затем ищут его и, возможно, поверхностно настраивают его, чтобы исследовать его содержание, границы и потенциал. Но люди иногда трансформируют принятое концептуальное пространство, изменяя или удаляя одно (или несколько его измерений), или добавляя новое. Такая трансформация позволяет генерировать структуры, которые (относительно этого пространства) ранее были невозможны.

Чем фундаментальнее трансформация и/или фундаментальнее трансформируемое измерение, тем более разными будут новые возможные конструкции. Шок изумления, который посещает такие (ранее невозможные) идеи, намного больше, чем удивление, вызванное простыми невероятностями, какими бы неожиданными они ни были. Если преобразования слишком экстремальны, связь между старым и новым пространством не будет соответствовать друг другу. В таких случаях новые структуры окажутся неразборчивыми и, скорее всего, их отвергнут. Действительно, для признания столь неординарного творения может потребоваться некоторое время, порой даже очень продолжительное.

Компьютерные модели творчества включают в себя примеры всех трёх типов. Однако на данном этапе наиболее успешными являются те, которые сосредоточены на втором («исследовательском») типе. Это не значит, что «исследовательское» творчество легко воспроизвести. Напротив, для определения концептуального пространства и определения процедур, позволяющих изучить его потенциал, в первую очередь, обычно требуются значительные знания в этой области и аналитические возможности. Но «комбинационное» и «транс-

[1] Философская антропология: словарь под ред. д-ра филос. наук, проф. Н. Хамитова. К.: КНТ, 2014. 472 с.
Philosophical Anthropology: Dictionary ed. Dr. Philos. sciences, prof. N. Khamitova. K .: CST, 2014. 472 p.

формационное» творчество ещё более неуловимо, а значит, сложнее для воспроизведения.

Причины сложностей, если вкратце, заключаются в трудности приближения к богатству ассоциативной памяти человека, а также проблема в идентификации наших ценностей и выражения их в вычислительной форме. Прежняя сложность терзает попытки симулировать комбинационное творчество. Последняя трудность связана с усилиями, направленными на любой вид творчества, но особенно проблематична в отношении третьего.

«Комбинационное» творчество изучается в искусственном интеллекте путём исследования, например, шуток и аналогий. Оба они требуют какой-то семантической сети или взаимосвязанной базы знаний в качестве основы. Очевидно, что вытащить случайные ассоциации из такого источника, в общем-то, достаточно просто. Но ассоциация может быть не уместной в том или ином контексте. Для всех комбинационных задач (кроме «свободной ассоциации») безусловно, большое значение имеет характер и структура ассоциативной связи. В идеале каждое произведение комбинационной программы должно быть хотя бы минимально подходящим, а оригинальность различных комбинаций должна оцениваться системой искусственного разума (ИИ-системой).

Исследовательские и трансформационные типы творчества также могут быть смоделированы с помощью таких искусственно интеллектуальных систем. Для концептуальных пространств и способов их изучения и модификации могут быть описаны вычислительные концепции.

Иногда говорят, что «творческая» программа применима к широкому кругу областей или концептуальных пространств. Например, Эвриско (EURISKO), написанная в 1976–1982 годах Дугласом Ленатом, которая базировалась на логических правилах «если-то», по которым шло рассуждение (Амосов, 1979). Но чтобы сделать эту универсальную программу полезной в определённой области, будь то генная инженерия или VLSI-дизайн, необходимо предоставить значительные специальные знания, если только она не должна генерировать множество бессмысленных (в отличие от просто скучных) идей. В целом предоставление программе соответствующих компетенций требует значительной предметной экспертизы со стороны программиста (Muller, Bostrom, 2016).

Например, EMI (experiments in musical intelligence) – программа, которая сочиняет музыку в стилях Моцарта, Стравинского и других известных композиторов мирового уровня (Imran, Castillo, Lucas, Meier, Vieweg, 2014). Для того, чтобы реализовать нечто подобное, данная программа использует большой музыкальный репертуар. Кроме того, в ней используются правила музыкального построения: мелодические, гармонические, метрические и орнаментальные мотивы, характерные для отдельных композиторов. Используя общие правила, чтобы варьировать и переплетать их, EMI часто составляет музыкальную дорожку, идентичную начальному произведению. Это говорит о систематичности в отдельных композиторских стилях.

Возможно, самым известным примером творчества искусственного интеллекта является программа, а скорее даже, серия программ для изучения рисования линий в определённых стилях – AARON, автором которой считается художник Гарольд Коэн (Vrigkas, Nikou, Kakadiaris, 2015). Рисунки этой программы эстетически приятны и неоднократно выставлялись в галереях по всему миру, и, стоит отметить, всегда вызывали интерес у публики (рис. 8). Программа выбирает цвета по тональности (светлый/тёмный), а не оттенок, хотя она может решить сосредоточиться на определённом семействе оттенков. AARON рисует контуры с помощью кисти, но окрашивает бумагу, применяя пять круглых блоков краски. Некоторые характерные особенности результирующего стиля живописи обусловлены физическими свойствами красителей и красящих блоков, а не программой, направляющей их использование (Hinton, Osindero, Teh, 2006).

Стоит отметить, что рисунки AARON индивидуально непредсказуемы из-за случайного выбора, но все они будут иметь один и тот же стиль. Программа не может ни размышлять над собственными постановками, ни корректировать их так, чтобы сделать их лучше. Она даже не может трансформировать своё концептуальное пространство, ос-

Рис. 8. Картины робохудожника AARON
Fig. 8. Pictures by the robotic artist AARON

тавляя в стороне вопрос о том, приводит ли это к чему-то «лучшему». В этом она напоминает большинство современных программ искусственного разума, ориентированных на творчество.

Не следует предполагать, что искусственно интеллектуальная система не может трансформировать свои правила. Примечательно, что некоторые программисты сознательно избегают давать своим программам возможность изменять суть кода. То есть они препятствуют фундаментальным преобразованиям в концептуальном пространстве, позволяя лишь разведку и относительно поверхностную настройку. Одна из причин этого заключается в том, что человек может быть более заинтересован, по крайне мере на время, в исследовании данного пространства, чем в его непредсказуемом преобразовании. Ещё одной причиной, позволяющей избежать неконтролируемых трансформаций в искусственно интеллектуальных моделях творчества, является сложность автоматизации оценки.

Как и говорилось, основная причина, по которой большинство современных моделей искусственного мозга пытаются только исследовать, а не преобразовывать, заключается в том, что если пространство изменяется, то результирующие структуры могут не иметь никакой ценности. Такие идеи, конечно, новаторские, но не творческие.

Если искусственно интеллектуальные модели смогут воплощать достаточно обширные оценочные критерии, позволяющие им модифицировать пространство, то мы сможем наблюдать новые структуры, образы, понятия. Но для того, чтобы такая компьютеризированная самокритика стала реальностью, программисты должны достаточно ясно выражать соответствующие ценности.

В какой-то степени это может быть достигнуто путём определения культурно принятого концептуального пространства настолько успешно, что любая структура, которая может быть сгенерирована программой, будет принята людьми как ценная. Но структуры, создаваемые в новых преобразованных пространствах, будут нуждаться в типах оценки, отличных (по крайней мере, частично) от тех, которые подразумеваются в исходном пространстве (Penfield, 2015).

Ещё труднее выразить (устно или письменно) то, что нам нравится, например, в фуге Баха или в живописи импрессионистов. И сказать, что нас привлекает (или не привлекает) в новой или ранее незнакомой форме музыки или живописи, ещё более сложно. Например, то, почему нам что-то интересно или не интересно, часто имеет много общего с мотивационными и эмоциональными факторами, о которых текущий искусственный интеллект почти ничего не говорит.

Что ещё хуже, человеческие ценности и поэтому новшества, которые мы готовы одобрить как «творческие», меняются от культуры к культуре, и

время от времени. В некоторых случаях они делают это непредсказуемым и иррациональным образом. Ценностные сдвиги также не ограничиваются тривиальными случаями, такими как даже Леонардо да Винчи, Моцарт и Данте. Они все были проигнорированы и/или подвергнуты критике в определённые периоды времени.

Научные критерии теоретической элегантности и согласованности, а также экспериментальной проверки менее изменчивы, чем художественные ценности. Но это не значит, что их легко определить или реализовать. Кроме того, наука также имеет свой эквивалент причуды и моды. Важно отметить то, что учёные считают «творчество» и называют «открытием», во многом зависит от непродуманных действий.

И хотя творческая инициатива всё ещё принадлежит человеку, мы не можем отвергать возможностей усовершенствования искусственного интеллекта до того уровня, благодаря которому он смог бы синтезировать новые концептуальные идеи и образы. Конечным доказательством оригинального творчества, присущего искусственному разуму, могло бы стать генерирование новых идей, которые первоначально озадачивают, а порой даже отталкивают, но в дальнейшем способны убедить в обратном, то есть в своей действительной ценности.

Библиографический список

Амосов Н.М. Алгоритмы разума. Киев: Наукова думка, 1979. 224 с.

Нильсон Н. Искусственный интеллект: методы поиска решения / пер. с англ., М.: Мир, 1973. 273 с.

Рудаков П.И., Сафонов В.И. Обработка сигналов и изображений. MATLAB 5.x. М.: Диалог-МИФИ, 2000. 416 с.

K. Binsted, Machine humour: an implemented model of puns, Ph.D. Thesis, University of Edinburgh, 1996, 218 p.

M. Boden, Creativity and artificial intelligence, Artificial Intelligence, 1998, pp. 347–356.

N. Bostrom, Superintelligence. – Oxford University Press, 2014. 411 p.

D. Cliff, I. Harvey, P Husbands, Explorations in evolutionary robotics, Adaptive Behavior 2, 1993, pp. 73–110.

D. Cope, Computers and Musical Style, Oxford University Press, Oxford, 1991, 246 p.

D. Gentner, S. Brem, R.W. Ferguson, A.B. Markman, B.B. Levidow, P. Wolff. K.D. Forbus, Conceptual change via analogical reasoning: a case study of Johannes Kepler, Journal of the Learning Sciences, in press, 1997, pp. 3–40.

G.E. Hinton, S. Osindero, and Y.-W. Teh, “A fast learning algorithm for deep belief nets”, Neural computation, vol. 18, no. 7, 2007, pp. 1527–1554.

P. Hodgson, The evolution of melodic complexity in the music of Charles Parker, Alma Mater Studiorum University of Bologna, 2006, pp. 997–1002.

D.R. Hofstadter, FARG (The fluid analogies research group), Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of the Fundamental Mechanisms of Thought, Basic Books, New York, 1995, pp. 13–86.

M. Imran, C. Castillo, J. Lucas, P. Meier, and S. Vieweg, “Aidr: Artificial intelligence for disaster response,” in Proceedings of the 23rd International Conference on World Wide Web. ACM, 2014, pp. 159–162.

References

Amosov N.M. 1979. Algorithms of Mind. Kiev: Naukova Dumka Publ. 224 p. (In Russ.)

Nilson N. 1973. Artificial Intelligence. Methods to Find a Solution. Per. from English. Moscow: Mir Publ. 273 p. (In Russ.)

Rudakov P.I. 2000. Safonov V.I. Signal and Image Processing. MATLAB 5.x. Moscow: Dialog-MEPI Publ. 416 p. (In Russ.)

K. Binsted, Machine humour: an implemented model of puns, Ph.D. Thesis, University of Edinburgh, 1996, 218 p.

M. Boden, Creativity and artificial intelligence, Artificial Intelligence (1998), pp. 347–356.

N. Bostrom, Superintelligence. – Oxford University Press, 2014. 411 p.

D. Cliff, I. Harvey, P Husbands, Explorations in evolutionary robotics, Adaptive Behavior 2 (1993), pp. 73–110.

D. Cope, Computers and Musical Style, Oxford University Press, Oxford (1991) 246 p.

D. Gentner, S. Brem, R.W. Ferguson, A.B. Markman, B.B. Levidow, P. Wolff. K.D. Forbus, Conceptual change via analogical reasoning: a case study of Johannes Kepler, Journal of the Learning Sciences, in press, 1997, pp. 3-40.

G. E. Hinton, S. Osindero, and Y.-W. Teh, “A fast learning algorithm for deep belief nets”, Neural computation, vol. 18, no. 7, 2007, pp. 1527–1554.

P. Hodgson, The evolution of melodic complexity in the music of Charles Parker, Alma Mater Studiorum University of Bologna, 2006, pp. 997–1002.

D.R. Hofstadter, FARG (The fluid analogies research group), Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of the Fundamental Mechanisms of Thought, Basic Books, New York, 1995, pp. 13–86.

M. Imran, C. Castillo, J. Lucas, P. Meier, and S. Vieweg, “Aidr: Artificial intelligence for disaster response,” in Proceedings of the 23rd International Conference on World Wide Web. ACM, 2014, pp. 159–162.

D.B. Lenat, The role of heuristics in learning by discovery: three case studies, in: R.S. Michalski, J.G. Carbonell, T.M. Mitchell (Eds.), Machine Learning: An Artificial Intelligence Approach, Tioga, Palo Alto, CA, 1983, pp. 243–306.

McCarthy, J., Hayes, P.J. Some philosophical problems from the standpoint of artificial intelligence//Readings in Artificial Intelligence; Edited by B.L. Webber, N.J. Nilsson. – Tioga. 1981. Pp. 431–450.

P. McCorduck, Aaron's Code, W.H. Freeman, San Francisco, CA, 1991, pp. 312–319.

M. Mitchell, Analogy-Making as Perception, MIT Press, Cambridge, MA, 1993, 284 p.

V. C. Muller and N. Bostrom, "Future progress in artificial intelligence: A survey of expert opinion," in Fundamental issues of artificial intelligence. Springer, 2016, pp. 555–572.

W. Penfield, Mystery of the mind: A critical study of consciousness and the human brain. Princeton University Press, 2015, 158 p.

S. Schaffer, Making up discovery, in: M.A. Boden (Ed.), Dimensions of Creativity, MIT Press, Cambridge, MA, 1994, pp. 13–51.

K. Sims, Artificial evolution for computer graphics, Computer Graphics 25 (4), 1991, pp. 319–328.

M. Vrigkas, C. Nikou, and I. A. Kakadiaris, "A review of human activity recognition methods," Frontiers in Robotics and AI, vol. 2, 2015, 28 p.

D.B. Lenat, The role of heuristics in learning by discovery: three case studies, in: R.S. Michalski, J.G. Carbonell, T.M. Mitchell (Eds.), Machine Learning: An Artificial Intelligence Approach, Tioga, Palo Alto, CA, 1983, pp. 243–306.

McCarthy, J., Hayes, P.J. Some philosophical problems from the standpoint of artificial intelligence//Readings in Artificial Intelligence;Edited by B. L. Webber, N. J. Nilsson. – Tioga. 1981. P. 431–450.

P. McCorduck, Aaron's Code, W.H. Freeman, San Francisco, CA, 1991, pp. 312–319.

M. Mitchell, Analogy-Making as Perception, MIT Press, Cambridge, MA, 1993, 284 p.

V. C. Muller and N. Bostrom, "Future progress in artificial intelligence: A survey of expert opinion," in Fundamental issues of artificial intelligence. Springer, 2016, pp. 555–572.

W. Penfield, Mystery of the mind: A critical study of consciousness and the human brain. Princeton University Press, 2015, 158 p.

S. Schaffer, Making up discovery, in: M.A. Boden (Ed.), Dimensions of Creativity, MIT Press, Cambridge, MA, 1994, pp. 13–51.

K. Sims, Artificial evolution for computer graphics, Computer Graphics 25 (4) (1991) pp. 319–328.

M. Vrigkas, C. Nikou, and I. A. Kakadiaris, "A review of human activity recognition methods," Frontiers in Robotics and AI, vol. 2, 2015, 28 p.

Сведения об авторах

Стрижаков Евгений Алексеевич,
студент гр. НДДб-17-1 Института недропользования,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: strizhakov.evgenii@mail.ru

Чирикова Марина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Критерии авторства

Е.А. Стрижаков и М.В. Чирикова выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Evgeniy A. Strizhakov,
student of the Mining Institute,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: strizhakov.evgenii@mail.ru

Marina V. Chirikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Attribution criteria

Strizhakov E.A. and Chirikova M.V. had got a scientific review, summarized the evaluations and wrote the manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94 (47);913;39
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-259-263

Первая русскоязычная публикация дневников Д.Г. Мессершмидта 1723 года: рецензия на книгу «Дневники от Мангазеи до Иркутска (1723 г.)» Д.Г. Мессершмидта*

© А.А. Сирина

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация: Рецензируемая книга представляет собой первый и наиболее полный на сегодняшний день перевод дневника выдающегося исследователя Сибири XVIII в. Д.Г. Мессершмидта во время его путешествия вверх по р. Нижняя Тунгуска от г. Мангазеи до Чечуйского волока на р. Лена и далее до г. Иркутска в июне – декабре 1723 г. В книге имеются также предисловие и комментарии составителя Ю.И. Чивтаева, тунгусский словарик, карты-схемы маршрута, рисунки и фотографии. Благодаря публикации дневника читатель может ознакомиться не только с записями научного характера, но и с контекстом путешествия. Рецензент размышляет над новым феноменом в исторической и антропологической дисциплинах – появлении «внеструктурных профессионалов».

Ключевые слова: Д.Г. Мессершмидт, комплексная экспедиция в Сибирь, полевые дневники, первая четверть XVIII в., р. Нижняя Тунгуска, р. Лена

Информация о статье: Дата поступления 17 мая 2019 г.; дата принятия к печати 3 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Сирина А.А. Первая русскоязычная публикация дневников Д.Г. Мессершмидта 1723 года: рецензия на книгу «Дневники от Мангазеи до Иркутска (1723 г.)» Д.Г. Мессершмидта // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 259–263. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-259-263

The First Russian Publication of the Diaries of Messershmidt (1723): book review “Diaries from Mangazeya to Irkutsk (1723)” of D.G. Messerschmidt*

© Anna A. Sirina

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract: The book under review is the first and most complete translation to date of the Diary by Daniel Gotlib Messershmidt, the prominent researcher of Siberia of 18th century. Since June to December 1723 he travelled from Mangazeia to Irkutsk along the Nizhniaia Tunguska and the Lena rivers. The book includes also an introduction and commentaries of the compiler, Yurii I. Chivtaev, a Tungus-Russian vocabulary, maps, photos and drawings. Due to the book, a reader can get acquainted not only with Messershmidt’s notes of the scientific character, but also with a context of his travelling. A reviewer reflects on a new phenomenon in Russian historical and anthropological disciplines – an appearance of so-called “non-structural professionals”,

Keywords: D.G. Messershmidt, expedition to Siberia, field diaries of 1723, Nizhniaia Tunguska river, Lena river

---

* Мессершмидт Д.Г. Дневники от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / предисловие, подгот. текста, перевод, прим. и коммент., прилож. Ю.И. Чивтаева. Иркутск: На Чехова, 2018. 266 с.

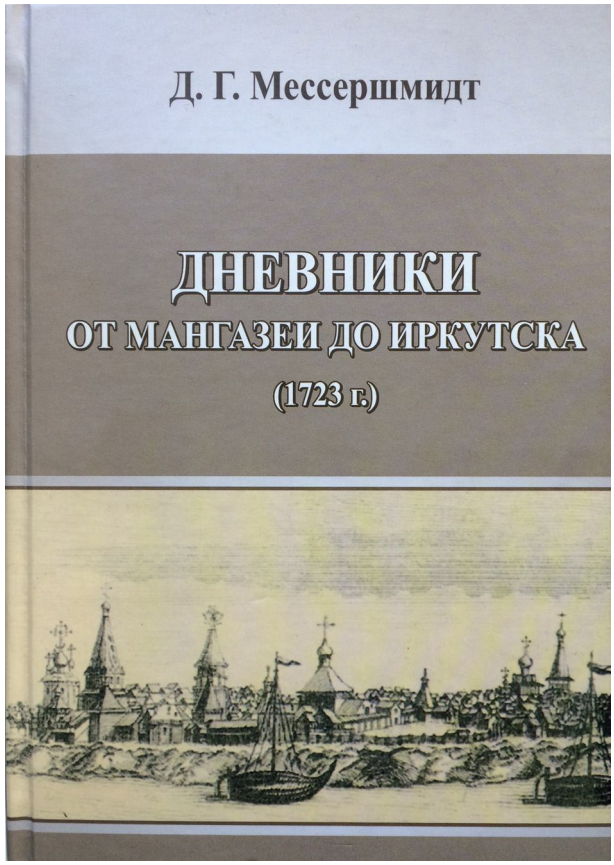
* Messerschmidt D.G. Diaries from Mangazeya to Irkutsk (1723) / preface, preparation. text translation and comments., app. by Yu.I. Chivtaev. Irkutsk: Na Chekhova, 2018. 266 p.

Article info: Received May 17, 2019; accepted for publication June 3, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Sirina A.A. The First Russian Publication of the Diaries of Messershmidt (1723): book review "Diaries from Mangazeya to Irkutsk (1723)" of D.G. Messerschmidt. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 259–263. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-259-263

Современная российская реальность вызвала к жизни новые исследовательские силы. Формально не связанные с профессиональными научными структурами, они порой не уступают ученым, имеющим институциональную принадлежность. Это происходит не только в сфере индеанистских исследований (Истомин, 2018), но и, например, в изучении истории Сибири. Все чаще люди, по своей профессии прямо не связанные с наукой, тратят свои силы, время, энергию, нередко и личные средства на изучение интересующих их тем: обычно это родословие и история родного края. Хотя в таких трудах очень сильна краеведческая составляющая, их уже нельзя назвать краеведением, поскольку они вписываются в научную парадигму: например, вносят вклад в проблему колонизации Сибири. Так, Г.Б. Красноштанов (1928–2018), по происхождению из русских старожилов р. Лены, уйдя на пенсию, в течение более двадцати лет занимался поиском своих корней, обнаружив в архивах уникальные документы XVI–XVII вв., в которых отложилась история его предков и, шире, русского заселения и пашенного освоения берегов р. Лены, т. е. становления российского государства в Восточной Сибири. Эти документы он расшифровал и опубликовал в статьях и в 3-х томном труде (Красноштанов, 2012; 2013). Рецензируемая книга из этого же ряда, ее появление связано с запросом сибиряков на изучение локальной истории.

Ученый немецкого происхождения, состоявший на российской службе, доктор Мессершмидт в 1721–1726 гг. путешествовал по Сибири с целью сбора лекарственных растений, минералов и других материалов. Он собрал коллекции и оставил дневниковые записи на немецком языке, которые по независящим от него обстоятельствам не смог опубликовать при жизни. Сегодня они хранятся в архиве Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук. В 1962–1977 гг. Берлинская академия наук издала пять томов дневников Мессершмидта. Профессионалы отмечают исключительную важность немецкоязычной публикации, отмечая в то же время, что ее качество с точки зрения соответствия оригиналу и следования академическим традициям находится не на самом высоком уровне (Тункина, Савинов, 2017. С. 63–64). Что касается переводов дневников Мессершмидта на русский язык, то они изданы лишь в извлечениях (Напольских, 2001; Мессершмидт, 2003; Мессершмидт, 2012).



Рецензируемая книга представляет собой первый и наиболее полный на сегодняшний день перевод дневника Мессершмидта периода с 16 июня по 19 декабря 1723 г., когда он путешество-

вал вверх по р. Нижняя Тунгуска от г. Мангазеи до Чечуйского волока на р. Лена и далее до г. Иркутска (протяженность маршрута около 2700 км). Инициатор перевода, составитель, публикатор и автор комментариев к книге Ю.И. Чивтаев проживает в г. Усть-Куте Иркутской области, недалеко от прохождения маршрута путешествия Д.Г. Мессершмидта. Перевод выполнен по вышеупомянутому берлинскому изданию. Некоторые места, опущенные в берлинском издании, восстановлены на основании архивного первоисточника. Фамилии переводчиков со старонемецкого и латинского языков, к сожалению, составитель не привел. Это никак не поясняется и оставляет читателя в недоумении. В книге имеются также предисловие и комментарии составителя, тунгусский словарик, карты-схемы маршрута, рисунки и фотографии.

Энциклопедически образованный Мессершмидт собирал на своем пути вверх по Нижней Тунгуске и Лене всю возможную информацию в таких разных областях науки, как геология, география, ботаника, орнитология, биология, зоология, этнография, лингвистика (Новлянская, 1962). Читая дневник, понимаешь, что Мессершмидт справлялся с необходимостью обработки огромного объема разнородных материалов благодаря разносторонним и глубоким знаниям, систематичности занятий, требовательности к себе и спутникам, а также неподдельному интересу и ответственному отношению к своей службе в Сибири. Несомненно, он ощущал себя имперским посланником в Сибирь.

Благодаря публикации дневника читатель может ознакомиться не только с записями научного характера, но и с контекстом путешествия. Мессершмидт заносил в дневник все, представлявшее для него интерес. Всю работу по обеспечению путешествия и поддержанию жизнедеятельности экспедиции выполняли его спутники, которых на этом отрезке пути было более 17-ти человек: слуга и переводчик, денщик. Казаки, крестьяне, тунгусы – гребцы и бурлаки – тянули лодки вверх по течению, был вож (проводник), кормчие, повар. Мессершмидту приходилось преодолевать значительные трудности – жить в палатках, страдать летом от гнуса и зимой от холода, угара в крестьянских курных избах, и лишь иногда прорывались на страницы дневников такие признания: «жизнь показалась горькой, а еще горше оттого, что на морозе и в снегу писать приходится. Я очень страстно желаю освободиться от этой трудной службы и поскорее увидеть своих близких» (Мессершмидт, 2018. С. 161). Местные русские крестьяне радушно принимали ученого: давали кров и стол, делились продуктами сельскохозяйственного труда и охоты, знаниями о местной природе и населении, приносили необычные предметы природного происхождения, дарили меха и шкуры.

Комментарии Ю.И. Чивтаева отличаются информативностью и научной ценностью. Он идентифицировал многие топонимы, упомянутые в дневнике, с современными названиями тех же географических объектов: оказалось, что весьма часто они разнятся. Это совпадает с выводами культурных географов о закономерностях изменений ландшафтной топонимики на Севере России (Калуцков, 2008). Книга снабжена современными фотографиями некоторых мест на р. Нижняя Тунгуска, упомянутых в дневнике Мессершмидта. Не все комментарии составителя, на мой взгляд, достаточно обоснованы (например, вслед за переводчиком эвенкийский термин *хундысал* – «хозяева собак» он рассматривает в новом значении, как «шитолицые» (т. е. имеющие татуировку на лице) (Мессершмидт, 2018. С. 88). Ю.В. Чивтаев выделил тунгусские слова из дневника Мессершмидта в отдельный словарик объемом около 400 слов. Он проделал большой труд, сопоставив их с современным словарным составом эвенкийского языка, и на этом основании отметил, что многие из записанных Мессершмидтом слов в современных эвенкийско-русских словарях отсутствуют. Такое утверждение расходится с мнением знатока эвенкийского языка Г.М. Василевича (Василевич, 1969).

Наследие Мессершмидта продолжает привлекать внимание исследователей. В настоящее время Музей антропологии и этнографии Российской академии наук совместно с международным коллективом ученых готовит сборник документов его экспедиции. Проект призван ввести в широкий научный оборот архивные материалы, хранящиеся

в музее: переводы части рукописи дневника Мессершмидта, рапорты и письма, готовившиеся к изданию в 1930-е годы. Работа над ним возобновлена (Копанева, 2016. С. 44–45).

А пока книга, подготовленная Ю.В. Чивтаевым, сибирским энтузиастом-краеведом, начинает «работать» и, несомненно, будет востребована как ценный источник первой четверти XVIII в. о природе и населении территории, которая сегодня входит в границы Иркутской области и Красноярского края. Книга дает представление также о первых шагах этнографии и географии Сибири. Читателю станет ближе и понятнее личность Д.Г. Мессершмидта, чье имя высечено на фронтоне исторического здания Иркутского областного краеведческого музея среди имен других выдающихся исследователей Сибири.

Библиографический список

Василевич Г.М. Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия СО АН СССР. Сер. Общественные науки, 1969. Вып. 2. № 6. С. 116–119.

Истомин А.А. Профессионалы и непрофессионалы в современной российской индеанистике // Три века российской этнографии: страницы истории / отв. ред. А.А. Сирина. М.: Наука–Восточная литература, 2018. С. 334–346.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Копанева Н.П. Научное путешествие Д.Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский Исторический Вестник. 2016, № 2. С.44–52.

Красноштанов Г.Б. На Ленских пашнях в XVII веке. Документальное повествование в 3-х ч. М.: Древлехранилище, 2012–2013.

Мессершмидт Д.Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве / публикация З.Д. Титовой // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25–40.

Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721–1722. / пер. Е.А. Ким. Абакан, 2012. 160 с.

Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001. 224 с.

Новлянская М.Г. Первое научное исследование реки Нижней Тунгуски : материалы отд. истории географ. знаний Л., 1962. Вып. 1. С. 42–63.

Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с.

Сведения об авторе

Сирина Анна Анатольевна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии Российской акаде-

References

Vasilevich G.M. 1969. An Importance of the Messerschmidt's Diaries for the Tungus studies. *Izvestiia Sibirskogo Otdeleniia AN SSSR. Ser. Obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of USSR]. Iss. 2. No. 6. Pp. 116–119. (In Russ.)

Istomin A.A. 2018. Professionals and non-professionals in modern Russian Indian Studies. *Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii* [Three centuries of Russian ethnography: pages of history] Moscow: Nauka.Vostochnaya literature Publ. Pp. 334–346. (In Russ.)

Kalutskov V.N. 2008. Landscape in a Cultural Geography. Moscow: Novyi khronograf Publ. 317 p. (In Russ.)

Kopaneva N.P. 2016. Scientific Travel of D.G. Messerschmidt as a part of the PetrI Projects on the description of the Russian State. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal]. No. 2. Pp. 44–52. (In Russ.)

Krasnoshtanov G.B. 2012–2013. On the Lena River Plows in the 17th century. Documental story in the 3 parts. Moscow: Drevlekhranilishche Publ. (In Russ.)

Messerschmidt D.G. 2003. A Travel Diary from Tobol'sk through Taru, Tomsk and Further in the Siberian State. Publication by Titova, Z.D. *Istoricheskii arhiv* [Historical Archive], No. 2. Pp. 25–40. (In Russ.)

Messerschmidt D.G. 2012. A Diaries. Tomsk-Abakan-Krasnoyarsk. 1721–1722. Abakan. 160 p. (In Russ.)

Napol'skhikh V.V. 2001. Udmurds' Matherials of D.G. Messershmidt. The Diary Notes. December, 1726. Izhevsk. 224 p. (In Russ.)

Novlyanskaia, M.G. 1962. The first scientific study of the Nizhniaia Tunguska River. *Materialy Otdeleniia istorii geograficheskikh znanii* [The Materials of the Geographical Knowledge History Department]. Leningrad. Iss. 1. Pp. 42–63. (In Russ.)

Tunkina I.V., Savinov D.G. 2017. Daniel Gotlib Messerschmidt: On the Outset of the Siberian Archeology. St. Petersburg: ElekSis Publ. 168 p.

Information about the author

Anna A. Sirina,
Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Acad-

мии наук,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А,
e-mail: annas@iea.ras.ru

emy of Sciences,
32-A Leninskii Ave., Moscow 119991, Russian Federation,
e-mail: annas@iea.ras.ru

Критерии авторства

А.А. Сирина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Sirina A.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 316.7(571.51)(091)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-264-267

На пути модернизации… рецензия на монографию «Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города» А.В. Аксеновой и Н.В. Гониной*

© А.В. Неклюдова[a], С.Л. Шахерова[b]

[a] Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия
[b] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Книга посвящена социокультурному развитию Енисейска в последней трети XIX – начале XX вв. с точки зрения теории модернизации. Анализируются вопросы демографического потенциала города, его социальная структура, национально-конфессиональные особенности, культурный облик города во всём его многообразии.

Ключевые слова: Сибирь, город, Енисейск, социокультурное развитие, капитализм, теория модернизации

Информация о статье: Дата поступления 12 марта 2019 г.; дата принятия к печати 8 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Неклюдова А.В., Шахерова С.Л. На пути модернизации… рецензия на монографию «Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города» А.В. Аксеновой и Н.В. Гониной // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 264–267. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-264-267

On the road to modernization… Review of the monograph: Aksenova A.V., Gonina N.V. Yeniseisk in the last third of the XIX – early XX century. Essays on the socio-cultural development of a provincial city*

© Anastasia V. Neklyudova[a], Svetlana L. Shakherova[b]

[a] Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation
[b] Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The book is devoted to socio-cultural development of Yeniseisk in the last third of XIX – the beginning of the XX centuries in terms of the theory of modernization. Questions of demographic capacity of the city, its social structure, national and confessional features, the cultural image of the city in all its variety are analyzed.

Keywords: Siberia, city, Yeniseisk, socio-cultural development, capitalism, modernization theory

Article info: Received March 12, 2019; accepted for publication April 8, 2019; available online June 25, 2019.

---

* Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города : монография. Красноярск, 2017. 279 с.

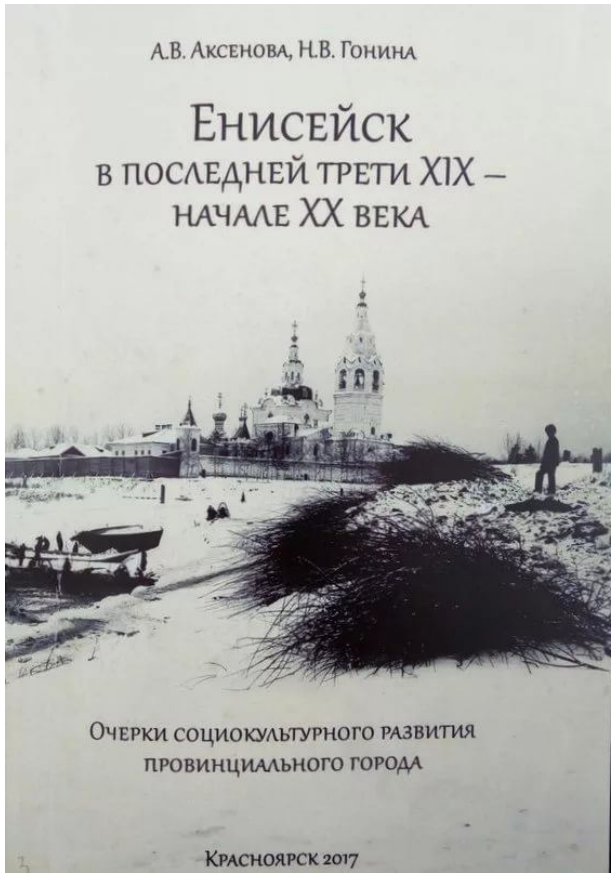
* Aksenova A.V., Gonina N.V. Yeniseisk in the last third of the XIX – early XX century. Essays on the socio-cultural development of a provincial city. Krasnoyarsk, 2017. 279 p.

For citation: Neklyudova A.V., Shakherova S.L. On the road to modernization… Review of the monograph: Aksenova A.V., Gonina N.V. Yeniseisk in the last third of the XIX – early XX century. Essays on the socio-cultural development of a provincial city. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 264–267. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-264-267

Монография красноярских исследователей А.В. Аксёновой и Н.В. Гониной «Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города» посвящена проблеме развития социокультурного пространства сибирского провинциального города в условиях начального этапа модернизации. Социокультурный компонент всегда составлял значимую часть жизни городов, аккумулируя и интегрируя достижения общества, начиная от производственных устремлений и заканчивая духовным потенциалом. В центр исследования авторов монографии попали процессы социально-демографического развития города, его культурная среда.

Несмотря на то, что историография темы достаточно обширна, А.В. Аксёновой и Н.В. Гониной удалось на основе широкого круга источников и ранее неиспользованного применительно к теме подхода – теории модернизации – по-новому её осветить.

Монография имеет традиционную структуру: введение, две главы, построенные по проблемному принципу, и заключение. Во вводной части авторы определяют специфику провинциального города, степень изученности темы. Следует отметить доскональный подход авторов к изучению имеющейся научной литературы, которая ими сгруппирована по школам. Также авторы обратили внимание на краеведческую и культурологическую литературу. Источниковая база исследования представлена широким кругом опубликованных и неопубликованных источников, в том числе материалами Государственного архива Красноярского края, фондами Енисейского естественно-исторического и культурно-бытового музея. Интересна методологическая основа исследования, в которой авторы пытаются совместить теорию модернизации, социокультурный подход, а также концепт «культурное гнездо».



В первой главе «Социально-демографическое развитие Енисейска в последней трети XIX – начале XX в». А.В. Аксёнова и Н.В. Гонина анализируют динамику численности, национально-конфессиональный состав, сословную структуру городского населения. Следует отметить, что красноярские исследователи определили Енисейск, как малый город, в основу изучения которого положили классификацию городов, предложенную В.П. Семеновым-Тян-Шанским. Авторы выявили факторы, которые повлияли на динамику численности населения: кризис золотопромышленности, внутреннюю и внешнюю миграция, эпидемии. Рассмотрена и половая структура населения. Далее авторы дали характеристику таким национальным группам, как евреи, отметив их роль в экономике города, и поляки. Обращаясь к конфессиональному

составу, красноярские исследователи отметили изменения правового положения и места в социокультурном пространстве представителей иудейской, мусульманской конфессий и старообрядцев. Главным выводом здесь стало утверждение, «что… Енисейск имел и такую черту городского сообщества, как поликонфессиональность, порождающую определенную религиозную толерантность». Последний параграф главы посвящен изучению количественного и качественного состава социальных групп города. Авторы на основе данных за 1890–1905 гг. рассмотрели изменения в составе дворянства, мещан, духовенства, купечества и др., отметив, что наибольшие изменения – дифференциация – произошли в среде купечества и мещанства.

Непосредственно к изучению культурной среды Енисейска А.В. Аксёнова и Н.В. Гонина обращаются во второй главе монографии. Анализируя городское пространство, авторы выявили общие и специфичные черты планировки сибирского города, в том числе и Енисейска. Ими описаны такие составляющие городского пространства, как улицы и районы, архитектурные особенности построек, определено соотношение жилых, культовых и административных сооружений. Авторами установлены динамика и процентное соотношение деревянной и каменной застройки, проблемы городского благоустройства, транспортной системы, сложности в осуществлении мер противопожарной безопасности, и, как следствие, отмечено их негативное влияние на развитие города.

Затем А.В. Аксёнова и Н.В. Гонина обратились к характеристике религиозных учреждений города и их роли в формировании духовного пространства. Авторы составили довольно детальное описание внешнего и внутреннего пространства городских церквей, храмов и монастырей. Ими освещена история возникновения и развития монастырей Енисейска, деятельность наиболее известных и чтимых священнослужителей, вклад горожан в материальное обеспечение и развитие монастырской жизни. В поле зрения исследователей оказались вопросы развития приходских церквей, состава монастырских и церковных библиотек, вклад церкви в благоустройство городского пространства, борьбу с социальными пороками. Авторы особо отметили, что церкви и монастыри города кроме религиозной роли приобрели особое социокультурное значение: стали образовательными, просветительскими, информационными центрами. Достоинством работы является то, что исследователи рассмотрели вклад синагог и мечетей в развитие этноконфессиональных общин.

А.В. Аксёнова и Н.В. Гонина проанализировали развитие образовательных учреждений Енисейска и особенности осуществления просветительской деятельности. Ими были изучены учреждения начального, среднего и профессионального образования, проанализирован состав учащихся, формирование бюджета заведений, постановка учебного дела. Были изучены история создания и деятельность енисейского музея, светских библиотек, читательские интересы населения, издательское дело. Авторы справедливо отметили, что культурно-просветительская деятельность светского характера основывалась исключительно на частной инициативе и была продуктом реализации высших потребностей небольшой группы носителей культуры индустриального общества.

В конце главы исследователи обратили взор на повседневную жизнь населения Енисейска, включив сюда описания обеспеченностью жильем, одеждой, обувью, рацион питания разных категорий горожан. Отдельное внимание авторы обратили на организацию и формы проведения досуга, развитие театральной жизни. Исследователи выделили новые формы досуга, связанные с развитием индустриального общества, отметив, что повседневная жизнь в Енисейске соединяла элементы традиции и модерна, и одно обогащало другое. Следует отметить, что в работе хотелось бы видеть детальную проработку влияния таких крупных событий, как Русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, на жизнь города Енисейска.

Заключение монографии логично и отражает поставленные задачи. Значительным достоинством работы является наличие богатого иллюстративного материала: фотографий жителей Енисейска,

культовых, жилых и административных сооружений.

Несомненной заслугой авторов является попытка соединить в данном исследовании теоретические позиции исторической науки и фактологический багаж региональной истории, произвести их логический синтез. Таким образом, монография имеет важное теоретическое, познавательное значение. Доступность изложения материала привлечет внимание не только историков-профессионалов, но и большой круг лиц, интересующийся историей Сибири.

Сведения об авторах

Неклюдова Анастасия Васильевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
Россия, 664074, Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
e-mail: neklyudova_nast@mail.ru

Шахерова Светлана Леонидовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики,
Иркутский государственный университет,
Россия, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1,
e-mail: svetlanashakh@rambler.ru

Критерии авторства

А.В. Неклюдова, С.Л. Шахерова провели научное рецензирование, обобщили полученные оценки и написали рукопись, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Anastasia V. Neklyudova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and social sciences,
Irkutsk State Transport University,
15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: neklyudova_nast@mail.ru

Svetlana L. Shakherova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Methodology,
Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: svetlanashakh@rambler.ru

Attribution criteria

Neklyudova A.V., Shakherova S.L. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(470+571.63)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-268-271

Стратегии выживания в эпоху перемен: рецензия на монографию «Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории» Т.З. Позняк*

© И.В. Наумов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В рецензии охарактеризована нижеуказанная монография Т.З. Позняк. В ней отмечена новизна и актуальность монографии, широкая источниковая база, её вклад в историографию Гражданской войны на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: монография, Первая мировая война, Гражданская война, Дальний Восток, повседневная жизнь

Информация о статье: Дата поступления 24 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 20 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Наумов И.В. Стратегии выживания в эпоху перемен: рецензия на монографию «Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории» Т.З. Позняк // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 268–271. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-268-271

Survival strategies in an era of change: a review of the monograph “The Daily Life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914–1922): Essays on History” by Poznyak T.Z.*

© Igor V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The review described the following T.Z. Pozniak’s monograph. It noted the novelty and relevance of the monograph as well as a broad source base and its contribution to the historiography of the Civil War in the Far East of Russia.

Keywords: monograph, World War I, Civil War, Far East, everyday life

Article info: Received April 24, 2019; accepted for publication May 20, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Naumov I.V. Survival strategies in an era of change: a review of the monograph “The Daily Life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914–1922): Essays on History” by Poznyak T.Z. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 268–271. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-268-271

---

* Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток : Дальнаука, 2018. 712 с.

* Poznyak T.Z. Daily life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914–1922): Essays on History. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. 712 p.

В самом конце 2018 г. издательство «Дальнаука» Дальневосточного отделения Российской академии наук выпустило весьма объёмную монографию (более 57 печатных листов) Татьяны Зиновьевны Позняк: «Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории». Она была написана в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Гражданская война в России».

Монография посвящена очень актуальной и практически неизученной ранее теме. Как известно, в силу влияния причин идейно-политического характера в советский период истории глубокое изучение каких-либо аспектов Первой мировой войны вообще не поощрялось. После распада СССР по мере преодоления кризиса, охватившего отечественную историческую науку в начале 1990-х гг., историки стали проявлять все больше интереса к событиям этой «забытой войны», который нарастал по мере приближения её столетия. Стали появляться работы, посвященные и жизни российского тыла. Однако Дальний Восток по-прежнему оставался почти что «terra incognita». Еще хуже обстоит дело с изучением истории повседневной жизни в регионе в период Гражданской войны. Несмотря на огромное количество исторической литературы, написанной о Гражданской войне в целом и на Дальнем Востоке, в частности, в советский и постсоветский период эта тема выпадала из внимания историков, возможно, в силу её трудоёмкости и сложности изучения. В исторических трудах и мемуарной литературе можно было найти лишь отдельные отрывочные сведения о повседневной жизни населения в период Гражданской войны, преимущественно о дороговизне и товарном голоде. А между тем повседневная жизнь, обыденность являлась уделом подавляющего большинства населения России. Ведь непосредственно в Гражданской войне на стороне «красных», «белых» и всевозможных «зелёных» в той или иной форме участвовало не более 5 % жителей страны. Остальные 95 % независимо от того сочувствовали ли они «красным» или «белым», или «зелёным», или вообще никому были вынуждены приспосабливаться к быстро меняющейся политической и социально-экономической обстановке, чтобы элементарно выжить в условиях нарастающей разрухи.

Поэтому вполне понятен и заслуживает всяческого одобрения интерес, проявленный автором к этой сложной и почти неизученной теме. Вполне закономерным выглядит и выбор в качестве объекта исследования Владивостока. Как известно, этот город был самым крупным и экономически важным населенным пунктом российского Дальнего Востока, и его значение в жизни региона и всей страны в рассматриваемый период только возрастало. Можно вполне согласиться с автором, что Владивосток был уникальным городом, причем, по нашему мнению, не только для региона, но и для всей России. Именно здесь Гражданская война и иностранная военная интервенция продолжались наиболее долго. Здесь же, пожалуй, наиболее часто менялась политическая власть, причем её формы принимали самые причудливые и неповторимые конфигурации (как, например, весной 1920 г., когда в местной власти сложилась коалиция ком-

мунистов, их политических оппонентов – социалистов и их открытых врагов либералов – сторонников Белого движения). Наконец, Владивосток стал последним пристанищем всех беженцев от власти коммунистов и ужасов Гражданской войны. Все эти перипетии, несомненно, очень сильно влияли на повседневную жизнь населения.

Свое исследование повседневной жизни жителей Владивостока в ту переломную эпоху Т.З. Позняк ведет по нескольким направлениям. Прежде всего, она уделила большое внимание исследованию ее материальных аспектов. В монографии подробно и последовательно освещены и проанализированы инфляционные процессы и изменение цен на продукты и промтовары в городе в 1914–1922 гг., состояние и развитие (точнее деградация) городского рынка, а также влияние на эти процессы различных привходящих факторов и попытки властей как-то нормализовать жизнь Владивостока. Достаточно освещены в ней и процесс адаптации населения города к быстроменяющейся политической и экономической ситуации, способы его выживания в условиях разрухи.

На наш взгляд, особенно любопытен анализ т. н. «квартирного вопроса», который стал обостряться еще в период Первой мировой войны и достиг своего апогея в Гражданскую войну. Так, автор настоящих строк, хотя в свое время и занимался довольно обстоятельно историографией Гражданской войны на Дальнем Востоке и прочел практически почти всю историческую литературу о ней, изданную в советское время, а также белоэмигрантами, с удивлением узнал, что «политику уплотнений» как способ решения жилищной проблемы широко применяли не только коммунисты, но и их противники. В целом приведенные в монографии данные о состоянии и способах решения жилищной проблемы во Владивостоке убедительно подтверждают слова автора бессмертного романа «Мастер и Маргарита» М.А.Булгакова, что после революции «квартирный вопрос всех испортил».

Т.З. Позняк уделила внимание и вопросам организации и деятельности городской власти в рассматриваемый период. Хотя данную тему ранее в той или иной степени изучали и другие авторы, о чем говорится в монографии, но и не затронуть её было невозможно, поскольку это нарушило бы логику повествования. Так же она попыталась осветить ответную реакцию жителей города на те или иные действия власти и выяснить общее восприятие населением различных событий, происходивших во Владивостоке и в России в целом. Представленные в монографии материалы хорошо дополняют и характеризуют довольно объемные документы, содержащиеся в более чем 40 приложениях.

Следует отметить, что автор проделала колоссальную работу, изучив и использовав огромный массив документов в основном из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, а также очень активно привлекала уже опубликованные ранее источники, воспоминания, материалы периодической печати того времени и научные труды о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Все это позволило автору воссоздать довольно цельную и последовательную картину повседневной жизни различных социальных слоёв населения Владивостока в тот переломный период российской истории. Монография Т.З. Позняк, без сомнения, в значительной степени закрыла одно из «белых пятен» истории Дальнего Востока России и обогатила отечественную историографию истории Первой мировой и Гражданской войн. Вызывает сожаление только тот факт, что эта интересная книга издана небольшим тиражом – всего 300 экз. и не предназначена для продажи. По нашему мнению, монография Т.З. Позняк «Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории» будет интересна не только узкому кругу специалистов, но и всем, интересующимся историей того периода, особенно жителям Дальнего Востока и, прежде всего, Владивостока.

Сведения об авторе

Наумов Игорь Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор ка-

Information about the author

Igor V. Naumov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of

федры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: histor@istu.edu

Критерии авторства

И.В. Наумов провел научное рецензирование, обобщил полученные оценки и подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: histor@istu.edu

Attribution criteria

Naumov I.V. had got a scientific review, summarized the evaluations and wrote the manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 630(092)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-272-275

Геология как смысл жизни: рецензия на монографию «Судьба геолога» П.М. Хренова и О.А. Горощеновой*

© Н.А. Скорикова[a], А.Ю. Каркотко[b]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Вилейский краеведческий музей, г. Вилейка, Республика Беларусь

Аннотация: Представлена рецензия на монографию П.М. Хренова и О.А. Горощеновой «Судьба геолога», посвященную жизни и деятельности ученого П.М. Хренова. Дана краткая характеристика и оценка разделов, отмечена значимость публикации.

Ключевые слова: геология, металлогения, экология Байкала, AZOPRO

Информация о статье: Дата поступления 25 марта 2019 г.; дата принятия к печати 22 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Скорикова Н.А., Каркотко А.Ю. Геология как смысл жизни: рецензия на монографию «Судьба геолога» П.М. Хренова и О.А. Горощеновой // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 272–275. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-272-275

Geology as the sence of life: a review of the monograph Khrenov P.M. and Goroschenova O.A. “The fate of a geologist”*

© Natalia A. Skorikova[a], Andrey Yu. Karkotko[b]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation
[b] Vileika Museum of Local History, Vileika, Republic Belarus’

Abstract: A review of the monograph by P.M. Khrenov and O.A. Goroschenova “The fate of a geologist”, dedicated to the life and work of the scientist P.M. Khrenov. A brief description and evaluation of sections are given, the significance of the publication is noted.

Keywords: geology, metallogeny, ecology of Baikal, AZOPRO

Article info: Received March 25, 2019; accepted for publication April 22, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Skorikova N.A., Karkotko A.Yu. Geology as the sence of life: a review of the monograph Khrenov P.M. and Goroschenova O.A. “The fate of a geologist”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 272–275. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-272-275

---

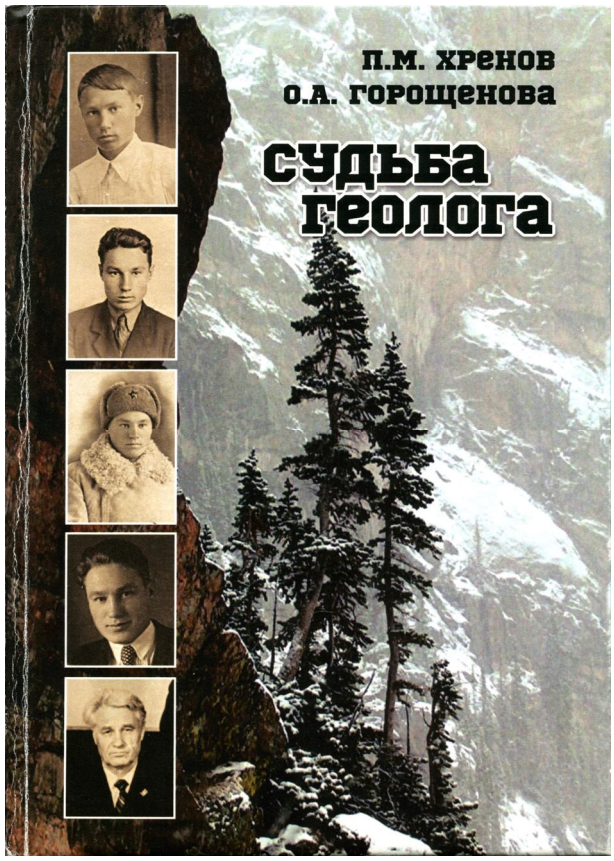
* Хренов П.М., Горощенова О.А. Судьба геолога : монография. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2018. 212 с.
* Khrenov P.M., Goroschenova O.A. The fate of a geologist: a monograph. 2nd ed., Rev. and add. Irkutsk: Publishing house INRTU, 2018. 212 p.

Жизнь и деятельность Петра Михайловича Хренова тесно связаны с Иркутском. Именно здесь он прошёл путь от студента Иркутского политеха до звания Почётного профессора Иркутского государственного университета и поста директора крупнейшего в регионе отраслевого института – Восточно-Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья. П.М. Хренов отмечен многочисленными наградами и регалиями: доктор наук, профессор, заслуженный геолог РСФСР, заслуженный деятель науки Республики Бурятии, обладатель ордена Трудового Красного Знамени, Знака губернатора «За заслуги перед Иркутской областью» и другими. В свое время он находился у истоков создания Института Земной коры СО АН СССР, сделал немало научных открытий в области геологии, имеющих мировое признание.

Его биография стала основой для монографии «Судьба геолога», которая была составлена в соавторстве с кандидатом исторических наук, директором музея истории ИРНИТУ Ольгой Анатольевной Горощеновой и опубликована в 2018 году в Иркутске. Работа над монографией была осложнена болезнью и последующей слепотой Петра Михайловича. Тексты приходилось записывать в прямом смысле со слов автора, много править и адаптировать к печатному варианту. В этом процессе активное участие принимали члены профессорской семьи как в качестве помощников автора, так и в качестве строгих критиков.

Описывая свои юные годы, П.М. Хренов уделил значительное внимание книгам, прочитанным еще в раннем детстве, увлечению географией и историей. Его восхищали первооткрыватели, захватывал дух приключений, манила романтика. Во многом это и предопределило в дальнейшем выбор профессии геолога. Описания природы, особенно озера Байкал, занимают особое место в воспоминаниях.

Первые пять глав биографии, посвященные детству, студенческим годам и началу научной карьеры, изложены в хронологическом порядке. Последующие девять глав повествуют об отдельных областях жизни и деятельности П.М. Хренова,



связанных с его научной работой, партийной карьерой, людьми, оказавшими влияние на его судьбу, общественной и педагогической деятельностью и увлечениями (охота, фотография, коллекция почтовых марок с темами природы, космоса, живописи).

Уже со второй главы «Студенческая жизнь» становится понятно, насколько Петр Михайлович хорошо помнит все свои походы и экспедиции. А ведь первая геологическая практика студента Иркутского горно-металлургического института состоялась еще в 1939 году. Именно тогда его привлек Котовский надвиг (вблизи села Большие Коты), с которого и началась карьера ученого.

П.М. Хренову не было 30 лет, когда он в статусе ученого секретаря горно-геологической секции научной конференции АН СССР в Иркутске познакомился с именитыми учеными-геологами. С этого момента он окончательно решил связать свою жизнь с научной деятельностью и Академией наук. Главной исследовательской темой стала проблема геологического строения и металлогении обширных регионов Западного Забайкалья.

Практически через всю монографию проходит сюжетная линия о развитии Иркутска в научном плане. Прежде всего, речь идет о становлении ВСФ Сибирского отделения АН СССР. Особенно острая получилась глава «Борис Евдокимович Щербина», посвященная организаторскому таланту и заслугам этого государственного и партийного деятеля. В ней автор откровенно пишет о безразличии, а порой и некомпетенции отдельных партийных работников и чиновников, бездействие которых во многом сдерживало этот процесс.

Монография содержит интересные факты, которые практически не затрагиваются в литературе. Например, проблема обеспечения молодых ученых жильем и другими социальными благами. Любопытен короткий рассказ «О дачах», о том, как на деле реализовывалась программа по строительству дач и распределению дачных участков передовым ученым в Иркутске.

Отдельная глава «Прорыв в западный научный мир – AZOPRO» посвящена установлению прочных связей иркутского научного сообщества с зарубежными коллегами. Сам П.М. Хренов в составе делегаций не раз бывал заграницей, а также участвовал в организации экспедиций с участием иностранных коллег на берега Байкала. Эта работа способствовала признанию огромного вклада в развитие геологии советских ученых.

Уже более тридцати лет Петр Михайлович Хренов напрямую интересуется проблемами воздействия на природу геолого-разведочных и горнодобывающих работ в Иркутской, Читинской областях и Бурятии. Борьба за спасение озера Байкал, исследование экологических проблем на теоретическом уровне и практическая организация мероприятий по их разрешению и предотвращению, поистине стали смыслом его жизни. Участвуя в конференциях, публикуя статьи, он обращал внимание на вредоносное воздействие печально известного БЦБК. И тогда и сегодня негативно отзывается о планах развития туризма на Байкале.

Свой личный опыт как ученого и как общественного деятеля он передавал молодому поколению в стенах Иркутского государственного технического университета (ныне Иркутский национально исследовательский технический университет) и Иркутского государственного университета. Длительное время возглавлял кафедру полезных ископаемых ИГУ. Им разработаны авторские курсы по экологии, которые до сих пор читаются студентам.

Воспоминания содержат главу «Судьбоносные встречи», посвященную людям, оказавшим, по мнению автора, наиболее сильное воздействие на его жизненный путь. Вместе с этим, в разделе «Комментарии» дана краткая, но порой весьма любопытная информация о представителях советской научной элиты как регионального, так и государственного и мирового масштаба. Среди них Н.П. Лаверов, В.А. Коптюг, Н.В. Воробьев, А.С. Барышев, Г.И. Галазий, Ю.В. Комаров и многие другие.

Следует отметить, с какой гордостью П.М. Хренов рассказывает о своей партийной карьере. Началась она в 50-е годы. Работа в партбюро в то время – весьма ответственная и сложная. Поэтому рассуждения о политике и своих политических взглядах органично встроились в уже упомянутую главу «Судьбоносные встречи». П.М. Хренов остается коммунистом, с большим сожалением вспоминает годы перестройки и развала СССР. Ответственность за беды, навалившиеся на нашу страну в средине 80-х – начале 90-х годов XX века, он возлагает на деятельность КПСС. И современное коммунистическое движение в РФ не осталось без его критики.

Название главы XVIII «Интервью с П.М. Хреновым» говорит за себя. Здесь собраны интервью, которые П.М. Хренов давал в разные годы. Беседы с журналистами охватывали самые разные темы: проблемы и перспективы развития страны и Иркутской области, особенности развития науки и организации научной деятельности в советский период, судьба крупнейших месторождений рудного золота в Бодайбинском районе…

Но в центре внимания всегда находились проблемы экологии нашего региона. Петр Михайлович со свойственной ему прямотой говорит о несовершенстве законодательства в области экологической политики, о недобросовестности депутатов и чиновников. Его искренне удивляет и возмущает по-

зиция местных властей, которые в первую очередь мечтают о получении прибыли за счет красот и ресурсов Байкала, не осознавая, какой непоправимый вред они наносят.

Глава XV «Коллеги и ученики о П.М. Хренове» существенно дополняет автобиографические сведения живыми и теплыми воспоминаниями людей, с которыми была связана жизнь Петра Михайловича.

Монография «Судьба геолога», безусловно, заслуживает внимания тех, кто желает посмотреть на отдельную сферу развития нашего края в XX – начале XXI века глазами человека, бывшего в гуще событий. Несмотря на признание автора, что увлечение карьерой иногда мешало научной деятельности, его заслуги перед наукой и педагогикой высоки. Жизненный путь Петра Михайловича Хренова чрезвычайно интересен и может служить для современной молодёжи примером целеустремленности, добросовестного отношения к профессии, активной жизненной позиции и гражданской ответственности.

Сведения об авторах

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Каркотко Андрей Юрьевич,
магистр политических наук, научный сотрудник Государственного учреждения «Вилейский краеведческий музей»,
Республика Беларусь, 222410, Минская область, г. Вилейка, площадь Свободы, 1. Музей,
e-mail: karkotko@tut.by

Критерии авторства

Н.А. Скорикова, А.Ю. Каркотко провели научное рецензирование, обобщили полученные оценки и написали рукопись, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Natalia A. Skorikiva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Andrey Yu. Karkotko,
master of political science, staff scientist of Vileika museum of local history,
Museum. 1, ploshad' Svobody, Vileika, Minsk region, 222410, Republic Belarus',
e-mail: karkotko@tut.by

Attribution criteria

Skorikiva N.A., Karkotko A.Yu. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 1200–1400 печатных знаков, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Journal of Ancient Technology Laboratory" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.

2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;

2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.

2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. ***Abstract*** should consist of 1200–1400 symbols, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.

2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.

2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 2 (31) 2019

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 25.06.19. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 35,5.
Тираж 500 экз. Заказ 162. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83